ИЛ

ТИМ ЛОТТ

Штормовое предупреждение

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

Литература нашего века

©



[Все идет, как идет – и надо. Вот по какому принципу заполняется вакуум жизненного пространства, хотя остальные могут чего-то так еще выбирать. Мечты Чарли настолько непритязательны, что их не замечает даже его собственное сознание.]

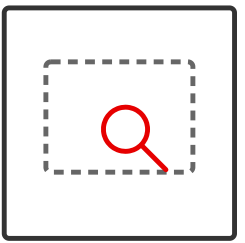
Штормовое предупреждение
Тим Лотт

Аннотация
Тим Лотт. Штормовое предупреждение
Пролог
Часть первая Лондон
1
2
3
4
5
6
7
8
Часть вторая Новый город
9
10
11
12
13
14
15
16
17

18
Эпилог

Аннотация

"Штормовое предупреждение" — роман Тима Лотта, посвященный эпохе 80-х.



Тим Лотт
Штормовое предупреждение

Посвящается Джеффу Лотту,
моему рассеянному другу

Tempora mutantur et nos mutamur in illis
(Времена меняются и мы меняемся
вместе с ними)

Пролог

Тысяча девятьсот девяносто первый год. Зима. Новый город. В одном из городских офисов за письменным столом сидит женщина, что-то пишет. Кабинет ее расположен в одной из двух комнат типовой будки-кубика, которая угнездилась в восточном торце небольшой парковочной площадки. Из окна кабинета видна целая когорта машин, их лакированные бока тускло посверкивают под лучами холодного солнца. У каждой на кузове — пластиковая красно-сине-белая нашлепка — "М. и П. Автошкола".

Женщина, оторвавшись от своих записей, смотрит в окно, по-хозяйски снисходительно разглядывая машины. Чуть дольше ее взгляд задерживается на самой новой: "форд-фиеста", кобальт, последняя модель. Этот "форд" особый, они получили его только сегодня, двадцатый их автомобиль. "20". Ей нравятся очертания этих цифр, соблазнительно гладкие, округлые, они ассоциируются с прохладным зеленым мраморным шариком.

Тут из серой бетонной коробки, нависающей над западным торцом парковки, как раз напро-

тив окон ее кабинета, выходит инструктор и устремляется к одной из аккуратно поставленных машинок. Женщина слегка раздосадована, хотя понимает, что его вторжение в идеальное каре неизбежно и, наоборот, замечательно, еще минута — и машинка выкатывается из ряда, чтобы подхватить первого сегодняшнего клиента. К середине дня площадка окончательно опустеет и только к позднему вечеру наполнится вновь. Примерно так же работают легкие: утром машины — это углекислый газ, который следует исторгнуть, а вечером, обогатившись прибылью, они возвращаются уже как живительный кислород.

Подобные городки, где каждому требуется машина, в Европе давно считаются самыми перспективными для такого бизнеса, то есть без шоферских прав тут как без рук. Население, разумеется, будет расти, и соответственно — количество клиентов. Да, это великолепно, но все равно ей было жаль, что безупречный прямоугольник (ведь с появлением двадцатой четыре ряда по пять машин образовывали именно такую фигуру) теперь испорчен.

В облике самой женщины, смакующей это столь эфемерное геометрическое совершенство,

нет ни намека на аскетизм, которого поневоле ожидаешь от любительницы математических изысков и безупречно симметричных конфигураций. Наоборот. Натуральный загар, привезенный из недавнего отпуска за границей, лишь слегка подправлен дорогим тональным кремом. Вообще эту женщину отличает плотность, основательность во всем облике. Массивная золотая цепочка, толстый слой крем-пудры, тяжеловатые бедра, густо накрашенные губы. Ни намека на суровую угловатость прямоугольников. Дама весьма зрелого возраста, но вполне энергичная и довольная собой. Ярко-красный костюм с черным воротником и небольшими "плечиками", удобные туфли на среднем каблуке и серьги от "Шанель" — весьма дорогая бижутерия. Волосы каштановые с рыжим отливом, глаза ласковые, но, если присмотреться, очень властные и цепко все подмечающие. На столе перед дамой лежат два объемистых гроссбуха в переплетах из тисненой кожи, точно в тон той, которой обит стол. Указательным пальцем правой руки она машинально чертит какие-то цифры на покоящемся слева гроссбухе, словно любовно его утешает перед тем, как нарушить божественно совершенную симметрию и его очертаний, перед тем,

как непочтительно его распахнуть и выудить необходимые данные.

Звонит телефон, но дама даже не смотрит на него, в конце-то концов, еще только восемь, и она имеет право допить кофе со свежим датским пирожком, купленным в одном из соседних магазинчиков, где торгуют горячей выпечкой. Дама принимает решение: если телефон прозвонит десять раз, она, так и быть, снимет трубку. Одиннадцатый: она снимает. В трубке раздается северный мягкий выговор:

— Это миссис Бак?

— Да.

— Доброе утро, миссис Бак. Это Джули из "Бритиш телеком". Извините за беспокойство, но, может быть, вас заинтересуют сведения о новых услугах, которые собирается предоста…

— Нет, нет, извините, вы ошиблись.

— Прошу прощения, но…

— То есть это я ошиблась. Я не миссис Бак.

— Тем более прошу меня простить. И хотя вы сказали, что вы не…

— Я была ею.

— О-о…

— Но больше я не миссис Бак.

Морин вешает трубку. Интересно, долго она

еще будет отзываться на "миссис Бак"? Поскорее бы избавиться от этой привычки. Теперь у нее другая жизнь, которая вполне ее устраивает. Жизнь действительно другая, свежая и пышущая теплом, как этот пирожок, от которого она откусывает маленькие кусочки и потом, осторожно прижимая салфетку, врученную вместе с пирожком, вытирает края губ. Морин шумно втягивает остатки кофе и причмокивает — тут никто не увидит, как куда-то подевались ее безупречные манеры, которые она в молодости столь мучительно в себя впихивала. Допив, она посмотрела на гроссбухи и открыла тот, который поглаживала. Она не сомневалась, что свеженькие данные, скрытые под тисненым переплетом, отменно хороши, иначе и быть не может.

В этот самый миг, когда Морин открывает гроссбух, примерно в пятидесяти милях от ее офиса на обочине перед эстакадой, ведущей в Лондон, переминаясь с пятки на носок и с носка на пятку, стоит мужчина. Он уже минут шесть раскачивается таким манером вперед-назад. Здесь на небе никаких проблесков солнца, оно обложено тучами, и моросит нудный дождь.

Люди, спешащие мимо к станции подземки, стараются на этого мужчину не смотреть. Его

неприкаянность, пугающе бессмысленная улыбка и нелепые раскачиванья явно нездорового, измотанного тела заставляют насторожиться, все тут же делают вывод, что человек слегка не в себе, и предпочитают его не замечать. Между тем улыбка мужчины становится еще шире, с губ срывается даже что-то похожее на смешок, который, впрочем, заглушен шумом ползущего по тоннелю поезда метро.

Улыбка вдруг исчезает. Мужчина подносит к губам жестяную банку, крепко стиснутую в левой руке, и делает большой глоток. Опустошив жестянку, яростно ее сплющивает и бросает в лежащую рядом кучку из шести таких же искореженных. Он перестает раскачиваться. По лицу его разливается спокойствие. Мужчина закрывает глаза.

На лице его, теперь абсолютно отрешенном, сразу резче проступают все изъяны и уроны. Красные ниточки сосудов змеятся по скулам и по носу, под глазом — остатки кровоподтека. Сальные волосы, слипшиеся от грязи, стоят торчком, будто намазанные гелем, они напоминают обломанные перья на спине у раненого голубя. Углы тонких губ опущены вниз. Выражение лица не то чтобы печальное, такое бывает у людей,

которым дали наркоз. Пароксизму оживления уже не под силу распялить этот скорбный рот в широкой улыбке, чтобы продолжить пантомиму веселья, изобразить улыбку, вызванную какой-то неведомой шуткой, предназначенной докучливому дождю.

Глаза мужчины все еще закрыты. Люди, идущие мимо, почти бегут. Дождь усиливается, водяную завесу ветер сносит внутрь, под эстакаду. Но мужчина не трогается с места, хотя к перрону подошел очередной поезд.

Его одежда насквозь промокла, сырость лишила ее красок, сделав не то чтобы бесцветной, но однотонной, без малейших намеков на оттенки. Это был цвет тайного далекого мира, отделенного невидимой гранью от мира, его окружающего.

Губы мужчины вдруг дрогнули в некоем подобии улыбки. Глаза снова приоткрылись. Они были как пустота. Когда-то васильковые, теперь они стали такими же, как одежда, — тусклыми и словно вылинявшими. Но вот в этой тусклости на миг вспыхивает лучик — всполох былой синевы — на уровне зелено-синей части цветового спектра, немое послание, которое некому прочесть. Веки приоткрываются чуть шире. Затем мужчина снова закрывает глаза. И делает шаг вперед.

Чтобы на него не натолкнуться, поток пешеходов резко изгибается в сторону, поневоле реагируя на возникшее препятствие.

Лавина автомобилей катится и катится по шоссе, "дворники" на ветровых стеклах сражаются с ливнем, прилежно чередуя моменты ясности и мути. Когда подходят поезда, их вой сливается с ворчанием моторов, и тогда мощная стена из шумов перекрывает все человечьи голоса, заставляя разговаривающих друг с другом надрывать связки. Автомобиль и поезд, поезд и автомобиль, отлаженный ритм действия равнодушных механизмов. Промокший человек продвигается еще на один шаг. Поток пешеходов автоматически еще сильнее отклоняется в сторону.

Немного постояв, человек подходит к краю тротуара и останавливается, выжидая, когда голоса поездов и машин сольются в заглушающем все прочие звуки и ощущения дуэте. Таково условие, поставленное им самому себе, бессмысленное и запредельное: в момент оглушительного рева моторов и скрежета рельсов. И тогда все пройдет как по маслу. Поезд 8.03 запаздывает. Что-то там у них стряслось, в Стратфорде.

Наконец он слышит, что поезд приближается. И непроизвольно сглатывает. И еще раз,

потом на миг зажмуривается. Хотя он очень, очень пьян (до такой степени — впервые за эти полтора года), неожиданно откуда-то из самого нутра прорывается страх. И поэтому очередной шаг — уже на дорожное полотно — получается смазанным, недостаточно уверенным, смутная тень размышления заставила мужчину на долю секунды замешкаться. И в результате несущийся мимо грузовик подминает его не полностью, а пропарывает наискосок вдоль плеча и ниже, не доехав спасительных двадцати футов. Поэтому вместо теплой, баюкающей, такой желанной тьмы его настигает какофония прорвавших забытье импульсов боли.

Уличная толпа, еще секунду назад такая монолитная, такая старательно-равнодушная, видящая только собственные, заранее намеченные горизонты, вдруг устремляется к этому человеку, словно хлещущий дождь добавил всем бегущим адреналина. Человек слышит собственное надрывное верещанье, он слышит журчание и бульканье голосов вокруг, какие-то слова, невнятные и обессмысленные его теперешними мучениями.

Боли не удалось его прикончить, но если бы только это… Она заставила его ощутить себя

живым, как никогда прежде, осознать смысл древнейшего и строжайшего приказа, закодированного в генах: выжить! Его крик исторгался откуда-то из неведомых прежде ему самому глубин, о существовании которых он даже не подозревал. Мертвое оцепенение вмиг слетело с души. В первый раз, сколько он себя помнит, именно в момент, выбранный им самим для смерти, ему вдруг захотелось жить. Но он уже был не в состоянии оценить эту зловещую иронию.

"Скорая" все никак не едет и не едет. Когда миновало первое потрясение, когда событие было сотни раз пересказано, с упоминанием множества несообразных с масштабом трагедии деталей, все более и более искажаемых, собравшимися овладели растерянность и смущение. Одни (и таких большинство) выбираются из толпы, не желая, чтобы из-за этого обреченного уже пьяницы рухнули все их планы, по пунктам расписанные в блокнотах с отрывными листками. Другие как завороженные смотрят на кровь, хлещущую из ран на голове и на груди, и на то, что осталось от правой ноги. Шок уже миновал, сменившись неодолимой потребностью поглазеть. Третьи — в ступоре, именно оттого, что понимают: надо срочно что-то делать.

Однако просто взять и уйти кажется этим третьим более неприличным, чем остаться. И теперь они смущенно переминаются с ноги на ногу и обмениваются тревожными репликами, не способные предпринять ничего более полезного. Было желание уйти, но умирающий человек — слишком редкостное зрелище; и в то же время хотелось уже избавиться от этого кошмара, выскользнуть в привычную жизнь, сплавить этот эпизод в дальний закоулок памяти, а потом и окончательно забыть.

Некоторые из жаждущих, но не способных помочь пытаются разговаривать с изувеченным горемыкой, стремительно теряющим жизненные соки. Однако слова их ничтожны и нелепы, и не могут быть иными в данной ситуации.

…Что у вас болит?.. "Скорая" сейчас подъедет… Вы можете пошевелить ногой?.. Ты еще оклемаешься, парень, не боись…

Эта последняя бодренькая фраза звучит особенно фальшиво, категорически опровергаемая грудой распростертых на потрескавшемся и залитом кровью асфальте останков. Ее произносит водитель грузовика, ошеломленно вылупив глаза: всего несколько минут назад он и не подозревал, что ему суждено убить человека. Он везет

пластиковые канистры на фабрику кормов в Уэйкфилд. Чувствуется, что он искренне переживает, но тем не менее очень боится опоздать. Он достает сигарету, зажигает ее и почти сразу гасит. Достает, только чтобы хоть чем-то себя занять.

Наконец раздается вой сирены. Волна облегчения прокатывается по сборищу зевак; им уже не терпится, чтобы их избавили от гнетущей ответственности за происходящее. Но вскоре выясняется, что это завывает полицейская машина, которая мчится куда-то совсем по другой надобности. Она проносится мимо, и завыванье постепенно стихает.

Часть правой ноги ниже колена почти оторвана. Видны осколки кости, неожиданной, ужасающей коралловой белизны. Кто-то из зевак не выдерживает, и к звукам тревожного бормотанья, рева моторов, крика чаек, рокота низко пролетающих самолетов прибавляются булькающие рулады — зеваку рвет. Машины несутся, как и прежде, не сбавляя скорости, сидящие за рулем все, как один, начинают беситься, увидев на зигзаге разворота грузовик.

Наконец "скорая" действительно подъезжает. Заходится в вое сирена, сверкают фары, печальная кавалькада несется сквозь дождь, с визгом

несется к месту, где случилось то, что в водительской путевке будет потом фигурировать как "дорожный инцидент". Нейтральное, не содержащее ни грана боли словосочетание.

"Скорая" останавливается позади грузовика. Появляются двое медиков в желтых, слабо светящихся жилетах, надетых поверх униформы. На залитое кровью место происшествия они смотрят спокойно, никакого шока или отвращения. Вероятно, обоим кровавое месиво не в новинку.

Они приступают к делу. Им достаточно одного взгляда, чтобы определить дальнейшую тактику действий. Тот, что повыше, с красным и сердитым лицом, сообщает по рации в больницу, что они будут через пятнадцать минут и чтобы хирург был наготове. Несмотря на свирепый вид, голос у него спокойный, даже мягкий. Свирепость — только видимость, на самом деле он добрейший человек, ему уже невмоготу терпеть все эти ужасы, из которых состоит его работа.

Его напарник, помельче калибром и помоложе, приближается к содрогающейся глыбе мяса на тротуаре. Он что-то шепчет пострадавшему, достает из сумки шприц, ампулу, тампон, делает укол. Тот немного успокаивается. Он теперь не кричит, а протяжно стонет, но все равно весь

дрожит от ужаса: наркотик не может нейтрализовать первоначальный приказ, отданный инстинктом выживания.

Спустя несколько минут он уже на носилках, на правую ногу наложен жгут, часть ее лежит почти отдельно, такое ощущение, что ее положили туда после, забыв приставить. Обоим медикам ясно, что ногу уже не спасти. И еще им ясно, что этому пациенту, которого они запихивают сейчас в утробу своей машины, очень скоро вообще никакая помощь уже не понадобится. Промается денек, от силы два. А может, ни одного — и тогда придется зафиксировать "летальный исход во время транспортировки".

Старший машинально прикидывает, что тут сгодится в качестве донорских органов, но, спохватившись, едва сдерживает смех — над собой. Наверняка сплошные переломы, возраст: по виду пятьдесят с лишним, да еще, судя по физиономии, вел бурную жизнь, значит, смело добавляй еще десяток лет, в смысле изношенности организма.

С донорскими вообще одни проблемы. То сердце все еще бьется, то на почках серый налет, губчатая ткань легких всегда или слишком жесткая, или слишком дряблая, то перфорирована, то кальцинирована, с признаками жирового пере-

рождения. Разве что печень иногда… Нет. Стоп. Никакой поножовщины. Ни один пациент, пусть даже умирающий, совсем безнадежный, совсем бездыханный, подключенный к искусственной почке, ни за что не согласится расстаться ни с одним из своих органов.

Путешествие в больницу обходится без всяких эксцессов. Только спугнули сиреной нескольких зевак, жадно разглядывающих побуревшие кровавые пятна, стыдливо, но с удовольствием щекочущих себе нервы трагедией. Экипаж "скорой" подсчитывает, сколько еще времени до конца их смены. Человек на носилках бредит. Его мысли похожи на осколки стекла. В каждом осколке что-то отражается, но все эти отражения, хоть в принципе и связанные друг с другом, никак не соединятся в общую панорамную картину. Он думает о бульваре с вертикальными черточками тисов по краям. Он думает о женщине с каштаново-рыжими волосами, которая вынимает из микроволновки голую индюшку со скрещенными ножками. Женщина улыбается, но вид у нее несчастный. Он думает о жаркой, душной комнате и о барометре в форме испанской гитары. Он слышит мощный каскад звуков — целый оркестр струнных.

В больнице носилки тут же окружает толпа врачей и медсестер. Какая-то часть его существа чувствует благодарность за такое внимание, которое немного даже лестно. Мелькает мысль: давно его не баловали подобными почестями. Раны возвышают. Люди сразу начинают относиться к тебе с уважением.

Вскоре после того, как его выгрузили, он потерял сознание — ему дали наркоз. Хирург, которому перевалило за шестьдесят, с циничным отвращением к жизням, неотвратимо утекающим сквозь его пальцы, еле находит нужную точку для иссечения. Лишь его спасительный нож, столько раз вспарывавший пьяниц и уличных бродяг, с их безнадежно разрушенными внутренностями, лишь его мудрый скальпель удерживает хирурга от бессмысленной траты времени на раздумья о более достойных человеческих экземплярах, о тех, кого довела до падения настоящая беда, а не собственное безволие. Он ненавидит то, что вынужден спасать; бесполезная работа, бессмысленная трата сил.

Ведь ясно, что этому экземпляру не выжить. Задеты жизненно важные органы. К чему суетиться? Он удаляет ошметки бывшей ноги — как положено, потом снова укрывает пациента,

втайне надеясь, что на мониторе вот-вот появится безжизненно ровная прямая. Но слабые толчки пульса продолжают выписывать острые зеленые зубцы. Значит, одна из больничных коек опять будет занята напрасно.

Прооперированного отправляют в реанимационный блок. При нем имеется государственный страховой полис на имя Уильяма Бака, но никаких родственников выудить в архивах не удается. С его запястья снимают разбитые вдребезги старомодные, со стрелками, часы. На крышечке с обратной стороны надпись: "Року от Мо".

В бумажнике, изъятом из кармана, денег нет, там лежит только обтрепанная пожелтевшая газетная вырезка, старый некролог, озаглавленный: "Прощайте, мистер Музыка". Санитар, распоряжающийся вещами пациентов, рассудил, что это просто завалявшаяся бумажка, и швырнул ее в мусорную корзину, стоящую рядом с ванной, где отмокали использованные простыни.

Никто не присутствовал при предсмертной коде, завершающей жизнь Чарлза Уильяма Бака. То есть почти никто. Ибо вскоре по палате запорхали профессиональные ангелы смерти. Ангелами смерти становятся, как правило, женщины, причем побуждают их к этому довольно

сложные чувства. Безусловно, стремление облегчить страдания умирающего, но заодно — и свои собственные, поскольку эти женщины чувствуют, как сами умирают, только постепенно и незаметно. К тому же они ищут возможность доказать себе, какие они хорошие. Добравшись до середины жизни, они стремятся почувствовать себя еще хоть кому-то нужными, теперь, когда дети их разъехались по университетам или уже успели сделать первые шаги блистательной карьеры. Ангелы семенят от одной кровати к другой, высматривая, где намечаются хоть какие-то проблески сознания, выискивая, что бы им такое облегчить.

Одна из ангелиц останавливается у одра Чарли Бака. В его палате включено радио. Передают речь премьер-министра, обращение к нации, он призывает сограждан быть готовыми к войне в Персидском заливе. Ангелице пятьдесят три года, она жена окружного судьи, взгляд ее отрешен и полон скорби. Она садится на край матраса. Пациент подключен к искусственному легкому, и среди густой паутины из прозрачных трубок, через которые нагнетаются и удаляются разнообразные лекарства, он — вернее, то, что от него осталось, — выглядит каким-то лишним.

Женщина разговариваете искореженным пациентом, прикрытым простыней, его лицо искажено трубками и тусклой патиной прожитых лет — ему шестьдесят один. Часть лица, оставшаяся неповрежденной, выдает жизненный крах: это типичный алкоголик.

Откуда у него эта печаль и это безумие? Ангелица приноровилась облегчать души, десятки раз она точно так же сидела рядом с оглушенными спиртным, слегка смущенными мужчинами и женщинами, которые называли свои имена и признавались в своих слабостях: я алкоголик, я наркоман, я сам виноват в том, что я здесь.

— Чарлз Бак, — говорит она так тихо, что даже человек в полном сознании наверняка ее бы не услышал. — Можно, я буду называть вас просто Чарли?

Она ждет несколько секунд, представив, что он ответил "да".

— Так что же случилось, Чарли?

А ведь он был когда-то маленьким мальчиком, думает она, бегал в угловой магазин за конфетами, клал голову на колени своей мамочки. При мысли об этом глаза ее чуть увлажняются. Ангелица сентиментальна. Сюда ее заманила перспектива получать яркие эмоции, что-то вро-

де активного отдыха.

Поразительно, но пациент, похоже, откликается на ее призыв. Пытается ответить. Вот только слова (если она, конечно, не ослышалась), произнесенные этими распухшими, едва шевелящимися, пересохшими губами, не похожи на осмысленную речь. Ангелица ничего не может понять, несколько секунд напряженно вслушивается, а потом решает, что ей просто показалось. Какие еще слова? Чарли в глубочайшем забытьи.

Больше ни звука. Все остальные непроизнесенные и непреодолимые для немощных губ слова остаются при нем, тонут в сгустившейся темноте.

Дама поднимается, увидев краем глаза, что парень, лежащий через три кровати, жертва драки, вроде бы пришел в себя. Радио чуть примолкло, и сразу стали слышны механические и электрические звуки приборов, противоборствующих с природой, пытающихся продлить жизни лежащих тут людей.

Джон Мейджор[1] завершает свою речь. Чарлз Уильям Бак слышит слова, но не понимает их, а

---

[1] Примечания: 1

Джон Мейджор (р. 1943) — английский политический деятель, консерватор. С1990 по 1998 г. — премьер-министр. (Здесь и далее — прим. перев.)

в следующий миг из-за резких скачков на мониторе электрокардиографа на сестринском посту раздается сигнал…

Часть первая Лондон
1

Третье мая 1979 года. Истина, ежедневно являющая нам свою непреложность, сейчас, в двадцать первом веке, протискивающаяся в нашу жизнь сквозь любую щелочку, любую лазейку, пока еще пребывает в статусе тайны, что здорово облегчает существование. И эта непознанная истина такова: все изменяется. Неотвратимо изменяется. Нам, стоящим на краю откровенно и постоянно рушащегося под ногами обветшавшего мира, сложно теперь представить, что в конце семидесятых эта очевидность еще пряталась под привычным старым ковриком. Хотя об нее и тогда уже многие спотыкались и, рухнув, растерянно озирались, не понимая, почему они брякнулись, набив шишку на лбу и разодрав колени. Кто бы мог подумать, что Англия конца семидесятых будет казаться настолько чужой. Узнаваемой, конечно, но с большим трудом. Поразительный феномен, ведь с тех пор прошло всего каких-то двадцать с лишним лет.

Инфляция, переход на десятичную систему,

трехдневная рабочая неделя, хаос в производстве, скачок цен на нефть, ирландские террористы приносят в кейсах и пакетах бомбы на английские улицы, подкладывают их в урны. Эпоха, наполненная (как, впрочем, и любая другая) роковым нарастанием отрицания всего и вся, нетерпимости. Происходит много всякого разного, это факт, но люди предпочитают утешаться фактами гораздо более весомыми, основательными и приятными — по большому счету все идет по-старому. Королева по-прежнему на троне и по-прежнему любима всеми подданными, за исключением горстки горластых панков. Англия частенько спотыкается, но все еще хорохорится. Профсоюзы воюют с собственными начальниками и с правительством; когда обе стороны не могут прийти к единому решению, вмешиваются тори или лейбористы. Кофе — растворимый. Хлеб продается уже нарезанным. Погода дождливая. Машина (у Чарли Бака) — "триумф-толедо", модель 1973 года, цвет сливовый, стартер постоянно заедает.

Сегодня, третьего мая, Чарли задействован в забастовке. Чарли, как когда-то его отец, работает наборщиком в корпорации "Таймс". И также, как когда-то его отец, участвует в забастовках, это,

в сущности, уже традиция, ритуал. Они никого особо не пугают и не удивляют. Хотя по поводу этой забастовки сокрушаются и политики, и граждане, которые нынче не бастуют, и газеты, но таковы особенности жизненной фактуры на данный исторический момент в данной стране. Нет, нас никогда не оставит тяга к промышленным переворотам, и никогда не перестанут расти цены, и пиво всегда будет теплым и темным, с металлическим фабричным привкусом. Если в Англии и существует общенародная вера, то это вера в незыблемость традиций и привычек.

Чарли Бак время от времени дышит на пальцы, пытаясь их согреть: холод страшный, весна называется… Чарли уже семь с лишним часов мается в пикете, выстроившемся на Грейз-Инн-роуд. Посреди мостовой чадит жаровня с тлеющими углями, прямо напротив входа в офис, где обитают начальники их газеты.

Как и большинство его соотечественников, Чарли знает все заранее, и потому его гложет нетерпение, порожденное предсказуемостью происходящего. Поначалу забастовка (на этот раз они что-то долго волынят) всегда воспринимается как развлечение, пусть и на любителя. Смутно припоминается война: та же уверенность

в неизбежности победы, даже в самые опасные моменты; причем, как ни странно, именно в эти моменты война казалась особенно томительноскучной, ведь еще столько времени надо ждать, пока все свершится, пока победа будет за нами...

И здесь тоже победа будет за ними, за пикетчиками. Начальство уступит. Куда оно денется? Так было и так будет всегда. Уступит, а Чарли и все остальные получат деньги за дни простоя, и жизнь пойдет как раньше, по накатанной колее.

Чарли смотрит на часы. Пора уж и домой. Он собирает свои пожитки, прячет в полиэтиленовый пакет остатки сэндвича, приготовленного женой, термос с кофе и книжку Сидни Шелдона. Он поводит застывшими плечами и поднимает руку — всем общий привет — их человек семь. Они в ответ бормочут: "Ну, будь". Двое тоже поднимают руку. Одна рука черная — это их карибский африканец, высокий малый лет пятидесяти с лишним, чуть сутулится, курчавая шапка волос тронута сединой. Рука искалеченная, без среднего и указательного. Вторая рука принадлежит молодому парню в джинсах, дымящему самокруткой. Пиджачок в "елочку" висит на нем, как на вешалке, изрядно поношенный. Тем не менее часы у этого

сопляка будь здоров, "Ролекс".

— Пока, Снежок.

— Пока, Чарли. Ты у нас молодцом, парень.

— Майк!

— Не забудь проголосовать. У них там эта лавочка до десяти.

— Мне без разницы кто, один черт, — бурчит Чарли.

— А как насчет картишек? — спрашивает Снежок.

Чарли переводит на него взгляд, поскольку Снежок смотрит на него вопрошающе.

— А что, кто-то собирается играть? — интересуется Майк.

— Мне надо идти, — говорит Чарли.

Он разворачивается и бредет к автобусной остановке и, уже не оглядываясь, вскидывает согнутую в локте руку: до завтра.

— Так что насчет картишек? — спрашивает Майк.

Но Снежок молча направляется к другому краю пикета.

--

Тем временем в пяти милях от бастующих жена Чарли, Морин, бежит по дорожке маленького городского парка. Этот маршрут уводит ее прочь

от муниципальной квартирки, в которой она обретается вместе с Чарли и их сыном Робертом. На Морин нейлоновый тренировочный костюм, голубой, и белые спортивные тапочки. Легкие ее при каждом вдохе печет огнем, ноги сводит от боли. Еще немного, и она дотру-сит до пруда, где обычно дети катаются на лодках, но сейчас вода спущена, и там одна зеленая жижа, а у пруда Морин развернется и побежит назад, к дому.

Это самый противный момент, потому что больший кусок маршрута еще впереди, и все тело протестует. Но она не поддается бунту. Она крепче сжимает губы и прищуривает глаза, чтобы лучше видеть пруд, до которого, как ей кажется, еще бежать и бежать. Она слышит свое надсадное пыхтение, чувствует, как в такт ударам подошв о землю подпрыгивают и опадают груди.

Она пробегает мимо молодой женщины, которая катит вдоль бетонных тумбочек детскую коляску, сидящая там малышка нежно целует розового кролика. Завидев Морин, она протягивает ей игрушку. Несмотря на усиливающееся жжение в груди, Морин улыбается и машет рукой. Девчушка улыбается ей в ответ и роняет кролика в лужу — раздается горький плач. Морин останавливается, чтобы поднять кролика, протягивает

его девочке.

Теперь можно бежать дальше. Пруд все ближе. Детский турник и лесенка, врытые в землю чуть правее от пруда, оккупировали чайки, сколько же их тут… Морин чувствует, как в горле першит от солоноватой мокроты, она воровато озирается и сплевывает в урну, но промахивается. Снова останавливается и, достав бумажный платок, аккуратно вытирает плевок, потом бросает смятый комок в пасть урны.

И снова в путь. Пруд делается все больше. Так и тянет рухнуть на скамейку, передохнуть, отдышаться. Но в журнале сказано, чтобы не меньше двадцати минут подряд и минимум четыре раза в неделю. Только так можно активизировать обменные процессы и вывести продукты метаболизма, с годами накапливающиеся в организме, а когда бежишь, надо, чтобы немного саднило легкие. Морин не желает выглядеть как типичная дамочка средних лет, ни в коем случае.

Ей тридцать восемь, она на десять лет моложе своего благоверного.

Вот и он, желанный берег, она разок обегает вокруг пруда и устремляется в обратный путь. Все мышцы уже не просто ноют, они воют от колоссальной нагрузки, но зато психологически теперь

намного легче. Морин даже немного прибавляет скорость. Навстречу бредет женщина с сумкой на колесиках, Морин узнает свою соседку…

— Здрасте, миссис Джексон.

— А-а, Морин. Так это вы. А вы слышали, что…

— Простите, очень спешу. С минуты на минуту придет Чарли. Надо сделать ему чаю.

— Вы осторожнее, не ровен час, споткнетесь.

— Я постараюсь.

Она делает рывок и смотрит на часы. Чарли явится не раньше чем через час. Он обычно не торопится. Надо бы сегодня приготовить что-нибудь оригинальное. А то Роберт ворчит, что у нее никакого воображения.

Она выбегает из парка на улицу, и ей под ноги вдруг с лаем кидается собачонка. Морин тут же останавливается, хотя помнит, что резкая остановка нежелательна, поскольку "значительно уменьшается эффективность". Ну и ладно. Морин гладит песика, треплет густую шерсть. Рядом вход в овощную лавку.

— Ко всем пристает, недоумок поганый.

— Он у вас симпатяга, Фрэнк. Вы бы лучше за ним присматривали.

— Говорю же, недоумок. А что вы тут делаете?

— Угадайте.

— Я не смогу. Бежите куда-то.

— Правильно.

Она снова делает рывок. Фрэнк, он хороший человек, но иногда недовешивает. За всеми нужен глаз да глаз.

Дышать становится все труднее, но надо как-то продержаться еще несколько сотен ярдов. Морин задыхается, в коленках противная дрожь. У порога ее сторожит целая свора мальчишек. Завидев Морин, они глумливо хихикают. Она останавливается, чтобы их отчитать, но никак не может отдышаться. Мальчишки с торжествующим хохотом разбегаются. Ничего, она знает, где кто живет. После она скажет пару ласковых родителям этих милых крошек.

Еще чуть-чуть — последние сто ярдов, не расслабляться! Она снова смотрит на часы. Ровно двадцать минут. Есть! Морин переходит на шаг. На крыльце стоит Роберт с дымящейся сигаретой. Он тощий, росту в нем пять футов десять дюймов, рыжая грива не расчесана. Ему восемнадцать, но выглядит старше. Он ухмыляется.

— Ой, смотри, добегаешься.

— Я и хочу добегаться — до приличного вида.

— Добегаешься, — говорит Роберт, сильно затягиваясь сигаретой. — Прогресс уже налицо.

--

Чарли бредет несколько сотен ярдов к автобусной остановке. Только через двадцать пять минут подъезжает двухэтажный автобус. К этому моменту на остановке выстраивается очередь в десять ярдов. Но автобус переполнен и даже не останавливается. Очередь безутешно шаркает подошвами и разражается немногословным ворчанием. Потом вся сразу подается назад, как какой-то печальный зверь, безутешно покорный. Приходится подчиниться. Таков закон городских джунглей. Через пятнадцать минут на горизонте появляется еще один автобус. На этот раз Чарли удается туда влезть — только ему.

Двадцать выстроившихся за ним снова остались. Тренькнул звонок, автобус, содрогнувшись всем корпусом, рванул вперед.

До Фулема, где Чарли обитает последние пятнадцать лет своей жизни, сорок пять минут езды. Лондонский центр откатывается все дальше назад — по мере того, как автобус замирает и снова трогается, заглатывая и изрыгая пассажиров, побывав на дюжине с лишним продуваемых ледяным ветром остановках, где безутешно шаркают подошвами и ворчат длинные очереди. Чарли все больше нравится само движение и мягкое

покачиванье, хотя ему пришлось уступить место женщине с ребенком. Но все равно ему чертовски приятно смотреть в ближайшее окно, почему-то чистое, хотя остальные были уныло-мутными от грязи.

Чарли всю свою жизнь прожил в Лондоне и, однако, не испытывал никакой любви к этим тесным улицам, к обветшавшим магазинчикам и замызганным тротуарам. Он всегда мечтал вырваться из городской суеты, туда, где нет смога, где легко дышится, где тебя утром будят птичьи трели. Он любил наблюдать за птицами, подмечать характерный окрас, формы хвостов и перьев и забавные повадки, весьма увлекательное и приятное хобби. Для подобных развлечений у Чарли было целых два бинокля. Один подарила ему в семьдесят пятом году Морин, на Рождество. Или в семьдесят шестом? И на Рождество ли? Да-а, память у него уже не та, что прежде.

Автобусный маршрут шел через Найтсбридж. Справа проплыл Гайд-парк и найтсбриджские казармы. Вся эта роскошь, мелькающая в окне, не вызывает у Чарли зависти. Завидовать богачам так же бессмысленно, как завидовать птицам. Просто два разных биологических вида, не имеющих ничего общего.

Кондуктор насвистывал песенку из фильма "На юге Тихого океана"[2], весело и расторопно собирая деньги за проезд. У этого парня светлые в рыжину волосы, веснушки и немного курносый нос, что совсем его не портит. Когда кондуктор поднимается на второй этаж, Чарли ловит себя на том, что напевает про себя ту же мелодию.

Теперь — по улице Кромвеля на запад. Великие музеи, заветы истории, благодаря которой страна еще держится, не распадается. Чарли отмечает для себя каждый: Музей наук, Музей естественной истории, Музей Виктории и Альберта — и в который уж раз мысленно обещает себе в ближайшее время в них заскочить. Ему приятно, что он такой любознательный, так жаждет расширить свой кругозор. Одна неувязочка: как только Чарли начинает его расширять, его тут же одолевает скука. Обещание, он почти уверен, вряд ли будет выполнено.

Автобус сворачивает с Толгарт-роуд, на пересечении с Норт-Энд-роуд, и движется к югу. Чарли наконец-то высмотрел свободное местечко, но не садится, побаиваясь пропустить свою остановку. Лучше приготовиться заранее, мало ли какой

---

[2] Примечания: 2

Мелодии из этого американского фильма, вышедшего на экран в 1958 г. (режиссер Дж. Логан), были очень популярны.

казус может приключиться. Он жмет на кнопку "стоп" и несколько секунд не отпускает: а вдруг шофер не расслышит сигнал? Но нет, услышал, автобус замедляет ход, остановка, и взгляд Чарли уже рыщет по родным окрестностям.

У магазинов, жмущихся друг к дружке, какой-то усталый вид, им наверняка дела нет до того, чем их напичкали. Мигают над витринами электрические гирлянды. Овощная лавка Фрэнка, магазинчик, где продают навынос жареную рыбу с картошкой, а теперь еще копченую колбасу, треску и лососину. Газетный киоск, где Чарли по утрам покупает сигареты и "Дейли миррор". Парикмахерская и винный магазин.

Паб на углу, их "Орел", его недавно перекрасили, и вместо сэндвичей с ветчиной и сыром там теперь торгуют "холодной легкой закуской". Чарли регулярно сюда причаливает, хотя не нравится ему, как они все тут разрисовали под викторианскую харчевню и развесили фальшивые старинные ружья, подсумки, фляжки. Многие из старых его приятелей перестали сюда ходить, теперь тут колготится молодежь. Но вообще-то он готов принять перемены, которые несет прогресс, как принимает все, что происходит в его собственной жизни. Все идет как идет — и

ладно. Вот по какому принципу заполняется вакуум жизненного пространства, хотя остальные могут чего-то там еще выбирать. Мечты Чарли настолько непритязательны, что их не замечает даже его собственное сознание.

Когда Чарли спрыгивает с подножки, в нос ему бьет резкий запашок, который стоит тут уже несколько недель и сделался почти привычным. Местные мусорщики тоже решили выяснить отношения с начальством, как это регулярно делают водители автобусов и сам Чарли. Чарли не считает это чем-то вопиющим, но его слегка раздражает выпячивание частных интересов, своевольное нарушение привычного порядка общественного устройства. "Вонох", думает Чарли, вдруг вспомнив армейское словечко. Вонох: все отлично, но херовато.

Пока он идет, нос его постепенно начинает различать три основные составляющие зловонного букета: гниющие объедки, обмаранные младенцами памперсы и перебродившие остатки пойла на дне бутылок и жестянок. Обычно одна вонь слегка забивает две другие. Это всегда сюрприз, предугадать, чей день, невозможно. Сегодня пальма первенства у памперсов, тысячи обосранных "Хаггис" задают тон в этой оргии.

Чарли наконец проходит мимо шестифутовой груды пакетов с мусором, сваленных почти у самой остановки. В последний раз мусор вывозили две недели назад. Свой профсоюз Чарли поддерживает, как же иначе, но чем недовольны мусорщики, воюющие с районными чиновниками, которые самовольно урезали им зарплату ниже официально гарантированного минимума, ему непонятно. Они же неучи, разве сравнить их работу с работой наборщика, тут требуются мозги и сноровка. Его целых семь лет учили. В глубине души Чарли считает мусорщиков бездельниками, трутнями. Их "борьба" (Майк Сандерленд наверняка так бы назвал разгильдяйство мусорщиков, молодой еще) не идет ни в какое сравнение с гордым протестом самого Чарли.

Опять на пути попадается очередная свалка: лопнувшие переполненные пакеты, над которыми вьются тучи мух, обыкновенных домашних и более крупных, промышляющих падалью. Рэмси-Макдоналд-ха-ус, желтовато-коричневый кирпичный уродец, где среди прочих клетушек расположена и его квартира. Пять этажей. По узким балконам можно подняться на следующий этаж. Решетки у балконов сильно проржавели. Два месяца назад с третьего этажа упала шести-

летняя девочка: разошлись сварочные швы, и вывалилась пара прутьев. У девчонки перелом обеих ног. А дыра в решетке зияет по-прежнему, никто даже не почесался ее заделать.

Сам Чарли живет на первом этаже. В квартире справа обитает миссис Джексон, ей семьдесят, живет одна в обществе четырех кошек, по два-три раза на дню пьет чай. Попить чайку, — вот главная цель и забота в ее жизни. Чаевница, они дома так ее и зовут, именно это ее настоящее имя. А не Вайлет. Очень симпатичная и душевная старушка, хотя иногда чересчур назойлива, Чарли всегда старается улизнуть в другую комнату, когда она приходит.

В квартире слева живет молоденькая мать-одиночка с шестимесячным сынишкой. У нее обесцвеченные волосы и кольцо в носу. Кэрол. А фамилии Чарли не знает. Одевается она как пугало, по моде панков, но характер у нее не склочный, и свою музыку гоняет довольно тихо. Чистюля. Чарли как ни придет, она все стоит намывает стекла мыльным раствором. Младенец похныкивает где-то у дверей квартиры, точно такой же, как и все квартиры в их доме. Услышав шаги Чарли, Кэрол оборачивается. На ней синяя выцветшая спецовка со значком на отвороте

воротника, на значке три буквы: АНЛ[3]. Чарли не понимает, что это означает, но видел такую же бляху у Майка Сандерленда.

— Здрасте, мистер Бак.

— Здравствуй, Кэрол.

Возникает легкая заминка. Чарли обдумывает, достаточно ли просто поздороваться, или это невежливо. Он снимает шапку и перекладывает ее в левую руку. Типографская краска сильно въелась в бороздки кожи, подушечки его пальцев совсем черные.

— Эти стекла очень быстро пачкаются.

— Зря ты их мылом.

— А чем же еще?

— Просто добавить в воду немного уксуса.

— Уксуса?

— Ну да.

— Не хочу, чтобы от моих окон воняло, как от гнилой картошки.

Кэрол хохочет, выставив напоказ белые крепенькие зубки. В ее выговоре легкая северная

---

[3] Примечания: 3

АНЛ — аббревиатура английской молодежной антифашистской организации "Антинацистская лига".

тягучесть. Чарли думает, что Кэрол "джорди"[4], хотя на самом деле она из Лидса[5]. Чарли пытается представить — и далеко не в первый раз, — какова она в постели. Теперешние девахи хорошо знают это дело, с ними наверняка не соскучишься. Весь мир помешался на сексе. Чарли оборачивается. Куча отбросов красуется у самой двери. Когда передние окна открыты, в кухню несет крепкой помоечной вонью.

— По мне, лучше гнилая картошка, чем все это, детка.

— Я попробую с уксусом. Как дела у Роберта?

Чарли пожимает плечами:

— Кто его знает. Он непрошибаемый. Как "китаец"[6].

— Мне кажется, он просто чем-то расстроен, — говорит Кэрол.

— Ну, это у него такое хобби. Кукситься. Если он улыбнется, то, боюсь, не выдержат щеки, порвут-

---

[4] Примечания: 4

"Джорди" — прозвище жителя северо-восточного промышленного региона Тайнсайд.

[5] Примечания: 5

Лидс — крупный промышленный центр в Западном Йоркшире.

[6] Примечания: 6

Имеется в виду знаменитый игрок в крикет, китаец Эллис Ачонг. В его честь одной из подач (боковой удар левой рукой с размахом) дано название "китаец".

ся с непривычки.

— Он хороший парень, правда. Просто много о чем думает.

Чарли хмыкает:

— Это точно. И как у него только голова не лопнет.

Ребенок начинает плакать. Кэрол бежит к нему, берет на руки и легонько покачивает, цокая языком.

— Шш, Нельсон, — бормочет Чарли. Маленькие дети всегда его смущают, он не умеет с ними разговаривать.

— Ути-ути, — приговаривает Кэрол, качая сынишку.

— Великий был человек, — говорит Чарли, не придумав ничего более подходящего.

— Кто? — спрашивает Кэрол.

— Адмирал Нельсон, — отвечает Чарли в некотором недоумении.

— Но я назвала его в честь другого человека, — говорит Кэрол.

Нельсон плачет все громче. Он извивается как уж и брыкается.

— Я, пожалуй, пойду, — говорит Чарли.

— Передайте привет Роберту. От меня.

— Мы почти не разговариваем. Он у нас сам

себе голова. Постараюсь не забыть.

— До свидания, мистер Бак.

— Пока, Кэрол, пока, Нельсон.

Уже шесть часов. Темнеет. Дверь в их квартире металлическая, темно-серого цвета. Точно такая же, как в остальных квартирах. Муниципальная администрация закупила их по дешевке у морской компании. Так они стали частью сухопутного интерьера.

Чарли вставляет в скважину ключ, поворачивает И входит. Стрелка барометра на стене, сделанного в виде испанской гитары, замерла на стыке "умеренного" и "очень умеренного". Интерьер самой квартиры подчинен тому же принципу строгой экономии. Стены блекло-коричневые, отчего комната кажется еще меньше и темнее. Коричневая водо-эмульсионная краска тоже была закуплена где-то оптом. Морин терпеть не может этот цвет, но жильцам запрещено перекрашивать стены. Нельзя заменять дверные ручки, нельзя избавиться от дешевенького газового камина с имитацией поленьев, нельзя заменить пластмассовые выключатели, короче: хватит с вас того, что вы получили вместе с жильем.

Пятнадцать лет они тут, но статус их не изме-

нился: не смейте ничего трогать, и стены и вся квартирная начинка по-прежнему неприкосновенны. Они с Морин тут только приживалы, подданные городских чинуш, оказавшиеся здесь исключительно по милости этих безымянных невидимок. А если прорвало трубу или, как обычно бывает зимой, отсырела стена, в их приемную хрен дозвонишься, сколько ни торчи в угловой телефонной будке.

Разумеется, Морин уже закончила пробежку и, разумеется, успела приготовить чай. Играет радио, негромко, в самый раз. Передают песню "Пина Колада". Он заглядывает сквозь сервировочное окошко в кухню и видит, что жена его уже при полном параде: красное платье, из которого она "выросла" еще несколько лет назад, на шее бусы из фальшивого жемчуга. Сейчас еще наденет туфли на высоких каблуках, накрасит губы яркой помадой и уложит волосы, намазав их гелем, который ей всучила парикмахерша.

Чарли знает, что все эти прихорашивания не имеют к нему ни малейшего отношения. Даже в лучшую свою пору, которая, увы, давно миновала, Морин не баловала его такими почестями. Просто сегодня по телевизору показывают сериал "Даллас", это для нее лакомство, сладкая прослой-

ка между "Терри и Джун" и "Петрочелли". Чарли никогда не понимал, на черта ей так выряжаться, какая разница, в чем сидеть перед экраном, но кто их, этих женщин, разберет. Они не подчиняются законам логики. Зато сердце у них более доброе и отзывчивое, чем у мужчин.

Чарли знает, что с женой ему, что уж там скромничать, повезло. Сам он тоже не сказать чтобы свеженький, хотя волосы, тьфу-тьфу, пока не выпадают, и с помощью "греческого-2000" он закрашивает седину. Когда-то крепкое, с литыми мышцами тело стало дряблым, бока обвисли, что ни день на лбу и вокруг глаз появляются новые морщины. Нет, все-таки он молодец, что присмотрел себе жену помладше. Она и сейчас еще очень ничего, не пилит, отличная хозяйка и заботливая мать.

Кстати, где же Роберт? В своей комнате, где ж ему быть. Он вечно там торчит. Там или за стеной, у Кэрол, сидит слушает эти ее кошмарные, оглушающие пластинки. Домой Чарли обычно добирается как раз к накрытому столу, но в последние два года все реже и реже замечает Роберта на территории кухни, коридора или прихожей. Спит его сыночек допоздна, слушает радио, листает журнальчики. Как кончил два

года назад школу с двумя "неудами", так и болтается до сих пор без работы.

Чарли снимает пиджак, вешает его на плечики и тщательно расправляет.

— Привет, детка, — не оборачиваясь, говорит он жене.

Потом оборачивается и смотрит на нее сквозь узенькие вертикальные щелки между разноцветными лентами, висящими перед кухней вместо двери, из-за них Морин выглядит как какая-то нарезка…

Услышав голос Чарли, Морин вдруг ощущает, какое дряблое у нее тело; от этого ее бега трусцой никакого толку. Она досадливо морщит нос, потом, сделав спокойное лицо, поворачивается к Чарли.

— Привет, Рок.

Рок. Это давняя их шутка. Когда-то, до встречи с Чарли, Морин обожала Рока Хадсона[7], самый любимый ее актер. Рок Хадсон был для нее воплощением настоящего мужчины. Ей казалось, что Чарли на него похож, но даже если и был, то теперь ни малейшего сходства, вот что делают с людьми годы. Но чтобы его порадовать, она

---

[7] Примечания: 7
Рок Хадсон (1925–1985) — американский актер, "звезда" Голливуда.

иногда называет его Роком. И Чарли всегда сияет, услышав старое прозвище.

Она улыбается, как бы закрепляя шутку. У нее в запасе целый арсенал улыбок, уж на это она никогда не скупится. Улыбки, выражающие самые разные чувства, и для каждого чувства особый набор улыбок, раздаваемых без меры и без оглядки… Улыбки виноватые и ободряющие, изумленные и сочувственные, улыбки оборонительные и чертовски кокетливые. И все эти такие разные улыбки слились сейчас в одну — только для него, для Чарли, с особым подтекстом, лишь бы его порадовать, лишь бы ему угодить. Как знать, может, из-за одной такой улыбки он на ней и женился. Он абсолютно не замечает, что с годами эта улыбка существенно изменилась, что в ней явно проступает разочарованность. Но он видит только то, что ему специально и очень искусно внушают этой улыбкой: жена его счастлива, и спустя девятнадцать лету них все по-прежнему хорошо.

Она двигается с чуть нарочитым изяществом, памятуя, что на ней нарядное платье. Темно-рыжие тонкие волосы, очень густые, облегают ее голову наподобие шлема — прическа, напомина-

ющая шевелюру Пурди из "Новых мстителей"[8]. А лицо самое обыкновенное, годы стерли с него все незаурядное. Хотя она на десять лет моложе, выглядит на сорок с хвостиком. Кроме Рока Хадсона в кумирах у нее теперь еще числится Патрик Мау эр[9].

— Как у нас с чаем?

— Погоди, не гони лошадей.

Чарли садится на шоколадный, с обивкой под вельвет, трехместный диванчик, рядом с которым стоит единственный в их доме книжный шкаф из четырех полок. Он набит английскими классиками девятнадцатого века в твердых переплетах: Диккенс, Гарди, Остин, сестры Бронте. Поблескивающие золотым тиснением корешки ласкают глаз. Когда-нибудь, решает Чарли, он непременно кого-нибудь из них почитает. А пока эти книги служат исключительно украшением, он заказал их по Граттоновскому каталогу — пятнадцать фунтов за штуку, по почте.

---

[8] Примечания: 8

"Новые мстители" — популярный в 60-е годы английский телесериал, Пурди — верная помощница главного героя, секретного агента Джона Стада, обольстительная и доблестная.

[9] Примечания: 9

Патрик Мауэр — английский актер, снялся во многих "мыльных" сериалах.

Он снимает свои рабочие ботинки — "Таф"[10], особо прочные — и ставит их в шкафчик у двери. Затем встает и включает черно-белый телевизор, проявившееся через пару секунд изображение отвратительно: сплошные помехи. Чарли уже четыре года собирается купить цветной, но Морин устраивает и этот. Она, как и ее муж, побаивается и перемен, и лишних трат. "Если можно обойтись, то лучше обойтись". Да, у них есть немного денег, но лучше бы их не трогать. Морин еще умудрилась зажать немного денег с зарплат Чарли, они спрятаны в спальне под расшатанной половицей. Инфляция постепенно сжирает эту заначку, но банкам Морин не доверяет. Страх перед банками у нее от матери. Когда та два года назад умерла, в спинке диванчика, стоявшего в гостиной, они нашли пять тысяч!

Чарли бродит по комнате с переносной антенной, но помехи не желают исчезать. Только сейчас он замечает, что из соседней квартиры доносятся приглушенные звуки музыки. Он не

[10] Примечания: 10

"Таф" — фирменное название мужской обуви производства компании "Дж. Б.Бриттон энд санз".

сразу узнает группу "Баззкокс"[11], их "Спайрел скрэтч"[12], низкочастотные вибрации поначалу вызывают в памяти лишь смутный образ музыки шестидесятых. И он слегка уязвлен этим, эстетически и морально. Он и сам не понимает почему.

Он сверлит взглядом стену, долго на нее смотрит, словно его взгляд способен пробить ее и испепелить Кэрол, как огромная доза радиации. Вообще-то Кэрол обычно ведет себя прилично, и ему как-то неловко стучать в стену, неловко, хотя это вибрирующее гудение все сильнее его раздражает. И Кэрол словно почувствовала его недовольство: басовитое гудение становится тише — настолько, что Чарли отходит от стены и укладывается на диван, положив ноги на пухлый черный пуфик из ПВХ[13], или, как он обычно его называет "пу-фей", вроде как фея, но мужского рода.

---

[11] Примечания: 11

"Баззкокс" — панк-рок-группа, созданная в Манчестере в 1976 г. по образу и подобию группы "Секс Пистоле".

[12] Примечания: 12

Альбом "Спайрел скрэтч" (букв.: "Царапина по спирали") был выпущен в 1977 г. Произведения этих исполнителей менее агрессивны, чем у подобных групп, песни отличаются не только обычной для панков эпатажностью и скандальной эффектностью, но и попыткой найти общий язык с широкой аудиторией, не без помощи остроумного ерничества.

[13] Примечания: 13

ПВХ — сокращенное название "полихлорвинила".

Он осматривает комнату. Чисто, ничего нигде не валяется. На столике с чуть раскоряченными ножками, как обычно, три прибора.

У дивана уютно сгрудились три кофейных столика. На самом большом лежат два журнала: "Ридерз дайджест" и "Нэшнл джиографик". Чарли проводит по столу пальцем: ни пылинки.

Морин помешана на красивой сервировке, все должно быть идеально расставлено и разложено. Ножи рядом с тарелками обыкновенные. Это хорошо, радуется Чарли. Значит, точно не рыба. Салфетки пшеничного цвета Морин скатывает ровными цилиндрами и укладывает строго параллельно вилкам и ножам. Чарли проводит языком по углам рта, они сухие и чуть саднят. Вдруг замечает, что Морин убирает стаканы.

— А как же пиво?

— Пиво у нас кончилось.

Нет, день сегодня определенно не задался. Обычно Чарли очень хорошо ощущает, что ему живется куда проще, чем многим, что при теперешнем тотальном хаосе его жизнь — это воистину оазис стабильности и покоя. И дома, и на работе уважают. В безработных никогда не ходил. Семья в норме: жена, сын. Со здоровьем никаких проблем. Но он не может стряхнуть

исподволь накопившееся раздражение — из-за вонючих пакетов с мусором, из-за неодолимых помех на экране, из-за гулко бухающего "Спайрел скрэтч" за стеной, из-за того, что ему сегодня не дадут пива. И эта подспудная тревога по поводу результатов на сегодняшних выборах, хотя он сам не понимает, на черта они ему сдались, эти выборы… Ему начхать на политику, это конек малыша Майка. Тем не менее грядущие перемены неприятно его будоражат. В ответ на слова Морин он говорит спокойно, но все-таки с нажимом:

— Господи ты боже мой, Мо! Я же просил! Я же специально тебе напомнил…

Морин виновато улыбается.

— У меня не осталось денег, Чарли. Хватило только на продукты.

На лице Чарли отражается искреннее изумление.

— Но всего три дня назад я дал тебе десять фунтов с мелочью.

— Все дорожает. А то, что вам выдает стачечный комитет, не сказать, чтобы очень…

Чарли морщится:

— Прекрати. У нас нет никакого права…

— Я просто говорю…

— А я просто борюсь за приличную зарплату,

борюсь за… за…

Он плавным жестом обводит свое жизненное пространство, состоящее из дешевой мебели и тусклых невзрачных стен.

— За все это.

Его пафос выглядит откровенно нелепым. Морин одолевает смех, она еле сдерживается.

— Чарли, я не собиралась никого обижа…

— Я хочу пива. Я четыре часа проторчал в пикете, слушая треп всяких идиотов, и мне необходимо выпить.

— Может, выпьешь домашнего пива?

Чарли купил недавно агрегат для варки пива, вон там, в открытом шкафу, стоит теперь в пластмассовом бачке эта кисловатая бурда. Его младший братец, Томми, галлонами ее варит, излишки даже продает, разбавляя водой. Томми всегда умел слупить выгоду. А почему бы нет — дешево и сердито, и даже на вкус не такая уж дрянь.

— Оно, наверное, почти готово. Две недели уже стоит.

Тут Чарли, не выдержав, встает, надевает пальто и направляется к двери, ему в нос снова шибают миазмы помойки.

— Ноу меня почти все готово.

— Я мигом, одна нога здесь, другая там.

Он злится. И чувствует себя виноватым из-за того, что злится, потом злится уже на то, что чувствует себя виноватым. У двери в прихожую он задерживается. Картинка на телевизоре немного прояснилась. Показывают хвост шестичасовых новостей, и, хотя изображение по-прежнему не в фокусе, звук вполне четкий и громкий.

Диктор Кеннет Кендалл. Чарли он нравится: не суетится, говорит четко, это вызывает доверие. А тот малый, что на ТВ-1, похоже, всегда под градусом. Кендалл говорит, что выборы продолжаются, что число проголосовавших перевалило за средние показатели. Он сообщает, что результаты выборов будут объявлены по Би-би-си, первый канал, после окончательного подведения итогов. Чарли решил, что обязательно посмотрит, если его не сморит сон. И все медлит, не уходит.

— Голосовать-то пойдешь?

Из кухни донесся громкий голос Морин, которая пытается перекричать истошный свист закипевшего чайника:

— А выборы сегодня?

— А то ты не знаешь. Когда же еще, сегодня.

— Правда?

Чарли пожимает плечами. Морин тоже на-

плевать на все эти политические игрища. Когда его жена все-таки утруждает себя вылазкой на избирательный участок, она отмечает тех же, что и Чарли. Сам он еще не решил, пойдет голосовать или нет, до участка от винного магазина тащиться минут пять, а на улице сегодня жуткий холод.

— Пойду отмечусь. За пятнадцать минут управлюсь.

— А как же чай? Все остынет.

Выпуск новостей подходит к концу. Выразительная физиономия Кеннета Кендалла становится то торжественной, то нарочито равнодушной, то сдержанно веселой, когда он описывает подвиги сиамского кота, обожающего прыжки с парашютом, с небольшой высоты, конечно. Когда Чарли наконец выходит, вслед доносится слабое мелодичное "мяу".

Бредя на участок, устроенный в местной школе, он попробовал собраться с мыслями. Чарли Бак был человеком отнюдь не философского склада, хотя честно пытался выработать свой взгляд на вещи. Он чувствовал: не иметь собственного взгляда вроде бы как не совсем прилично.

Взгляды Чарли имели обыкновение изменяться, иногда на сто восемьдесят градусов, соответственно обстоятельствам, влиянию при-

ятелей и количеству принятого алкоголя. Одно он уяснил давно и очень твердо: в большинстве своем люди весьма далеки от совершенства, и богатые и бедные, и белые и чернокожие, и высокие и коротышки, ничего хорошего от них не дождешься. Надо постоянно быть начеку, а то вмиг обведут вокруг пальца.

У начальничков своя выгода, у политиков тоже есть своя. Все судьи извращенцы, а присяжные — дураки. А все полицейские продажные, ему ли не знать. Его братик Томми, руки загребущие, как раз из их породы, работал, было дело, патрульным полицейским в Ромфорде. На всякие поборы, законные и незаконные — чаще незаконные, — он купил себе домик с тремя спальнями и садовой террасой в Тейдон-Бойс. Он бы добыл себе домик и посолидней, если бы не пришлось срочно подать в отставку — характер у братца не дай бог, задиристый, ну и сцепился с участковым сержантом. Сержант — в госпиталь, Томми — на биржу безработных. С начальством ладить никогда неумел. Теперь он строительным подрядчиком заделался. Об этой публике лучше вообще не говорить.

Да. Теперь ни от кого ничего хорошего не дождешься. Их миллионы, целая армия лодырей и

скупердяев, воров и воришек, балбесов и нахлебников, лентяев и лежебок. Чарли считает себя исключением из правила, он человек порядочный и честный, не то что свора всех этих мошенников, которые столько раз его облапошивали. Переход на десятичную систему, — вот самый пакостный их трюк, верный способ взвинтить цены, и все за счет рабочего человека. Впрочем, рабочие тоже бывают разные, и среди их брата тоже хватает бездельников. Инфляция, из-за нее все проблемы, как ни крути, налоги на недвижимость растут, и таким середнячкам, как Чарли, ни с какого боку не светит стать владельцем собственной квартиры. А на профсоюзах тоже пробу ставить негде, за исключением его собственного, разумеется. Дай им волю, всю страну растащат на кусочки.

Кому хотят дать больше воли, так это женщинам, замечательно, конечно, но это уже что-то вроде коммунизма, нарушение всех нормальных законов природы. На всяких гомиков ему плевать, лишь бы не срамились на людях. Лэрри

Грейсон[14] и Джон Инман[15], это же анекдот, смехота одна, и Фрэнк Спенсер[16], впрочем, Спенсер, может, специально хохмит, никакой он не педик. Гомики, конечно, тоже нарушают законы природы. Ну а лесбиянки, черт их знает, тут ему судить сложно.

Иностранцы тоже попадаются со всячинкой. Те, что понаехали из Южной Европы, очень забавные, правда, слишком уж дерганые. Всякие там шведы довольно симпатичные, по крайней мере, нормально относятся к сексу и к голым бабам. Из всех живущих по ту сторону Канала[17] по-настоящему Чарли раздражают только немцы, но тут уж причин достаточно. Швейцарцы и бельгийцы — редкие зануды, зато шоколад у них отличный.

К черным Чарли относится терпимо, к тем,

---

[14] Примечания: 14

Лэрри Грейсон (1924–1995) — английский комический актер, в 70-е годы его телешоу, такие, как "Субботнее варьете" и "Игра поколения", были в Англии чрезвычайно популярны.

[15] Примечания: 15

Джон Инман — пик популярности этого английского актера приходится на 60-70-е годы, сыграл множество ролей в театре, в мюзиклах и в телесериалах, самая известная — роль мистера Хамфриза в сериале "Вас обслужили?".

[16] Примечания: 16

Фрэнк Спенсер — известный английский комик, играет главным образом в "комедиях положений".

[17] Примечания: 17

Имеется в виду Ла-Манш.

кто особо не высовывается, но молодежь у них настырная, молодые черные его пугают. Его сослуживец Снежок в этом смысле то, что надо: еще не старый, по-английски говорит нормально, совсем как коренной британец. Индийцы, которых Чарли про себя называет просто "азиатами", ребята мирные и трудяги, но пахнут они как-то странно и ни о чем, кроме денег, думать не в состоянии.

Таковыми на данный момент были взгляды Чарли Бака, примерного семьянина, члена профсоюза, квалифицированного рабочего. Но как только он войдет в кабинку для голосования, все сомнения, если они и были, мигом улетучатся. Ему не нужно думать, где нарисовать пресловутый крестик, хотя он и критиковал с пеной у рта Каллагена[18] за политику замораживания заработной платы. Ведь это с его благословения начальнички хотят их ограбить, сократить выплаты полиграфистам, отчасти из-за стачки, в которой он, Чарли, сейчас задействован.

Но в принципе на политиков ему начхать,

---

[18] Примечания: 18

Каллаген Джеймс — премьер-министр Великобритании от лейбористской партии в 1976–1979 гг. Во время так называемой "зимы недовольства" (1978/79) забастовки протеста в связи с ограничением роста заработной платы привели к падению возглавляемого им правительства.

тут взвешивай не взвешивай, прикидывай не прикидывай, один черт. Чарли уверенным шагом прошел в кабинку, быстренько нарисовал крестик, сильно нажимая на ручку, так сильно, что контуры крестика выпукло проступили на обратной стороне бюллетеня. Он голосует за лейбористов, как это делал всегда. Очень может быть, что и кроме него найдется много желающих оставить бразды правления в руках Солнечного Джима. Бабы, те, конечно, вряд ли выберут номер десятый, назло, чтобы не как все нормальные люди.

Из школы Чарли рысью устремляется к магазинчику, испытывая странную гордость оттого, что осуществил свое демократическое право. Ему хочется думать, что исход выборов зависит именно от его голоса. Тем не менее он не может не признать, что вряд ли его голос сделает погоду, ведь для большинства требуется примерно шестнадцать тысяч голосов; это одна из самых предсказуемых позиций в лондонском раскладе.

В винном магазинчике он долго изучает полки, не торопится; хочется наказать Морин за все, — правда, вовсе не факт, что она в чем-либо провинилась. Коробка с ликером "Бристольский шерри", три семьдесят пять за галлон, семьдесят

пять "новых" пенсов он мысленно переводит в пятнадцать шиллингов, никак не отвыкнет. Неплохая цена. Подарочный вариант. Купить бы, но Рождество бывает только раз в году.

Он проходит мимо мелчеровского "Адвоката"[19], мимо ван-хайтенского "Шерри-бренди", мимо черносмородинного рома, мимо хереса "Домек Дабл Сенчери". А это у нас… ясно, "из личных погребов лорда Георга", спецзаказ, старый портвейн многолетней выдержки, водка "Казак". Хозяин магазинчика, Сэм, толстяк с застывшей гримасой улыбки — на все случаи одинаковой — и с вечно мокрыми губами, неловко сидит за прилавком. Чарли приходит сюда уже десять лет, но Сэм до сих пор встречает его с каменной физиономией, будто он какой-то случайный прохожий, явившийся в первый раз. Ни слова привета. Правда, сейчас Сэм соизволил слегка ему кивнуть, дескать, ну да, узнал. Чарли кивает ему в ответ и решается завязать разговор:

— Ходил на участок.

Сэм снова кивает, но опять молча.

— Осуществил свое демократическое право, — поясняет Чарли с легким сарказмом, как

---

[19] Примечания: 19

"Адвокат" — напиток из виноградного спирта, желтков и сахара.

бы заключая это пресловутое демократическое право в кавычки. Но тот в ответ опять ни гугу. Этот жиртрест лишь поерзал на стуле, пытаясь уравновесить свою тушу. Он вечно мается из-за своих килограммов. Чарли слегка смущен и уже досадует на себя за то, что сам напросился на разговор, не сдержался. И теперь уже придется продолжать, чтобы заполнить неловкую паузу.

— По-моему, на самом деле особой разницы нет, кто бы из этой их компашки ни победил.

Он смущается еще больше, поскольку говорит то, чего на самом деле не думает, и лишь ради того, чтобы ему поддакнул человек, на мнение которого ему абсолютно наплевать. Следует очередная затянувшаяся пауза, во время которой Сэм опять ерзает, удобнее распределяя на стуле свои телеса, потом дважды облизывает слюнявые губы и вдруг произносит:

— На этот раз разница есть.

У Чарли такое ощущение, будто его заманили в ловушку и одурачили. Кто бы мог подумать, что у Сэма есть свое мнение и что он вообще способен его иметь, что у него хватит на это мозгов! И он ведь на самом деле согласен с Сэмом, и это сулило неожиданную возможность наладить нечто вроде доверительных отношений с толстяком, к

которому забредает практически каждую неделю. Надо только сказать "да". Но назад хода нет. Согласиться с Сэмом теперь, пожалуй, несолидно. Этим бы он себя выдал, что сам напрашивался на разговор.

— Возможно, — говорит Чарли. — Возможно.

— Этой стране не помешает хорошая встряска, — говорит Сэм и поднимается со стула, пожалуй, впервые на памяти Чарли. — Очень даже не помешает. Я проголосовал за миссис Тэ[20]. Никому, кроме нее, нет дела до малого бизнеса, до наших проблем. Она все провернет как надо.

Он радостно ухмыляется. Чарли не верит своим глазам.

— Возможно, — опять бормочет Чарли, сраженный теперь уже внезапной веселостью невозмутимого Сэма и его симпатией к кандидатуре по всем статьям неподходящей: тори, баба, лютый враг профсоюзов. Чарли не знает, что еще сказать, и опасается, что его молчание Сэм воспримет как согласие. Вот она, проверка на прочность его принципов! И он ее не вы, — держал.

Чарли вдруг захотелось немедленно отсюда убраться. Да еще что-то не видно уортингтоне-

---

[20] Примечания: 20

Имеется в виду Маргарет Тэтчер, британский премьер-министр в 1979–1990 гг.

кого светлого эля в нормальных бутылках на их постоянном месте, с левой стороны прилавка, где всегда. Вместо них там маячат громоздкие жестянки "Дабл Даймонд". Он, не глядя, тычет в них пальцем.

— Четыре штуки, пожалуйста.

Сэм, обернувшись назад, снимает жестянки с полки, и Чарлз вдруг явственно чувствует, что настроение толстяка изменилось, приоткрывшаяся было дверь снова захлопнулась — больше никаких светских бесед. Сэм ставит на прилавок банки с пивом и вежливо называет цену. Чарли нашаривает кошелек и вынимает фунтовую банкноту. Сдача — одно Название. И даже не соизволил предложить пакет для банок.

Чувствуя себя почти оскорбленным, Чарли направляется к выходу, небрежно бросив:

— Всего вам доброго.

И тут же спохватывается… Нет чтобы сказать "до свидания", или "пока", или вообще промолчать. Всего вам доброго. Так обычно прощаются дамочки, причем уже не первой свежести. Доехало что-нибудь до Сэма или нет, кто его знает… во всяком случае, толстяк слегка фыркнул.

Чарли смотрит на часы. Надо же, проваландался тут почти полчаса. Морин этого не заслужила,

холодок вины неприятно щекочет под ложечкой. Чарли ускоряет шаг. На углу малый в сером макинтоше продает букеты из розовых и красных гвоздик, разложил их на складном столике.

Гвоздика — цветок какой-то… официозный, скорее для общественных мероприятий, но Чарли все-таки покупает букет, чтобы задобрить Морин. Малый в макинтоше, расправив цветы, подмигивает; Чарли понятия не имеет, что это означает, но на всякий случай слегка улыбается, будто намек понял.

2

Подходя к дому, он замечает, что от черных пакетов с мусором теперь больше тянет кухонными отбросами, а не детским дерьмецом. Но какой из этих ароматов менее омерзителен, определить затрудняется. Он вставляет ключ. За дверью его встречает такая картина: Морин сидит в гостиной за столом, сервировочный столик припаркован к торцу стола — строго параллельно. Это ее нарядное платье и густой слой подтаявшей темной пудры вместе с очень несчастным почему-то на вид сервировочным столиком рождает в его душе болезненную жалость. Она через силу улыбает-

ся одной из своих фирменных улыбок, которая получилась довольно-таки сердитой. Но через миг Морин замечает цветы, и улыбка становится более естественной и теплой. Она встает из-за стола и едва не падает — каблуки-то высокие, — но удерживается на ногах.

— Ты уж прости, детка. От долгого безделья я несколько отяжелел. Но ты тут ни при чем.

Он вручает ей букет, Морин целует Чарли в щеку. Он чувствует запах духов, которыми Морин душится постоянно, однако запомнить название он никак не может.

— Да, мужчине быть безработным тяжело, — говорит Морин.

Чарли чувствует, как его обычно бледные щеки слегка краснеют.

— Я не безработный, детка, — говорит он, стараясь не выдать голосом свое раздражение. — Просто обсуждаем с начальством кое-какие проблемы.

— Ты же знаешь, что я имею в виду, — веселым тоном говорит Морин. — Четыре месяца — это долгий срок.

— Долгий, недолгий, тут уж как пойдут дела.

Морин кивает. Она до сих пор так и не уяснила, в чем состоит работа Чарли. Он пытался ей

растолковать, но до нее не доходит. Однажды она приходила в наборный цех. Ну и грохот у них там… У нее сразу разболелась голова, там все орут, чтобы перекричать этот грохот.

Морин идет ставить цветы в воду и заодно прихватывает на кухню банки с пивом. Чарли снимает пальто и бредет к своему месту за столом. В газовом камине горят все три горелки, но все равно комната никак не прогреется. Есть батареи центрального отопления, но что-то стряслось с центральным бойлером, и их блок перекрыт. Бойлер не работает уже две недели.

Лампочка на потолке очень яркая, не то что уютный абажур с бахромой, свет, ничем не приглушенный, бьет во все стороны. Очень уж назойливый, но Морин любит, чтобы, пока они сидят за обеденным столом, было светло. Чарли предпочитает более мягкий золотистый свет стоящего в углу торшера. Но его включат только после чая, когда все воткнутся в какой-то сериал.

Уже почти усевшись, Чарли вдруг снова выпрямляется и подходит к стоящей наискосок стереосистеме "Альба" и начинает перебирать долгоиграющие пластинки, стоящие в шкафчике

под красное дерево. Между Джеком Джонсом[21] ("О самом главном") и Джимом Ривзом[22] ("О самом сокровенном") три пластинки Аннунцио Мантовани: "Мистер Музыка", "Мантовани сегодня" и "Тот волшебный вечер"[23]. Чарли любит Мантовани, у него целая коллекция его альбомов, штук пятьдесят.

Он роется в долгоиграющих, потом, передумав, переключается на сорокопятки, стоящие в другой секции, где не альбомы, а одинарные. Он достает несколько пластинок, любовно протирает их антистатической желтой салфеткой, потом укрепляет их на стержне над вертушкой проигрывателя. И наконец — включает. Спустя несколько секунд, полных таинственного шороха и лязга, первая пластинка шлепается на круг, и рычаг с головкой, повернувшись, плавно снижается, и вот уже игла касается первой бороздки. Фантастика. Из динамиков доносится легкое

---

[21] Примечания: 21

Джек Джонс — популярный американский эстрадный певец, к настоящему времени выпустил более пятидесяти альбомов.

[22] Примечания: 22

Джим Ривз — весьма популярный в 50-60-е годы американский певец (баритон), исполнял песни в стиле "кантри", погиб в 1964 г. в авиакатастрофе.

[23] Примечания: 23

Речь идет об аранжировке одной из песен из вышеупомянутого фильма "На юге Тихого океана".

шуршание, кажется, что это шелест веток, что перед глазами сейчас возникнет трепещущая зелень. Он оборачивается. Морин уже принесла ему стакан с пивом. Он садится за стол, делает большой глоток, и в этот момент его накрывает нежащая теплая волна музыки. Он подпевает Мантовани, который покорил его сразу, с первой пластинки, выпущенной тридцать лет назад.

— Кармен… Моя Кармен…

— Роб! — кричит Морин в глубь коридора.

Чарли разнеженно улыбается, увидев, как Морин берет с сервировочного столика глубокое блюдо, потом ставит его на стол и снимает крышку. Запах какой-то незнакомый.

— Сюрприз, — говорит она. — Это новый рецепт.

— Я смотрю, ты никак не угомонишься, изобретательница.

Теперь уже сам Чарли кричит в коридор, более громко и даже угрожающе:

— Роберт, еда на столе! Поторопись, лодырь несчастный!

— Рецепт был в рекламе на программе телепередач, — говорит Морин, — это "пирог дровосека".

— А он из чего?

— Попробуй угадать.

Она кладет на тарелку какой-то плотный комок, подозрительно пестрой окраски: местами оранжевый, местами розовый и бледно-желтый… Незнакомый запах усиливается. Довольно противный, но Чарли готов, если понадобится, изобразить полный восторг. Морин кладет маленький комочек на свою тарелку и огромную плюху — на тарелку Роберта.

— Вроде бы картошка, — задумчиво говорит Чарли.

— Тут "Спам", пюре из пакетика, банка тушеной фасоли и сыр "чеддер", — не выдержав, раскалывается Морин.

— Да неужели? — изумляется Чарли.

— За все удовольствие — семьдесят два пенса, представляешь?

Из коридора доносится шорох, появляется Роберт и, еле переставляя ноги, бредет к столу. Вскользь улыбается матери, а на Чарли даже не смотрит. На нем черная футболка и черные прямые джинсы. Рыжие патлы взъерошены. По краям крыльев носа розовеет россыпь прыщиков, но вообще-то кожа у него очень бледная. Ни слова не сказав, он плюхается на стул и начинает придирчиво ковыряться в лежащей на тарелке мешанине.

Глядя на него, Чарли еще больше сатанеет и сладеньким голосом произносит:

— Здравствуй, папуля. Как я рад тебя видеть. И тебя тоже, мамочка. Какую вкуснятину ты нам сегодня приготовила. Давай, отец, расскажи, как ты сегодня боролся за повышение уровня жизни своей семьи, своей дорогой жены и обожаемого сына.

Роберт продолжает сидеть, не вскакивает, только еще энергичней начинает тыкать вилкой в тарелку.

— Не надо, Чарли, — просит Морин. — Он очень расстроен.

— Расстроен, говоришь? Знала бы ты, как я расстроен! Но я почему-то не слоняюсь целый день по комнате, точно какой-то слизняк, которому сломали ножку.

Роберт, изобразив крайнее недоумение, бормочет:

— А что, разве у слизняков есть ноги?

Морин молча ставит на стол блюдо с овощным рагу. Тушеные кусочки моркови. Цветная капуста, горошек. Сначала накладывает себе, Чарли в лицо летит струйка влажного пара. Он отхлебывает из стакана свой "Дабл Даймонд" и посматривает на живот, здорово нависающий

над ремнем — на два, а то и на все три дюйма, и вдруг чувствует, как тесна ему фуфайка под нейлоновой рубашкой, впивается в тело, пакостное ощущение.

Роберт продолжает придирчиво изучать содержимое своей тарелки.

— Что это?

— "Пирог дровосека", — с энтузиазмом сообщает Морин, — пюре из пакети…

— Да ешь, не бойся, — говорит Чарли, ткнув ножом, как указкой, в сторону тарелки сына.

— А ты сама? — спрашивает Роберт, посмотрев на крошечную порцию Морин.

— Мне надо худеть.

— Пап, как ты думаешь, мама толстая? — Роберт наконец сам заговаривает с отцом.

— Что-что?

— Ты не находишь, что она немного раздалась?

— Ничего подобного.

— Тогда зачем ты подарил ей на Рождество тренажер?

— Она попросила.

— А почему, когда ты покупаешь ей платья, они ей всегда малы?

Чарли крепче стискивает черенок вилки.

— Послушай, ты…

— Пожалуйста, не ссорьтесь, мальчики, — говорит Морин с легким светским жеманством. — Давайте спокойно поедим, хорошо?

— И не скажу, что ты сам в отличной форме, Чарли.

— Какой я тебе Чарли? Или ты забыл, что я твой отец?

— Помню-помню, Чаки, молчу.

Чарли разворачивает салфетку и кладет на колени. На столе возвышается кувшин с апельсиновым соком, это у Морин вместо вина, вино она позволяет себе только по торжественным случаям. Она наливает сок в маленькие стаканчики и садится. В жестянке с пивом еще что-то плещется. Чарли ставит ее рядом со стаканчиком. "Кармен" закончилась, замирают последние аккорды, потом наступает поскрипывающее шуршащее молчание, и на крутящийся диск падает очередная пластинка: ария из "Мулен Руж", тоже классика. Ах, Мантовани, музыка к жизни Чарли, вернее, к несостоявшемуся спектаклю "Жизнь, о которой мечтал Чарли": теплая, живительно-искрометная, словом, роскошная!

Роберт размазал пюре по тарелке, вылепив круглую лепешку. Он берет две горошины и

длинный ломтик моркови и втыкает их в пюре: получаются глаза и нос, потом берет половинку круглого ломтика моркови и прилаживает рот. Он поворачивает морковный полумесяц уголками то вверх, то вниз, то улыбка, то гримаса грусти. И при этом приговаривает:

— Ха-ха-ха. Ой-ой-ой. Ха-ха-ха. Ой-ой-ой.

Когда струнные добираются почти до пика полнозвучия, из-за стены Кэрол, из этой ее типовой конурки для матери-одиночки, снова доносится басовитое зудящее буханье. Почти такое же, что в первый раз, но скорее это "Экс-Рей Спекс"[24], чем "Я твой раб" "Баззкоксов". Чарли этой разницы не улавливает, только угрюмо смотрит на свою тарелку. Великолепное звучание струнного оркестра Мантовани осквернено. Чарли сверлит взглядом стену. На этот раз этот его "радиационный" луч не производит никакого эффекта.

— Не обращай внимания, Чарли, — говорит Морин. — Лучше попробуй пирог.

Чарли отсекает вилкой изрядную порцию и отправляет ее в рот, разжав пожелтевшие от

---

[24] Примечания: 24

"Экс-Рей Спекс" — панк-рок-группа, просуществовавшая с 1977 по 1979 г. Выпустила единственный альбом "Безмикробная юность" видимо, намек на отсутствие микробов снобизма, расизма и "замшелых" догм истеблишмента, против которого и было направлено все творчество панков. Группа вновь была образована в 1995 г.

возраста и от ежедневных тридцати сигарет "Кэпстенс" зубы. Его вкусовое восприятие притуплено только что выкуренной сигаретой, но все равно он ощущает, что масса во рту не слишком аппетитна. Вообще-то пюре "Спам" штука неплохая, и просто так, и подрумяненное на ломтике хлеба. Но в сочетании с прочими ингредиентами "пирога" оно кажется жирным и довольно мерзким. Тем не менее он энергично кивает, но тут же торопливо отхлебывает пиво, чтобы заглушить вкус этого месива.

Роберт подобрал с тарелки только овощи, Чарли же через силу доедает быстро стынущий пирог. Чем холоднее он становится, тем противней делается на вкус, тем сильнее в нем ощущаются искусственные добавки. Чарли не хочет огорчать Морин, но надо бы уговорить ее больше никогда не готовить эту дрянь.

Роберт уже цапнул с кофейного столика журнал "Тит-битс" и воткнулся в свои комиксы. Чарли пытливо на него смотрит.

— Нашел работу?

— Угу.

— Какую?

— Подался в летчики.

— Ты хотя бы что-то искал?

— На фига? Чтобы устраивать потом забастовки? На фига ради этого суетиться.

Он даже не поднял голову, продолжает рассматривать картинки. Чарли чувствует, как напрягаются мускулы на спине.

— Ты не можешь до бесконечности сидеть на нашей шее.

— На твоей шее я точно не сижу.

— Нет, сидишь.

— У меня есть свои деньги. Пособие. И еще мне подкидывает дядя Томми, я иногда ему помогаю.

— Ах да, я и забыл, что ты обдираешь сограждан, которые исправно платят налоги. И куда идут их денежки? На сигареты, исключительно. А что касается твоего дяди Тома… надеюсь, ты не хочешь стать таким же…

— А чем он тебе не нравится? Он прикольный. У него все отлично. Клевый домик заполучил. Причем свой собственный!

— Прикольный, говоришь? О да! Всех накалывает, как может.

— Дядька у меня вполне нормальный. По мне, так вполне.

Чарли чувствует, как щеки его багровеют.

— Этот… авантюрист? Послушай. Томми всегда думает только о своей шкуре. Держись от него

подальше. Сколько раз тебе говорил!

— Ха-ха-ха. Ой-ой-ой. Ха-ха-ха. Ой-ой-ой.

— Что?

— Чего ты психуешь-то? Или ты не любишь своего младшего братика, а, пап?

— Хватит паясничать! Скажи родителям спасибо, что у тебя есть крыша над голо…

— Да-да-да, знаю. Вы меня кормите. Вы меня холите, обеспечиваете меня горячей водой и мягкой туалетной бумагой. Смени пластинку, папа.

— Пора привыкать к элементарной ответственности.

— Пластинку смени.

— Какую еще пластинку?

— Да этого твоего долбоеба Мантовани.

— Как ты смеешь выражаться при матери?

— Ладно уж, потерпи, совсем недолго осталось.

Повисает молчание. Роберт смотрит на Морин, но та не отрывает взгляда от своей тарелки. Чарли пробует разрядить атмосферу:

— Послушай, Мо, сын нашей соседки Кэрол, в честь кого он назван?

— Нельсон? — рассеянно отвечает Морин, явно думая о чем-то другом.

— Да, Нельсон.

— Ну не знаю. В честь моряка, наверное.

— Нет. Она говорит, что адмирал тут ни при чем.

— Может быть, в честь отца?

— Отца зовут Тревор.

— Значит, в честь Нельсона Риддла[25].

— Она не знает, кто это такой.

— Значит, в честь Нельсона Манделы, — ухмыляется Роберт.

— А кто он был, отец ее ребенка? — интересуется Чарли.

— Кстати, что ты имел в виду, когда сказал, что нам совсем недолго осталось терпеть? — спрашивает в ответ Морин.

Роберт хлопает глазами. Он-то думал, что проехали, что его реплику забыли.

— Да так, — мямлит он.

— Что значит "так"?

— Наклевывается одно местечко.

Морин начинает грациозно, но нервно поправлять бусы.

— Местечко? — переспрашивает она.

— Это недалеко, — говорит Роберт. — Может, еще и не выгорит.

---

[25] Примечания: 25

Нельсон Риддл (1921–1985) — популярный американский композитор, автор музыки к таким фильмам, как "Великий Гэтсби", "Лолита", делал аранжировки для "хитов" Фрэнка Си-натры.

— Сегодня, я смотрю, счастливый денек, — комментирует Чарли.

Но Морин вся сникает, представив, что единственный птенчик выпорхнет из-под ее крыла. Еле передвигая ноги, она относит тарелки, потом возвращается с компотом из персиков, слипшихся в плотный ком, и с банкой сгущенного молока, проколотой с двух сторон.

— Ты чего это приуныла, Мо? Тебе нехорошо?

— Извини, что молоко прямо в банке, Чарли. Я сегодня разбила молочник, выскользнул из рук, когда я его споласкивала.

— Эх ты, руки-крюки, — добродушно ворчит Чарли и оборачивается к сыну. — А где ты возьмешь деньги на оплату этого твоего местечка?

— Никакой оплаты.

— То есть?

— Ну… это вроде как… ничья нора.

Морин потрясена.

— Но ты не можешь поселиться в таком месте.

— Почему?

— И там с тобой поселятся такие же бездельники, мм? — спрашивает Чарли.

— Совсем не обязательно, что люди, вынужденные жить в подобных условиях, — бездельники.

Чарли заставляет себя придержать ярость, но

Морин преодолеть свое огорчение никак не удается. Полив персиковые дольки тонкой струйкой сгущенного молока, Чарли отправляет по одной в рот. Пропитавший их сладкий сироп нравится ему гораздо больше, чем сок свежих персиков, он и кофе предпочитает растворимый, а не сваренный в кофеварке. Он приканчивает вторую банку пива, наконец-то почувствовав легкое опьянение, от которого становится чуть более общительным.

— Ты действительно хочешь переехать? — спрашивает Морин.

— Да никуда он не денется, — утешает ее Чарли, твердо решив сменить тему разговора.

Роберт тем временем жадно расправляется с персиками, аппетит у него волчий.

— Хочешь кофе? — спрашивает Морин.

— Хорошо бы, — говорит Роберт, торопливо заглатывая персики. — А есть нормальный?

— Да-да, и бокал шампанского, — ехидничает Чарли. — И еще не забудь покормить малыша виноградиком.

— Нет, только растворимый.

— Тогда я пас.

Он поднимается.

— Ты куда?

— Хотел заскочить к Кэрол. У нее вроде бы есть новые пластиночки.

— Набиваешься в хахали? Так сказать, в порядке очереди?

— Да ну. Просто у нее клевые пластинки.

— Помог бы лучше убрать со стола, — ворчит Чарли.

— Ничего, я сама, — веселым голосом говорит Морин. — Иди-иди, навести соседку.

— Спасибо, ма.

Смерив отца торжествующим взглядом, Роберт хватает с вешалки куртку и убегает. И скоро его родители слышат трезвон соседского дверного звонка.

— Дитятко, — раздраженно говорит Чарли, отделяя кончиком ложки один ломтик от другого.

— Ты слишком к нему строг.

— Но он ведь палец о палец не желает ударить. День прошел — и ладно. А ведь этому обалдую уже восемнадцать. Он же, черт возьми, мужчина. В его возрасте я тянул лямку в армии.

— Если ты все время будешь твердить, какой он неудачник, он им и станет.

Чарли ее не слушает и возмущается дальше:

— Поразительно… вылитый братец. Ни рыба ни мясо. Плывет себе по течению. То нырнет, то

вынырнет. Как получится. Авантюрист. Потому он так и льнет к Томми, родственные души.

— Его отец ты, Чарли. И смотрит он на тебя.

— Как же… Я для него — пустое место. Мы оба для него как пустое место.

— Он правда ищет работу. Он же старается! Просто тебе не рассказывает. Боится. Боится, что при очередной неудаче ты будешь потом тыкать этим ему в лицо. Он ведь как рассуждает: если ты не будешь знать, что он ищет, то не узнаешь и того, что ему отказали.

— Напрасно ты с ним так носишься, Мо. Ему только дай палец, он ведь руку готов откусить, или, как они теперь выражаются, схавать, так?

Чарли доедает персики, каждый проглоченный ломтик улучшает его настроение. Он с умилением и нежностью смотрит, как его жена старательно вылавливает персики из сиропа, прежде чем отправить их в рот. Он наклоняется и треплет ее по щеке.

— Ну что ты сегодня делала, детка?

— Да ничего особенного. Когда бегала, наткнулась на миссис Джексон.

— Ну и как она, наша дотошная старушка?

— Да ничего, потихоньку. Я помогла ей причесаться. Ты же знаешь, как ее донимает артрит.

Иногда не может пошевелить руками. Пальцы как птичьи когти, совсем скрюченные. А от сыночков ее помощи не дождешься. Ни от того, ни от другого — месяца три и носа сюда не показывали. Она очень одинока.

— Да, бедняжка, ей приходится несладко.

— Она не нуждается ни в чьей жалости. Она очень гордая. Подарила мне коробочку цукатов.

— Отлично. Думаю, она по характеру не особо вредная. Одинокие люди не могут позволить себе подобную роскошь — вредничать.

— Хочешь, откроем цукаты, попозже?

Морин медленно и вдумчиво жует ломтик персика, она прочла, что каждый кусок пищи нужно пережевывать не менее двадцати раз, чтобы все хорошо усваивалось. Покончив с персиками, она собирает тарелки и относит их на кухню. Чарли снова усаживается в кресло, Морин возвращается и ставит перед ним чашку с кофе и банку с сухим молоком. Она никогда не может угадать, сколько надо сыпать, и предоставляет Чарли делать это самому. Чарли кладет одну ложечку и еще полложечки, глядя, как белый порошок растворяется в черной жидкости. Вкус этого порошка для кофе нравится ему гораздо больше вкуса свежего молока.

Морин, наклонившись, счищает крошку с уголка его рта. Он вечно забывает вытереть губы или хотя бы их облизать. Этот жест, полный нежной заботливости, Морин проделала за их жизнь сотни раз…

— Мурзик ты мой.

Чарли улыбается, молча соглашаясь. Морин торопливо прибирает сакральное пространство столешницы, поглядывая на экран телевизора, чтобы не пропустить начало сериала. Выключен только звук, и она видит первые титры "Далласа" и Лэрри Хагмана[26] с дьявольской и почти родной уже ухмылкой.

— Я отнесу все остальное и помою, детка, — говорит Чарли, — садись смотри.

— Спасибо, Рок.

Чарли с вожделением смотрит на третью банку пива. Он раскуривает сигарету и уже не выпускает ее изо рта. На тарелки, пока он тащит их на кухню, сыплются кучки пепла. Тлеющий кончик вспыхивает как звезда, когда Чарли затягивается. В журнале "Ридерз дайджест" как-то писали, что все, из чего мы состоим, произошло от звезд. Неужели и эти стальные мочалки "Брилло", и

---

[26] Примечания: 26

Лэрри Хагман — исполнитель главной роли — нефтяного магната, бесчестного злодея Юинга.

покрытые жаростойким пластиком "Формайка" полки и стол, и все эти баночки со специями произошли от звезд? Как-то не верится... Рядом с раковиной, на подоконнике, стоит фото Роберта, когда ему было пятнадцать. Глядя, как пенится в раковине жидкость для мытья посуды, Чарли посматривает на рожицу сына. По мнению Чарли, отпрыск его отнюдь не красавец: безвольный рот, землистобледная кожа. Но Морин уверяет, что девчонки считают его симпатягой, даже заглядываются. А на что тут, собственно, заглядываться?

Знакомые звуки увертюры к "Далласу" доносятся из холла, мелодия достигает крещендо, потом затихает. Отскребывая от тарелок, расписанных синими васильками, остатки "пирога дровосека", Чарли представляет, как жена его, забыв обо всем на свете, смотрит на экран, погрузившись в мир нефтяных скважин, войн корпораций и любовных сцен. У этой Морин, у азартной телезрительницы, чувственно-влажные губы. Да, в его воображении она снова становится очень сексуальной, такой, какой она была раньше, пока привычка еще не заглушила желание, пока она окончательно не стала примерной матерью и добытчицей, ретивой домашней хозяйкой. Сам он "Даллас" не смотрит. Сплошное вранье. Эти

янки ни в чем не знают меры.

Но Морин ни за что не оттащишь от экрана, пока там мелькают интерьеры "Саутфорка"[27]. Ее вечерние занятия по понедельникам и средам, они же, так сказать, переходящие праздники, необязательные, которые просто помогают скрасить нудную рутину. Рисование натюрмортов и занятия йогой особого энтузиазма у нее не вызывают. То ли дело "Даллас". Несколько месяцев назад у Морин умер брат, так она готова была сбежать с похорон, чтобы не опоздать. Примчалась и всю серию просидела в черном костюме, до самых заключительных титров.

Однажды он спросил, чем ей этот "Даллас" так нравится.

— Не знаю, — вот что она сказала.

Потом была долгая пауза, и, когда он уже отошел, не надеясь на продолжение, она пробормотала:

— Наверное, тем, что он — про сущность всякой власти.

Больше они на эту тему не говорили.

Перемыв тарелки, Чарли насухо вытер их полотенцем, сувениром из Ирландии, на котором

---

[27] Примечания: 27

"Саутфорк" — ранчо, где снимался еженедельный сериал "Даллас", ныне туристическая достопримечательность.

имелись и листочки клевера, и эльфы, и прочая нежить. Закончив, он тщательно его сложил и задумался о клевере. До сих пор, завидев полянку с клевером, он машинально ищет глазами лист с четырьмя листочками. Вообще-то он старается не потакать своим суевериям. Особенно когда есть опасность, что они сбудутся. Ну, например, когда проигрывает его команда, клуб "Фулем", ему часто кажется, что это он виноват: накануне матча что-то не то увидел. Иногда он замыкается в своей особой магической вселенной и совершенно искренне верит, что его мысли неким образом влияют на ход реальных событий реального мира.

Войдя в гостиную, он видит, что на экране Джей Ар собачится со Сью Эллен. Чарли смотрит на ее губы и пытается представить, хорошо ли экранная киска берет это в ротик. Морин такого варианта вообще не приемлет. А жаль, это одна из немногих претензий, которые он может предъявить своей жене. Джей Ар кричит, то нахмурится, то вскинет брови. Он вне себя. Он бьет Бобби по морде. Его можно понять, попал бедный малый в переплет, совсем как он, Чарли.

Чарли решил заглянуть в гостевую комнату. Он расстегивает ремень и перемещает штырек на

дырочку дальше, потом присасывается к четвертой банке. "Дабл Даймонд" все же поганенькое пиво: сплошная пена. А перед этим хряком Сэмом он напрасно тогда стушевался.

Он распахивает дверь, которую ему пришлось перевесить, чтобы открывалась наружу, и, протянув руку, нащупывает выключатель. Здесь, внутри, целый мир в миниатюре. В углу серые с белыми вершинами горы, за которыми — синее небо и округлые холмы, нарисованные прямо на стенах. Чарли все-таки нарушил правила, надеясь, что городские чиновники не станут сюда заглядывать, в этот сотворенный им мирок.

Вокруг расположенного посреди комнаты вокзала с деревянной крышей толпятся фигурки пассажиров. Они одеты по викторианской моде. Молодая женщина в капоре держит желтый зонтик. Щеголь с высоким воротником и в цилиндре. Семья рабочих, городская чернь: пропитой глава семейства в полотняной кепке и его жена, абсолютная замухрышка. Дебелая матрона, священник, дед и бабка. Двое младенцев в колясках.

От этого центра тайный мирок распространяется вширь. В домиках есть электричество, окна весело вспыхивают, как только Чарли щелкает выключателем. Миниатюрные деревья из губки и

проволоки, перекресток, тщательно выписанные дорожные знаки. Молочные цистерны, красные пожарные ведра. Крохотный мир заполонил всю комнату.

Через полчасика после того, как закончилась серия, Морин переоделась в ночную рубашку и халат. Вслушиваясь в глухие звуки музыки, доносящиеся из-за стены, она приготовила себе горячего какао, оно у нее вместо снотворного. Скоро уже надо укладываться. Вообще-то она собиралась сделать несколько упражнений, но не хочется — лучше она утром подольше позанимается, обязательно.

Морин слышит, как поворачивается ключ в замке, — Роберт. Сразу ее увидев, он подходит и садится на стул рядом.

— Мам, тебе принести печенье?

Морин молчит, осторожно нащупывая языком язвочку, маленький кратер на внутренней стороне нижней губы, она часто ее мучает.

— Что-нибудь случилось?

Морин поднимает глаза. Замечает на шее сына след губной помады и улыбается — самой затаенной из своих улыбок.

— И хорошо тебе было у соседки?

— Нормально. Так что-то случилось?

— Не знаю, как и сказать.

Роберт кивает:

— Это, что ль, из-за моего отъезда?

— В общем, да.

— Но папа прав. Не могу я вечно туг у вас торчать.

Она находит его руку и крепко сжимает. К удивлению Морин, сын не пытается ее вырвать.

— Что у вас с ним такое, Роб?

— С папой?

— Да, с папой.

— Ничего. Все нормально.

— Он уверен, что ты его ненавидишь.

— Скажешь тоже, ма. Просто он все время меня подкалывает. Из-за него я чувствую себя каким-то придурком. Он думает, что я размазня, великовозрастный кретин.

— Ты преувеличиваешь. Я абсолютно уверена, что он ничего такого не думает.

— Ему бы хотелось, чтобы я стал, как минимум, нейрохирургом. А я… сама знаешь… не из умников. А работа, она на дороге не валяется. Сам бы попробовал, что ли. Из-за него я чувствую себя… как… Он заставляет меня почувствовать, что я…

— Что ты — что?

— Ну… Что мне в этой жизни уже ничего не све-

тит. Вот что, — говорит Роберт и вырывает руку.

— Глупости, Роб. Тебе всего восемнадцать. И папа очень тебя любит, ты же знаешь. Ему просто хочется, чтобы ты… использовал все свои способности.

— По-моему, он их слишком переоценивает, мои способности.

— Можно кое о чем тебя попросить?

— О чем?

— Будь с ним поласковей, хорошо? Тем более что ты уезжаешь.

Морин выжидает, надеясь, что Роберт начнет отнекиваться. Но он молчит.

— Ведь ты уезжаешь, да?

— Да. Собираюсь.

— Ну вот… Ты ведь не хочешь, чтобы между вами оставались какие-то обиды.

Роберт тяжко вздыхает.

— Мам, я попробую. Но он…

— Я знаю, знаю.

Газовая горелка вспыхивает ярче и шипит. Из комнаты Чарли доносится шум футбольного матча.

— Ну что, поговорили? — с улыбкой спрашивает Роберт.

— Поговорили.

— Тогда я пошел к себе. А то завтра рано вставать, обещал помочь дяде Томми.

— А чем ты там у него занимаешься?

— Так, чем придется. В основном всякой мурой, на что других не заманишь. То носилки с цементом таскаю. То чай организовываю. То чиню что-нибудь, по мелочам.

— А почему ты не расскажешь об этом Чарли?

— Ты же знаешь, как он относится к дяде Томми: он такой-сякой, плохо на меня влияет.

— Но он хотя бы будет знать, что ты проявляешь какую-то инициативу…

— Для него это никакая не инициатива. А предательство — раз я работаю на Томми.

Морин кивает, допивая какао.

— Мне неловко что-то утаивать от отца.

— Тогда я больше не буду ничего тебе рассказывать. Это тебя устроит?

— Нет-нет.

Роберт берет у нее пустую чашку, чтобы занести на кухню.

— Все как-нибудь образуется. Не переживай, мам. Спокойной ночи.

— Я знаю. Спокойной ночи, Роб.

--

Чарли подходит к одному из миниатюрных

коттеджей в углу комнаты. Просовывает руку за крышу и нащупывает ряд выключателей. Нажимает один из них, и тут же из дальнего конца комнаты доносится легкое жужжание. Это локомотив тащит три коричнево-белых вагончика по круглящимся по углам и образующих восьмерку рельсам. Свистит мотор, появляются клубы дыма из трубы — результат действия маленького нагревательного элемента. Чарли нажимает еще одну кнопку — в середке — и наблюдает за пыхтящим составом. В его заранее известном до сантиметра маршруте есть что-то умиротворяющее, колеса поезда прикованы к узкой железнодорожной колее. На подходе к горам построен своеобразный пандус, чтобы поезд мог взобраться на Альпы, именно эти горы имелись в виду, хотя все остальное в этом мирке — исключительно британское. Красные почтовые ящики, британские вокзальные часы, блокпосты управления. Иногда Чарли переводит на рельсах стрелки, чтобы слегка изменить маршрут. Но на самом деле ему нравится, что путь следования всегда более или менее одинаков.

Он достает коробку с еще не раскрашенными фигурками, на крышке которой написано: "Американские туристы (сидящие)". Он вынимает

мужчину в хомбургской шляпе[28] — с квадратным подбородком и уверенным взглядом. Потом с помощью отвертки открывает баночку с коричневой эмалью "Гамброл" и начинает аккуратно раскрашивать шляпу, слегка высунув от старания язык. Поезд продолжает посвистывать и погромыхивать на стыках рельсов, взбирается в гору и несется вниз. Викторианские фигурки безмолвно взирают на проносящийся мимо состав, но никогда им не сесть в эти вагончики.

В одиннадцатом часу в комнату заглядывает Морин. К этому моменту американский турист уже обрел голубовато-серый костюмчик, желтый галстук и белую рубашку. А Морин успела стереть помаду, пудру и тушь и нанести ночной крем, теперь она была похожа на бледное привидение.

— Тебе принести какао, Чарли?

Ему тут же представился темный кружок молочной пенки, совсем неаппетитный. Он отказывается, ему бы сейчас пивка, хоть бы и "Дабл Даймонд". Ему муторно, будто с перепоя. Опохмелиться бы. Но магазин уже закрыт. И лавчонки на углу — тоже, по средам они закрываются раньше, в пять.

---

[28] Примечания: 28

Хомбургская шляпа (хомбург) — мужская фетровая шляпа с узкими, слегка загнутыми полями и продольной вмятиной на тулье.

— А печенье?

— Какое?

— "Ройал скот", есть еще несколько штучек "Ричти", но они черствые.

Чарли разочарованно мотает головой. Он надеялся, что она купила песочные "пальчики".

— Я еще немного посижу.

Морин уходит. Она всегда ложится раньше, и, когда Чарли в своей фланелевой пижаме в полоску цвета вареного ревеня укладывается рядом, она уже спит. Спит, легонько похрапывая, что ничуть не мешает ему засыпать, но почему-то раздражает. Вообще-то Чарли сегодня хотел дождаться двенадцати, посмотреть результаты выборов, но чувствует себя совершенно измотанным. Он закуривает очередную сигарету и снова гонит по рельсам поезд. Потом еще. 14 еще. Ну ладно, поиграл, и хватит…

Щелкнув выключателем, он выходит и заглядывает в кухню и холл, проверить, везде ли погашен свет. Везде. Только свет от оранжевых уличных фонарей заливает комнату. Глубокие, похожие на лужи, тени расплескались у подножья дивана. Чарли разворачивается и хочет затворить дверь, но не тут-то было: деревянный косяк разбух, но Чарли, чуть ее приоткрыв, снова и снова пытает-

ся втиснуть дверь в проем, он не удивится, если сейчас между деревянным косяком и дверью вдруг вспыхнет искра…

Чарли бредет в ванную. "Туалетный гарнитур", выписанный Морин по каталогу, совсем не в его вкусе, но тут ее королевство, ее территория, и он помалкивает. Раз ей нравится, пусть. Целый ярко-синий комплект из толстой лохматой синтетической пряжи, взъерошенные обрезки которой похожи на червяков. Чехол для крышки унитаза, ролик для бумаги, накидка для мусорного ведра, коврик перед стульчаком, который Морин запрещает называть стульчаком, только унитазом. И всякий раз поправляет Чарли, когда он оговаривается.

Ярко-синие червячки выглядят необыкновенно живыми, кажется, они сейчас расползутся по всему дому, по мебели в холле, по желто-рыжим тюлевым занавескам, по трехслойному стеганому пуховому одеялу, отделанному кокетливой оборкой из терилена, по соломенным шторкам, расписанным цветами — в китайском стиле. В один прекрасный день они будут копошиться всюду, эти синие червяки. И тогда вся эта разномастная, разностильная начинка квартиры наконец обретет абсолютную гармонию, и все

эти еле уживающиеся друг с другом вещи утратят слегка агрессивную обособленность.

Чарли останавливается рядом с зеркалом и начинает искать свою зубную щетку. На поверхности ее нигде не было видно. Он открывает шкафчик. Флаконы с мужской туалетной водой: "Берли", "Хаи карате", "Натуральный табак". Они подарены ему несколько лет назад и, скорее всего, простоят закупоренные еще лет десять. Гигиенические прокладки Морин. Хорошо бы, конечно, она держала их отдельно. Но в браке, как и в жизни вообще, не все складывается, как хочешь. Запросы должны быть разумными.

Триптофан, Морин принимает эти таблетки от нервов. Каламин, мазь от сыпи у него на заднице, — это уже его. Таблетки Морин для сжигания жира. По мнению Чарли, от них не больше толку, чем от ее утренних пробежек и тщательного подсчета калорий. Впрочем, ему-то что, пусть себе бегает и голодает. Пузырек с болтушкой от бородавок, гель от язвочек во рту, которые Мо очень нервируют. На нижней полке валяются мази Роберта от прыщей и угрей. Но где же все-таки зубная щетка?

Чарли закрывает шкафчик и снова разглядывает себя в зеркале. Он еще ничего. Никаких

залысин. Морщины, конечно, но их меньше, чем у многих его ровесников. Глаза чуть потускнели от выпивки, одна ко пока не выцвели, синие. Пожалуй, он выглядит не хуже своего младшего братца.

Тут Чарли случайно, боковым зрением замечает щетку. На коврике рядом с унитазом, она почти не видна под спутавшимися синтетическими червяками. Чарли вызволяет щетку, на щетину налипли синие волоски. Вполне вероятно, что в коврик впиталась моча, и теперь она попала на его щетку. Роберт мог и промахнуться мимо унитаза, это он запросто. Чарли с досадой выбрасывает щетку в ведро, утром придется купить новую.

Он усаживается на стульчак и тужится, но никакого результата. И во рту поганый привкус. В памяти его всплывает старая реклама пасты СР, фирмы Тиббс": тюбик протаскивают сквозь кусок льда, и он взрывается, исторгнув сияющую изморозью пасту; эх, хорошо бы и ему так прорваться сквозь ледяную кору жизни. Только с чего он взял, что жизнь у него ледяная? Она у него еще тепленькая. А это самая оптимальная для него температура.

Чарли поднимается и натягивает брюки, но не

застегивает, все равно сейчас надевать пижаму. В правой руке он держит чашку с водой (ночью часто пересыхает во рту), в левой — недочитанный роман Сидни Шелдона.

Проходя по холлу, он чувствует, как брюки медленно, но неотвратимо сползают вниз. К тому моменту, когда он причаливает к двери спальни, где его ждет равнодушная спящая Морин, пригревшаяся под териленовым одеялом, брюки мотаются уже на уровне икр. Не дожидаясь, пока они свалятся окончательно, он продолжает идти мелкими шажками. Вид, конечно, дурацкий, но Чарли лень скидывать эти чертовы штаны. Он чувствует, как член его твердеет, не сказать, чтобы сильно, но ощутимо, это оттого что трусы при таком мелком шаге трутся о мошонку.

И в этот момент, как назло, из своей комнаты выходит Роберт в потрепанных джинсах, прямо на голое тело. Чарли старается не смотреть на сына, пока тот изучает его с головы до ног. Роберт ничего не говорит, просто с непроницаемым видом рассматривает Чарли, брюки которого успели сползти на лодыжки. Роберт открывает рот, чтобы достойно прокомментировать это зрелище, но, вспомнив просьбу матери наладить с отцом мирные отношения, сдерживается.

— Хочешь посмотреть результаты выборов? — небрежно спрашивает Чарли, чувствуя, как вспыхивают его щеки.

— Нет, — отвечает Роберт. — А ты голосовал?

— Разумеется. А ты?

— Очень мне нужны все эти придурки!

— По-моему, они рассчитывают как раз на таких, как ты.

Роберт опускает глаза. Чарли вдруг понимает, какой у него идиотский вид. Пожалуй, дебаты о выборах лучше отложить…

— А меня что-то совсем разморило, пойду лягу.

— Спокойной ночи, па.

— Спокойной ночи.

— И знаешь, папа…

Чарли чувствует, что меч войны вот-вот будет извлечен из ножен, и внутренне готовится к атаке. Он чувствует, как лодыжки его слегка саднят, натертые сползшими брюками. Роберт конечно же не упустит столь замечательный повод поиздеваться.

— Желаю тебе приятных снов.

— Хорошо бы.

Роберт уходит.

Почувствовав облегчение и даже благодарность, Чарли пытается открыть дверь, нажимая

запястьем (поскольку пальцы его заняты стаканом) на ручку. После нескольких попыток это ему удается, и он входит в полутемную комнату, освещенную лишь маленьким белым ночником в изголовье кровати. Он ставит стакан на пластмассовую столешницу туалетного столика, потом кладет туда же книгу, потом быстро раздевается, запихнув трусы и майку в плетеную корзинку для грязного белья. Запихивая, замечает на трусах еле видные коричневые полоски, не хотелось бы, чтобы Морин тоже их приметила. Одна надежда: что она уже привыкла делать все автоматически, не вникая и ни на что не глядя.

Пижама свежая, тепленькая после сушильного шкафа. Это радует, потому что в комнате промозглый холод. Чарли мысленно клянет дармоедов чиновников, которые не в состоянии обеспечить исправность элементарного бойлера. Чиновники, начальство типографии и правительство — доблестная троица, которая портит ему жизнь.

Улегшись, Чарли нежно гладит волосы сладко посапывающей Морин, привычная, почти машинальная ласка. Его взгляд натыкается на аккуратно сложенное красное вечернее платье, надетое сегодня для просмотра "Далласа", и оно

вдруг напоминает ему взятые крупным планом алые сочные губы Сью Эллен. И тут лоза его воображения вдруг порождает дивные цветы желания и полноценной эрекции, и его давно постящийся член вот-вот выплеснет семя прямо на простыню. Это теперь довольно редко случается, непредсказуемая капризная прихоть его естества, которую ему приходится удовлетворять самому, воровато мастурбируя под прикрытием простыни, правда, обычно он успевает заранее подстелить бумажное, в цветочек, аккуратно оторванное от ролика кухонное полотенце, которое потом спускает в унитаз. Есть еще вариант: он достает из-за ящичка с инструментами припрятанные от Морин журналы "Только для мужчин" и "Пентхаус", запирается в уборной — и понеслась душа в рай…

Но сейчас Чарли решил задействовать Морин, хотя она уже спит, ничего, он ее уже несколько месяцев не беспокоил. И вот результат — все сильнее давит растущее разочарование, бремя неудовлетворенности. Он даже подумывает иногда заскочить к проституткам, но трусит, боится подцепить герпес или показаться слишком стыдливым. Ведь теперь это как-то даже неприлично, теперь вокруг — полная вседозволенность. Нет,

мир определенно помешался на сексе.

Чарли действует уверенно, почти машинально, ведь столько раз все отрепетировано. Сначала ласкает груди, довольно скромного размера, не больше чайных кексов, затем целует шею, еле слышно постанывая, чуть прихватывая губами и посасывая кожу. Он чует запах ночного крема Морин и запах мятной зубной пасты. Решив, что прелюдию можно и завершить, он протискивает руку между ног. Ладонь его была встречена абсолютной сушью, а ляжки ни на дюйм не разомкнулись. Морин опять начинает тихо похрапывать, очень похоже на мотор тягача где-то на дальней улице, притворяется, что ли? Наконец Морин слегка пошевелилась и начала вяло отзываться на его прикосновения, это уже хоть что-то, и он ей благодарен. Раньше, когда все было закончено, он чувствовал, что нужно что-то сказать, но вечно не мог найти подходящих слов, из-за этого всегда в душе оставался горький осадок потери.

Но сейчас проблема была в том, что ему никак не кончалось. Он начал снова думать о Сью Эллен: Сью Эллен и Люси Эвинг в его постели, Джей Ар и Бобби. Все эти персонажи даже не подозревают, восседая на своих сияющих высотах, что

некий Чарли Бак затащил их, телевизионных кумиров, в свое любовное гнездышко в жалком муниципальном курятнике.

Он представляет, как вскарабкивается на Морин (она же Сью Эллен) и пытается ее взять, несмотря на то, что эта симулянтка притворяется спящей. Эрекция скоро совсем уже его доконает… надо что-то срочно предпринять, немедленно… Он должен почувствовать себя мужчиной, черт возьми…

Чарли продолжает поглаживать и теребить розовую промежность Морин, вообразив, что эти розовые припухлости и лепестки принадлежат взращенному Голливудом гомункулу, роскошной блондинке Люси Эвинг, что это ее точеное, упругое пышногрудое тело прижимается к его окаменевшему от напряжения телу… А Сью Эллен наблюдает за ними, завороженная накалом кипящей страсти. Чарли вдруг чувствует некоторую робость, а потом и стыд, оттого что до сих пор не постиг все тонкости причудливой женской анатомии. Лишь дважды на протяжении всей их совместной жизни, когда они были моложе и Морин щедрей ласкала его прежде такой мускулистый гладкий торс, он вроде бы угадывал, где оно, то заветное местечко в прихотливом

бутоне розовой плоти… лишь тогда тело ее непроизвольно выгибалось и трепетало, а дыхание становилось неровным. Ему подумалось, что надо было бы спросить у нее, где именно нужно гладить, и заодно запомнить координаты, чтобы потом доставлять ей удовольствие, но вопрос застревал у него в горле, его душил стыд, который слишком часто сопровождал их интимные отношения.

Чарли снова принимается поглаживать груди Морин, воображая их более пышными и упругими, на этот раз он теребит соски, легонечко потискивая их большим и указательным пальцами, потом снова целует шею. Свежих идей по части любовной игры в голову не приходит, ответа же на его ласки по-прежнему никакого. Роскошная Люси вдруг тает на глазах, превратившись в неровно заломленную складку на простыне, и внимание воображаемой Сью переключается на что-то другое. Чарли нервничает еще больше. Эрекция не проходит. А Сью Эллен даже не смотрит в его сторону. Стараясь не пыхтеть, он усердно себя массирует, но неистово пульсирующая в паху кровь начинает мягко откатывать вспять, в океан тела, унося с собой восхитительное томление. Морин, сладко всхрап-

нув, переворачивается на спину, к уголку ее рта прилипла какая-то мошка.

Пока желание окончательно не ушло, Чарли усиленно разогревает себя более смелыми воображаемыми картинками. Он снова представляет Люси, на этот раз с ней развлекается стонущий Джей Ар, пристроившийся, как кобель, сзади, долбит своим нечеловеческих размеров болтом ее попку. Сам Чарли никогда не предлагал Морин анального секса, но попробовать хотелось, хотя одновременно при мысли о таком способе он чувствовал отвращение. Сью Эллен тоже тут, смотрит, устроившись на стуле рядом с туалетным столиком, ноги ее широко раздвинуты, она онанирует, лаская себя изящным указательным пальчиком с длинным красным ноготком. Восстановленная по крохам и дополненная картинка оказывается эффективной: опавший было член снова в боевой готовности. Джей Ар близок к оргазму, физиономия его пылает и лоснится от пота. Пугающе лохматые брови то вздымаются, то нависают над глазами. Люси дышит все надсадней. Ей мало, мало, ей нужно еще. Чарли тоже наддает себе жару, надеясь не упустить кульминационный момент, вовремя сжать пальцы. И очень скоро напряжение разряжается вожде-

ленным взрывом. Вся воображаемая компания из "Далласа" растворяется в воздухе, слившись с фактурой одеяла. Он лежит и ждет, когда восстановится дыхание, а потом надо сходить на кухню за бумажным полотенцем.

И тут Морин внезапно потянулась, и рука ее легла на живот Чарли, прямо на лужицу спермы. Она сразу же, как будто вовсе и не спала, резко садится, в ужасе уставившись на свою ладонь, ничего не понимая… Стекающая к краю ладони жидкость каплями срывается вниз. Все сильнее ощущается специфический солоноватый запах.

Чарли остается только униженно оправдываться:

— Я… знаешь… такое иногда приснится. Это все из-за сна…

Смущение на лице Морин сменяется еле заметным отвращением, которое было бы более откровенным, если бы она не знала, что Чарли смотрит на нее — будто всеми брошенный несчастный подросток. Она с усилием выдавливает одну из своих фирменных улыбок, которой пользуется крайне редко: это сердитая и одновременно прощающая улыбка, их в принципе невозможно соединить, если ты не родился Морин… Но улыбка получилась не очень убеди-

тельной, Морин не удается скрыть отвращение.

— Прости меня, — говорит Чарли, не решаясь посмотреть ей в глаза.

Он продолжает лежать, не представляя, что же делать дальше, чувствуя, как лужица скатывается с живота в постель, как миллиарды несостоявшихся младенцев растекаются по бескрайней пустыне териленовой простыни.

Морин, ничего не ответив, вылезает из кровати. В этот момент свет фар проезжающей машины врывается в комнату, и Чарли видит ее лицо, напрягшееся и грустное, без тени улыбки. Она уходит. В ванную, наверное, куда же еще, идет отмывать руку. Он понимает, что она заодно дает ему шанс ликвидировать неловкость. Времени у Чарли не так много. Он вскакивает, откинув простыню, выхватывает из корзины грязные трусы и насухо вытирает живот. Потом трет простыню, заранее зная, что все равно останется пятно, которое к утру пожелтеет, непреложное доказательство его позора.

Это все блядские проделки Сью Эллен, как же он ее ненавидит! Он нащупывает полиэтиленовый пакет, лежащий в корзинке для мусора, слава богу, пустой. Он запихивает в него трусы, крепко завязывает верх и пихает пакет в карман куртки,

висящей в шкафу. Утром он от него избавится.

Когда Морин возвращается, он лежит не шевелясь, делая вид, что уснул. Именно этого от него и ждали. Со временем (при условии тактичного молчания) этот позорный эпизод будет восприниматься не так остро. Жаль только, что всякие неприятные эпизоды накапливаются, оставляют на жизни грубые рубцы, неприятные минуты мало-помалу складываются в годы. Спустя какое-то время дыхание Морин делается более мерным и шумным. Чарли прислушивается до тех пор, пока не убеждается, что она действительно спит. Сам Чарли теперь точно не сомкнет глаз, где уж тут… все его тело ликует, переполненное эндорфинами, ему хорошо.

Но постепенно где-то в глубине груди начинает набухать комок злости. Чарли чувствует, что его унизили. Он нормальный мужчина с нормальными сексуальными потребностями. Что тут крамольного? В конце концов, он имеет право… Этого бы не произошло, если бы она вела себя по-другому. Если бы не эта безнадежная сухость. Не женщина, а ледышка. При слове "ледышка" ему снова вспоминается тюбик пасты, придавленный толщей льда. Только теперь он понял глубинный смысл этой рекламы, вот тебе и мо-

розная свежесть.

Очень осторожно, стараясь не разбудить Морин, он выбирается из-под одеяла. Черт возьми, вся пижама промокла! Он тихонько подходит к двери и выскальзывает из спальни.

Пижама прилипла к животу, гнусновато. Он думает о том, как бездарно "обсопливился", о пережитом унижении, о том, что весь мир стал неуправляемым и летит в пропасть. Инфляция. Десятичная система. Чокнутые левые.

Потом он вдруг остро осознает, что только что оскорбил собственную жену. Ему хочется забыться.

Чарли закуривает и включает телевизор. Вот они, "Выборы-79", с Дэвидом Димблби и Робином Дэем. Надо же, никаких помех, абсолютно четкая картинка. Он открывает кухонный шкаф, пытаясь отыскать хоть какую-то выпивку. Нашлось только немного "Адвоката", остался с прошлого Рождества. Он противного желтого цвета и здорово загустел, но Чарли все равно. Он наливает себе в стакан, высоченный, разрисованный сценками из девятнадцатого века: кареты, запряженные лошадками, лошадки несутся куда-то. Лошади и ливрейные лакеи совсем как живые, с каким завидным азартом эти экипажи мчатся по дороге…

Чарли усаживается перед экраном. Публика в студии очень взбудоражена. Роберт Маккензи демонстрирует кривую роста своих результатов, на его лице написано торжество и прямо-таки детская радость. Ей-богу, как можно себя накрутить...

Два часа ночи, Чарли потягивает из стакана "Адвокат". Политики от каждой партии по очереди комментируют ситуацию, кто что думает. Время от времени показывают вчерашние кадры с Тэтчер, возле одной из школ в районе Финчли[29], она там баллотировалась.

Чарли нравится, как она прикрывает глаза, изображая предельное внимание, и по-птичьи склоняет голову набок. Смешная, чуть старомодная прическа придает ей обыденный вид, очень располагающий: вроде бы она самая обыкновенная женщина. Чарли нравится ее живая мимика, постоянно изменяющееся выражение лица — отличная деталь имиджа, бьет прямо в яблочко. Очень достойная и респектабельная дамочка. Но лучше бы она никуда не лезла, только бабы им не хватало...

---

[29] Примечания: 29

Финчли — административная единица, часть так называемого "Большого Лондона", в который помимо Лондона входят и части нескольких графств.

Ее обступила свора других баб: пихают ее, норовят оттолкнуть, трясут плакатами, на которых написано: "Долой Тэтчер", "Мы за женские права, а не за правых женщин". Ах какие остроумные, какой тонкий каламбурчик![30] Сколько ж их набежало… сборище лесбиянок. Ярость на женских лицах пугает его. Как хорошо, что его жена нормальная баба, без всяких вывертов.

В три часа становится ясно, что лейбористы, на которых ставил он, проиграли. Причем в его собственном округе — с колоссальным отрывом. Представитель консерваторов набрал больше на полторы тысячи голосов. Доигрались, деятели, но Чарли не особо расстроен, он наслаждается разыгрывающимся спектаклем, теперь, кто бы что ни доказывал всему миру, правда стала явной. Но профсоюзные боссы с такими рожами позируют перед камерой, будто они уже прорвались в кабинет министров, почти не нервничают, уверены, что все скоро вернется на круги своя. Бодрячок Каллаген улыбается, как будто ничего особенного не происходит. Хотя кривая голосов Солнечного Джима продолжает ползти вниз.

Ладно, думает Чарли, этой стране действитель-

---

[30] Примечания: 30
Английское слово "правый" означает еще и "правильный".

но не помешают перемены, небольшая встряска. Он с удивлением замечает, что слегка захмелел. "Адвокат" приятно греет желудок. Он выкуривает три сигареты, одну за другой. В их квартире постоянно пахнет сигаретным пеплом, тушеными овощами, чаем и выхлопными газами. А в данный момент еще и разлагающимся на улице мусором, и, хотя окна плотно закрыты, вонь просачивается внутрь.

Снова на экране миссис Тэтчер — в своем округе. У нее вид строгой мамы, такая, конечно, не могла не понравиться. Дорогу другим, теперь их черед. Таковы законы равновесия. Она поворачивается и улыбается "на камеру". Она элегантна и приятно взбудоражена. Но Чарли знает, что жизнь еще собьет с этой дамочки весь ее гонор.

Он выключает телевизор, допивает "Адвокат" и бредет в спальню, надеясь, что Морин еще не проснулась. Ему не хочется, чтобы она учуяла, что от него пахнет спиртным. Она считает, что он слишком много пьет. В принципе он с ней согласен. Надо будет пореже прикладываться. Небольшие перемены и ему не повредят.

3

Тридцать первое марта 1980 года. Чарли снова на работе. Битва между армией начальников и армией профсоюза длилась целый год. Под конец бой велся на маленьком пространстве, как говорится, на переднем фланге. Многие из его коллег лишились работы, но мощной волны увольнений не последовало, так, шторм в три балла, не больше. Чарли получил деньги за простой и прибавку к зарплате на двадцать процентов. Теперь он получает двести фунтов в неделю, что значительно превышает средний заработок по стране, но это мало что дает, поскольку инфляция продолжает расти. Деньги выдают в коричневом конвертике, который он сразу вручает Морин, изъяв оттуда некоторое количество купюр на выпивку. Морин продолжает делать запасы на немощную старость, пряча их под оторванной половицей. Оба они понимают, что вообще-то деньги бы лучше не транжирить. Ясно, что экономия сберегает жизненную энергию, а траты — наоборот. К тому же Морин вносит часть денег за жилищный кооператив. Тем самым достигается двойная подстраховка. Она нашла банк с хорошими про-

центами, девятнадцать. Она представляет, как хорошо было бы отложить эти деньки впрок, но проклятая инфляция сжирает все...

Еще год борьбы. Газета выходит несколько недель, потом опять начинается стихийная забастовка. Наконец договорились, что горячий набор постепенно заменят компьютерным, но осталась еще куча всяких претензий. Профсоюзы типографских рабочих в очередной раз продемонстрировали свое упрямство и агрессивность.

Чарли успел здорово разлениться и привык допоздна валяться в постели. Сегодня Морин с утра пораньше ускакала в салон-парихмахерскую "Чародейка", это тот, что у самого шоссе. Ей, понимаешь ли, захотелось "в корне изменить свой стиль". Роберт все же уехал в свою нору, это где-то на юге Лондона. Полгода прошло с того дня, как Морин стояла на пороге, глядя, как он выносит за порог свои пожитки, пытаясь не выдать охватившего ее чувства осиротелости. Она делала храброе лицо. И даже изобрела новую улыбку по такому случаю. Однако как только Роберт уехал, все ее диеты и утренние пробежки сошли на нет. Отвращение к себе росло, это была внешняя реакция, реакция женщины, привыкшей к определенному ритму жизни, на утрату. Морин

начала раздуваться, как шарик, набирая вес.

Потом все же нашла в себе силы приспособиться к существованию в образовавшейся пустыне, как это делают жесткие и колючие кактусы. Снова стала бегать, сначала три раза в неделю, потом четыре, хотя ее мучили бородавки на подошвах, жутко противные, она регулярно соскребала сухую ороговевшую кожу вокруг нежных кратеров с торчащими внутри черными пупырышками. Иногда ей казалось, что пятки ее состоят только из кратеров и выемок между ними… Вместо аэробики она и по пятницам теперь писала натюрморты. Но йогой заниматься продолжала, ведь это помогает освободить разум, но Роберт снова и снова прокрадывался в ее мысли, вспоминалось вдруг, как он делает первые шаги, как она подбрасывает его вверх и снова ловит…

Когда Чарли в этот день поднялся с кровати, в комнате была дикая жара. Опять что-то не то с батареями. Стояли-стояли совсем холодные, теперь шпарят так, что не дотронешься. Начальнички, само собой, отделываются общими фразами, не желая ударить палец о палец… Им с Морин скоро поставят телефон, но до этого придется до бесконечности воевать с местными чиновниками, которые спят и видят, как бы побольше с тебя со-

драть и прикарманить. А в телефонную будку не набегаешься, да еще там потом стой и жди, когда все эти соплюшки наговорятся со своими дружками, не пойми о чем, просто уши вянут… Все же телефон штука хорошая, надо будет повоевать.

Почувствовав, что он весь вспотел, Чарли хватает полотенце. Вода, как всегда, едва льется, вытекает печальной струйкой, подчиняясь исключительно закону земного тяготения. Он намыливается простым, без отдушек, мылом; смыв пену, вытирается канареечным полотенцем; потом снова аккуратно распяливает его на горячей сушилке. Он бреется одноразовым станком, в мусорном ведре валяются шесть или семь уже использованных. Да… нет на него Роберта, который всегда твердил, что одноразовым лезвием можно бриться несколько раз. Большеглазая крошка с котенком на руках пронизывает его задушевным взглядом. Картина называется "Невинность", творение какого-то Мойра. Это Морин ее выбрала.

Чарлз возвращается в спальню и, сбросив бордовый халат с окантованными обшлагами и подолом, надевает тонкую, пшеничного цвета рубашку, темносиние, чуть лоснящиеся брюки и "шведский" вязаный кардиган, отделанный спереди замшей, но спинка и рукава — из син-

тетики.

На коврике в передней (из коричневой копры, с надписью "Добро пожаловать!") он подбирает "Дейли миррор". Новости, прямо скажем, не слишком приятные. Четырнадцатилетний сопляк укокошил собственного деда. Сталевары все еще бастуют. Чарли Дрейк благоденствует в Уэст-Энде. Этот Йоркширский Потрошитель по-прежнему у всех на языке, ходячий позор для полиции. Все больше женщин заявляет при опросах: "Все мужчины — насильники". Футболки с этим свеженьким дамским откровением раскупают вмиг. Чарли невольно прикидывает, смог бы он сам кого-нибудь изнасиловать, потом решает, что это бредовая мысль. Инфляция и безработица продолжают расти как на дрожжах. Машинисты лондонской подземки тоже бастуют — после того, как две сотни подростков разгромили нисденский поезд.

Еще пришла платежка за прошлую неделю. Теперь Морин нужен целый фунт на ее триптофан. Городские власти повысили квартплату после того, как Майкл Хелетин урезал дотации. Такие вот дела. Поговаривают, будут драть по пятьдесят фунтов в неделю. Чарли оскорблен до глубины души тем, что забастовщикам сняли социальное

пособие. Почему его семья должна нести наказание за то, что власти не в состоянии нормально управлять страной? Майк Сандерленд как в воду тогда глядел: Маргарет Тэтчер еще хлебнет ненависти, это она устроила всю эту свистопляску.

Несмотря на все эти неприятности, милашка в бикини выглядит очень веселой и соблазнительной, Чарли немного воспрянул духом, изучая ее потрясающие сиськи и помешивая ложечкой чай.

Типографские все более или менее друг друга знают. Чарли кажется, что он знаком с этим наборщиком, который формировал пятую страницу, сначала превращая манящую девичью плоть в твердый металл, а потом в оттиск, состоящий из десяти тысяч крошечных черных точек, повторенный потом в пяти тысячах экземпляров. Эта мысль о тайном братстве приятна и вызывает примерно то же ощущение, что прикосновение к нежной мякоти, которую он сейчас разорвет своими почерневшими от типографской краски пальцами, а потом он положит нежный кусочек на тост, намазанный маргарином.

Он нетерпеливо вскрывает пакетик с копченой лососиной. Чарли ее обожает, ест прямо с горьковатой серебристо-черной кожицей. Чарли

поливает оранжевую пятнистую тушку маслом. Пахнет потрясающе… Он отрезает первый ломтик, вкуснота, просто тает на языке. И вдруг Чарли застывает с полуоткрытым ртом, не дожевав. Уже на седьмой странице на глаза ему попадается маленькая, в две колонки заметка под заголовком "Прощайте, мистер Музыка". Чарли, не жуя, проглатывает хлеб с лососиной, на кончике языка остается лишь немного масла. Над заметкой небольшое фото человека с седыми, почти белыми волосами, с ослепительной эстрадной улыбкой и с черными, задорно вскинутыми бровями. Чарли читает:

Вчера вечером после продолжительной болезни, на семьдесят четвертом году, скончался Аннунцио Мантовани, признанный король легкой музыки. Широкую известность ему принесла в 1951 году пьеса "Кармен", где использовано "каскадное звучание" струнных, находка, Мантовани был первым из представителей музыкального бизнеса, чьи пластинки по объему продаж превысили миллионную отметку. То есть он намного опередил своего творческого соперника Семприни.

До того, как в каждом доме зазвучали его пластинки, Мантовани работал звукорежиссером,

благодаря его таланту были восстановлены многие давно забытые произведения английских композиторов, в том числе и несколько шедевров Ноэла Кауарда[31].

У Чарли пересохло в горле. Он снова перечитывает заметку, как будто это что-то может изменить. Потом откладывает в сторону недоеденный тост с лососиной. Чай стынет, а Чарли минут пять сидит в кресле, почти не шевелясь.

Наконец он встает и плетется на кухню. В холодильнике, в самой глубине, стояла бутылка с "Асти Спуманте", он бережет эту шипучку для дня рождения Морин, они собрались отметить в эти выходные. Решив, что купит потом еще, Чарли разматывает проволочки на пробке. На часах — 10.30. Из горлышка вырывается пенистый фонтанчик и растекается по зеленой шее бутылки. Чарли находит широкий и приземистый, похожий на блюдце бокал, из которого, по его разумению, положено пить игристые вина, он видел такие на рекламной акции "Бэбичем", детского шампанского. Прихватив бокал и бутылку, Чарли возвращается в гостиную, ставит их на стол, где стоит его стынущий чай, из ко-

---

[31] Примечания: 31

Ноэл Кауард (1899–1973) — английский драматург, режиссер, актер и композитор, автор ряда известных мюзиклов и песен.

торого вылетают невидимые молекулы, унося с собой энергию. Подойдя к проигрывателю, он благоговейно вытаскивает из пакета пластинку с "Кармен" и ставит ее на вертушку, потом сдвигает регулятор звука на отметку "громко". Нежнейшие голоса скрипок и альтов наполняют комнату. Чарли поднимает бокал в сторону колонок, источающих законсервированные шедевры мертвого уже человека, мысленно произносит тост и залпом выпивает шампанское, потом снова наполняет бокал.

Чарли нажимает на рычажок "повтор", и снова звучит тема "Кармен", второй раз, третий... Второй бокал настроил его на мрачный лад, подобного состояния он не испытывал со времени смерти родителей, оба покинули этот мир, когда им было за семьдесят, однако для Чарли они так и оставались живыми. Но теперь, пока он вырезал заметку и запихивал ее в бумажник, боль давних утрат накатила снова. Он отчетливо представил, как стоял сначала над одним, потом над другим гробом, вдруг с ужасом осознав, что жизнь гораздо более непредсказуема и коротка, чем ему казалось раньше. Смерть Мантовани, чья теплая, обволакивающая музыка была фоном, можно сказать, аккомпанементом ко всей его взрослой

жизни, потрясла его не меньше.

Он наливает третий бокал, облизывает губы, вытирает их рукавом; тут раздается звонок. Ясно: это вернулась Морин, наверное, забыла взять утром ключи. Но когда он открывает дверь, на пороге стоят двое каких-то типов — один в синем комбинезоне и куртке, на втором костюм, дешевенький, плечи обсыпаны перхотью. А в руках этого второго — планшетка с блокнотом. Лица у типов невозмутимо спокойны, но властность во всей их повадке заставляет Чарли насторожиться.

— Мистер Бак? — резким высоким голосом спросил тот, что в костюме.

— Мы по поручению городской администрации.

— Д-да-а?

Чарли немного запинался, поскольку был в легком меланхолическом подпитии.

— Мы бы хотели взглянуть на ваши батареи, — вступает в разговор тот, что в спецовке, голос у него хриплый, и, судя по выговору, он обитатель Южного Лондона.

Чарли кивает, вдруг сообразив, в чем дело.

— Действительно, вы тут кое-что проморгали, — заявляет он, осмелев от шампанского. В

трезвом состоянии он вряд ли стал бы раздражать представителей администрации. Как-никак власть, начальство. Тип в костюме просто окаменел, потом несколько воинственно расправил плечи, став даже на полдюйма выше. Чарли отступает, пропуская визитеров. Входя внутрь, тип в костюмчике, похоже, учуял, что от Чарли несет спиртным. Он слегка отшатывается и, вытащив из кармана платок, сморкается. Потом аккуратно его складывает и снова запихивает в карман. И все это происходит при гробовом молчании. Наконец он соизволил обернуться в сторону Чарли, но при этом все равно на него не смотрит, обшныривая взглядом квартиру.

— Я так понимаю, у вас неисправность.

— Так точно, — говорит Чарли.

— И как давно полетел блок?

— А разве он полетел?

Малый в комбинезоне нервно дергает плечами, очень мощными, это заметно даже под свободной курткой. Потом смотрит на малого в костюме, задрав голову, поскольку тот дюйма на три выше ростом, и продолжает:

— Но там ясно написано, что имеется утечка тепла, — даже не спросив разрешения, он приступает к осмотру батарей, выудив из нагрудного

кармана гаечный ключ.

— По-вашему, тут очень холодно? — спрашивает Чарли у длинного.

— Простите?

— Я говорю, здесь сейчас как на Гавайях.

— Что-что?

— Как в разгар сезона в Испании, на Коста-дель-Соль.

По спине Чарли в этот момент катится струйка пота. "Кармен" продолжает звучать. Пузырьки в бутылке продолжают играть, но уже довольно вяло. Глаза Чарли на миг задерживаются на гитаре барометра: стрелка замерла на "тепло и ясно".

Длинный явно раздосадован и смущен.

— Мистер Бак, вы сообщили о неисправности. Я у себя пометил. А теперь вы утверждаете, что все исправно.

— Это было в прошлый раз, — напоминает Чарли. — Тогда батареи не работали.

— Он прав, мистер Хакстейбл, — говорит малый в комбинезоне. — Сейчас они работают на все сто и даже на все сто десять.

— Отлично, Стен. — Мистер Хакстейбл что-то черкает в своей планшетке.

— Между прочим, я тоже тут присутствую, — говорит Чарли, поворачиваясь к Стену. — И нечего

строить из себя милостивого владельца замка. Проблема не в том, что они не работают…

Стен, опять же не спросив разрешения, прется в коридорчик между спальнями.

…а в том, что эти чертовы батареи нельзя отключить, — сокрушается Чарли.

— Может, все-таки не будем скандалить, — говорит Хакстейбл и поджимает губы.

Повисает неловкая пауза. Чарли с опаской ждет, что они еще придумают. Сквозь праведный гнев и обиду вдруг пробивается волна страха.

В поле зрения снова возникает Стен.

— Я обязан отчитаться, — говорит он.

— По текущему ремонту или по состоянию всей отопительной системы? — спрашивает Хакстейбл.

— По всему, — говорит Стен.

— А чинить-то кто будет? — не выдерживает Чарли.

— Мое дело доложить, — небрежно, почти грубо произносит Стен, причем не совсем ясно, к кому он обращается, по крайней мере на Чарли он не смотрит.

— А почему вы не можете приделать вентиль прямо сейчас? — допытывается Чарли.

Стен опять обращается скорее к Хакстейблу,

чем к нему:

— Мы можем послать письмо в котельную.

— Таков порядок? — спрашивает Хакстейбл. — Вы уверены, что действуете в соответствии с инструкцией?

— Почему вы обсуждаете это с ним, а не со мной?! — кричит Чарли. — Бюрократы проклятые!

Чарли тут же прикусил язык, понимая, что слишком осмелел и расхорохорился, а все из-за пары бокалов шампанского, будь оно неладно…

— Виноват. Я немного погорячился…

Но теперь Стен смотрит именно на него, причем с откровенной злобой. И кладет на правую ладонь гаечный ключ, с выразительным шлепком: бамц.

— Одну минутку, мистер Хакстейбл. Думаю, вам следует глянуть. Тут что-то в переходнике, где тройное соединение.

Стен разворачивает и снова прется в коридорчик. Хакстейбл покорно трусит следом.

— Это же мой дом, — в отчаянии напоминает Чарли.

— Это муниципальная собственность, — уточняет Хакстейбл, не оборачиваясь.

Стен уже у двери гостевой комнаты. Он входит

внутрь, Хакстейбл — за ним.

И вот они уже все втроем стоят на "островке" внутри рельсовой петли. Стен делает резкий шаг, и викторианская леди с зонтиком исчезает под его резиновой подошвой, раздается едва различимый хруст.

— Что же вы делаете? — лепечет Чарли.

— Вам придется возместить убытки за порчу имущества, — говорит Хакстейбл, изучая любовно нарисованные на стене деревья и долины. — Это нарушение правил. Однозначно.

Стен хватает электровоз фирмы "Эндрю Барклей"[32] и тепловоз узкоколейки.

— Неужели все это действует?

— Разумеется, — говорит Чарли.

— Это что же, настоящий паровой двигатель?

— Нет, — говорит Чарли, и в голосе его проскальзывает еле заметное сожаление. — Хотя можно было бы. Но я не могу себе позволить. То, что называют "насыщенным паром". Натуральный миниатюрный двигатель, работает на бутане. Но один он, даже без корпуса, стоит почти пятьсот фунтов. Мне это не по карману. Ну а если вы хотите посмотреть, как действуют эти

---

[32] Примечания: 32

Ныне корпорация "Эндрю Барклей и сыновья"; речь идет о паровозах, выпускавшихся более века назад.

двигатели…

— С насыщенным паром или без пара, все равно существует опасность возгорания, — говорит Стен, переворачивая моторчик.

— Если брать всю систему в целом, то да, риск пожара налицо, — вторит ему Хакстейбл. — Это ваше сооружение слишком… слишком… — Он хмурится и вопрошающе смотрит на Стена.

— …большое, — с важным невозмутимым видом подсказывает тот.

— Большое, — вторит ему Хакстейбл. — Именно. Игрушки, конечно, дело хорошее, мы не против, но…

— Это не игрушка, — перебивает его Чарли.

— Игрушки, — повторяет Хакстейбл, — мы допускаем, в разумных пределах, разумеется…

— Это мой дом, — снова напоминает Чарли. — И прошу немедленно его покинуть, — добавляет он, хватая Хакстейбла за лацкан, но этот нахал тут же его отшвыривает.

— Мы с вами еще разберемся, — обещает Хакстейбл.

Уходить он явно не собирается и что-то усердно строчит в своем блокноте. Стен загораживает коллегу от Чарли собственным могучим телом. В руке его снова со знакомым шлепком — бамц! —

оказывается гаечный ключ.

— Вы напрасно побеспокоили администрацию, — говорит Стен, — У вас тут никаких поломок.

— Убирайтесь! — грозно рычит Чарли.

Хакстейбл и Стен уходят, всем своим видом демонстрируя, что они делают это по собственной инициативе, Чарли идет за ними. На глаза ему попадается искореженная викторианская леди и разодранный в клочья зонтик. Хакстейбл оборачивается.

— Я смотрю, вы перевесили дверь. Вам придется возместить…

— …убытки, — заканчивает фразу по-прежнему невозмутимый Стен.

Чарли рассматривает изувеченную фигурку.

— Я потратил на нее два дня, — говорит он скорее себе, чем этим типчикам, которые наконец перестали мозолить ему глаза. Он выжидающе прислушивается: вскоре хлопает входная дверь.

Чарли кладет в согнутую ковшиком ладонь крохотные останки и бредет в спальню. По дороге нечаянно наступает на рельс, и снова раздается слабый хруст. Но он не обращает внимания. Оказавшись в коридорчике, он взмахивает стиснутым кулаком.

— Это мой дом!

Автомат на вертушке все это время исправно повторял изумительные каскады обволакивающих звуков, снова и снова.

Чарли идет в гостиную, там он аккуратно кладет пассажирку на стол, рядом с выдохшимся "Асти Спуманте". Потом хватает бутылку и прямо из горлышка допивает остаток. Спина у бедной леди разлетелась на мелкие кусочки, о починке не может быть и речи.

Морин сидит в среднем кресле, всего их в салоне пять. В руках у нее три журнальчика, чтобы нескучно было потом ждать, пока подействует краска. "Она", "Женщина" и "Космополитен".

Усевшись в это кресло, Морин вдруг остро осознала, что сотворило с ней время, прошлось по ней, как грубый наждак. Ярко освещенные зеркала безжалостны. Только сегодня она отчетливо увидела, какой дряблой стала ее кожа, надо же, вся серая. Рассматривая себя, она нащупала новую язвочку на языке и слегка прикусила ее зубами. А Мари-Роз — Морин ходит к ней уже десять лет — все болтает и болтает. Вообще-то ее зовут Элси. Обновление и освежение облика должны совершиться с помощью розоватого месива, которое невероятно напоминало салат-

коктейль из креветок. Вообще-то Морин просила Мари-Роз постричь и покрасить ее под Сью Эллен из "Далласа".

Морин сидит на строжайшей диете, но Мари-Роз говорит, что лучше диеты комбинировать. Говорит, весь фокус в том, чтобы соблюдать баланс между белками и углеводами. Продуктами с грубой клетчаткой уже никого не удивишь, все эти игры с калориями — вчерашний день. Сама Мари-Роз похудела за неделю на пять фунтов, Морин считает, что это — невероятное достижение. А от ее собственного сидения на диете толку почти никакого — только сводит от голода живот. Сама она похудела на три фунта, но ее постоянно мучают газы, перепады пульса, и еще ей жутко опостылела вареная фасоль. Чарли тоже уже ворчит.

После своего страстного пассажа о пользе смешанных диет Мари-Роз умолкает. Она совсем на чуть-чуть моложе Морин, но одевается как девчонка. Сегодня на ней плотно облегающее боди, юбочка в складку, белые мокасины, отделанные цветными стеклянными бусинами. Сексуальность прямо-таки хлещет из нее, окутывает дразнящим облаком.

Вот это женщина! Запросто управляется с сало-

ном, который, между прочим, ее собственность, и такая милая, дружелюбная. Морин все это страшно нравится, но она и представить не может, что и сама могла бы стать такой же деловой. Мари-Роз направляется к другой клиентке, покончив с волосами Морин, которые теперь у нее не каштановые, а почти красные, мокрые пряди зачесаны вверх, к макушке.

Положив руки на подлокотники, Морин изучает журналы. " Женщину" она уже прочла, а "Космополитен", пожалуй, не для нее. Она начинает листать журнальчик "Она".

Этот крупноформатный журнал здорово преобразился: с памятных ей невинных кулинарных рецептов и коротеньких любовных рассказов он переключился на проблему оргазма и способы его достижения... А способы самые экстравагантные. Среди прочих — оральный вариант. Морин прочла свой гороскоп. Так, какие-то сильно запоздавшие перемены. Самый лучший друг здорово ее разочарует. Главное — сохранять самообладание, несмотря на теперешние проблемы, ибо постепенно они разрешатся. На этой строчке к ней подошла Мари-Роз.

— Как там Мэг?

Мэг — владелица мотеля "Перекресток".

— По-моему, зря она так обиделась на Сэнди, — говорит Морин. Сэнди — это сын Мэг, он инвалид. — Он просто сказал то, что думает.

— Ты тоже иногда чересчур честная, — говорит Мари-Роз, изучая корни ее волос.

— Он что, правда инвалид? — спрашивает Морин.

— Кто? Сэнди? — переспрашивает Мари-Роз.

— Ну да. Ведет-то он себя нормально?

— Не знаю, — отвечает Мари-Роз. — Думаю, вполне.

— Мэг нужно держаться, не раскисать, правда? — говорит Морин.

— И нам с тобой тоже, а? — усмехается Мари-Роз. — Таков наш женский удел. По-моему, можно смывать.

— Я ее обожаю, — продолжает Морин. — Наверное, это здорово — иметь собственный бизнес.

— Учти, это отнюдь не всегда шампанское и деликатесы в банкетном зале, — говорит Мари-Роз, мягко закидывая голову Морин назад, над раковиной.

— Вот и у тебя все получилось, ведь так, Элси?

Она умолкает, почувствовав, как пальцы Элси напряглись и стали более жесткими.

— …Мари-Роз?

— Не скажу, что это было просто, — говорит Мари-Роз, направляя струю воды за ухо Морин. Вода слишком горячая, Но Морин стесняется пожаловаться. Когда тебе запрокидывают голову, почему-то делаешься очень покладистой.

— Я понимаю. Но все равно…

Морин вдруг замечает, что Мари стоит выпрямившись, воинственно упершись кулаками в бока.

— Почему ты не найдешь себе работу, ведь Роберт с вами больше не живет?

Она наклоняется над Морин и смазывает ее волосы бальзамом "Эльсэв".

— Не думаю, что это понравится Чарли.

— Ну и что с того?

— Ты не знаешь, какой он у меня. И вообще, что я смогу делать?

— Что-нибудь да сможешь. Ты ведь не дура какая-то, мм?

— О, не думаю, что я могу рассчитывать на что-то приличное…

— Чушь собачья.

— Иногда я просто умираю от тоски, — признается Морин.

— У тебя слишком много свободного времени.

— Вообще-то всегда есть чем заняться. Ты не

представляешь, сколько дома всяких дел…

— Можешь сесть прямо. Только не дергай головой. Отличненько. То что надо. Как тебе?

Оттенок получился более яркий, чем ожидала Морин, но вполне симпатичный. Седые подпалины, которые все больше и больше бросались в глаза, совершенно исчезли. Она одобрительно кивнула.

Мари-Роз молча начинает укладывать ее волосы феном. Морин снова берет в руки журнал "Она", который раскрывается как раз на статье про оргазм. Мари-Роз наклоняется над ее плечом.

— Решила немного подучиться? — Она лукаво подмигивает.

— Да где уж, мы с Чарли уже старые для всего этого, — говорит Морин, подумав о надвигающемся климаксе с таким ужасом, будто это рак, неотвратимый.

— Да брось ты… тоже мне, нашлась старуха.

— Ты-то — совсем другое дело, — роняет в ответ Морин.

— Ты не представляешь, чего ты себя лишаешь.

Вдруг мелькает мысль: "А ведь Элси права". Она действительно никогда не понимала, чем уж так

хорош секс, хотя теперь ей казалось, что он так или иначе влияет решительно на все, на любую житейскую мелочь. Будь то каша на завтрак, кухонный ножик, даже к пенсионным делам проблемы пола имеют самое прямое отношение.

Морин вспоминает, что Чарли никогда не удавалось определить, где у нее клитор, он промахивался. А она молчала. Этот бугорок не желал, чтобы его обнаружили, совсем как Шангри-Ла[33]. Кто-то, возможно, ловко играет на этом райском инструменте, ну а ее муж даже не смог его обнаружить… А теперь Чарли ко всему этому уже охладел, поиски давно прекращены.

— У тебя бывало, чтобы сразу несколько?

Морин озадачена:

— Сразу несколько чего?

— Оргазмов, конечно.

Морин громко хохочет:

— Мне и один-то не всегда обламывается, так, если повезет.

Мари-Роз тоже начинает хохотать. Но Морин чувствует, как у нее самой в ответ сжимается сердце, будто его сдавила чья-то невидимая рука.

— Ну вот, почти готово, — говорит Мари-Роз и

---

[33] Примечания: 33

Шангри-Ла — бывшее название загородной резиденции президентов США, современное название — Кемп-Дэвид.

чуть пятится назад, чтобы полюбоваться своей работой.

Волосы Морин выглядят почти по-прежнему, просто стали более ухоженными и нет седины. Морин побаивается более радикальных перемен.

— Ты могла бы и мне помогать, — предлагает Мари-Роз.

— На твоем месте я бы в жизни не доверила ножницы такой растяпе. И недели не пройдет, как я непременно отхвачу у какой-нибудь несчастной кусок уха. Чарли говорит, что у меня не руки, а крюки.

— Мне нужен помощник, чтобы вести учет. Как у тебя с арифметикой?

Морин припоминает, что школьницей довольно лихо считала в уме, ответ всегда получался правильный, и ее каждый раз распирало от гордости.

— Считаю я нормально. Но вести записи, это я не знаю…

— Проще простого, — небрежно говорит Мари-Роз. — Рисуй себе столбики из цифр. Ты же понимаешь, мне нужен кто-то, кому я могу доверять.

— Ты это о чем?

— Прекрати, Морин. О "сокрытии наличности".

Это же все делают.

Перспектива обвести вокруг пальца налогового инспектора приятно будоражит Морин. Это здорово — отплатить чиновникам, которые всю жизнь ее терроризируют.

— Подумай.

— Я должна посоветоваться с Чарли.

— С Чарли? — Она удивленно вскидывает брови. — Никогда не позволяй мужчинам все за тебя решать.

— Но Чарли мой муж.

Для Мари это, похоже, не аргумент.

— Подумай, — повторяет она.

— Возможно, я и рискну, Элс… Мари-Роз.

Мари-Роз эффектным жестом срывает с плеч Морин розовую накидку. Морин чувствует себя совершенно обновленной, хотя стиль прически не слишком изменился. Она думает о том, как встретит ее Чарли, но совсем не уверена, что тот вообще заметит какую-то перемену.

Четвертый этаж здания "Санди тайме". Чарли стоит, склонившись над формой, подчищая металлические полоски, и привычно читает справа налево: "Экономики спад нам пророки сулят". Слово "спад" набрано крупно — семьдесят два пункта, шрифт "романский".

Неподалеку сидят линотописты, горячий набор, металл каплями стекает в отливной котел, снабженный пуансоном. Расплавленный металл с шумом заливается в матрицы, постоянный грохот и гул оглушает. Рядом с линотипами стоят несколько станков "Лудлоу"[34] — для отливки заголовков.

Линотописты — аристократы в печатном деле. У них даже есть кое-какие сбережения, у этих немолодых уже толстячков, у них есть машины и загородные домики. В их клан без протекции не пробьешься. У Чарли связей там никаких не водится, так что он просто делает свое дело и вполне доволен, в конце концов, специалистов его уровня не так уж много.

За стенкой суетятся корректоры: корректоры-подчитчики и ревизионные корректоры проверяют гранки, сверстанные полосы после читают корректоры, отвечающие за текст. Тут везде предельно четкое разделение труда. Сюда приходят и журналисты, и горе тому, кто посмеет взять не тот листочек или тронуть какой-нибудь агрегат. Профсоюзы — и Национальная полиграфическая ассоциация, и профсоюз печатников

---

[34] Примечания: 34

"Лудлоу" — название фирмы, производящей шрифтолитейные машины для отливки слов, написанных крупными буквами.

и работников смежных профессий всегда на страже — следят, чтобы сопредельные цеха не переступили демаркационную линию. Из-за любого нарушения неписаных правил может разразиться забастовка. Зато если она начинается и газета не выходит вовремя, руководство часто само старается все уладить: вносит определенную сумму в "общий котел", чтобы подмазать профсоюз. А потом, глядишь, и тебя порадуют перераспределенными среди типографской братии деньжатами.

Еще Чарли нравится так называемый "день папы", это когда к тебе подходит типографский папочка, то есть главарь какой-нибудь профсоюзной секции, и говорит, что завтра тебе неплохо было бы отдохнуть. Но это все цветочки в сравнении с тем, что творится на складах по всей Флит-стрит, или у водителей грузовиков, или у грузчиков. Часть из них — профессиональные лодыри, в основном из смежников, почти не работают или прирабатывают шоферами такси, для Чарли это один черт. Здоровые, со свирепыми физиономиями, они в основном из Орпингтона или из Бекслихита, даже расписываются не своими фамилиями. Эти как бы не существующие рабочие могут написать что угодно: Микки-Маус,

птичка Дики или Чарли Чаплин. Изворотливые дельцы выманивают этих так называемых рабочих вечерком из пивнушек, заносят их в списки, а потом те идут пить дальше, на полученные от деляги семьдесят пять фунтов.

Чарли все эти фокусы теперь не волнуют, это в порядке вещей, так уж повелось. Он смотрит на часы. Пора устроить перерыв. С утра Чарли мучает легкое похмелье и одолевает злость на этих деятелей из городской администрации. Перед глазами так и стоит викторианская леди с разорванным зонтиком, это угнетает Чарли. Он поднимает голову и натыкается взглядом на Джорджа Снежка, грызущего карандаш. Ну хоть что-то приятное. Снежок, их главный механик, только что из трехнедельного отпуска. Выглядит здорово посвежевшим, намного моложе своих пятидесяти трех. Высокий, слегка сутулится, он темнокожий, но не очень, скорее цветной, в аккуратно подстриженной шевелюре седые прядки. Он вынимает изо рта карандаш и расплывается в улыбке.

— Снежок! — зовет Чарли, однако из-за грохота машин его голоса даже не слышно.

Снежок выразительно открывает и закрывает рот, призывая пойти подкрепиться и выпить.

Чарли кивает, жестом приглашая его выйти на лестничную клетку. Настоящее имя Снежка — Ллойд, но практически все называют его Снежком. Покончив с полосой, Чарли спешит за Ллойдом на лестницу. Нагнав приятеля, он хлопает его по спине измазанной в типографской краске пятерней.

— Выглядишь потрясающе, парень. Вылитый Сидни… мм… как его там?

— Джеймс[35]?

— Пуатье[36].

— А у тебя, Чарли, такой вид, будто тебя только что выкопали из могилы. — Он крепко треплет его по щеке. — И что же так тебя гнетет?

— Да ничего особенного. Слегка поспорил с представителем администрации. Пойдем чего-нибудь слопаем.

— Отлично. После всех этих свежих фруктов и рыбы на углях жутко хочется жареной картошки.

— С подливочкой.

---

[35] Примечания: 35

Сидни Джеймс — комический актер, уроженец Южно-Африканской Республики, приехал в Англию в 1946 г.

[36] Примечания: 36

Сидни Пуатье — известный американский актер и режиссер (р. 1924), стал первым негром, удостоенным премии "Оскар" (1963 г.).

— С брюссельской капусткой и с вареной фасолью.

— Как отдохнул? Куда ездил?

— Лидо-ди-Джесоло. Фантастика, честное слово. Эти итальянцы умеют жить. Съездили в Венецию. На целый день. Бог ты мой, сплошная вода. На гондоле катались. Как Морин?

— Нормально. Вся в хлопотах. Вы с Гиацинтой должны к нам обязательно зайти. Сегодня Морин приготовит "кордон блю"[37].

— А-а, ну ты же знаешь Гиацинту. Не любит ходить в гости, ей бы только торчать в своей церкви.

— Когда-нибудь она просечет, что ты заядлый картежник.

— Не просечет. Пока не проиграюсь. А я слишком хорошо играю, чтобы проиграться, парень.

— Нам нужно найти парочку лопухов для партии.

— Да, по-моему, их и искать не надо. Гэз и Бэз очень любят отдавать свои денежки. Будем считать их нашим благотворительным фондом.

Гэри и Барри Филморы — близнецы, работают на складе. Чарли иногда встречает их в пивной

---

[37] Примечания: 37

Кордон блю — телячий эскалоп с ветчиной и сыром.

"Типографский мальчик". Оба азартные игроки и транжиры, не раз бывали задействованы в играх, которые раз в месяц позволял себе Чарли.

Чарли качает головой:

— Гэри перевели из Лондона, а без него Барри никуда. Надо искать новеньких.

— Есть идеи?

Чарли пожимает плечами:

— Есть, но не очень…. Мой братец Томми всегда готов поиграть, но думаю, он слишком шустрый. И еще…

— И еще ты его не любишь.

— Да ладно, пускай. Но он будет плутовать, вот в чем проблема.

— Ну а твой сын? Он славный парнишка.

— Мо всегда просит, чтобы я после привел его домой. А это уже смахивает на заклание агнца.

— Для того агнцы и существуют. И потом: кто тебя научит лучше собственного отца?

Пройдя сквозь вертящуюся дверь, они оказываются в столовке. И тут же на глаза им попадается Майк Сандерленд, он один за столиком, перед ним огромное блюдо с лазаньей, он энергично жует и одновременно читает толстенную книгу. Он помощник редактора, иногда они вдвоем с Чарли "доводят" форму полосы. А все втроем

часто стояли в пикете, болтали от нечего делать. Чарли и Ллойд относятся к нему с настороженностью. Слишком растягивает слова, жеманничает, слишком длинные патлы, слишком старательно изображает из себя циника. Майк поднимает голову и замечает, что Чарли на него смотрит, он приветственно машет рукой, Чарли не остается ничего другого, как махнуть ему в ответ. Майк жестом приглашает их сесть с ним. Чарли качает головой и подходит к Ллойду, уже вставшему в очередь за едой.

— Ну вот, проблема решена, — говорит Чарли.

— Не самый плохой вариант, — отвечает Ллойд.

— Вообще-то мальчик себе на уме, — сомневается Чарли. — Из тех, кто любит изображать из себя благодетеля.

— Смирение, говорит Господь. Смирись, и тебе воздастся. Примерно это я прочел в одной хорошей книжке.

— Пока мы торчим в очереди, он уже смоется.

— А не поучить ли его? Чтобы знал, чем пахнут азартные игры?

— Ему — урок? Да ты посмотри на него. Джинсы старые и заношенные. Ботинки не лучше, будто он их нашел в мусорном бачке. По ботинкам

всегда видно, кто чего стоит.

— Ну не скажи… Часики у него потянут на несколько сотен фунтов. И эта манера тянуть слова… поверь мне, денежки у него водятся. И совсем дурачок, еще не битый жизнью. Но постоянно напрашивается.

— Нет, не верю я, что с ним стоит связываться.

— Сам рассуди, чудак. Он у нас социалист. Почитывает "Гардиан", и прочее, и прочее. Хочет завести себе карманного дружка среди черных, меня то есть. А заодно узнать, как живут люди в муниципальных домах, ты то есть. Чтобы все сразу. Хочет купить двух негров по цене одного. Так давай поучим этого прыткого, молодца, покажем ему, что такое "передел частной собственности" на практике.

— Меня от него трясет. Привет, Конни. Мне, будь добра, картофельную запеканку с мясом, горошек с морковью и фасоль. И, смотри, не жадничай. Я умираю от голода.

— Я всем кладу одинаково, — говорит Конни, стоящая на раздаче.

— Ну а тебе чего, Гарри Белафонте?[38] — Конни,

---

[38] Примечания: 38

Гарри Белафонте — американский актер, певец и телеведущий (р. 1927). Широкую известность получил как исполнитель лирических баллад с использованием традиционных мотивов Карибского региона.

отгороженная стойкой, оборачивается к Ллойду. Она очень бледная и вся на взводе — судя по тому, с каким остервенением она ложкой с длинным черенком перемешивает в бачке тушеную фасоль, взламывая застывшую коричневую пленку.

— А мне сосиску и пюре, — говорит Ллойд, подмигивая Чарли. — Толстую свиную сосиску. — Тебе нравятся толстые сосиски, а, Конни? Чтобы толстую длинную сосиску воткнули в твое пышное пюре?

Конни сует Чарли его тарелку, даже на него не взглянув, и начинает с любовным усердием накладывать картофельное пюре для Ллойда.

— Хорошие сосиски все любят, лапонька, но мне что-то в последнее время попадается всякая мелочь, смотреть не на что.

— Надо знать, с кем водиться, моя девочка. Ставь на Снежка, не промахнешься. Я люблю, чтобы была в теле. Чтобы было за что подержаться.

— Одна запеканка… одна сосиска и пюре… Дальше, пожалуйста!

Расплатившись за еду, оба дружно гогочут; теперь еще надо найти свободный столик. К досаде Чарли, Майк все еще тут, сидит и сидит. Недавно этот сопляк отрастил бороду и выглядит теперь

лет на десять старше. Видимо, хотел изобразить из себя настоящего революционера, но на самом деле стал похож на Дейва Ли Трейвиса[39].

Ллойд и Чарли пробираются со своими подносами к его столу. Майк захлопывает книжку, и Чарли видит название: "Основы политической экономии".

— Все читаешь? Ты прямо как машина, — говорит Чарли, — которая у нас полосы переворачивает.

У самого Чарли в заднем кармане лежит очередная книжонка Джеффри Арчера[40]. Майк с улыбочкой прячет книгу в портфель. Чарли ставит тарелку на белый пластик столешницы.

— Как дела наверху? — спрашивает Ллойд.

— Ходят всякие слухи, — говорит Майк.

— И какие же? — интересуется Чарли.

— Продавать собираются нашу лавочку, — чуть понизив голос, сообщает Майк.

— Ну это я уже сто раз слышал, — говорит Чарли.

---

[39] Примечания: 39

Дейв Ли Трейвис (р. 1945) — популярный радиоведущий, с молодых еще лет постоянно носит короткую бородку и усы.

[40] Примечания: 40

Джеффри Арчер (р.1942) — английский писатель и политический деятель. В 1986 г. из-за обвинения в аморальных связях покинул пост председателя консервативной партии.

— На этот раз, похоже, не врут. Я тут произвел кое-какую разведку. Ребята из "Гардиан" очень заинтересованы. Очень.

— Ну-ну, как говорится, браки совершаются на небесах.

— Есть кое-какие проблемы.

— А платить-то сколько будут? — спросил Чарли.

— Ну ты и циник, — усмехнулся Майк.

— Это еще не самое страшное, — говорит Чарли.

— Смирись, говорит Господь, — громко повторяет Ллойд, специально для Чарли. Кажется, вопрос насчет привлечения Майка к игре решен окончательно.

— Как дела, Чарли? Вид у тебя не очень.

— Чарли просто немного расстроился. Пришлось выяснять отношения с чиновниками. Из городской администрации, — поясняет Ллойд.

— Нуда? — Майк наклоняется и даже вытягивает шею, будто прозвучало нечто невероятное.

— Было дело, — говорит Чарли, разворачивая вилку и нож. — Устроили мне выволочку, сообщили, на что я имею право, а на что нет…

Майк сочувственно кивает и поворачивается к Ллойду:

— Как отдохнул, Ллойд?

— Нормально, — говорит Ллойд, поднося ко рту вилку с целой горкой пюре.

Майк опять энергично кивает, и наступает долгое молчание. Усы его влажно поблескивают — это от чая.

— Раздали им всякие планшетки, ручечки, и теперь они ходят важничают, воображают себя Наполеонами, — раздраженно говорит Чарли.

Майк улыбается и снова оборачивается к Чарли:

— Могу я тебя спросить… Как тебе в муниципальной квартире?

Чарли пожимает плечами.

— Жить можно.

— Не верю я этой Тэтчер. Ломает налаженную систему хозяйствования. Растранжиривает социальные фонды. Спрашивается, на черта?

Чарли, хмыкнув, достает из кармана "Дейли миррор" и пролистывает ее до пятой страницы.

— Она играет на самых пакостных свойствах человеческой натуры. А люди — в общем и целом — гораздо лучше. Поэтому ее ненавидят.

Чарли кивает, исследуя очередное фото. Эта Кэролайн из Шератона ему не очень. Никакой стервозности в улыбке. Такие его не заводят.

— У вас хороший район?

— Так себе, — говорит Чарли. — Полно всякой швали. Наркоманы и бездельники. Вроде моего сыночка.

— Не знал, что у тебя есть сын.

— Одно название. Ползучий плющ. Размазня вроде этого пюре, жалкая личность. Живет на пособие. В какой-то норе.

— В норе? — откровенно ужасается Майк.

Заметив неодобрительный взгляд Чарли, он делает нейтрально-благостное лицо.

— Передай соль, Снежок, — говорит Чарли.

При этих словах Майк хмурится и покусывает губу. Усы у него чересчур длинные, и в них застряли какие-то крошки.

— И как ты это терпишь? — очень ласково и вежливо спрашивает он у Ллойда.

Тот делает вид, что не слышит, и снова подносит ко рту вилку с горкой пюре.

— Ты полагаешь, что Ллойда можно так обижать? — спрашивает Майк теперь уже у самого Чарли.

— Так — это как, Майк? — говорит Чарли, переворачивая очередную страницу "Дейли миррор".

— Сам знаешь, — говорит Майк, — Снежком.

— Я обидел тебя, Снежок?

— Нисколько, Чарли.

— Ну… — уже менее уверенно тянет Майк, — не знаю… По-моему, это оскорбительно.

Он достает пачку папиросной бумаги, затем пачку табак и начинает сосредоточенно сворачивать самокрутку.

Чарли со вздохом сожаления отрывается от газеты и смотрит на Майка.

— Плохо ты знаешь людей, Майк. Живешь в другом измерении.

— Но это несправедливо.

Чарли вздыхает еще более скорбно.

— Ты хочешь сказать, что я расист?

Майк докрутил свою сигарету. Он берет ее в рот, раскуривает и затягивается.

— Это неизбежно.

— Неужели?

— Иногда человек в этом не виноват.

— И ты тоже?

— В каком смысле?

— Ты тоже расист?

— Я стараюсь им не быть. Я очень стараюсь, серьезно.

— Ты слышишь, Снежуля? Мы все расисты. Один Майк у нас чистый и пушистый.

— Да брось ты… Я тоже поганый расист. Ска-

зать, кого я просто не выношу?

— И кого же?

— Вы когда-нибудь были на острове Гернси?[41] Ненавижу этих ублюдков с их синими шерстяными фуфайками.

Ллойд и Чарли хохочут. Майк несколько удивлен. Потом с улыбкой им кивает.

— Мне нужно в персональный кабинет.

— Куда-куда? — спрашивает Чарли.

Майк слегка округляет глаза:

— В кабинет. Ну, в общем, туда, в уборную.

Ллойд и Чарли снова громко гогочут.

— Я быстро.

Когда он уходит, приятели начинают спешно доедать.

— Ну и фрукт! У меня от него уже оскомина, — говорит Чарли.

— Давай смоемся, пока он не втравил нас в какой-нибудь марш протеста.

Буквально за минуту они опустошают тарелки, но сбежать не удается: навстречу со стороны туалета уже надвигается Майк. Они пытаются его обогнать, но он идет по самой середке маленького холла, и обойти его нереально.

---

[41] Примечания: 41

Гернси — один из Нормандских островов, принадлежащих Великобритании.

— Как вам бокс? Уважаете? — спрашивает Майк.

— Бокс — нам? — переспрашивает Ллойд. — Я же старый боксер. Когда я только сюда пришел, тут было полно любителей бокса. Я чуть не заделался профессионалом. Не хуже маркиза Куинзберри, сочинившего правила[42].

Ллойд принимает классическую стойку: чуть расставляет ноги и поднимает сжатые кулаки, прикрывая физиономию.

— Но потом мне надоело портить мое пригожее личико. Знаешь, как они меня называли?

— Рисовый пудинг, — предполагает Чарли. — Это такая пакость, которую не проткнешь пальцем.

— Желтый Дьявол. Из-за цвета кожи, понял? Очень светлой, ха-ха-ха. Да, парень, этим забиякам было на что посмотреть. Я был коварным как змея, я нутром чувствовал ринг.

Ллойд начинает приплясывать на маленьком пятаке пола, яростно атакуя невидимого противника. Чарли картинно зевает.

— Ну вот что ты натворил. Теперь Снежок будет долго-долго вспоминать о старом добром

---

[42] Примечания: 42

Имеются в виду "Правила Куинзберри" — свод правил профессионального бокса, составленный маркизом Куинзберри в 1867 г.

времени.

Ллойд продолжает подпрыгивать и лупить противника. Он еще хоть куда, хотя и немного отяжелел.

— Бах-бах, бэмц! Я всех их знаю как облупленных, парень. Джонни Эдж. Гангстеры. Пижоны с пушками. Никто не хотел связываться с Ллойдом Джорджем.

Майк явно слегка оторопел.

— Ллойд Джордж?[43]

— Ну да, фамилия у него такая. А иначе какого бы хрена человеку становиться Снежком?

Ллойд берет Чарли в воображаемый клинч и едва не сбивает с ног.

— Полегче, ты… старый петушок, полегче, говорю, — усмехается Чарли.

Майк смущенно фыркает:

— Я вот что хотел сказать… Мне иногда перепадают билеты на бокс… у меня есть приятель в отделе спорта. Ну я и подумал… подумал, может, вам интересно.

Ллойд и Чарли сразу забывают о своем клинче.

---

[43] Примечания: 43

Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) — государственный деятель Великобритании, один из крупнейших лидеров либеральной партии, 55 лет был представителем этой партии в парламенте. Ввел пенсии по старости и по инвалидности и выплату пособий по безработице.

— Я тебя слушаю, — говорит Ллойд.

— Это, так сказать, неофициальная встреча. Из незаявленных турниров. В "Астории", это на Финсбе-ри-парк. Отборочный вариант, так сказать. Если я раздобуду билеты, то мог бы и вас провести.

Ллойд смотрит на Чарли. Чарли — на него.

— Нам пора, — говорит Чарли.

— А я бы сходил, — говорит Ллойд.

На физиономии Майка расплывается широченная улыбка:

— Классно! Грандиозно!

— Да-а. Грандиозно. Увидимся, Майк.

— Увидимся… ребята.

Майк двинулся к себе на третий этаж почти вприпрыжку.

— Такие субъекты… — заводит Чарли.

— Зато, — перебивает его Ллойд, — билеты бесплатные.

Он снова встает в боксерскую стойку, пританцовывает и — хоп-хоп — лупит кулаками воздух.

4

Грядет Рождество, завершая первый год нового десятилетия. Но семидесятые еще здесь, они силь-

ны, как и замшелая привычная самонадеянность, коварны, как невидимый прибрежный риф.

Пророчество Майка Сандерленда сбылось: концерн "Таймс" со всеми своими изданиями выставлен на продажу. Крайний срок — первое декабря. Но покупателей пока не нашлось. Уильям Рис-Могг, главред самой "Таймс", отказал Роберту Максвеллу, поскольку это "не самый подходящий человек", так он, Рис-Могг, считает.

Чарли твердо уверен, что он-то без работы и, соответственно, без зарплаты, не останется. В его голове не укладывается, что может быть иначе. Статичность. Вот привычное и понятное ему состояние, вот то, чего он ждет, что в глубине души любит. Причина этой любви — тайный страх перед выбором.

Новое правительство только укрепляет веру Чарли в незыблемость существующих в мире порядков — своими попытками доказать обратное. Месть жаждущих незыблемости страшна. Миссис Тэтчер всем ненавистна, ее старательно "топят" на выборах. Безработица достигает послевоенной отметки: больше двух миллионов. Инфляция вырвалась на волю и скачет во весь опор. Все эти обстоятельства несколько утишают столь эффектную мировую скорбь Майка Сандер-

ленда. Для него чем хуже, тем лучше — потому что получается, что он был прав по всем пунктам. Лидером лейбористов избран Майкл Фут[44]. Кончики поникших было усов Майка Сандерленда лихо поднялись на пару миллиметров вверх. Чарли кажется, что Фут этот — не лучший вариант: старый шут, корчит из себя демократа. То ли дело Дэнис Хили, у него даже на физиономии написана решимость.

Морин пытается вычислить, кто стрелял в Джея Ара в очередной серии. Тем временем в параллельной телевизионному миру вселенной Марк Чапман угробил в Нью-Йорке Джона Леннона. Эта смерть затмила ту, что пережил Чарли девять месяцев назад, смерть Аннунцио Паоло Мантовани.

Та потеря еще и сейчас отзывалась в душе болью, ну а вся молодежь планеты молится на Леннона, можно сказать, сразу его канонизировала… Скорбь Чарли по Леннону была скорее сродни развлечению. Он наслаждался значимостью события. Для него Джон Леннон был

---

[44] Примечания: 44

Майкл Фут — английский политический деятель, глава левой группы "Трибьюн".

ливерпульским Гербертом[45], тот в свое время тоже не сумел придумать такой мелодии, чтобы вымолить себе жизнь.

Сегодня, в ночь накануне Рождества, Чарли мирно спит рядом со своей женой. Внизу, в гостиной, — красиво упакованные подарки. Завтра на праздничный обед приглашен братец Томми со своей женой Лоррейн. Роберт тоже обещал прийти, когда однажды звонил из этой своей норы в Бэттерси, надо сказать, звонками он их почти не балует. С тех пор как уехал, дома практически не появляется, и что он, как он — неизвестно. У Морин осталась в душе рваная рана, куда все больше просачивается пустота.

Чарли тихонько сопит, за окнами начинает брезжить рождественский рассвет. Чарли кружит в танце жену на паркетном полу, над их головами вращается зеркальный шар, от которого по всей комнате разлетаются разноцветные зайчики. Комната — огромная, такая огромная, что стены теряются где-то вдали, почти невидные. На Морин платье, которое она надевает при просмотре очередной серии "Далласа", но на ногах — почему-то кроссовки.

---

[45] Примечания: 45

Герберт Джордж (1563–1633) — английский поэт, автор религиозных стихов, умер от чахотки.

Чарли смотрит на них, и ему досадно, что кроссовки совсем не подходят к платью, тут он замечает, что пол не паркетный, а ледяной. На нем вдруг появляются тонкие, в волос толщиной, трещины и лужи. Он нервничает, но продолжает танцевать. Звучит "Тот волшебный вечер", в аранжировке Мантовани, но в плавную мелодию почему-то врываются громкие ритмичные перебивки. Это сбивает его, мешает двигаться в нужном темпе. А музыка снова меняется.

Что это… Что они там поставили, черт возьми?

Но почти сразу он узнает этот гимн, который старательно поют детские голоса, надрывающие душу. Это же "Приди, приди, Эммануил"[46]. Чарли сам пел его когда-то в школе, на рождественских утренниках. Он очень любил этот гимн, полный светлой печали и предвкушения чуда.

Приди, приди, Эммануил,

Избавь от скорби Израиль.

Теперь уже весь пол залит водой, но Морин и Чарли продолжают танцевать, отчаянно стараясь не сбиться с шага. Потом, очень медленно, они оба начинают погружаться в воду, и вот уже не видно даже их макушек. Чарли не может

---

[46] Примечания: 46

Эммануил (др. — евр. — букв.: с нами Бог). В Библии — второе имя Иисуса Христа.

дышать. Он хочет схватить Морин за руку, но не находит ее руки. От ужаса он пытается кричать, но захлебывается.

...Чарли открывает глаза, пытаясь понять, где он и что происходит. Чуть прищурившись, он видит пластиковые жалюзи, сквозь которые пробивается утренний свет, светлые, под дерево, обои, когда-то белые, но теперь они скорее цвета желтой магнолии. Значит, он не спит.

Всего несколько секунд уходит на то, чтобы стряхнуть остатки дремоты, потом Чарли вылезает из постели. Кошмарный сон уже забыт. Из радиоприемника доносятся позывные, мелодия гимна: "Приди, приди, Эммануил..." В спальне чересчур тепло. Чарли накидывает халат и открывает окна. Стекла сильно запотели, и множество ручейков катится вниз, к подоконнику, оставляя на нем множество лужиц. В комнату сочится серо-коричневый свет. Раннее утро, только-только рассвело. Чарли всегда был "жаворонком".

Он вытирает лоб фланелевым рукавом, на ткани остается влажная полоса. Очень заметная. Батареи шпарят на полную мощность, и по-прежнему на них нет вентилей, и по-прежнему их невозможно отключить. А на улице — теплынь, будто и не Рождество сегодня.

Чарли оборачивается и смотрит на спящую жену, раскинувшуюся на огромном двуспальном раскладном диване. Она слегка посапывает, на голове туго накрученные бигуди. Под левой ноздрей набухла капелька то ли пота, то ли какой-то еще телесной субстанции. Голова упирается в спинку, обитую золотистым винилом. Слева на столике кипятильник "Гоблин"[47] уже цедит кипяток в приготовленные чашки.

Чарли подходит к жене и целомудренно целует ее в щеку. Прошлой ночью они занимались любовью. Может, это был ее рождественский подарок? Или это из-за запарки в "Чародейке", куда он все-таки — ох, зря! — разрешил ей пристроиться? Несколько месяцев после того, как она туда нанялась, ее было не узнать: заводилась в постели мгновенно. А потом все пошло на убыль, но редкие вспышки все же случались, особенно после того, как ей приходилось заполнять огромный гроссбух или долго сводить все дебеты-кредиты.

Прошлой ночью все кончилось очень быстро, и он почувствовал, с каким облегчением Морин выскользнула из его объятий. Чарли смотрит, как она легонько крутится под одеялом. И вдруг

---

[47] Примечания: 47

Имеется в виду электрический кипятильник-автомат фирмы "Гоблин", готовящий чай к определенному времени.

в голове его возникает потрясающая мысль, которую он, впрочем, тут же старательно отгоняет прочь: "Я люблю свою жену".

Проходит несколько секунд. Чарли чувствует, как ему распирает кишки, и направляется в туалет. Идет он очень медленно, неуклюже переставляя ноги. Он всегда чувствовал себя каким-то чужаком в собственном теле, как будто оно было создано не для него, а для кого-то еще. Он чувствовал, что голова его слишком мала для тех грандиозных мыслей, которые иногда его посещают. Ноги тонкие и бледные, на икрах какие-то проплешины, вестники грядущего распада. Он пробовал накачать мышцы, используя модернизированный комплекс упражнений, и тебе изометрические, и изотонические — никакого эффекта. Во-первых, очень скучное занятие, во-вторых, стала болеть спина. И как только Морин все это выдерживает? Непостижимо…

Он испражняется, потом изучает то, что из него исторглось. Кто-то ему рассказы вал, что у немцев в унитазе даже есть специальная палочка для этих целей. С них станется… Чарли всегда знал, что немцы опасная нация, слишком умные, на грани помешательства.

Стул странный, похож на кроличьи "орешки".

Подтеревшись, он встает и моет руки, заодно изучая в зеркале свою физиономию. Настроение почему-то паршивое. Странно, чем сильнее предвкушаешь приятный денек, тем более он бывает грустным. Вечно одно и то же. Лицо, смотрящее на него из зеркала, точно такое же, как всегда: какое-то невнятное, слегка веснушчатое, странно-виноватое. Знакомая грива волос, кое-где чешуйки перхоти. Да, еще одного года как не бывало. Томми всегда обвинял его в чрезмерной осторожности. Может, он прав. Может, это правда. Живет в каком-то болоте. Но в болоте ему спокойней, ничего не поделаешь.

Чарли возвращается в спальню. Морин уже встала и с виноватым видом бродит по комнате, похожая на зверька в стеганой, в ромбиках, алой шкурке.

— Привет, детка.

Морин в ответ улыбается:

— С Рождеством, Рок.

Он чмокает ее в щечку и молча простирает руку в сторону огромной коробки, стоящей в углу. На Морин ее банный халат. Тапочки розовые, с белыми, похожими на пуховку для пудры, помпонами. Он подарил ей эти тапочки в прошлом году, в придачу к той штуковине, которая уже пол

года праздно стоит в другом углу: электрический вибромассажер, "Трим ю Фит". Чарли обидно, что она так быстро охладела к этому агрегату. Ему даже кажется, что она вообще его не хотела, хотя в момент вручения подарка изобразила невероятное восхищение. Но теперешний его сюрприз попадет в самое яблочко наверняка.

— Сейчас еще слишком рано открывать подарки.

— Для рождественских подарков никогда не рано.

Морин посматривает на неловко обернутую коробку с легким лукавством.

— Что-то огромное.

— А ты открой, ну, смелее…

Морин подходит к коробке и пытается ее поднять.

— Очень тяжелая.

— Угадай, что там?

— Нет, я не смогу.

— А ты попробуй.

— О, Чарли, я не знаю.

— Давай-давай.

От нетерпения Чарли начинает покачиваться с пятки на носок и с носка на пятку, предвкушая изумленные восторги.

— Неужели микроволновка?

Чарли чувствует, как в душе всколыхнулась темная волна досады.

— Ну, открывай же!

— Ведь это не она, а, Чарли?

Морин чувствует, что ляпнула что-то не то, и торопится развернуть подарок.

— Да, точно! Ах, Чарли, ну зачем ты. Она же такая дорогая…

— Не переживай. Ты заслужила. Столько со мной возилась.

Он делает паузу, надеясь, что она возразит, но она молчит. Тогда он продолжает:

— Посмотри. Это же фирма! "Креда 40131". Немыслимая штука! Всего за десять минут можно приготовить обед, представляешь? Есть даже специальный поднос, чтобы получилась хрустящая корочка.

— Ну и как она работает? — спрашивает Морин, аккуратно снимая последний листок оберточной бумаги и аккуратно его складывая, чтобы можно было при случае снова использовать.

— Это специальные волны, которые воздействуют на пищу. Изнутри.

Чарли взволнованно тычет пальцем в металлический каркас.

— Величайшее изобретение для облегчения домашнего труда, величайшее после стиральной машины. Лучи, направленные на продукт, воздействуют на его… ээ… протоны.

— А что такое протоны, Чарли? — озадаченно спрашивает Морин.

— Протоны… это протоны. — Он в изумлении покачивает головой. И как только Морин справляется со своей новой работой? — Это такая частица. Как атом, только гораздо меньше. А сама печь вообще не нагревается. В ней можно даже жарить, говорю же, есть специальный поднос. Еще можно размораживать. Например, масло, чтобы не было твердым. Видишь внутри круглое блюдо? Оно крутится, чтобы все равномерно прогревалось.

Морин читает приложенную к печке открытку. На ней выпуклое тиснение — букет роз, а в окошечке для текста золотыми буквами выведено:

Моей любимой в этот светлый день.
Той, что мне дарит счастье жизни всей,
Надеюсь быть навеки с ней.

Под стихом неразборчивые каракули. Подпись: Чарли. Прочесть ее невозможно, но Морин знает, что там написано: Ч. Бак. Чарли тем временем изучает руководство по эксплуатации.

— Просто, как апельсин. Сегодня же и опробуем, детка.

— Отлично.

Морин ставит открытку на полку в нише, дополнив композицию из шелковых цветов и павлиньих перьев.

Помолчав, она чуть оборачивается и искоса смотрит на Чарли:

— А как ты хочешь опробовать?

Чарли продолжает читать руководство и осматривать печь. Потом смотрит на Морин и берет чашку с почти остывшим чаем, все еще стоящую рядом с "Гоблином". Брови Чарли слегка нахмурены.

— Теперь тебе не придется тратить столько времени на праздничный обед. Эта штуковина приготовит индюшку в два счета.

Морин вспыхивает и начинает теребить пуговицы на халате.

— Не знаю, Чарли. Я думаю, мне нужно сначала к ней немного привыкнуть…

— Да что тут привыкать-то…

Чарли осекся, прикусив губу. Он смотрит на Морин. Она чудесная женщина, мысленно уговаривает он себя. Чудесная. Родила ему сына. Идеальная хозяйка. Ему не на что жаловаться. Ни

единой претензии. Но как было бы замечательно, если бы она иногда была более… инициативной. Раз-два — и вперед. Да, в семейной жизни ему явно не хватало смелых импровизаций.

— Не бойся. Я сделаю все, что надо. Нужна специальная розетка с заземлением.

— Чарли. Это все очень здорово. Но знаешь… Я думаю, нам лучше начать с маленьких порций. Я не очень привыкла ко всем этим… новым штучкам.

— Это не штучка. Это чудо техники.

— Суть одна.

— Ах, Морин, как же ты отстала от жизни!

Второй раз за сегодняшнее утро он чувствует себя немного обманутым. Проклятое Рождество. Придется выложить козырную карту.

— Между прочим, эта "штучка" стоит двести пятьдесят фунтов.

— Шутишь!

— И не думаю.

— Но мы не можем себе этого позволить…

— Для тебя, детка, ничего не жаль. Ты полюбишь ее, вот увидишь. Смелее. Я хочу сейчас же ее испробовать.

Похоже, Чарли радуется больше самой Морин. Он поднимает печку, бережно обхватив ее рука-

ми, будто младенца.

— Погоди, Чарли, а разве ты не хочешь получить мой подарок?

— Дай я сначала все сделаю, чтобы ты сразу могла пользоваться. Я сейчас, мигом.

Чарли осторожно ковыляет в кухню, он ставит микроволновку на разделочный столик, потом достает из ящика отвертку и прилаживает розетку с заземляющим контактом. Пока он возится с розеткой, успевает весь вспотеть. Как же все-таки жарко…

В кухню входит Морин. В руках у нее сверточек и открытка. Она протягивает их Чарли.

— Я не знала, что тебе больше понравится, поэтому…

— Посмотри на эту красоту, Морин. Налей в кружку воды. И положи туда чайный пакетик. Давай-давай.

Морин слегка сникла, но Чарли ничего не замечает. Она кладет сверток и открытку на столик, подходит к крану и наполняет кружку, расписанную стеблями кукурузы. Вода льется через розовую резиновую насадку, прикрепленную к носику крана. Морин опускает в кружку пакетик чая и протягивает ее Чарли. Тот ставит ее в печку, захлопывает дверцу и поворачивает пластмас-

совый рычажок на панели, справа. Потом он поворачивает второй рычажок, против часовой стрелки, до отметки "Сильно". Внутри вспыхивает свет и раздается легкое жужжанье. Видно, как кружка вращается.

— Ты только посмотри, Морин! Кружится! А вокруг мечутся протоны, носятся внутри со страшной силой. Потоки чистой энергии.

Через минуту печка издает громкое "дзынь". Чарли открывает дверцу и осторожно достает кружку. Над ней клубится парок.

— Видишь? За одну минуту можно сделать себе чаю.

Он берет чайную ложку, чтобы размешать чай. При соприкосновении с холодным металлом вода вдруг немного поднимается, и кипяток переливается через край.

— Вот с-сука, — цедит Чарли, чувствуя, что весь эффект испорчен. Он не любит выражаться при жене. Он хватает чайное полотенце и вытирает лужу на столе.

Морин удаляется из кухни, она подходит к елке и кладет под нее подарок и открытку. Нужный момент уже упущен.

В середине дня раздается стук в дверь. Чарли в модной курточке, в рубашке, при галстуке, в

немнущихся коричневых брюках, идет открывать. Но на пороге никого нет. И вдруг с левой стороны выскакивает краснолицый верзила. На нем адидасовский лыжный свитер, рэнглеровские джинсы, яркие голубые кроссовки фирмы "Данлоп", свободная кожаная куртка на застежках-липучках и с воротником "стоечкой". Длинная белая борода, на лоб низко надвинут красный колпак Санта-Клауса. Через плечо перекинут увесистый мешок с подарками.

— Хо-хо-хо, старый блядун! — Томми Бак громко хохочет, его огромное пузо сотрясается от хохота. Жена его, Лоррейн, очень стройная и очень миниатюрная, выныривает справа и стреляет в Чарли глазками, полными кокетливого отчаянья.

— Ну же, Чарли. Изобрази улыбочку, долбоеб несчастный.

Томми срывает бороду, сияя всей своей круглой розовой физиономией. Он на десять лет младше Чарли, а Лоррейн намного моложе его. Детей у них нет. Чарли даже не знает, сколько его невестке лет, но вряд ли намного больше тридцати. На ней тесные эластичные джинсы "Глория Вандербильт", цвет среднесиний, индиго. Сквозь тоненькую белую блузку просвечивает бюстгальтер.

— Заходи, Томми. Лоррейн!

Томми сдергивает красный колпак с коротко подстриженных волос и вручает брату мешок со словами:

— Пристрой его куда-нибудь. Я хочу показать те-бе один мой рождественский подарочек.

— Подарочек от кого?

— От меня мне.

Он кричит над головой Чарли, чтобы было слышно в кухне:

— Эгей, Мо! С Рождеством, дорогая!

Но в ответ — ни слова. У Морин громко включено радио, и она ничего не слышит. Лоррейн чмокает Чарли в щеку. Томми манит Чарли к себе.

— Давай выползай, "гуси-гуси, топ-топ-топ"[48].

— Я без ботинок.

— Но тапочки же на тебе есть? Пойдем, ну что ты как старая манда, которой уже ни до чего.

Чарли нехотя спускается к подъезду. В двадцати футах от двери стоит новенькое авто, сверкает голубыми боками.

— Что это?

— "Астра". Когда я был копом, мы как раз на

---

[48] Примечания: 48

Начальная строчка одного из стишков "Стихов Матушки Гусыни".

таких гоняли. Не мотор у них, а зверь! А с той поры, как я завязал с полицией и подал в отставку, появились новые модели, улучшенные. Да, были денечки, когда я разгуливал по округе в синей форме, нарядный, как зимородок.

Чарли молча кивает, рядом сопит запыхавшийся Томми. Чарли прикинул в уме, что братец его потянет на пятнадцать, а то и на все шестнадцать стоунов[49].

— Наверное, цена запредельная.

— Три с половиной тысячи. Со всякими наворотами.

— Что ты имеешь в виду?

— Чтобы стойка передней подвески была тип-топ. Фосфоресцирующий кузов.

Чарли не понимает, что все это значит, но с умным видом кивает. Рядом по тротуару грациозно фланирует туда-сюда Лоррейн, с опаской поглядывая на двух черных парней, которые проходят мимо. Проходят молча, но сама их походка действует Лоррейн на нервы, слишком вызывающая. Один из этих нахалов оборачивается и с улыбочкой смотрит на машину. Лоррейн слышит их реплики:

---

[49] Примечания: 49
Стоун равен 14 фунтам, или 6,35 кг.

— Тачка просто заебись.

— Классная.

Лоррейн надменно поджимает губки. А Томми продолжает рассказывать сумным видом кивающему Чарли о своем "подарочке":

— Современный дизайн, с учетом аэродинамики. Гидравлические толкатели клапанов.

Наверное, жрет много бензина.

— Двадцать восемь и восемь мили на галлон, при скорости пятьдесят шесть.

— Нормально. Купил-то в рассрочку?

— Конечно, в кредит. Но мне повезло. Чертовски повезло. У меня есть приятель в автосалоне.

— Шутишь?

— А уже к двенадцатому июня я буду чист, как стеклышко, никаких долгов.

Чарли безумно нравится эта машина, этот ни с чем не сравнимый запах новенького авто, а какие пепельницы, а какой удобный переключатель скорости! Он громко восхищается, специально, чтобы порадовать Томми. Когда они втроем возвращаются в дом, Чарли твердит себе, что все эти "прибамбасы" не так уж и важны, но перед его глазами маячит сверкающее голубое великолепие. Томми обвивает жирной ручищей талию Лоррейн и слегка ее тискает. Она, вся изогнув-

шись, пытается вырваться.

— А у тебя до сих пор этот гребаный "толедо"?

Чарли кивает.

— Старая колымага, небось вся уже сгнила. Почему бы и тебе не купить такую же, а? У меня есть приятель в "Воксхолл моторз"[50]. Он может тебе устроить. И на хороших условиях.

— Это как?

Томми наклоняется поближе:

— На самом деле они только косят под эту марку. Как бы ее присвоили. Ну не то чтобы присвоили, с качеством там все тип-топ. Только детали делают где-то в Камеруне. Но тут комар носа не подточит, ручаюсь. Если и воруют, то по-божески, говорю тебе, три с половиной штуки. Хочешь, и тебе добуду?

— Нет, это не про меня, Томми. У меня нет денег.

— Да ладно, уж мне-то мозги не пудри, старый зануда. Перестраховщик хренов. Вы с Морин, наверное, хорошо поднакопили за все эти годы. Потрать хоть часть, не жмотничай.

— Об этом не может быть и речи.

— Ну да, ты же у нас добропорядочный гражда-

---

[50] Примечания: 50

Английский филиал американской корпорации "Дженерал моторз".

нин. Расслабься, Чарли. На дворе восьмидесятые. Каждый за себя, каждый шустрит как может.

— Спасибо, Томми. То, что удалось отложить, пригодится на пенсии. Или на черный день.

— Да теперь у нас каждый день черный, — говорит Томми.

— Знаешь, Томми, твоя проблема в том…

— Знаешь, Чарли, твоя проблема в том, мой мальчик, что ты всего боишься. По-твоему, жизнь очень опасная штука.

— Да, очень.

— Но ведь кто смел, тот и съел, верно?

Томми роняет на пол бороду и начинает стягивать свою необъятную куртку. Он вопит:

— Мо! С Рождеством! Где же ты там, черт возьми, прячешься?

Морин наконец выходит из кухни, она в фартуке, на котором крупными желтыми буквами напечатано: "Босс". Томми тут же ее обнимает, в его мощных ручищах Морин почти не видно.

— Вот она, вот она, моя хохотушка. Моя лапочка Мо. Ты что-то совсем исхудала, лапочка. Не за что и подержаться. Наш весельчак Чарли совсем тебя не кормит?

— Здравствуй, Томми, — говорит Морин, выдираясь из крепких объятий. — С Рождеством тебя.

— И тебя тоже, любимая. — Томми озирается, словно кого-то ищет. — А где же ваш доблестный сынок? Этот долговязый рыжий ублюдок?

— Он позже подойдет, — тихо говорит Морин. — Не упустит случая повидаться с любимым дядькой.

— Другого у него нет, — тихо, как бы про себя, говорит Чарли.

— Да придет, куда он денется. Не упустит случая поесть вкусненького, которое настряпала его старушка-мама.

— Ну, спасибо, так-таки уж и старушка, — говорит Морин, снова усмехаясь.

— В молодости все кажутся старыми. Даже Лоррейн для Роба уже старушка, правда, Лол?

— Наверное, — говорит Лоррейн, она уже сняла пальто и сидит, то левую ножку на правую закинет, то наоборот.

— Ну раз я такой любимый дядька, то для Лоррейн этот долговязый засранец — любимый племянник. Правда, Лол?

— Он милый мальчик. И такая милая рожица. Такая нежная.

— Одно слово р-рыжий, вот кто он, — говорит Томми, напирая на "р". — Да, он хороший малый. Умный. Уж не знаю, в кого он, черт возьми, уро-

дился. Наверное, в тебя, Мо?

Он громко хохочет, как будто выдал что-то невероятно остроумное. Чарли отмалчивается. Томми живет припеваючи или — делает вид. Чарли подозревает, что все куплено в рассрочку, лишь бы только пустить пыль в глаза. Ради этого и новый дом купили не где-нибудь, а в Тейдон-Бойс.

Ладно, они с Томми могут как угодно друг к другу относиться, но семья есть семья, не устает твердить потом Чарли жене. Томми подрядчик, Томми — бывший коп, Томми еще неизвестно кто, промышляет всем понемногу. На взгляд Чарли, человек он так себе и профессионал так себе, точнее — никакой. Вот он, Чарли, это да, и честный человек, и мастер своего дела.

Томми с этим его вечным крокодильим оскалом, размахивающий руками… Бицепсы двумя ладонями не обхватишь, сисястый, грудь больше, чем у Морин. На нем подтяжки цветов "Вест Хэм"[51]; на правой руке, над костяшками пальцев, наколка, по букве на каждом пальце: КВХЮ[52]. Томми постоянно в каких-то ссадинах и порезах.

---

[51] Примечания: 51

Полное название "Вест Хэм Юнайтед" — лондонский футбольный клуб.

[52] Примечания: 52

Аббревиатура названия: Клуб "Вест Хэм Юнайтед".

Сегодня у него пятно на шее, багровое, с апельсин. Да, его братец всегда веселится на полную катушку, с приключениями.

Чарли считает его вульгарным, шумным и просто сомнительной личностью, но втайне завидует, что у него такая жена. До чего же она ладненькая в этой обтягивающей блузке и в тесных джинсиках… У нее розовая перламутровая помада, губки узкие, стервозные, волосы модно взбиты на затылке. А как ходит — семенит мелкими шажками, знает себе цену.

— А что тебе подарил Чарли, — спрашивает Лоррейн у Морин, — что-нибудь симпатичное?

— Пойдем покажу, — говорит Морин и ведет ее в кухню.

— А мне? — спрашивает Томми. — Я тоже хочу посмотреть. Кастрюльку? Набор золоченых железных мочалок?

Томми увязывается за Морин и Лоррейн. Он еле протискивается в кухонный дверной проем, ему приходится чуть развернуться.

Лоррейн восторженно обследует микроволновку.

— Да, замечательная штука. Я без своей как без рук.

— Какая фирма? "Креда"? — любопытствует

Томми. — Отечественная? А у нас японская, да, Лол? Эти желтомордые ублюдки, они настырные, прут как в фильме "Мост через реку Квай". Но вещички делают качественные, все как у белых людей. И машины, и электроприборы у них — высший класс.

— Я даже не знаю точно, кто производитель, — говорит Морин.

— Зато Морин точно знает, что эту печку не продали тайком прямо из грузовика, — ехидно замечает Лоррейн. — Тут прилагается все, что нужно, и книжка с рецептами, и руководство, и гарантийный талон на полгода.

— На год, — уточняет Морин.

— Видишь? На год! А ты мне хоть раз что-нибудь принес с нормальной гарантией, Том?

— А на кой черт тебе эта гребаная гарантия? Все, что я приношу, вполне кошерный продукт, детка. Все работает, все качественное. Все рекламируется по телику.

— Все ворованное, — добавляет Лоррейн.

Она возвращается в гостиную и садится на диван. Томми, пыхтя, плетется за ней. Усаживается рядом. Диванные пружины громко скрипят под его тушей. Он плотоядно гладит круглую коленку жены.

— Ты уже не сердишься, киска?

Она фыркает:

— Вот, пойди повесь, хорошо?

Томми берету нее свободный вязаный жакет, который она накинула на плечи. На ярлыке, пришитом к спинке, выткан белоснежный пес. Томми бросает жакет на руки Чарли, будто лорд своему вассалу. Внутри у Чарли все восстает, но он не дает выхода раздражению, Рождество все-таки. Молча идет и вешает кардиган на плечики.

Лоррейн встает и идет разбирать подарки: вытаскивает их из мешка и раскладывает под искусственной серебряной елкой. Ангел на елочной макушке весь скособочился, как будто его не держат крылья. А лицо у ангела такое, словно он позирует для моментального снимка на небесной вечеринке.

У Томми в руках полиэтиленовый пакет, из которого он извлекает пластинку.

— Это от Лоррейн. Давай прямо сейчас и поставим, зададим жару, а?

"Война миров" Джеффа Уэйна. Томми, не спрашивая разрешения, снимает пластинку Матиса и ставит свою. Чарли бросает взгляд на конверт от пластинки: уэллсовские марсиане в своих кораблях. Его эта музыка раздражает, но он опять

стесняется протестовать.

— Чего-нибудь выпьешь? — спрашивает он у Лоррейн. Он подходит к коктейльному столику, крытому серебристым пупырчатым винилом, с растопыренными — по моде пятидесятых — ножками.

— "Кампари" с "Бритвиком"[53].

— У нас нет "Кампари".

— Как насчет "Бейлиз"[54]?

— Могу предложить тебе "Калуа"[55].

— Это лучше пить после обеда, а не до.

— По-моему, никакой разницы.

— Тогда сделай мне джин с тоником.

— Идет!

— Только добавь лед и лимончик.

— Лимончика нет.

— А лайм?

Чарли начинает беситься.

— У нас есть лимонный сок.

— Это, что ли, тот, что в пластмассовых лимонах?

---

[53] Примечания: 53
"Бритвик" — фирменное название фруктовых напитков.

[54] Примечания: 54
"Бейлиз" — ирландский крем-ликер.

[55] Примечания: 55
"Калуа" — американский кофейный ликер.

Лоррейн морщит носик и нацеливается на блюдце с арахисом.

— А жареные есть?

— Что есть, все на столе.

— Ну ладно, выпью виски, спасибо, Чарли.

Томми, почувствовав легкую напряженность, пытается разрядить атмосферу. Потом продолжает изучать программу телепередач на сегодня.

— Лед?

— Если можно.

Чарли делает ей виски со льдом, себе в стакан наливает водки "Казак" и разбавляет ее тоником. Время идет, а Роберта все нет.

Из кухни приходит Морин.

— Я позвоню ему, Чарли? Не представляю, куда он подевался.

— Может, у него снова отключен телефон.

— А может, лег поспать, — говорит Морин. — Я попробую еще раз.

Она берет в руки аппарат и крутит диск. На ней плотное эластичное облегающее платье на узких бретельках.

Когда четыре минуты спустя Чарли приносит поднос с напитками, Морин все еще держит трубку.

— Что ты делаешь, Морин? — спрашивает

Чарли.

— Жду, когда он слезет с телефона. У него занято.

Чарли растерянно моргает.

— Слушай, ты хоть раз слышала, чтобы, когда занято, кто-то брал трубку?

— Что?

Томми и Лоррейн прислушиваются к их разговору.

— Тебе что, хоть раз отвечали во время сигнала "занято"?

Морин смутилась:

— Я не…

— Как ты узнаешь, что человек закончил разговор и повесил трубку? Ведь частые гудки все равно продолжаются. На том конце и понятия не имеют, что ты звонишь.

Чарли вдруг ловит себя на том, что подтрунивает над женой, он пытается исправить свою оплошность.

— Я понимаю, когда почти всю жизнь приходилось пользоваться телефоном-автоматом, то…

Но уже поздно: Томми разражается громким хохотом.

— Это все твоя новая микроволновка, Мо. Напускает всякие радиоволны. Заодно эта сука

поджарила тебе мозги, как кусок ветчины.

Лоррейн ему подхихикивает. Морин вешает трубку и, ни слова не говоря, снова уходит на кухню. Чарли, сгорая от стыда, устремляется за нею.

— Морин, я…

Морин покусывает губу. Она никогда не кричит на Чарли, но она так умеет молчать, что это похуже любых упреков. Чарли пытается обнять ее за плечи, но она сбрасывает его руку. Он начинает оправдываться. Но тут раздается звонок в дверь. Морин, вздрогнув, начинает спешно поправлять волосы.

— Прости меня, детка.

— Лучше пойди открой.

Чарли знает, что его не простили, но все объяснения лучше отложить на более подходящее время. Когда он распахивает дверь, то видит на пороге какого-то типа в мотоциклетном шлеме и кожаном комбинезоне. Тип прижимает к груди несколько неуклюжих свертков. В первый момент Чарли никак не может сообразить, кто же это, черт возьми. Но тут Роберт снял шлем и расплылся в широкой улыбке:

— Ну и как я тебе, пап?

Лицо у него обветренное и какое-то одеревеневшее, как от холодного ветра. Но он улыбается,

открыв редкие зубы.

— С чего это ты так вырядился? — изумленно спрашивает Чарли.

— Какой шикарный! Нарядный, как педик! Умереть — не встать! Весь в коже! — верещит из-за спины Чарли Томми, он уже тут как тут.

— Когда тебе велели прийти, а? — Чарли обличительно стучит по циферблату своих часов.

Роберт, уже не глядя на отца, вваливается в прихожую. Томми сгребает его в охапку и перекидывает через плечо, вниз головой, чуть не уронив. Роберт хохочет.

— Р-р-роскошный р-рыжий пидор-р!

Роберт пытается вырваться, но это нереально, учитывая габариты и железные мышцы дядюшки.

— Комбинезончик справил, а где же мотоцикл?

— Хватит, дядя Том!! А то меня сейчас вырвет!

— Эй, Лол, ну-ка поди пощекочи его. В детстве он обожал, когда его щекочут.

Лоррейн начинает щекотать его под мышками, и Роберт упоенно кричит:

— Нет… не надо… хватит… тетя Лол!

Чарли наблюдает за их возней с легкой обидой и грустью. Сам он еще даже не прикоснулся к

сыну.

Наконец Томми ставит Роберта на пол. Тот никак не успокоится, продолжает хохотать.

— Томми, ты же сейчас лопнешь, жирный ублюдок.

— Прикуси язычок, рыжий-рыжий-конопатый. А то опять натравлю на тебя твою тетку.

— Ладно, дорогая Твигги[56]. Молчу, ты очень похудела, девочка моя.

Томми почему-то очень доволен его словами.

— Наверное, весишь сейчас всего тонны полторы, моя худышка!

Томми шутливо грозит ему кулаком, а Роберт со всего маху бьет его в брюхо, но рука его отскакивает.

— Ох, не живот, а какой-то мяч!

Но вот все эти щенячьи игры закончены, и Роберт стаскивает с себя комбинезон. Лоррейн ему помогает. На Роберте камуфляжные брюки, армейские башмаки, футболка с орлом, под которым выведено по-немецки: "Бундесвер". Одежка грязная. В бензиновых пятнах и в пятнах жира.

— Мотоцикл никак не мог завести.

— Да, эти гребаные шикарные мопеды, с ними

---

[56] Примечания: 56

Твигги — популярная в 70-е годы английская манекенщица, очень худенькая, с "подростковой" фигурой.

нахлебаешься по горло, — усмехается Томми.

— У меня "Кавасаки-800", — сообщает Роберт.

— Моделька что надо. — Томми одобрительно кивает. — Сколько отдал?

— Почти семь с половиной.

— Откуда у тебя такие деньги? — спрашивает Чарли, не веря собственным ушам.

— Накопил, — говорит Роберт. — Откуда ж еще?

— Ясно, — говорит Чарли, но в голосе его звучит сомнение, если не сказать подозрение.

Он бросает взгляд в окно: рядом со сверкающей "астрой" Томми стоит теперь сверкающий "Кавасаки". А рядом с ними — его старенький "толедо", такой грустный и нелепый.

— Роберт... — Морин приближается к своему сыночку, к своему единственному.

— Быстро бегает-то? — спрашивает Томми.

— Сто двадцать за шесть секунд, — не моргнув глазом отвечает Роберт.

Морин обнимает его и не хочет отпускать.

Томми выразительно присвистывает.

Морин так и ест сына глазами. Его переезд стал для нее трагедией, самой большой в жизни. И теперь каждый его визит она воспринимает как чудо, сказочное чудо.

— А этот кожаный комбинезон — прелесть, — говорит Лоррейн. — Смотрится шикарно. Ну что, про-, катишь тетку?

Он пожимает плечами:

— Какие проблемы? Хоть сейчас.

— Ну, вы даете! Я смотрю, ей не терпится, чтобы ее размазали по асфальту. Как клубничный джем, — комментирует Томми.

Роберт целует мать.

— Мам, с Рождеством тебя. Ты классно выглядишь.

— Ты тоже. Этот талант у тебя от матери, — говорит Лоррейн.

Роберт выходит из квартиры, Лоррейн, схватив свое пальтишко, выпархивает следом.

Чарли успел перехватить взгляд, которым они обменялись, тетушка и племянничек. А Томми уже на улице, оглядывает "Кавасаки". Роберт забирается на сиденье, Лоррейн усаживается сзади, раскинув ноги и обхватив Роберта изысканно-худыми руками. Они трогаются, Лоррейн заливается смехом. По мнению Чарли, Роберт похож на тощего крысенка. Зубы отвратительные, одного не хватает, хотя в прошлый раз был на месте. И вообще — откуда у него деньги на мотоцикл?

Когда Роберт и Лоррейн отъезжают совсем далеко, прочерчивая воздух красными вспышками, Томми оборачивается к брату:

— Я знаю одного деятеля, который может достать такой же за полцены. Железно. Ни один хрен не подкопается.

5

Морин листает инструкцию к микроволновке. По настоянию Чарли. По каким-то непонятным причинам ему очень важно, чтобы она все это прочла. Такое ощущение, что теперь, из-за этой печки, рождественский обед — это главным образом его заслуга, а не ее. Морин чувствует, что это недостойная мысль, мелочная, ей вечно приходится бороться вот с такими мелочными мыслями. "Я обязана, — в который раз внушает она себе (а может, ее просто приучили так думать), — сделать мир лучше, чем тот, каким он был до меня". Это непременное условие благополучной состоявшейся жизни.

Поэтому она отбрасывает мелочную обиду, предпочтя ей более комфортный для себя вывод: в конце концов, Чарли заботится о ней, хочет облегчить ей жизнь. Однако этот спасительный

вывод слегка ее раздражает, она понимает, что если это и не совсем ложь, то и не совсем правда. Но за эти свои сомнения в искренности Чарли она винит только себя, свой гадкий характер. Самой не хватает доброты, а на других обижается, чего-то от них требует.

Морин с пристрастием изучает микроволновку. Как все просто, слишком просто. Даже не верится. Запихиваешь индюшку, нажимаешь пару кнопок, и через двадцать минут получайте — птица готова.

Индюшка, как ни странно, без проблем помещается в очень компактной по виду печке. Морин вспоминает объяснения Чарли: продукт греется изнутри, потому что там бегают какие-то атомы или какие-то частицы, поэтому сохраняется сок. И вроде бы должно получиться даже вкуснее, чем в духовке.

Раз она такая дорогущая, эта штуковина, то все получится как надо. Какой Чарли все-таки щедрый… не пожалел денег, спасибо ему, теперь у нее появится гораздо больше свободного времени, можно заняться чем-то другим.

Только вот чем? Морин все острее осознает, что, кроме домашней возни, в ее жизни, в сущности, ничего нет. Ей совсем не нравится заниматься

готовкой, уборкой и прочими домашними радостями, не нравится гораздо сильнее, чем думает Чарли, просто она не позволяет себе откровенно ему в этом признаться. Но эти рутинные хлопоты заполняют брешь, держат в привычном тонусе, дают видимость движения. Все эти современные приспособления, экономящие время женщины, постепенно формируют одну пока не очень хорошо понятую проблему, головоломку. Что же делать с неуклонно растущими запасами времени? Куда это время тратить? Вот она, коварнейшая головоломка для женщины среднего возраста.

Она не из "этих феминисток". Это выражение она подцепила у Чарли, и все же… и все же, если уж женщин решили освободить из кухонного плена, надо, чтобы им было куда из этого плена бежать.

Работа в "Чародейке" неожиданно стала для нее отдушиной. Мари-Роз очень довольна, не устает всем ее расхваливать. А Морин обожает все эти аккуратные столбцы цифр, то, как идеально они сопрягаются друг с другом, все четко, все предопределено. Такие-то доходы, такие-то расходы, все под контролем, никаких сюрпризов. Мари-Роз считает, что ей не мешало бы поступить на ка-

кие-нибудь бухгалтерские курсы. Есть вечерние, есть заочные. Морин только демонстративно фыркает в ответ, давая понять, что для нее подобные высоты недостижимы. Но втайне ее уже зацепила эта идея. Деньги, которые ей платит Мари-Роз, воспринимаются совсем не так, как те, что дает Чарли. Морин искренне считает, что все доходы в семье должны быть общими, однако свои деньги она держит отдельно от тех, которые зарабатывает Чарли.

Она с опаской нажимает кнопку на панели, и микроволновка отвечает тихим гудением. В окошке загорается неяркий свет. Ну что ж, возможно, все окончится благополучно. А пока можно заняться овощами. Ей помогает Лоррейн, чистит морковку, со скучающим видом глядя на нож.

— Ну и как вы с Томми поживаете? — спрашивает Морин.

— Все мужчины одинаковы, — усмехается Лоррейн. — Они как большие дети.

— Все женщины тоже одинаковы, — заявляет Роберт, входя в кухню. — Прокатишь их с ветерком на мотоцикле, и они уже тают, как масло "Анкор". Особенно тот кусочек, который между ног.

Лоррейн хохочет:

— Ах ты, маленький мерзавец.

— Роберт, почисть брюссельскую капусту, хорошо?

Роберт берет нож, встает рядом с Лоррейн и начинает отсекать мелкие кочешки. Морин, пригнувшись, смотрит сквозь сервировочное окошко на сидящих в гостиной Чарли и Томми, они что-то увлеченно обсуждают.

— Ты не сказал отцу, откуда у тебя взялись деньги на мотоцикл?

— Не-а. По-моему, он думает, что я их украл.

— Пусть думает что угодно, лишь бы не думал о том, о чем ему не нужно думать.

— О чем это ты, Мо? — спрашивает Лоррейн. Ее бок слегка касается бедра Роберта.

— Чарли не нравится, что я даю Роберту деньги. Он говорит, что Роберт должен научиться стоять на собственных ногах.

— Значит, это ты оплатила мотоцикл?

— Частично. Мы договорились, что к каждому заработанному им фунту я прибавляю еще один. Так что ему пришлось здорово потрудиться, чтобы получить этот мотоцикл.

— Да, вкалывал по-черному, — жалуется Роберт. — На двух работах. Охранником и груз-

чиком. Но попробуй ему об этом скажи. Папа уверен, что я непрошибаемый лодырь.

— Не представляю тебя в роли охранника, Роб, — говорит Лоррейн.

— Эта работенка как раз мне нравится. Клевая форма, и вообще. Люди смотрят на тебя, слушают, что ты скажешь. Нормально. Гораздо приятней, чем таскать разные тяжести.

— А почему ты не расскажешь об этом своему папе?

— Он хочет, чтобы я стал нейрохирургом. Или, на худой конец, терапевтом. У одного его сослуживца сын выучился на врача. Вот папе и обидно, что я так его подвел.

Картошка и пастернак уже тушатся. Неотвратимо приближается момент, когда микроволны доведут до кондиции индюшку. Морин очень смущает отсутствие запаха, аромата поджаристой корочки; видимо, плотно прилегающая дверца не пропускает запахов. Слышится все то же мягкое равномерное гудение, но Морин оно кажется зловещим. А вот запах картошки и пастернака из духовки становится все ощутимей. Горошек и капуста уже в кастрюльках, осталось только поставить на конфорку, Роберт швыряет в кастрюлю последние кочешки. Морин смотрит

на часы, стоящие на холодильнике, потом на таймер микроволновки. Вроде бы все идет по плану. Роберт замечает тревогу на ее лице.

— Мам, не переживай. Все будет нормально.

— Да-да. Успокойся, Мо, — говорит Лоррейн. — Давай-ка я разложу хлопушки[57].

Морин наливает себе второй бокал "Шерри-бренди". Вообще-то она не хотела смешивать его с триптофаном, который она регулярно принимает, все-таки транквилизатор. Но сегодня Рождество, сегодня все можно. Да, нервы у нее что-то здорово расшалились. Ей не верится, что индюшка получится нормальной, потому что в глубине души она не верит, что муж сделал все как надо. Именно поэтому ей потребовался второй бокал. Заодно можно и покурить, она так редко себе это позволяет. К духоте и жару прибавляется дым от ее сигареты. На Морин вдруг накатывает жуткая усталость.

Проходит еще двадцать минут, прежде чем Морин, собравшись с силами, раздвигает пестрые пластиковые полоски, заменяющие кухонную дверь, и оперным речитативом объявляет:

— Все к столу!

---

[57] Примечания: 57

Хлопушки с традиционными шутливыми поздравлениями и сувенирами.

Уже расставлены мисочки с горячими, дымящимися овощами: брюссельская капуста, морковка, горошек, пастернак, картошка. Чарли садится во главе стола, стул Морин стоит с другой стороны, напротив. Томми усаживается рядом с Лоррейн и начинает оглаживать ее ляжку широкими размеренными движениями. Его физиономия, багровая от выпивки и возбуждения, багровеет еще больше от нагрянувшей эрекции. Чарли от волнения роняет свою рождественскую хлопушку, так как уверен, что скоро Том доберется до трусиков Лоррейн и начнет ее щупать. Чарли чувствует ощутимый укол зависти. Чтобы как-то отвлечься, он встает, решив помочь Морин. Лоррейн расстегнула три верхние пуговки, так что стала видна ложбинка между грудей, соблазнительно поблескивающая… Роберт сидит напротив Томми и Лоррейн, потягивая виски "Карлинг блэк лейбл". Глаза его устремлены на ложбинку Лоррейн. Все ждут главное блюдо, индюшку.

Чарли бредет на кухню. Там Морин с каменным лицом смотрит на извлеченную птицу. От нее поднимается пар, кожица слегка потемневшая, но не поджаристая. Однако выглядит индюшка нормально, только аромата почти не чувствуется

и он не такой уж соблазнительный.

— Я же сказал, что ты зря нервничаешь, — говорит Чарли, обнимая жену за талию. Ему хочется, чтобы она простила его за тот эпизод с телефоном.

— Надеюсь, что ты прав, — отвечает Морин, голос ее дрожит.

Она с каким-то отчаяньем вонзает в индюшечий бок большую вилку для разделки. Чарли вздрагивает.

Из бока течет сок. Он прозрачный, и у Морин отлегает от сердца. Она кивком велит Чарли нести ее на стол, а сама ставит на сервировочный передвижной столик стопку нагретых тарелок. Это ее лучший сервиз "Авалон"[58], расписанный крупными оранжевыми и желтыми цветами.

Чарли торжественно вносит в столовую блюдо с огромной, но несколько анемичной индюшкой. Он ставит блюдо в самую середку. Приходит Морин, несколько взбудораженная, но на губах ее счастливая улыбка. Оказывается, смешивать алкоголь с транквилизаторами очень даже хорошо, что бы там ни говорили врачи.

— Потрясающе. Всего за двадцать минут, — го-

---

[58] Примечания: 58

Авалон — название легендарного чудесного острова, где, согласно кельтским преданиям, находился рай.

ворит Чарли.

— Какая, ты сказал, м-модель? — слегка запинаясь, спрашивает Томми. Они с Чарли успели уже хорошенько промочить горло.

— "Креда" сорок — сто тридцать один.

— Т-тебе надо б-было посмотреть японские. Д-да, японские.

Груди Лоррейн вот-вот сорвут петлю с четвертой пуговки. У Роберта слегка отвисает челюсть.

Чарли кивает, пытаясь взять себя в руки.

— "Мицубиси". Они с автоматической системой регулирования, — объясняет Томми.

— Значит, ты опять на три лунки обскакал. Трус не играет в гольф, — ввертывает Роберт, он же Рыжик.

Томми пропускает эту реплику мимо ушей.

— Напрасно смеешься. Автоматика необходима. Чтобы никаких сюрпризов.

— Выглядит аппетитно, — говорит Роберт, не отрывая взгляда от ложбинки Лоррейн.

— Очень славная и сочная, — говорит Лоррейн, пристально посмотрев на Роберта.

— Бледноватая, — сокрушается Морин, — Хотелось, чтобы с корочкой.

— Просто принципиально другой способ, — успокаивает Чарли. — Микроволновки почти не

изменяют цвет продукта.

— Ну ладно, нельзя судить о книге только по обложке, — говорит Лоррейн.

— Чарли, а ты уверен, что пташечка мертвая? — говорит Томми, изобразив волчий оскал, то есть улыбнувшись. — У нее такой видок, будто она сейчас вскочит и даст деру.

Лоррейн медленно облизывает губы. Роберт роняет свой нож. Чарли старается ничего этого не замечать, полностью сосредоточиться на разделывании индюшки, Морин раздает тарелки, чтобы гости могли наложить себе овощей. Нож для разделки у Чарли электрический, поэтому все разговоры из-за шума прекращаются. На блюдо падают срезанные куски мяса. Чарли уверен, что индюшка его не подведет, хотя могла бы, конечно, выглядеть поаппетитнее. Ладно, главное, что все сделано строго по инструкции.

И вот уже от индюшки остается только остов. Все по очереди передают Чарли тарелки, и он кладет на каждую по куску. Пока не наполнены все тарелки, никто не приступает к трапезе. Морин наконец тоже усаживается. Все наливают себе белое "Вино Верде".

— Перед тем как мы приступим, — говорит Чарли, — позвольте произнести тост в честь Морин,

приготовившей нам это чудесное угощенье.

— Морин!

— За тебя, Морин!

— Мам, за тебя!

Морин вспыхивает.

— Скорее ешьте. Пока не остыло.

Первым пробует индюшку Роберт. Его лицо вдруг каменеет и становится совершенно непроницаемым. Морин тоже кладет в рот кусочек, но едва не выплевывает — очень горячо. Но странное дело, сверху мясо горячее, а внутри — холодное. Оно одновременно и передержано и недодержано. Часть куска горячая, часть — абсолютно холодная. А главное — мясо очень жесткое, его почти невозможно жевать. Морин пытается не выдать своего разочарования.

— Это… — начинает Роберт и тут же замолкает, беспомощно глядя на дядю.

Томми старательно пытается жевать. Он ободряюще кивает Морин, но выдавить из себя фальшивую похвалу он не в состоянии.

— Это ужасно, — бормочет Морин.

— Ничего подобного, — говорит Чарли, жестоко сожалея о том, что решил сэкономить тридцать фунтов и не купил печь с автоматической настройкой. Он отрезает большой кусок от грудки

и демонстративно запихивает его В рот. И сразу убеждается в том, что мясо несъедобно, но изображает довольную улыбку.

— Потрясающе. В обыкновенной духовке мясо никогда не получается таким сочным.

Лоррейн молчит, но достаточно и того, что она вообще не прикасается к своему куску. Морин отпивает большой глоток вина и придает своему лицу выражение веселой бесшабашности.

— Нет-нет. Это ужасно. Я сейчас.

Она убегает в кухню, возвращается с пластмассовой миской и начинает складывать туда куски индюшатины, отлепляя их от тарелок.

Чарли смертельно оскорблен.

— Господи боже мой, Морин… говорю же тебе, все отлично. Не смей трогать мою тарелку.

— Прекрати, Чарли, давай ее сюда.

— Нет. Это прекрасная печь, и она прекрасно работает. И стоит целых двести пятьдесят фунтов.

— Пап, цена еще ничего не значит.

Роберт протягивает Морин свою тарелку. Томми и Лоррейн следуют его примеру.

— Это лучшая рождественская индейка в моей жизни, — упорствует Чарли, запихивая в рот очередной кусок.

Морин возвращается на кухню. Там она оста-

навливается и делает несколько глубоких вдохов. Из-за этой проклятой индюшки праздник безнадежно испорчен, но транквилизаторы помогают ей сохранить остатки душевного равновесия. Только она совершенно не представляет, что же делать дальше. И тут в дверном проеме возникает Томми. Он обнимает Морин, притискивая к своему огромному телу.

— Не переживай, Мо. Было бы из-за чего! Подумаешь, жратва. Ты не виновата. Тебе нужна такая печка, чтобы регулировала эти хреновы волны… не бери в голову! Знаешь, я кое-что придумал. Тут поблизости есть один гребаный придурок, местный Ганди. Устроим рождественский ланч по-бомбейски!

— Я даже не знаю, Томми…

— Да ты не сомневайся. Ну что, действуем? Одной неприятностью больше, одной меньше, подумаешь! Я всегда смогу выкрутиться. Не хрена кукситься, выше нос! Томми все устроит в лучшем виде.

Отвернувшись, он нацепляет белую бороду, потом снова поворачивается к Морин:

— В конце концов, Санта-Клаус я или хрен собачий?!

Через полчаса весь стол уже был заставлен

лоточками из фольги, а еще — "поппадумы"[59], чатни[60] и разные хлебцы. Вся комната мигом пропиталась ароматами специй и тушеных фруктов. Все тут же наполняют тарелки, кроме Чарли. Он упрямо нахваливает загубленную индюшку. Его тарелка пуста, — пока все ждали Томми, он в одиночестве завершил праздничное пиршество.

— Классно, — бормочет Роберт, набив рот сочной душистой бараниной.

— Еще бы не классно, черт возьми. Я сунул повару лишнюю десятку, чтобы изобразил для нас что-нибудь оригинальное. Эти ребятки дело свое знают, уж поверьте старому Томми. О, ч-черт, горячо. Но это их "виндалу" — просто охренеть, фантастика. Ну а как тебе "тикка масала", Мо?

— Великолепно. Очень вкусно. — Ей становится весело, нет, Томми все-таки молодчина, выручил.

— Лучший индийский ресторанчик на западе Лондона, супер-пупер, рекомендую… Лолли, передай-ка нам три горяченьких "поппадумки".

---

[59] Примечания: 59

"Поппадумы" — индийские лепешки, жаренные в большом количестве масла.

[60] Примечания: 60

Чатни — индийская кисло-сладкая приправа к мясу из тушеных овощей или фруктов.

Чарли сверлит взглядом свою пустую тарелку.

— А я, пожалуй, поем еще индюшечки.

— Лучше попробуй вот это, "бхана гошт", — говорит Лоррейн. — Язык проглотишь.

— Индюшка тоже очень хороша. Пойду себе положу.

Чарли уходит и через минуту возвращается с тарелкой, полной коричневатых кусков, над тарелкой вьется пар — ее только что вынули из микроволновки. Томми, выразительно взметнув брови, переглядывается с Робертом. Тот украдкой кивает: да, папаша у него известный упрямец.

— Я слышал, ты на работу устроилась, вкалываешь в поте лица, — говорит Томми, поворачиваясь к Морин. Он опускает веки, изображая крайнюю усталость.

— Не так чтобы вкалывает, — говорит Чарли.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Морин.

И алкоголь, и таблетки как-то разом перестали действовать. Она чувствует раздражение, вспомнив, как ее унизили, лишили законных лавров, на которые она рассчитывала за свои хлопоты. Пожелание, спрятанное в доставшейся ей хлопушке, тоже оказалось бездарным, совсем не смешным.

— Я хотел сказать, что ты там на полставки.

— Значит, по-твоему, это не работа? — злым голосом спрашивает Морин.

— Ну почему же, — бормочет Чарли, — работа, конечно.

— Теперь тебе есть чем себя занять. Это хорошо, — говорит Лоррейн, — теперь одной проблемой у вас дома будет меньше, — она подмигивает Роберту.

— Я там не для того, чтобы убить время. Это серьезная работа, — говорит Морин. — На мне все подсчеты.

— Живые-то денежки перепадают? — интересуется Томми.

— Это парикмахерская, — объясняет Морин. — Салон "Чародейка".

— О-о! В парикмахерских полно наличности. Тут главное — не зевать, действовать по-умному. Я думаю, ты могла бы много чего порассказать, гораздо больше, чем хитрожопый малец Джеканори![61]

Морин заговорщицки улыбается.

— Морин никогда не позволит себе ничего такого, правда, Морин? — вмешивается в разговор

---

[61] Примечания: 61

Джеканори — персонаж из детских стишков, большой любитель сказок.

Чарли. — Не для того она туда пошла.

— Ладно, не свисти, — говорит Томми. — Наша Мо своего не упустит, правда, Мо?

— Ну… в общем, я стараюсь действовать по обстоятельствам.

— Эту стрижку я сделала только на прошлой неделе. "Сассун"[62], — вдруг сообщает Лоррейн, — как она тебе, Роберт?

— Нормально, — говорит Роберт, стараясь не смотреть тетке в глаза.

— Очень хорошая прическа, — говорит Чарли.

— А моя? — спрашивает Морин.

— Твоя — что?

— Прическа. Я тоже сделала ее только на прошлой неделе, а ты мне ни слова не сказал.

— Качество обходится недешево, — ворчит Томми, расправляясь с последней "пешаварской" булочкой одной рукой, так как другая у него занята: массирует промежность Лоррейн.

— А у тебя все еще дешево? — спрашивает Роберт, изучая свои ногти.

— У меня — дешево?

Томми вытаскивает из-под стола руку, автоматически продолжая поигрывать пальцами.

---

[62] Примечания: 62

Ступенчатая стрижка, подчеркивающая форму головы, названа в честь английского парикмахера Видала Сассуна.

— У меня не может быть никаких дешевок, — говорит Томми. — Я стою тридцать фунтов в день. Вот как надо платить настоящему специалисту.

Чарли фыркает:

— А я думал, ты поможешь мне подновить жилище, — говорит Роберт.

— Для любимого племянника — все что угодно, даже если он "рыжий-рыжий-конопатый" и похож на девчонку. А какое у тебя жилище?

— Апартаменты в "Хилтоне", — комментирует Чарли.

— Это нора, — говорит Роберт.

— Звучит романтично, — мурлычет Лоррейн.

— Ночлежка, — уточняет Чарли.

— Но ты же ни разу там не был, — говорит Роберт.

— Но ты же ни разу меня не приглашал, — парирует Чарли.

Наступает неловкая пауза. Чарли протягивает брату хлопушку:

— Ну-ка, Томми, рвани.

Чуть помедлив, Томми дергает за кольцо, но хлопка не получается, бумага просто бесшумно лопается. Хлопушки куплены дешевые, на нортэндском придорожном рынке.

— Смотри, что у меня есть, — говорит Роберт,

протягивая Лоррейн дужку от индейки. Она обхватывает тоненькую косточку мизинцем и резко дергает. Ей достается маленький обломок, значит, выиграл Роберт.

— Загадывай желание, — говорит Лоррейн.

Роберт крепко зажмуривает глаза и через несколько секунд снова их открывает.

— Что же ты загадал? — спрашивает Лоррейн.

— Тебе — не скажу, — говорит Роберт, вид у него очень таинственный.

— Никому нельзя говорить, правда? — улыбается Морин и треплет Роберта по подбородку. — Иначе не сбудется.

Роберт слегка отшатывается от ее руки, отворачивается:

— Я уже не мальчик.

— Да, ты уже совсем мужчина. Большой и сильный, — улыбается Лоррейн.

— Чарли, а как там твои игрушки, твои паровозики? — вдруг спрашивает Томми.

— Это не игрушки, — с обидой говорит Чарли. — Не пора ли приступить к рождественскому пудингу?

— Папа избавился от них, — говорит Роберт.

— Что-что? — недоумевает Томми.

— Администрация считает, что "налицо риск

возгорания".

— Вот сволочи, шла бы она подальше, эта греба-ная администрация, — ворчит Томми.

— Не понимаю, как вы все это терпите, — говорит Лоррейн, смотрясь в маленькое зеркало и подкрашивая губы. — То ли дело иметь свою собственную парадную дверь в собственном доме…

— У нас есть собственная дверь, — перебивает ее Морин.

— Ну да. Такого же цвета, как все остальные. Нельзя даже почтовый ящик поменять. Не думай, что я что-то из себя изображаю. Я просто хотела сказать, как хорошо жить в собственном доме, только и всего.

— А нам просто не хочется влезать в долги, — говорит Морин. — Правда, Чарли? Вот такие мы с ним отсталые!

— Это точно, — замечает Роберт. — Мистер Тихоход и миссис Черепаха.

— Тише едешь — дальше будешь, — парирует Морин.

Чарли чувствует, как его вдруг обдало жаром… Он замечает, что рука Томми снова оглаживает коленки Лоррейн, а другая рука гладит модно подстриженные волосы. На улице "Кавасаки" и "Астра", он глубоко уязвлен их сияющей новиз-

ной, их прямо-таки кричащей дороговизной. Он весь кипит от злости, как только подумает о том, что его заставили демонтировать железную дорогу. Микроволновка у него хреновая, без автоматического регулирования протонов. Индюшка загублена. Причем по его собственной вине. Спасибо Томми, выручил, что и говорить, Томми сегодня главный герой. Вот какие неизвестно откуда нагрянувшие мысли крутятся в голове Чарли, когда он вдруг произносит:

— Да, Морин, ты у нас действительно человек старомодный, это твоя слабость. Но лично я себя отсталым не считаю.

Морин потрясена. Она была уверена, что он ее поддержит.

— Это я-то старомодная, Чарли?

— Слушай, Мо. Рождественский сюрприз. Я уже сходил и взял все бланки.

— Какие еще бланки?

Чарли замолкает, прикидывая, нельзя ли замять эту тему. Но давать задний ход уже поздно.

— Чтобы оформить кредит. Сорокапроцентная скидка. Дело верное. Там по процентам получается меньше теперешней нашей квартплаты. А со временем выплатим основную стоимость.

— Вот это ты хорошо придумал, Чарли, — гово-

рит Томми без тени улыбки.

Он пару раз хлопает в ладоши, изображая аплодисменты. Перед ним стоит тарелка с дымящимся рождественским пудингом, он с азартом уплетает заварной крем и коньячную заливку.

Морин пытливо смотрит то на мужа, то на Томми. Она в легком шоке. Чарли запросто открыл всем сугубо семейный секрет, а ей даже словечком не обмолвился, ей, его собственной жене.

— Ты что, смеешься? — спрашивает Роберт, искренне изумленный.

— И не думаю. — Чарли с оскорбленным видом поджимает губы.

Роберт криво усмехается:

— Да хватит тебе. Ты просто решил всех нас поразить.

— Еще чего.

Чарли стыдно и обидно, что сын его раскусил. В новом году, сразу после праздников, надо срочно бежать и оформлять кредит.

— Давай-давай, греби к нам, гребаным собственникам, — балагурит Томми. — Хорошая штука собственность.

— Да, рынок растет, — глубокомысленно констатирует Чарли.

— Надо бы и мне что-нибудь приобрести, — с

невозмутимым видом бросает Роберт. Но в душе он потрясен смелостью отца, это совсем не в его характере.

— Ну-ну! — говорит Морин. — Вы как те три мудреца в одном тазу[63].

--

Быстренько помыв посуду, приступили к раздаче подарков. По традиции, главный распорядитель на этой церемонии — Чарли. Все остальные расселись рядом уютным полукругом. От еды и горячительных напитков всех немного разморило. А у Чарли начинает побаливать живот. Но он надеется, что протоны вещь безобидная, они не могли превратить индюшачье мясо в отраву.

— Начнем. Это подарок Роберта его тетушке Лол.

Лоррейн берет сверток и начинает его разворачивать. Внутри — футболка. На груди огромными буквами выведено: "Счастье не в деньгах, а в больших деньгах". Лоррейн хохочет, потом подходит к Роберту и громко чмокает его в губы.

— Очень верная мысль, — говорит она.

— Лолли лижет леденец, — лукаво усмехается

---

[63] Примечания: 63

Цитата из детского стишка: "Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу. /Прочнее был бы старый таз, длиннее был бы мой рассказ" (пер. С. Маршака).

Роберт.

— Эта сластена не пропадет, она у нас "моэнпро", — говорит Чарли.

— Это что еще такое? — спрашивает Томми.

— В газете прочел. Это означает "молодой энергичный профессионал".

Чарли наугад тащит очередной сверток.

— Лол от нас. Везучая, все ей да ей.

— Возьми другой, Чарли. Я подожду.

— Удача есть удача. Давай открывай.

Лоррейн с улыбкой вскрывает пакетик. Там золотой браслет, в виде веревочки с узелками. Она украдкой смотрит на клеймо с пробой. Восемнадцать карат.

Она пытается скрыть свое разочарование, но это ей плохо удается. Наступает неловкое молчание.

— Если тебе не нравится, можешь поменять, я сохранила чек, — говорит Морин.

— Ну что ты, мне очень нравится.

— Знаешь, очень трудно выбирать драгоценности, — говорит Чарли.

— Он очень хорошенький. Спасибо, — говорит она и прячет браслет в карман. Лоррейн не носит золота, в котором меньше двадцати четырех карат.

Раздача подарков продолжается.

Морин получает чайник со свистком фирмы "Пифко", гриль для сэндвичей, керамическую вазу-пирамидку для фруктов и двадцать миниатюрных фарфоровых зверушек Уэйда, среди которых имеются спаниель, котенок, утка и такса. Лоррейн дарит ей духи "Rive Gauche", которыми Морин (как и сама Лоррейн браслетом) никогда не будет пользоваться.

Чарли получает от Морин блок дорогих сигарет "Бенсон энд Хеджез", дрель фирмы "Блэк энд Декер" и туалетную воду "Натуральный табак", очередной флакон для его коллекции непочатых парфюмов. Томми дарит ему выпущенный Автомобильной ассоциацией "Автомобильный справочник" в серебристой пластиковой обложке и "Дорожный атлас", изделие издательского дома "Ридерз дайджест". Томми и Лоррейн Чарли вручает двадцать фунтов, вложив купюру в поздравительную открытку, — Томми всегда предпочитает наличные, а не эти никчемные рождественские сувениры.

Роберту дядя с тетей дарят "найковские" кроссовки. Он рычит от удовольствия. Сам он дарит Томми серебряную пивную кружку с эмблемой его любимого футбольного клуба "Вест Хэм".

Невскрытых подарков остается совсем немного. Очередной — самому Чарли от Роберта. Вскрыв маленький пакетик, Чарли ощущает, как у него сладко екает сердце.

— Прости, я не смог купить все сразу, — говорит Роберт, отчаянно смутившись.

— Он… он просто чудо, — говорит Чарли.

Чарли искренне тронут подарком. Роскошный миниатюрный шоколадно-коричневый локомотив "Лик энд Мэнсфилд", к этой великолепно выполненной модели можно купить и настоящий, работающий на бутане паровой двигатель, который будет выпускать настоящие клубы дыма.

— Пап, я знаю, что еще нужен двигатель, чтобы был настоящий дым. Когда-нибудь я тебе его куплю, ну… когда встану на ноги. И шасси на колесиках, и паровой котел, и всякие вентили и шестеренки… И ты поймешь, что я стал нормальным человеком. Что я не безнадежный неудачник.

— Спасибо, сын, — говорит Чарли.

Все это так трогательно, так неожиданно для Чарли. Он наклоняется к сыну, хочет потрепать по волосам, но не может дотянуться.

— Я знаю, ты думаешь, что я лодырь. Но вот

увидишь… когда-нибудь я подарю тебе этот двигатель.

Чарли растерянно молчит, не дотянувшись до шевелюры сына, он хочет хотя бы пожать ему руку, но Роберт не понял, в чем дело, и сам руку не протянул, поэтому Чарли удается лишь погладить его плечо.

— Спасибо тебе, сынок. Я страшно тронут… и зря ты… Я совсем не считаю тебя лодырем.

— Нет, считаешь, — тихо говорит Роберт.

И снова наступает неловкое молчание. Наконец Чарли говорит:

— Я тоже кое-что для тебя припас. Тоже сюрприз.

Он вручает Роберту компактный сверток с ухмыляющейся оленьей мордой. Роберт слегка напрягся, приготовившись к тому, что предки купили ему что-нибудь не то.

Но, как ни странно, в свертке оказывается отличная черная кожаная куртка. Очень элегантная, сразу видно, что не дешевка. Он исследует многочисленные карманы и проверяет молнии.

— Мам. Пап. Спасибо. Она классная.

— Ты все карманы проверил? — спрашивает Чарли.

Роберт теребит нагрудный карман для мело-

чи, рассчитывая нащупать десятифунтовую бумажку. Поскольку больше никаких подарков в свертке нет, он надеется, что ему решили дать немного денег. Нащупав сквозь кожу какой-то квадратик, он извлекает его наружу. Но это не деньги, а какая-то карточка. Чарли заговорщицки улыбается:

— Чтобы заполучить эту штучку, мне пришлось пройти сквозь огонь и воду.

Роберт смущен и озадачен. Он долго смотрит на карточку, пытаясь понять, зачем она нужна.

— Считай, что это талон на бесплатный обед, детка. На всю жизнь. Я несколько месяцев обхаживал функционеров, которые сидят на льготах. К ним не пробьешься. Простому смертному практически невозможно. Но если повезет, считай, дело в шляпе. Тебе гарантированы выплаты за сверхурочные, тебе гарантированы короткие предпраздничные дни. Плюс всякие подарки от боссов, что-то вроде: от сеньора его преданным слугам. Как в старой Испании.

Он прикрывает рот, будто нечаянно выдал какую-то страшную тайну.

Роберт крутит в руках членскую карточку "Национальной полиграфической ассоциации". Потом смотрит на ожидающее лицо отца,

приготовившегося принимать восторженные благодарности перед заинтригованными зрителями.

— Эй, прочисти уши! Ты слышишь, что я тебе говорю, а?

— Твой папа несколько месяцев обивал пороги, чтобы все это устроить, — не выдержав, встревает Морин.

— Ш-ш-ш, — яростно шипит на нее Чарли.

Роберт кивает, покусывая ноготь. Наконец он произносит убитым голосом:

— Спасибо, папа. Спасибо, что ты так обо мне заботишься.

— Ты же знаешь, сынок, ради тебя я готов горы свернуть, — с нежностью говорит Чарли.

Роберт кладет карточку на край стола.

— Я тут наладил контакт с одним малым из наборного. Он тебе все устроит.

— Я…

Чарли смотрит на Роберта и вдруг понимает, почему тот молчит.

— Работа на всю жизнь!

— На всю жизнь теперь ничего не бывает, папа.

Роберта охватывает странное чувство, смесь нежности и раздражения. Он продолжает ласко-

во, но твердо:

— Понимаешь… Ты только не обижайся, пап. Но я… я не хочу, чтобы моя жизнь была такой же, как у тебя.

Чарли вдруг чувствует пронзающую боль в животе, ему делается жарко. Он видит краем глаза физиономию своего братца, и ему кажется, что на ней мелькнула издевательская улыбка. И когда Чарли снова начинает говорить, ему не удается скрыть свою горечь:

— Ты, разумеется, имеешь право жить так, как считаешь нужным. Но только учти: изображать из себя изгоя хорошо, пока ты молод. Но когда-нибудь ты постареешь. Я знаю, в это трудно поверить. Я и сам когда-то не верил.

— Я не изгой, — говорит Роберт, отворачиваясь.

— Это я уже понял. Очень хорошо понял. При мотоцикле последней модели какой же ты изгой… Видимо, помимо пособия по безработице в этом году всем выдали рождественские подарки…

— Прекрати! — налетает на него Морин. — Я уверена, что Роберт…

— Или дядя Томми кое-чему успел тебя научить, а, сынок? Как и где чего-нибудь урвать! Тебе такой жизни хочется, да? Всю жизнь сосать соки

из менее изворотливых сограждан, из честных трудяг. По-твоему, все заботы в жизни сводятся к тому, чтобы отыскать бесплатное пойло, напился — и отвалился, да? Много-много налитых доверху кружечек.

— Не гони волну, Чарли, — подает голос Томми. — Из Роберта никогда не выйдет ловкача, у него не хватит для этого смекалки. Весь в папочку. Не повезло парню. Вы же с ним в этом смысле два сапога пара.

— Спасибо, Томми. Я всегда знал, что ты лучше, чем я, понимаешь моего сына. Да и кто я такой? Подумаешь, отец!

И опять наступает пытка молчанием, невыносимая пытка.

— Кто-нибудь хочет чаю? — наконец-то спохватывается Морин. — Или кофе?

— У вас есть "Эрл Грей"? — спрашивает Лоррейн.

— Мне, пожалуйста, отдельный пакетик, — просит Роберт.

— Между прочим, это твоя мать, — мрачно говорит Чарли, — и у нее есть имя — "мама".

— Ага, — тихо отзывается Роберт, словно не очень хочет, чтобы отец его услышал, — Ман-

динго[64].

— Это что еще такое? — спрашивает Чарли.

Позже они включили телевизор. Чарли и Томми желают посмотреть традиционное приветствие Ее Величества. Роберт уходит в свою бывшую комнату, слушать пластинки. У Лоррейн уже слипаются глаза, и она отправляется в спальню Морин и Чарли. Морин приносит Чарли и Томми цукаты, финики и сливы в шоколаде. Чарли наливает себе побольше виски и усаживается в свободное кресло, хотя оно стоит под сильным углом к экрану. Изображение четкое и цветное. Чарли раскошелился-таки на новый телевизор, отметив этим приобретением свое возвращение на работу. После целого года забастовки.

Королева говорит, что мир всегда был полон всяких раздоров и войн, но так уж исстари повелось, что в Рождество все надеются на лучшее и творят добро. Это свидетельствует о том, говорит королева (и голос ее так спокоен, так искренен), что существуют вечные ценности и традиции; и это напоминание всем — только сердечная доброта поможет нам создать такой мир, в каком мы хотели бы жить. Эта прочувствованная речь

---

[64] Примечания: 64

Мандинго — главный герой одноименного фильма американского режиссера Ричарда Флейшнера (1975), раб.

длится двенадцать минут. Затем звучит национальный гимн. Томми фыркает:

— Какая же все это херня.

— Все она правильно сказала, — говорит Чарли.

Ему нравится эта идея — насчет того, что истинные ценности непреходящи. Он вспоминает про сердечную доброту и чувствует, что больше не злится на своего строптивого сынка.

— Принц Чарлз, какой он все-таки симпатичный, — говорит Морин. — Как хорошо, что он наконец нашел свою любовь.

— А он часом не голубой? — спрашивает Томми.

— Вряд ли, — сомневается Чарли. — Его леди Ди такая красотка.

— Да будь она хоть трижды красотка… Я думаю, что он все-таки того… Гомик.

— С чего это ты решил? — спрашивает Чарли.

— Когда я в полиции работал, то встретился как-то с одним малым, который был у него в охране. Так он сказал, что принц все время хватал его за жопу, и не только.

Чарли недоверчиво качает головой и бормочет:

— Не понимаю… это же противно природе.

— Кому противно, а кому нет, — говорит Томми. — Знаешь, что я вчера прочел?

— Ты что же, научился читать? — невозмутимо спрашивает Чарли.

— Я тут как-то вычитал, что Рок Хадсон — педик.

Морин легонько толкает его в плечо. Она до сих пор обожает Рока Хадсона. Его фотография с автографом — самое ценное из ее сокровищ.

— Это уж совсем бред! — Морин хохочет, но в душе боится, что это правда.

— Да точно, — настаивает Томми. — Я в книжке прочел. Этот красавчик ни одной задницы не пропустит.

— Может, он действительно… того… — говорит Чарли, — раз в книжке.

— И Кэри Грант, — говорит Томми, — он тоже.

— Может, поговорим о чем-нибудь еще? — не выдерживает Морин.

— Ненавижу педиков, — ласковым голосом говорит Томми.

— Да ладно, пусть, они же никому не мешают, — вытаскивая изо рта сливовую шкурку, говорит Чарли.

— Не в этом суть, — говорит Томми.

— А в чем же? — спрашивает Чарли.

— Совсем не в этом, — говорит Томми и умолкает.

Чарли вдруг снова пронзает боль в животе. Настолько острая, что он, скорчившись, сгибается пополам.

— Извините, — бормочет он и направляется к туалету, очень-очень быстро.

Распахнув дверь, он бросается на колени перед унитазом. Живот непроизвольно втягивается внутрь, и Чарли рвет. Позывы рвоты мучают его снова и снова, пока в желудке не остается ничего, рвать уже нечем, но он продолжает давиться — уже слюной. В унитазе плавает месиво из непереварившейся моркови и брюссельской капусты. Он старается давиться потише, Морин совсем не обязательно знать, что натворила индюшка, а может, эти не отрегулированные должным образом протоны. В голове стучит, будто внутри кто-то колотит по барабану, во рту горечь.

Чарли поднимается и вытирает рот розовым полотенцем, вспомнив, что в рекламе в такое же заворачивают щенка. Интересно, почему? Он спускает воду. Потом берет щетку и старательно чистит зубы, с удовлетворением ощущая, как мятный вкус пасты заглушает горечь. Потом несколько раз проводит расческой по густым

черным волосам.

Он думает о своей жизни в тесном пространстве этой квартиры, где он постоянно истекает потом. О том, как сегодня его сын одной фразой окончательно их обесценил, и жизнь, и квартиру. Он думает о том, каким Роберт был, когда только родился. Беззащитным и тепленьким. От него пахло детской присыпкой и кровью, совсем чуть-чуть. А теперь не он, а Томми зашвыривает его к себе на плечо, не он, а Лоррейн щекочет его, заставляя заливаться счастливым смехом.

Он лезет в карман за сигаретами. Но пачка пуста. Блок, подаренный ему Морин, он отнес в бывшую комнату Роберта. Чарли тянет в сон, к тому же он все еще немного пьян, хотя его всего вывернуло наизнанку.

Он поворачивает ручку и входит в комнату. В ней почти темно. Чарли подносит руку к выключателю и вдруг замечает в углу две двигающиеся тени. Какое-то время он ждет, чтобы глаза привыкли к темноте. Сначала он никак не может понять, что происходит. Что это тетя Лоррейн делает со своим племянником? Почему он закрыл глаза и так тяжело дышит? И почему его тетя стоит на коленях, ритмично двигая головой, то вперед, то назад? Чарли решил, что она что-то

уронила и теперь ищет, но потом вдруг понимает, в чем дело… До него доходит смысл этой чудовищной пантомимы.

Стиснув зубы, Чарли закрывает дверь и спешит назад в ванную, его снова начинает выворачивать наизнанку.

6

Морин, сморщившись, прикусывает язвочку, на этот раз угнездившуюся на самом кончике языка, язвочка маленькая, но очень болезненная. Тело Морин сегодня злейший ее враг. Оно не хочет подчиняться уходу и упражнениям. Оно не желает обретать более или менее сносный вид. Оно кровоточит, потеет, источает запахи. Оно вышло из-под контроля, и Морин ненавидит его за это безвольное упрямство, за это упрямое безволие. Бородавки на пятках заставляют Морин прихрамывать. Утром она обнаружила у рта новую морщину, тонкую, как волосок младенца, но уже заметную. Ее тело, когда-то такое крепкое и упругое, притягивало мужчин, позволяло делать с ними все, что ей, Морин, было угодно. А теперь оно издевается над ней, заставляет стыдливо сжаться, угрожает разрушить саму ее личность.

Но она не уступит, ни за что. Она его укротит. Жизнь вытолкнула ее на обочину, это так, но собственное тело обязано беспрекословно ей подчиняться. Главное — сила воли. Где твоя сила воли, Морин, не смей раскисать! Прикрикнув на себя, она стискивает зубами вторую язвочку, на щеке, ощущая привкус сукровицы. Боль заставляет ее собраться, проникнуться величием цели. Нет, Морин Бак так просто не сдастся! Ни ее душа, ни этот розовый мешок с костями и дряблыми, обросшими жирком мышцами.

Только что закончилось занятие по аэробике в их районном спортивном клубе. В зале зеркало во всю стену. Морин внимательно следила за своими прыжками, наклонами, махами, сравнивая себя с остальными женщинами. Сравнение было далеко не в ее пользу. Почти все эти женщины гораздо ее моложе и еще не знают того, что известно ей. А ей доподлинно известно, что увядание и дряхлость неизбежны и неотвратимы. Сила тяжести все сильнее прибивает нас к земле, к этому неумолимому магниту. В данный момент Морин находится в ванной, на полу свалено в кучу ее снаряжение для пробежек. Надо быстренько пропустить костюм через стиральную машину, а просушить и прогладить можно после работы.

Работа. Морин смотрит на часы. Она через двадцать минут должна быть в "Чародейке". Она страшно благодарна Мари-Роз за то, что та все-таки ее уломала. У нее теперь даже есть свой кабинет, это ее владения. Теперь она не просто ведет канцелярские книги, подсчитывая ежемесячную наличность. Теперь она помогает рассчитывать налоги с прибыли, следит за налогами на добавочную стоимость, звонит в налоговую инспекцию и очень ласково разговаривает со всесильными мужчинами, с могущественным начальством. Она подшивает квитанции, оформляет счета, раскладывает по коричневым конвертикам зарплату. Ее влияние за пределами домашнего пространства постепенно растет. Империя Морин очень мала, но она реальна, ее реальность можно почувствовать. Иногда Морин приходит в голову, что ее жизнь с Чарли какая-то выморочная — в сравнении с часами, которые она проводит в парикмахерской.

Работа там — это настоящая реальность, и оплачиваемая к тому же.

Ну все, можно отправляться, осталось только снять с вешалки плащ и взять лежащую рядом со стойкой для зонтиков тоненькую папку. Из-за бородавок на пятке Морин прихрамывает, но

сегодня ей гораздо легче. Обычно, как только она выходит на улицу, боль почему-то становится менее острой, а как только она переступает порог салона, исчезает вообще.

Морин смотрит на себя в зеркало. Модные кремовые расклешенные брюки, ярко-розовый блузон, коричневые босоножки на низеньком каблуке. Плащ очень приличный, купленный в универмаге "Бритиш хоум сторз". Что ж, пожалуй, ей удалось найти золотую середину — вид вполне деловой, но не слишком официальный.

Она подходит к двери, но в этот момент раздается звонок. Морин смотрит на часики. Если это миссис Джексон пришла поболтать, то придется извиниться… Однако, открыв дверь, Морин видит на пороге Кэрол в ядовито-розовой пушистой кофте, жакете и черных кожаных брюках. Волосы крашеные, оранжевого цвета, но лицо без косметики. Вид у нее несчастный. Вся сжалась, будто ей очень холодно, хотя погода сегодня довольно теплая.

— Здравствуй, Кэрол.

— Миссис Бак, простите, что я вас побеспокоила.

Морин не знает, как ей быть: не хочется показаться невежливой, но и опаздывать тоже не

хочется.

— Кэрол, я как раз убегаю на работу. Прости, но я не могу тебя сейчас пригласить.

— Ой, что вы, что вы! Я только хотела спросить, нет ли у вас телефона Роберта…

— Роберта?

— Да. Я… я пробовала ему звонить. Но там, кажется, отключен телефон.

— Я и не знала, что вы до сих пор дружите.

— Да так… общаемся иногда. Мне нужно до него дозвониться.

— А почему такая спешка?

В ответ — молчание. Карол сует руку в карман жакета и вытаскивает нещадно скомканную пачку дешевых сигарет.

— Он кое-что у меня забыл. Я хотела ему отдать.

— Забыл? Так, значит, он к тебе заходил?

Кэрол зажигает сигарету. Морин снова смотрит на часы.

— Да, заходил.

— Странно, что он не зашел домой, хотя бы поздороваться. Знаешь, Кэрол… не могла бы ты прийти попозже, вечерком?

— Я только… Может, вы знаете… может, у него номер поменялся или… ну мало ли…

— Вряд ли. Мне он ничего такого не говорил. Кэрол, я должна идти.

Морин выходит и захлопывает дверь. Кэрол, зябко поеживаясь, отходит в сторонку.

— Тебе нездоровится?

— Нет-нет. Все в порядке.

Она вымученно улыбается.

— Ну что ж, тогда…

Деликатно обогнув Кэрол, Морин направляется к выходу.

— А его адрес у вас есть? — Кэрол идет рядом.

— Я никогда у него не была, лапонька моя. Откровенно говоря, он никогда меня к себе не приглашал. Я только знаю, что это где-то а районе Бэттерсипарк. Ну и еще… что у него голубая дверь. Он прислал мне фотографию. Но он такой… нет, адреса он мне не дал. Он такой смешной. Любит всякие тайны. Слушай, если он мне позвонит, я скажу ему, что он забыл у тебя… А что он забыл-то?

— Что? Часы свои.

— Часы? Вот не знала, что Роберт все-таки купил часы. Он вечно твердит, что люди слишком зациклены на времени.

— Да? Ну, значит, это не он забыл, а кто-то еще…

— А если даже и он, то никакой катастрофы нет, как-нибудь поживет без них недельку-другую, а?

Сказав это, Морин прибавляет шаг. До начала работы всего пять минут, а она страшно не любит опаздывать. Слава богу, бородавка на пятке стала меньше, может, удастся совсем вывести. А неловкое молчание Кэрол уже просто невыносимо.

— До свидания, миссис Бак.

Уже на крыльце Кэрол разворачивается, что-то бормоча. Но почему-то стоит, не поднимается назад, в свою квартиру. Из окон ее кухни доносится жалобный писк Нельсона, ее малыша.

--

Войдя в салон, Морин сразу понимает: что-то случилось. Не потому, что все кресла еще пусты, — клиентки появляются гораздо позже, часам к одиннадцати или к середине дня; и не потому, что разговаривающая с кем-то по телефону Мари-Роз сердито размахивает руками. Морин настораживает, что не слышно музыки. Едва ступив на порог, Мари-Роз тут же включает музыку и выключает только перед уходом. Да, у них постоянно играет музыка. Начальница Морин считает, что без музыки их салон напоминает склеп; отчасти она права: декоративная "маркиза" над входом отнимает очень много света, да

еще и рисунок на ней густо-коричневый. Света у них действительно маловато, и, по мнению Мари-Роз, только музыка может компенсировать этот недостаток. И дюжине светильников не под силу одолеть этот постоянный полумрак. Правда, такое освещение имеет и свои преимущества. При таком свете зеркала немного льстят клиенткам. Они выглядят гораздо лучше, чем обычно, даже еще до того, как их волосы приведены в порядок.

Швырнув телефонную трубку, Мари-Роз оборачивается к Морин:

— И где же, черт возьми, тебя носит!

Морин смотрит на часы. Она опоздала на три минуты, ровно столько времени отнял у нее разговор с Кэрол.

— Прости. Я нечаянно…

— Не бери в голову. Это я так.

Мари шумно выдыхает воздух и плюхается на банкетку, заметно ее примяв. Где-то на заднем плане порхает молоденькая их сотрудница, нервно переставляя на полке тюбики и бутылочки с красками, шампунями и прочим.

— Прости, что я к тебе прицепилась, Мо. Просто тут такое дело. У нас возникла проблема.

— Какого рода?

— Налоговая. Прихожу я сегодня, а на пороге какой-то хмырь. Предъявите, говорит, все свои записи.

Морин садится рядом и ласково похлопывает Мари-Роз по спине:

— Не волнуйся, дорогая. У меня полный порядок.

— Да знаю я. Ты проделала адскую работу. Но и ты, и я знаем, что в "Журнале регистрации"... есть не все, что должно бы быть.

— Но ты же сама велела мне...

— Знаю, что велела. Ты умница, Морин. Ты не думай, я ни в чем тебя не обвиняю. Ты делала то, что я просила, и именно так, как я просила. И надо сказать, справилась со всем замечательно. Комар носа не подточит.

— Тогда что тебя так волнует?

— То, о чем я не подумала. Ублюдки! Совсем достали! А на что, спрашивается, жить?

— Давай я сделаю тебе кофе. А потом ты все мне расскажешь.

Мари-Роз поднимает глаза. Будучи почти ровесницей Морин, она относится к ней как к мамочке, всегда ищет у нее поддержки.

— Ладно. Сейчас повешу на дверь табличку "Закрыто". Надо сесть и хорошенько подумать.

Разработать план действий.

— Звучит страшновато.

— Все действительно очень серьезно.

Морин идет к себе, снимает плащ, включает чайник, достает две белые кружки и кладет в них по ложке растворимого кофе. Потом усаживается за свой стол, откладывает в сторону папочку и аккуратно подворачивает розовые манжеты. Несмотря на нервозное состояние Мари-Роз, Морин абсолютно спокойна. Закипает чайник. Через пару минут приходит Мари-Роз, пальцы ее дрожат. Морин протягивает ей дымящуюся кружку.

— Я добавила второй кусок сахару. Судя по твоему виду, тебе десяточек лишних калорий не повредит. Сладкое успокаивает.

— Спасибо тебе, Мо.

Она делает глоток. Морин терпеливо ждет.

— Вся штука в том, что он потребовал журнал регистрации клиентов, все записи за последние полгода.

— За пол года?

— Ну да, именно. Я знаю, знаю, что надо было наплести какую-нибудь чушь, что ах-ах, он у нас потерялся. И что бы они тогда смогли сделать? Но я не подумала. Этот хмырь застал меня врасплох.

— И ты ему их отдала? Записи?

— Нет, конечно. Я же все-таки не законченная дура. Сказала, что журнал у меня дома. Идиотское, конечно, объяснение, но ему пришлось скушать. Короче, он вернется к часу и начнет все сверять. То есть меньше, чем через три часа! И если увидит, что записи клиентов не стыкуются с записями в бухгалтерских книгах, нас ждут неприятности. Меня ждут неприятности. Эти налоговые инспекторы — лютые звери, Мо. Договориться с ними полюбовно практически невозможно. Они тут же впиваются тебе в горло. Потом несколько лет заставят выплачивать старые налоги. Одна моя подружка даже загремела на три месяца в "Холлоуэй"[65]. Попалась примерно на том же. Она потом так до конца и не оправилась. А ее бизнес… все полетело к черту… Я совсем не уверена, что смогу снова…

— Элси!

Услышав свое настоящее имя, Мари-Роз, похоже, слегка пришла в себя.

— Прекрати, возьми себя в руки. Как-нибудь выкрутимся. Не психуй.

— Но как, как? О, Морин! Любой, пролистав наши бухгалтерские книги, сразу сообразит, что

---

[65] Примечания: 65
"Холлоуэй" — женская тюрьма в Лондоне.

клиентов должно было быть как минимум в два раза больше, чем записано. Весь наш мухлеж сразу виден.

— Значит, нам нужно сделать новый журнал регистрации.

— Ох, я думала об этом, Морин. Исключено. Сразу будет видно, что записи сделаны только что. И потом, как быть с почерком? Они должны быть сделаны разным почерком, разными ручками.

— Будут тебе и разные ручки, и разные почерки. Зови всех девочек. Надо купить побольше ручек и карандашей. Поблизости есть один захудалый писчебумажный магазин, туда почти никто не заглядывает, у них наверняка есть такие папки и тетради, которым на вид все сто лет, а не полгода.

— Поздно, Морин. У нас всего два с небольшим часа. А еще надо, чтобы все точно совпадало — суммы доходов и количество клиентов. Только волшебник сумел бы утрясти все это за два часа.

— Считай, что он у тебя есть. Ты знала, на кого ставить. Мы победим.

Мари-Роз снова начинает рыдать и смотрит на Морин. А та уже надевает плащ.

— Ты действительно думаешь, что мы выкрутимся?

— Если ты будешь сидеть и лить слезы, то вряд ли, — говорит Морин, устремляясь к двери.

Когда она возвращается из магазинчика, уже все в сборе: сама Мари-Роз и четыре их постоянные сотрудницы. У Морин в руках огромная буро-желтая тетрадь, пыльная, со слегка пожелтевшими листами, края которых даже немного покоробились от дряхлости. Листы закреплены с помощью металлического держателя с защелкивающимся замком, и их легко можно вынуть. Морин открывает первую страницу.

— Не скажу, что вариант идеальный, но с этим можно работать. Я сейчас раздам ручки и карандаши. Проверьте, чтобы были разные цвета пасты, и вообще разные фирмы. Вот…

Она вытаскивает из кармана целую пригоршню ручек и карандашей.

— Сейчас я принесу свою бухгалтерию, а вы будете делать то, что я скажу.

Морин притаскивает все папки, в которых подшиты все подсчеты и расчеты, сделанные ею за полгода. Она открывает первую страничку нового "Журнала записей". Потом открывает гроссбух, в котором зафиксирована наличность и который уже успел побывать в лапах инспектора. Полистав его, она говорит:

— Приступим. Мари-Роз, тебе начинать, ты же начальница. В первый день у нас должно получиться примерно пятнадцать клиенток. Четыре — у тебя, Сью пусть запишет себе троих, ну и у остальных по четыре. Ну, поехали. Постарайтесь изменить почерк. Одну запись сделать убористым, вторую — более размашистым. И нажимать можно то посильнее, то послабее. И как можно естественнее, иначе мы все останемся без работы.

Наконец, решившись, Мари-Роз карандашом выводит имя своей постоянной клиентки: "Барбара — 10 утра", после чего, чуть отступив, любуется своей работой. Остальные, посмотрев на нее, слегка улыбаются.

Целых два часа они корпят над журналом: пишут разными ручками, изобретают имена клиенток, придумывают телефонные номера, стараются, чтобы записи выглядели не слишком аккуратными. Оказалось, что это жутко трудно, придать записям естественный вид. Сразу набело вписывать всякие каракули, а потом еще чуть-чуть размазывать, совсем чуть-чуть.

К половине первого с записями покончено, и они более или менее стыкуются с подсчетами наличности в папочках Морин. Она пролисты-

вает тетрадь, внимательно все просматривая. Остальные пятеро женщин ждут ее вердикта.

— Нет, не годится, — говорит Морин. — Все равно вид слишком новый. Но записи получились очень натуральные, об этом можно не беспокоиться. Бумага. Слишком чистенькая. Не потрепана и не замусолена.

— Ну и что же нам делать? — спрашивает Мари-Роз. — Через полчаса он будет здесь. И мне придется выложить ему все, все как есть. Получается, что я зря гоняла его туда-сюда, и это он тоже учтет. Я пропала…

— Спокойно, Элси. Пойди запри дверь. Надо будет вынуть все страницы. Кресла в сторону, к стенам их, чтобы расчистить побольше места. Опусти жалюзи.

— Что?

— Действуй. А я пока выну страницы. Та-а-ак… Девочки, помогите мне раскидать их по полу.

Она раздает изъятые из "Журнала" страницы парикмахершам, и те, ничего не понимая, начинают покорно разбрасывать их по линолеуму. Мари-Роз запирает дверь и спешно опускает жалюзи.

— И что дальше?

— Что дальше? — переспрашивает Морин. —

Дальше мы будем их топтать, будем пятнадцать минут по ним топтаться, чтобы они стали грязными и истрепанными, особенно по краям. Мы будем разгуливать по ним до тех пор, пока они не станут всамделишными. Вперед.

Наступает секундная пауза. А потом все женщины, как по команде, начинают топтать листочки. Кто носится вприпрыжку, кто нарочно шаркает, кто семенит и переваливается, как голубь, кто, наоборот, старается шагать шире. Морин с сосредоточенным видом бегает трусцой от стены к стене. Первой начинает хохотать Мари-Роз, внезапно осознав весь комизм происходящего.

— О, боже! Что мы делаем?

Она сгибается от хохота пополам. А зрелище действительно незабываемое: пять более или менее солидных женщин бегают по пустой парикмахерской, с азартом топча раскиданные на полу бумажки. Следом начинает хохотать Морин. Спустя несколько секунд комната наполняется громким хохотом и хихиканьем.

— Вперед! — кричит Морин, стараясь переорать эту веселую какофонию. — Марш! Победа будет за нами!

Одна из парикмахерш начинает танцевать на этом море бумажек, увидев это, Мари-Роз вклю-

чает музыку. И теперь они танцуют все вместе — ритмично раскачиваясь, притоптывая, иногда хлопая в ладоши и размахивая в такт музыке руками. И пока они танцуют, листки бумаги ветшают и пачкаются, старея прямо на глазах…

Через десять минут все останавливаются, еле-еле дыша. Морин смотрит на часы и истошным голосом кричит:

— Все! Он будет здесь через несколько минут. Надо собирать.

Они собирают листки и, сложив их по порядку, водворяют на место. Морин щелкает замочком, предварительно покарябав скрепкой металлические дужки. Мари-Роз отпирает дверь и поднимает жалюзи.

Все начинают с нарочито небрежным видом заниматься обычными делами: кто-то листает журналы, кто-то моет раковины, кто-то красиво расставляет пузыречки с шампунями и бальзамами. Морин снова исследует многострадальный "Журнал".

— Гораздо лучше, — захлопывая его, бормочет она, собираясь удалиться к себе. Мари-Роз восхищенно поднимает вверх оба больших пальца. И буквально через секунду после реплики Морин в салон входит плотненький человечек в синем

костюме, в руках у него портфель с секретным замком.

— Простите, я, кажется, пришел немного раньше, — говорит он с улыбкой, в которой проскальзывает издевка.

— Ничего страшного, — говорит Морин, протягивая ему руку. — У нас уже все готово.

--

Чарли сидит за угловым столиком. Паб битком набит дюжими молодцами, некоторые в смокингах, во взглядах — затаенная угроза. Ни одного женского лица. А имеющиеся в наличии мужские — все землисто-белые, за исключением кофейной физиономии Ллойда, который тщетно пытается сквозь жуткий гвалт докричаться до бармена. Он минут пять болтается у стойки, потом наконец возвращается с двумя пинтами горького.

— Ответь мне на один вопрос, Чарли. Ты меня видишь?

— Что-что?

— По-моему, я дематериализовался. Готов поклясться, что я превратился в человека-невидимку. Пять парней стояли сзади, и всех обслужили раньше. А потом так орали, будто меня вообще нет.

— Видно, очень занятые ребята. Думаю, потом

им же будет хуже, головка заболит. — Чарли приветственно взмахивает стаканом. — За тебя, Снежочек. Надеюсь, сегодняшний вечер не обманет наших надежд, как говорится, "поддайте жару, ребята!".

— Ах, у меня такое чувство, будто вернулось старое доброе прошлое. — Ллойд, еще не успевший сесть, делает несколько картинных боксерских пассов по воздуху. — Желтый Дьявол. Господи боже, сколько же они тут дерут. Когда я только приехал в эту страну…

— Так, это теперь надолго, — бормочет Чарли.

— …Когда я только приехал в эту страну, за шесть пенсов можно было купить пинту самого лучшего пива. Всего за шесть пенсов, старик! Хорошее было время. Я теперь часто слышу разговоры о том, что старые времена возвращаются. Чушь все это, Чарли. Но точно тебе скажу: я сразу понял, что Англия — это моя страна. Родина Шекспира! Диккенса! А крикет? А фото девочек на третьей газетной полосе? Я уж не говорю о Лэрри Грейсоне! Обожаю его хохмы! Но все это полетит к черту. Слишком много иностранцев.

— Значит, по-твоему, старым временам уже нет возврата?

— Да вспомни хотя бы этих типов с Гернси,

Чарли. Эти гернсюки повсюду. Они отнимают у нас работу. Они дерут наших баб.

Чарли хохочет, поперхнувшись пивом.

— Гернсюки. Здорово ты их, молодец!

— Вяжут и вяжут эти проклятые фуфайки и свитера. Ублюдки. То ли дело раньше. Никаких гернсюков. И всегда можно было найти работу. А сейчас, ты только вдумайся! Миллионы безработных! Помню, как только сошел на берег, первое, что увидел, — трубы, на всех домах. Я никогда не видел домов с трубами, на Барбадосе таких нет. И ты знаешь, что я подумал?

— Что это не дома, а фабрики.

— Да, я подумал, что это не дома, а фабрики! Понимаешь, Чарли, моим старикам пришлось продать трех коров, чтобы купить мне билет на пароход.

— Да-да, я знаю. Он стоил двадцать восемь фунтов и десять шиллингов, если не ошибаюсь.

Чарли зевает, чуть откинув голову, и тут в поле его зрения попадает Майк Сандерленд, который как раз входит в паб. Он щурится, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь пелену сигаретного дыма. Чарли поднимает руку, чтобы он их заметил.

— Деньги. И побольше. Нынешнюю молодежь больше ничего не интересует. Вспомни нас. В ти-

пографии была целая команда боксеров, и каких боксеров! И спрашивается, где они теперь, наши боксеры? Что с ними случилось? Они высосали из них соки, а потом выплюнули, вот что с ними случилось.

— Кто он и-то?

— Джек Соломоне, Тед Льюис. Наши патроны, парень. Может быть, мне крупно повезло, что я получил вот это.

Он крутит перед лицом Чарли искалеченной рукой.

— Это враз вылечило меня от глупости! Без пальцев особо не помечтаешь. Зато остался симпатичным парнем. Знаешь, что меня больше всего поразило, когда я сошел на берег?

— Сюда, Майк! Мы здесь, в уголочке! Что тут холодно. Ты подумал, что в Англии очень холодно.

— Ничего подобного. Я приплыл в середине весны, было уже тепло. Нет, парень. Я подумал, какие же тут все уроды. Ну и рожи, подумал я. Мужчины, женщины, дети, все страшные. Химеры, горгульи. Везде и всюду, самых разных размеров и форм. Нотрдамский горбун[66] тиражом в пятьдесят миллионов.

---

[66] Примечания: 66

Имеется в виду Квазимодо из романа В. Гюго "Собор Парижской богоматери".

Майк подходит к столу, отдуваясь, успев наглотаться сигаретного дыма. На нем синяя комбинированная куртка из плотного драпа и кожи, под ней — плотный свитер. Он протягивает Чарли и Ллойду по билету.

— Простите, что опоздал. Застрял у врача. У него сегодня полно народу.

— Просто психов у нас полно, вот что, — говорит Чарли. — Помешались на всяких диетах, на орешках и фруктах, а надо есть мясо.

— Привет, Майк, — говорит Снежок. — Что это на тебе, а? — Он тычет пальцем в свитер Майка. — У гернсюка, что ли, купил?

— Что?

— Не обращай внимания, — улыбается Чарли. — Что будешь пить?

— Что пить? Сухое белое, если ты не возражаешь.

— Какого года?

— Что?

— Ясно. Сухое белое. А тебе еще пива, Снежок?

Когда Чарли возвращается из бара с вином и пивом, Ллойд и Майк что-то бурно обсуждают.

— Понимаешь, Ллойд, все дело в чувстве вины. Я не знаю, есть ли подобное… Я хочу сказать, в той культурной среде, где рос ты, этого нет. Тех

особенностей культуры, которые порождают склонность к сумасшествию.

— И чего же нет в моей культуре, а?

— Ну… Я, разумеется, ничего не утверждаю. И вообще, что такое культура? Понятие очень аморфное. Как только заходит разговор о культуре, мне делается не по себе. Начинает казаться, что я не прав. Ты понял, про какую вину я говорю? Про комплекс белого человека, он сидит в нас с детства, это та среда, то море, в котором мы плаваем. А психотерапевт помогает мне увидеть вещи в другом свете. Я хочу сказать, что, если человек чувствует себя виноватым, это еще не означает, что он всегда не прав. Конечно, это не единственная проблема. Существует такой момент, как чувство собственного достоинства. Мой отец всегда… Ой, я, наверное, совсем тебе надоел…

— Немного есть, — говорит Ллойд, забирая у Чарли свою кружку с пивом. — Но и я кое-что знаю про сумасшествие. Я многих знаю, у кого не выдержали мозги. Кто так и не смог до конца приспособиться к этой стране. Даже я не выдержал. Тоже съехал с катушек. После этого, — он подносит к глазам свою искалеченную руку и начинает ее рассматривать, будто впервые видит, — после

этого и я малость чокнулся.

— Как же это случилось? — спрашивает Майк, наклонившись к Ллойду. — То есть… это ничего, что я спрашиваю?

— Попала рука в станок. Я ведь механик. Ну и проверял, как работает. И не заметил, как соскользнула рука. Два пальца долой, валяются на полу в опилках. Да, парень, это было что-то… Видел бы ты рожу начальника цеха. Горгулья, которую чуть не хватил инфаркт. Более отвратительной рожи я сроду не видел.

Пригубив свое вино, Майк морщится, скривив рот.

— Ну, как тебе букет? — спрашивает Чарли.

Майк усмехается.

Паб постепенно пустеет. Майк смотрит на часы.

— Хорошие у тебя часики, — говорит Ллойд. — Часики что надо.

— Спасибо, — бормочет Майк. — Конечно, мне бы… сам бы я ни за что. Сам бы я купил себе что-нибудь попроще, мне без разницы… Это подарок отца, по случаю вылета.

— Вылета куда? — Ллойд искренне озадачен.

— Прости, это я фигурально. По случаю окончания университета. Кембриджа.

— Кембриджский университет. Ты образованный человек. Цивилизованный. Это я уважаю. Ну-ка, Майк, спроси меня что-нибудь. Про какого-нибудь английского короля или про королеву.

— Ну, так сразу я не…

— Ради бога, спроси у него что-нибудь, — вмешивается Чарли. — Пусть человек порадуется. А потом и мы тронем отсюда. Скоро уже начнется.

— Ладно. Какой король был на троне в тыща сто третьем?

— Генрих Первый, — тут же выпаливает Ллойд, довольно ухмыльнувшись.

— А какой король правил в тыща семьсот четвертом?

— Коварный вопрос. Это была благодетельница наша, королева Анна.

— Тебе бы в цирке выступать, Снежок. Ну что, пошли? — торопит Чарли.

— Это все спасибо моей школе. На Барбадосе. Нас заставляли изучать жизнь всех королей и королев. Не вызубришь — схлопочешь по шее. Я всегда учил. Наш учитель любил Англию. Там ее называют.

Бимширом. В честь самого лучшего и самого теплого графства. И сколько стоят твои часики?

— Понятия не имею. Наверное, под тысячу. —

Майк заметно смущен.

Ллойд и Чарли переглядываются.

— Ты когда-нибудь играл в карты? — спрашивает Чарли.

--

Они выходят на улицу, в вечерние лондонские сумерки. Недавно шел дождь, но теперь он кончился, небо расчистилось. Они не торопятся. До "Астории" ходу несколько минут. Ллойд пинает банку из-под пива, потом колошматит кулаками воздух, для пущего эффекта надувая щеки.

— Майк, а что у них тут за соревнования? — спрашивает Чарли. — Что-то неофициальное?

— Все законно, — успокаивает его Майк. — Просто судейская коллегия уперлась. Потому что сюда ходят слишком горячие парни. Не всегда знают меру. Могут из носика кровь пустить, и костюмы у них живописные, тут вам не просто бокс, а настоящая драка, без сюсюканья.

— Вы только посмотрите, — вдруг говорит Ллойд, уставившись на обочину тротуара. — Какая красота.

На асфальте поблескивает пятно бензина, размытое дождем, оно отливает всеми цветами радуги. Помолчав, Ллойд снова начинает говорить, но так тихо, что Чарли приходится

напрягать слух.

— Знаешь, когда я только сюда приехал, прошел дождь... А в бетон, или из чего еще сделан асфальт, добавляют стекло. Так вот, после дождя эти стекляшки здорово блестят. И как-то после ливня я сказал.

Гиацинте: ты глянь, это же настоящие бриллианты. Бриллиантовый тротуар. Красотища!

Видимо, Ллойду прискучили эти ностальгические воспоминания, он, пригнув голову, выставляет вперед кулаки и, приплясывая, наносит Чарли несколько воображаемых ударов, в опасной близости от его носа и скул.

— Идем-идем. Посмотрим, как они относятся к "Правилам Куинзберри", чтут ли они маркиза.

Помещение "Астории" внутри оказывается гораздо более внушительным, чем они предполагали, глядя на это скромное сооружение. Пахнет лосьонами для бритья, опилками и пивом, насквозь пропитавшим дешевые ковры. Чарли, Ллойд и Майк протискиваются сквозь плотную толпу краснолицых, немолодых уже мужчин, многим из которых явно с большим трудом удалось втиснуться в свои смокинги. Майк идет первым, поглядывая то на билеты, то на номера кресел. Он подходит к пятому ряду, снова смотрит

на билеты и обнаруживает, что их места заняты. Чарли видит, что на его месте сидит какой-то хряк в вечернем костюме. Он упреждающим жестом трогает Майка за плечо, но уже поздно. Майк похлопывает хряка по плечу.

— Простите, видимо, вы случайно перепутали места. Думаю, если вы еще разок взглянете на свой билет…

Потревоженный субъект поворачивается к ним лицом. Типичная рожа уголовника, да еще вся в шрамах и в оспенных рытвинах, глазки маленькие, красные, близко посаженные. Всем своим видом он демонстрирует, что такие мелочи, как какие-то там номера кресел, его абсолютно не трогают. Он пялится на Майка как на пустое место, давая ему понять, что такого дохляка и придурка он вообще не воспринимает всерьез.

— Я думаю, если вы еще разок посмотрите на свой билет, то сразу поймете, что эти места…

Чарли оттаскивает Майка от этой туши и сам продолжает беседу:

— Прости, друг. Мы ошиблись. Ради бога, извини.

Но Майк уперся.

— Нет-нет, минуточку…

— Да заткнись же ты! — шипит Чарли и снова

оборачивается к хряку: — Прости, пожалуйста, что побеспокоили.

Хряк еще несколько секунд сверлит их взглядом, но потом отворачивается, снова уставившись на ринг. У Чарли отлегает от сердца. Он опять оборачивается к Майку и шепотом устраивает ему взбучку:

— Тут тебе не званое чаепитие в Хэмпстеде[67], Майк. Отвяжись от него. Этот малый в два счета проделает в твоей заднице вторую дырку, ты и охнуть не успеешь. Этих мерзавцев лучше не трогать. Я знаю, что говорю. Мой братец с ними якшается, официальный член клуба этих братьев по ремеслу. Им насрать и на тебя, и на твои долбаные билеты. Тут полно еще свободных мест, на задних рядах.

Наконец они находят довольно сносные места шестью рядами выше и рассаживаются. А на ринге уже начался бой. Плотный коротышка, явившийся на ринг в рваном плаще и скромно назвавшийся Колумбом, дерется с белокурым, намного его моложе и выше, парнем, с неким Железным Воином. Судя по всем параметрам, молодой должен победить, причем без особых

---

[67] Примечания: 67
Хэмпстед — фешенебельный район на севере Лондона.

усилий. Но Колумб оказался крепким орешком, играючи выдержал несколько клинчей и коротких ударов. После двух раундов становится заметно, что молодой здорово вымотан, хотя и пытается одолеть "старика". Вдруг в какой-то момент Колумб сильно размахивается, и далее следует мастерский свинг, впечатанный точно в челюсть Железного Воина. Тот, покачнувшись, закрывает глаза, но удерживается на ногах. Толпа болельщиков с ревом вскакивает. Колумб повторяет этот свой немыслимый боковой удар, только на этот раз метит противнику в нос. На ринг хлещет кровь. Рев толпы становится в несколько раз мощнее.

Чарли с изумлением обнаруживает, что он тоже уже на ногах и тоже орет, надрывая глотку. Он лет двадцать не был на боксе и несколько обескуражен своей реакцией на происходящее. Вид крови здорово будоражит его. Железный Воин начинает пошатываться, чуть приседая. Майк с невозмутимым видом что-то черкает в блокнотике. Ллойд качает головой, глаза его полны затаенной печали. Колумб наносит еще один удар по подбородку, его противник падает. Толпа, в том числе и Чарли, неистовствует. На счете восемь Железный Воин поднимается. Чар-

ли слышит, как Ллойд бормочет:

— Держись, парень, держись.

Теперь Колумб подходит к нему все ближе. Лицо молодого уже превратилось в кровавое месиво. Он беспомощно мотается из стороны в сторону. Даже Чарли чувствует, что бой пора останавливать, но Колумб продолжает. В какой-то момент он медлит, вроде бы пожалев противника. Молодой уже просто стоит перед ним, даже не прикрываясь. Но рефери не поднимает руку. Колумб слегка пожимает плечами, что означает "ничего не поделаешь". Чарли видно, как далеко он отводит вверх и вбок правый кулачище, рука его чуть дрожит в предвкушении очередного действа. В обратном направлении его рука движется чуть-чуть замедленно, и огромная перчатка накрывает когда-то пригожее, с правильными чертами, лицо Железного Воина. От этого удара ноги парня почти отрываются от пола, как в мультиках, и он, разом обмякнув, валится наземь, истекая кровью. Толпа беснуется. Чарли тоже взбудоражен и слегка стыдится своего возбуждения и азарта. Майк все строчит в блокнотике, положив его на колено. Бой окончен, болельщики замолкают, видя, как тренеры-секунданты подбегают к распростертому на ринге

Воину. Чарли снова усаживается, сердце его бешено колотится. Он смотрит на Ллойда и видит, что тот сидит с зажмуренными глазами.

— Что с тобой?

— Это же бойня.

— А чего ты ожидал? Думал, они по головке будут друг дружку гладить?

Ллойд открывает глаза и, прищурившись, смотрит на ринг:

— Да-а… это я не знаю что… этого я точно не ожидал, Чарли.

— Их же никто не заставлял. Сами ввязались.

— Но это даже не… да пойми ты, этот парнишка совсем еще неуч. В сравнении с тем профи. Сразу же было ясно, что из него сделают котлету. А рефери даже не почесался, не остановил это избиение младенцев. Позволил этому старому козлу исколошматить парня. О маркизовых правилах тут вообще говорить не приходится, сплошное жульничество и уродство.

— Это точно, — говорит Майк, ни разу даже не подняв головы. — Из этого можно сбацать потрясающий очерк.

Выступления продолжаются. Костюмы самые разные: кто-то нарядился троглодитом, кто-то роковым книжным или киношным героем, кто-то

персонажем из мультика. Этот налет театральности лишь сильнее подчеркивает всю жестокость происходящего. Многие из участников, видимо, уже вышли в тираж, многие были совсем еще неопытными. Здешний рефери, похоже, не имеет обыкновения останавливать бой до тех пор, пока один из противников не грохнется без сознания. Почти все время Ллойд сидит, стиснув голову руками. Майк все строчит и строчит, исписав уже полблокнота, ну а Чарли как зачарованный смотрит на ринг. Ему стыдновато, но он с наслаждением следит за сраженьями, эти жесткие стычки притягивают, завораживают. Он не просто в толпе, он — вместе с толпой, раскачивающейся, орущей и глумящейся. Он тоже орет, раскачивается и ликует. На ринг выпускают все более опытных боксеров. И чем выше их мастерство, тем меньше жалости. Перерывы между боями — короткие. К десяти часам было проведено уже шесть боев. Оставалось еще три. Шестой бой, на вкус Чарли, был довольно вялым. В ожидании очередного он плюхается на стул и достает сигарету.

— Что у них там дальше, Майк?

Майк заглядывает в программку, изготовленную кустарным способом, видимо, самими

организаторами.

— Король Джунглей против Свирепого Викинга. Король раньше был первоклассным футболистом, а потом подался в фермеры. Что за фрукт этот Викинг, не знаю, но морда на фотографии противная.

Гул голосов возвестил о выходе новых участников. Из динамиков оглушительно грянула мелодия песни "Сегодня лев решил поспать". Раздается неодобрительный свист и топот. Арену начинают забрасывать какими-то предметами, а когда на ринг через канаты пролезает Король Джунглей, раздается дружный издевательский хохот.

Непонятные предметы оказываются бананами, дюжины бананов летят на ринг. Один шлепается Королю на макушку. Радостное ржанье становится еще более громким и дружным.

Боксер усаживается в угол, на темном лице отражается едва сдерживаемый гнев. На нем леопардовая шкура, а в густой шевелюре белеет украшение, очень похожее на обглоданную кость. Лицо у него старое, все в шрамах. Отчаяньем веет от всей его фигуры, безнадежным отчаяньем. Но сложен он отлично, и рост не подкачал, выше шести футов, и ни грамма лишнего жира, одни

мускулы. Поднявшись со стула, он принимается подбирать бананы, а они все летят. С печальной покорностью он передает бананы своему секунданту, один, второй, десятый... А ему подбрасывают новые. Чарли отмечает про себя, что двигается этот парень очень легко, даже изящно. Потом смотрит на лица зрителей, искаженные ненавистью.

Внезапно раздается восхищенный рев. Из дальнего угла вдоль первых рядов идет огромный детина в звериных шкурах и в шлеме викинга. Гигант, не ниже шести футов, точеное лицо и чистейшей голубизны глаза. Вид надменный и убийственно спокойный. Звучит фрагмент из вагнеровского "Полета валькирий". Под оглушительные вопли восторга он забирается на ринг. Он срывает с головы шлем, под которым оказывается светлая, почти белая грива волос. Напрягши мускулы, с важным видом начинает прохаживаться по рингу, сверля свирепым взглядом своего противника, но тот не поддерживает этой шутливой пантомимы, он по-прежнему сидит в своем углу, не сводя глаз с канатов, видимо, старается взять себя в руки, успокоиться.

Бойцы выходят на середину. Белогривый Викинг плюет Королю под ноги. Черный, подняв

голову, смотрит на него и, неожиданно улыбнувшись, разворачивается и отходит в свой угол под улюлюканье толпы.

С первого же момента бой завязывается ожесточенный. Противники накидываются друг на друга с невероятной свирепостью. У Викинга больше ловкости и силы, но он уступает Королю Джунглей в техничности, тот умеет нейтрализовать удары. Он тоже достаточно быстр и ловок, несмотря на возраст и больший вес. Всякий раз, когда ему удается увернуться от удара противника, толпа разочарованно стонет. Чарли чувствует, как ненависть к старику сгущается, растет, преобразуясь в энергию злобы. Чарли и сам окутан этой злобой, он ощущает мощный выброс адреналина. Он это уже не он. Он вне своей телесной оболочки. Вскочив на ноги, он отслеживает каждый удар, раскачивается и ревет вместе со всеми.

Позади уже четвертый раунд, но накал страстей не спадает. Лица обоих противников залиты кровью. Бананов больше никто не швыряет, хотя после каждого из трех предыдущих раундов они летели на ринг. Толпа болельщиков теперь как одно целое, свирепый многоглавый зверь. По лицу Чарли катится пот, не помня себя от азарта, он колошматит воздух, как будто это он там, на

ринге.

Противники с такой скоростью обмениваются ударами, что понять, кто атакует, кто защищается, абсолютно нереально. Лицо Викинга превратилось во вздувшуюся маску, ноги слегка заплетаются, но он чутко замечает каждый замах и реагирует вовремя. Противники не стоят на месте, они используют каждый дюйм пространства на ринге. В какой-то момент Викинг падает — нокдаун. Повисает гробовая тишина, но на счет пять он поднимается. Контратака. Целый каскад контратак. Чарли вдруг нутром чует, что черный боксер дрогнул, что он боится белого, потому что Викинг выдержал его коронный удар и теперь начнет отыгрываться. Толпа тоже учуяла этот страх и начинает остервенело подбадривать своего фаворита. Чарли, забравшись на стул с ногами, не отстает. Викинг наступает — удар в грудь, тяжелый удар в солнечное сплетение, и наконец апперкот в подбородок. Король Джунглей пошатывается. Чарли почти не слышит ликующих воплей, которые несутся со всех сторон:

— Врежь ему, так его, мудака!

— Сунь этой бляди! Гони его назад в джунгли!

И Чарли тоже, вконец озверев, орет:

— Прикончи его! Укокошь его на фиг!

Король Джунглей сражен наповал хуком в правую щеку. Уже понятно, что больше ему не встать. Он не шевелится, глаза закрыты, ноги раскинуты; рефери начинает считать. К поверженному Королю Джунглей подбегает его секундант.

Настроение толпы поминутно меняется: то напряженное ожидание, то распаленная до предела агрессивность. Ор стоит невероятный. Кровь везде — на ковре, на телах. Викинг победно поднимает вверх руки. На ринге появляются какие-то типы со здорово озабоченными лицами. Чарли не сразу осознает, что на ринг притащили носилки. Секундант Короля.

Джунглей что-то кричит, потом кивает, в глазах его — паника. Викинг, пританцовывая, красуется перед публикой, радуясь победе. Настоящий дождь из бананов летит на неподвижное тело Короля Джунглей. Кто-то яростно пинает его в грудь.

Чарли вдруг приходит в себя и озирается. Майк с бешеной скоростью строчит в своем блокнотике. Ллойд куда-то исчез.

7

Четвертое мая 1982 года. Сегодня Чарли не идет на работу. Майк Сандерленд в бешенстве, так как Руперт Мердок все-таки заполучил "Таймс", теперь он владелец этой махины. Вопреки заявлениям Роберта Максвелла, Мердок оказался "самым подходящим человеком". Гнев Майка постепенно стихает, охлажденный солидной прибавкой к жалованью. Профсоюзные начальники чувствуют себя по-прежнему вольготно. Все денежки, все взятки, все подачки — все остается по-старому. "Игроки меняются, — думает Чарли, — а правила игры остаются прежними".

В этот день, двадцать два года назад, они с Морин сочетались законным браком. И сегодня вечерком пойдут отмечать эту дату. Сегодня утром он завтракал в постели, любящая жена принесла ему на подносе свежую копченую лососину, тосты и помидорчики. Потом Чарли полистал вчерашнюю "Сан", ему нравится их стиль. "Дейли миррор", по мнению Чарли, стала слишком занудной. А в "Сан" сегодня шикарная

фотография аргентинского судна "Белграно"[68], уже подбитого. Чарли улыбается, ощутив гордость истинного британца.

В данный момент он стоит у двери в свою квартиру, вооружившись малярной кистью. На голове у Чарли пластиковая шляпа-котелок, раскрашенная под английский флаг. Шляпа — подарок Майка Сандерленда, иронический намек на неуемный патриотизм, проявленный Чарли по поводу Фолклендской войны. Но Чарли не из тех, кто умеет уловить иронию, и очень гордится своей шляпой. Он посматривает на соседские двери, снова и снова убеждаясь, что они все уныло-серые, как пушки на линкоре, все до одной. А с его кисти стекает краска благородного шоколадно-коричневого цвета, он старался подобрать оттенок точно такой же, как у того локомотива, который подарил ему на Рождество Роберт. Теперь это главная гордость его коллекции, коллекции, которая больше не пылится в кладовой.

В тот день, когда Чарли оформил все нужные документы, удостоверяющие его право собственности, он первым делом вытащил на свет божий

---

[68] Примечания: 68

Речь идет о корабле, подорванном в одной из морских операций в период десятинедельной Фолклендской войны (1982 г.) между Аргентиной и Великобританией, завершившейся победой Великобритании.

все поезда и фигурки и начал заново собирать железную дорогу. А второе, что он пообещал себе сделать, это покрасить дверь.

Он обмакивает кисть в жестянку с краской и смотрит, как со щетинок срываются густые коричневые капли. Сердце его как-то странно бьется. Надо сказать, в тот момент, когда он ставил свою подпись на бланке, то никакого подъема не испытывал. Примерно то же самое случалось всегда на Рождество: предвкушение всегда бывало более приятным, чем сам праздник. Он запомнил только странное ощущение легкости и одновременно непомерной тяжести. Тяжести оттого, что отныне на нем висит двадцать тысяч, которые придется выплачивать. Но сейчас, глядя на срывающиеся капли краски, он ощущает неведомое ему раньше восхитительное волнение. Теперь это его собственная квартира! Он сам теперь может выбирать тот цвет, который хочет. Потрясающе. Все эти паршивые чиновники больше ему не указ.

Он, конечно, благодарен миссис Тэтчер, дала вздохнуть среднему классу, но… Вопреки чувству вины перед ней Чарли рад, что, судя по сложившейся в стране ситуации, на следующих выборах эту настырную даму "прокатят". Государственные

субсидии в промышленность урезаны донельзя, бунты в Брик-стоне[69] и Токстете, самые высокие с двадцать первого года показатели падения производства. Безработных уже три миллиона. Страна просто загибается, Майк как в воду глядел.

Прежде чем приступить к покраске, Чарли тщательно протер дверь, зашпаклевал царапины и вмятины. Предвкушение грядущих перемен, новизны пьянит и будоражит, очень приятное ощущение. Из соседней квартиры выходит Кэрол с орущим младенцем на руках. Это уже второй, и тоже никаких признаков отца. А Нельсона она пристроила в ближайшие ясли. Карапуз крепко сжимает в руке палочку с лошадиной головой, нос у лошади отбит. Чарли искренне жаль лошадку. Костюмчик и шапочка на малыше мятые и выцветшие.

Лицо у Кэрол усталое и озабоченное. Увидев Чарли, она говорит:

— Какая у вас классная шляпа!

— Это символ — что я болею за наших парней, которые сейчас задают жару аргентинцам.

— А что это вы делаете с дверью? — спрашивает

---

[69] Примечания: 69
Брикстон — тюрьма в пригороде Лондона.

Кэрол чуть испуганным голосом.

— Решил освежить.

— Но ведь нужно согласие администрации.

— Больше не нужно, — говорит Чарли. — Мы купили эту квартиру.

— Купили? — Кэрол смотрит на него округлившимися глазами.

— Да, взяли и приобрели. Теперь она наша, — гордо уточняет Чарли, приготовившись услышать поздравления.

— Ваша? Значит, решили заколачивать деньги?

— Не вижу ничего плохого в честной прибыли.

— Но ее не существует, — говорит Кэрол, — честной прибыли.

Помолчав, она разворачивается и уходит, даже не попрощавшись. Чарли обескуражен. Раньше Кэрол всегда была с ним очень дружелюбна.

Завидует, подумал Чарли. Этого следовало ожидать. Отчасти ему приятна эта зависть, но огорчен он все-таки больше. Однако портить себе настроение в столь ответственный момент никак нельзя, и Чарли решает, что у Кэрол проблемы с нервами — из-за очередного ребенка. Он проводит кистью по двери и улыбается с таким видом, будто только что постиг одну очень важную тай-

ну. Дверь начинает преображаться.

А Морин тем временем сидит в гостиной с книгой "Основы бухгалтерского дела". Наморщив лоб, она пробует сосредоточиться, но телевизор не выключает, хотя и приглушила звук. На столике лежат две плитки шоколада, которые она постепенно уничтожает. На экране поджарая дама, назвавшая себя Зеленой Богиней, ослепительно улыбаясь, делает упражнение с "платформой". В ее исполнении все эти прыжки выглядят приятной забавой, но Морин-то знает, что это жестокая иллюзия. Сама Морин пока утратила всякий интерес к спортивным истязаниям. Такое с ней случается.

Морин откладывает книгу в сторону. Из-за двери слышно, как Чарли насвистывает марш "Страна надежд и славных дел"[70]. Она черкает что-то на листочке, вырванном из блокнота, и проверяет, правильно ли она все запомнила. Мари-Роз, восхищенная рвением Морин, порекомендовала ее кое-каким торговцам. Теперь четыре дня в месяц она работает у цветочницы, ее магазинчик на рынке у Норт-Энд-роуд. Морин

---

[70] Примечания: 70

"Страна надежд и славных дел" — одна из самых популярных патриотических песен, прославляющих мощь Британской империи. Написана в 1901–1902 гг.

приглашают поработать и в лавке, торгующей жареной картошкой и рыбой. Морин польщена, ей даже как-то странно, что она понадобилась всем этим людям, что они относятся к ней, как к настоящему специалисту. Да, записи она научилась вести очень грамотно: все аккуратно и солидно, вся утаенная прибыль умело закамуфлирована. Чарли уверен, что работа для Морин по-прежнему просто хобби, но когда она сама видит все эти идеально сделанные расчеты и колонки цифр, то ощущает гордость. Это ее творение!

— Я думаю, тебе лучше отсюда эвакуироваться, Мо. Я собираюсь устроить тут тарарам, нечто вроде войнушки. Третьей мировой.

Томми демонстрирует ей огромный молоток с острым концом, такими обычно пользуются каменщики. Вообще-то ее деверь сегодня не в лучшей форме: лицо мятое и опухшее после воскресных возлияний на свежем воздухе, оно загорелое и в то же время какое-то блеклое, такое ощущение, что смотришь на него сквозь поцарапанные солнечные очки. Мебель из комнаты уже "эвакуирована" и накрыта плотным целлофаном. Томми начинает крушить стену, отделяющую столовую (она же гостиная) от кухни. В результате

должна получиться кухня-столовая. Это действо преподносится, как великая услуга брату, который хочет сделать из своей квартиры конфетку, но не знает как.

Прибегает Чарли.

— Ты хоть соображаешь, что делаешь? — нервно спрашивает он.

— Что, испугался? Смотри не описайся, — говорит Томми. — Да не дергайся ты. Вечно суетишься, как старая квочка.

— Я думал, ты просто кое-что подкрасишь, чтобы освежить детали…

— До этого тоже дело дойдет, не гони волну. Кстати, а где этот рыжий стручок, этот засранец? Я думал, ты пригонишь его, мне нужен кто-нибудь на подхвате.

— От него уже пол года ни слуху ни духу. Надо думать, совсем заработался, надорвался, бедняжка.

— Я волнуюсь, Чарли, — говорит Морин. — Мало ли что с ним?

— С ним может быть только одно. Бьет баклуши со всякими лодырями.

Морин ретируется в спальню, и Томми снова атакует стену, размахивая молотком. От этих ударов можно оглохнуть… Ясно, что вникать во

всякие бухгалтерские тонкости сегодня ей больше не удастся. В перерывах между ударами Морин слышит, как Чарли продолжает насвистывать то "Страну надежд", то арию Хосе из "Кармен". У него здорово получается, как у настоящего артиста. Морин и не знала за ним таких талантов. Этот нежный прочувствованный свист настроил ее на сентиментальный лад. Неожиданно для самой себя она выдвигает ящик комода и достает альбом с фотографиями.

Как давно она его не открывала! Кожаный переплет слегка запылился. Чем дольше она листает альбом, тем грустнее делается на душе. У Чарли везде такая широкая уверенная улыбка, а у нее почему-то немного испуганная. Тут вся история ее замужества.

Сегодня, в очередную годовщину их свадьбы, Морин впервые за все эти годы задумалась о том, почему выбрала именно его, Чарли. У нее же могли быть и другие, запросто. Но тогда, в девятнадцать, она казалась себе неинтересной блеклой простушкой. Только теперь, глядя на себя молодую, Морин поняла, что недооценивала свои возможности. Надо же, оказывается, она была очень сексапильной, в каждой позе, в каждом взгляде — тайный призыв, жажда любви.

Морин вспомнилось, как она до замужества работала на фабрике, ей там нравилось. Огромное пространство, где они все что-то такое делали, она даже не знала, как эти штуки назывались. Но это было не важно, главное — можно было посмеяться, поболтать с другими сотрудницами. И получить в положенный срок конверт с деньгами.

Но после замужества об этих приятных моментах пришлось забыть. Назад к плите, женщина. Впрочем, ее это устраивало. Ей всегда хотелось иметь детей. Ну и мужа, конечно.

Ее это устраивало.

Однако, добравшись до того снимка, где она держит на руках маленького Роберта, Морин внезапно осознает, что все это вранье. Ничего ее это не устраивало, просто она уговорила себя и поверила, что так оно и есть. Эта ложь поселилась в ней, вошла в ее плоть и кровь и застыла там…

А теперь поздно, уже ничего нельзя изменить.

Она переворачивает очередную страницу. Порою, глядя на Чарли, она не может понять, почему они сошлись. Судьба, наверное. Удача, случай. Какая, впрочем, разница?

Она бежала на автобус. Ей оставалось одолеть всего несколько сантиметров, совсем чуточку.

Лил дождь. На ней были туфли на низком каблуке, а в руках — черный зонт. Ей было тогда всего семнадцать, в пятьдесят восьмом году. Добежать до автобуса она все-таки не успела. Споткнулась и упала, грохнулась прямо в лужу, а проклятый зонт куда-то отлетел и закатился бог знает куда.

Тут-то и возник Чарли, помог ей подняться. И даже нашел потом зонтик. Она понятия не имела, что это за парень. И не сказать, что он так уж ей понравился. Волосы у него были хорошие, это правда, очень густые, и глаза большие и голубые, но подбородок — безвольный, и уши смешно торчали. Тем не менее смотрелся он очень неплохо, в своем модном саржевом костюме. От него пахло бриллиантином, точно так же как сейчас, и чем-то еще (позже она поняла, что это типографская краска). Он вытащил носовой платок и стал ее вытирать, как будто этим жалким кусочком ткани можно было что-то сделать… На грудях его платочек задержался чуть дольше, и она с изумлением почувствовала, что эти прикосновения вызывают приятное волнение. Она еще никогда не спала с мужчиной, но о сексе думала часто. Можно было и не думать, но она думала. И ласкала себя… там, потрясенная собственным бесстыдством.

Чарли пригласил ее в ближайшее кафе выпить кофе. Ясно было, что он хочет с ней познакомиться, а она была совсем не против. Пока они пили кофе со сливками, пальто ее сохло на батарее. Хлопковая блузка довольно симпатично облегала ее аккуратненький бюст, и Чарли, наливая себе сливки, смотрел не на чашку, а на ее грудь.

Они славно тогда поболтали. Он показался ей чересчур правильным парнем, очень консервативным и не очень умным. Ругал тори, критиковал бездельников и безработных, живущих на пособие. Они даже тогда слегка поссорились. В доме Морин было принято голосовать за консерваторов. Но на самом деле вся эта политика была им до лампочки. Просто надо же было о чем-то говорить! В конечном итоге каждый остался при своем мнении. И далеко не все тори свиньи, что бы тогда ни говорил Чарли.

Он пригласил ее в дансинг-холл, потом в кино, потом прогуляться по парку. Все эти прогулки и походы в кинотеатры длились всего три недели. Морин не была влюблена, но приятно иметь кавалера, и далеко не самого худшего. Он очень настойчиво за ней ухаживал. И еще у него была своя квартира, что тогда вообще было редкостью для молодого парня. Он снимал ее у одного из

трех своих дядюшек. И уже скоро, сообщив родителям, что она идет в кино, Морин, разумеется, отправлялась к нему на квартиру.

Там Морин и распрощалась с девственностью. Только потому, что ей надоело быть девушкой, вот и все. Все твердили, что в жизни нет ничего интереснее и приятнее секса. И это было правдой. Заниматься любовью было не просто интересно, это было восхитительно, огорчало только, что Чарли слишком быстро получал то, что хотел, и сразу засыпал… Ничего, подумала тогда Морин, будут потом и другие любовники, более искусные. Ведь перед ней открылся целый мир, ни на что не похожий.

Даже тогда она все гадала, какие же еще радости таит от нее жизнь. Вот, например, настоящая работа. Когда ты делаешь что-то осмысленное, нужное не только твоему семейству. Но мужчины предпочитают, чтобы их жены оставались на этот счет в неведении.

До Чарли у нее были приятели, но совсем немного. Она воспринимала их как существ другой, незнакомой ей породы, но они ей нравились. Нравилась их сила и сдержанность, то, как они умело скрывают свои чувства. Она догадывалась, что и они должны испытывать какие-то эмоции,

но понять, что чувствует мужчина, было не так-то просто. Приходилось все время вычислять, что у них на уме. Иногда она специально говорила Чарли всякие гадости, чтобы убедиться: он тоже живой человек, как она сама.

Чарли, по мнению тогдашней Морин, был типичным представителем этой породы, настоящим мужчиной. Обходительный, вежливый, чересчур смешливый, когда немного выпьет; не особо разговорчивый. Семья, постоянная работа, гарантированная зарплата — вот все, к чему он стремился. Очень гордился своей порядочностью. Никаких причуд и слабостей, только сигареты курил дорогие, "Дю Морье". Единственная поблажка себе, отличающая его от всех, от общей массы. Но в принципе Чарли как раз не любил выделяться, предпочитая идти в ногу со всеми. Правда, все, по его мнению, выбирают слишком легкий путь, не перетруждаются. Пил он уже и тогда многовато, работал наборщиком, правда, пока ходил в учениках. Работал он много, что да то да, и считал, что так должны работать все. Любил повторять, что в Англию понаехало слишком много иммигрантов, но к знакомым иностранцам относился нормально, без всякой ненависти, он вообще ко всем относился нормально. Говорил,

что ненависть бессмысленна, что это напрасная трата сил.

Итак, они приходили к Чарли на квартиру и укладывались в кровать. Морин он нравился, и она считала, что он хороший любовник, хотя ей не с кем было его сравнивать. Тем не менее она чувствовала, что он дает ей не все. И к тому же они были слишком разные, во многом. Поэтому, когда выяснилось, что она беременна, Морин дико переживала. И потому что она незамужняя, и потому, что ей теперь придется выйти за Чарли, если он не воспротивится.

Чарли, к облегчению и одновременно разочарованию Морин, ее не бросил. Предложил немедленно пожениться. Выбора у Морин не было, и она почти сразу согласилась. И подумала, что ей еще повезло, могла бы нарваться на какого-нибудь мерзавца. А Чарли человек неплохой. Мало ли на свете случается всякого разного, вот и с ней тоже произошел несчастный случай. Она гадала, сумеет ли выбраться из этой передряги целой и невредимой.

В конце концов ребенка она потеряла, не доносила, но замуж все равно решила выйти. Тогда на то были свои причины, и довольно много причин. Морин и по сей день пор поражалась

тому, как один-единст-венный момент может изменить всю человеческую жизнь. Один вдох, один шаг, на одну секунду раньше тронувшийся автобус. Секунда. Если бы зеленый свет загорелся на секунду раньше или, наоборот, позже, жизнь Морин сложилась бы совсем по-другому.

А тогда она уже успела привыкнуть к Чарли и поняла, что расстаться с ним будет трудно. Через полго-да после выкидыша она снова забеременела, это был Роберт. Благодаря рождению Роберта им дали их первую муниципальную квартиру. Морин была очень горда. А Чарли отнесся к новому жилью довольно спокойно. Есть, и ладно. Он принял это как данность. Он многое умел принимать как данность, позволяя жизни проплывать мимо, совершенно его не касаясь.

…Чудовищный треск отвлекает Морин от этих мыслей. Швырнув на столик альбом, она мчится вниз. Ее глазам предстает замерший посреди кухни Томми. Вид у него весьма озадаченный, лицо, покрытое густым слоем белой пыли, напоминает маску. На потолке зияет огромная дыра, а на полу — куча деревянных обломков, вперемешку с кусками штукатурки.

— Перекрытия оказались трухлявыми, — весело сообщает Томми, успокаивающе улыбнув-

шись. — Все балки источены личинками. Есть такой жучок, древоточец. Эти сволочи обожают перекрытия, для них это лафа вроде "Макдоналдса".

— Между прочим, эти трухлявые "Макдоналдсы" двадцать лет не падали, — ехидно замечает Чарли, прибежавший одновременно с Морин. — Пока не явился ты.

— Я приведу своего другана Тони, — весело пообещал Томми. — Он классный штукатур. В два счета все залатает. '

— Надеюсь, этот твой друган не очень много дерет? — шумно вдохнув и выдохнув, спрашивает Чарли.

Морин замечает, что он сосредоточенно покусывает ноготь большого пальца и перетаптывается с ноги на ногу, словно ему срочно нужно в туалет. Морин хорошо знает, что это означает: Чарли взбешен и изо всех сил пытается не сорваться.

— Я с ним поговорю. Думаю, это тебе обойдется совсем недорого.

— Обойдется недорого мне? Ну а я-то тут при чем?

Чарли совсем забыл про кисть. Он прибежал прямо с ней, когда услышал треск. И сейчас он

не видел, что на их новый ковер, купленный Морин на деньги, взятые из НЗ, капает и капает коричневая краска.

— Как при чем? — с деланным спокойствием спрашивает Томми. — Это же твой потолок.

— Потолок-то мой, но…

— Чарли!

Морин замечает кисть в руках мужа и трагическим жестом, ни слова не говоря, тычет пальцем вниз, на ковер.

Чарли опускает взгляд.

— Боже!

От двери до того места, где он остановился, тянется дорожка из пятен. Морин бежит за тряпкой.

— Пойду сгоняю за скипидаром, — говорит Томми.

Чарли смотрит на него испепеляющим взглядом.

В детстве он вечно выгораживал своего братца, и тот привык, привык к тому, что все сходит ему с рук.

— Сгоняй. А заодно можешь сгонять за новым ковром.

— Чарли, мальчик мой, прекрати, у нас нет времени на разборки.

— Прекрати?! И ты смеешь мне это говорить! Ты всего десять минут в моем доме и уже успел испоганить весь потолок! Какой ты, к черту, строитель! Трюкач! "Поющий ковбой Рой Роджерс" английского разлива! Зря я тебе на Рождество джинсы подарил, "Келвин Кляйн", надо было лассо купить.

— Между прочим, они мне малы.

— Ничего удивительного… на такого жирного ублюдка ни одни не налезут. Ковбой недоделанный!

Томми нервно вскидывает голову:

— Я столько лет работаю — у меня опыт — ого-го! А тебе я делаю большую уступку.

— Если ты вызвался помочь мне за полцены, это еще не значит, что я позволю тебе вдребезги разнести всю квартиру. И вообще, я совсем не уверен, что ты назвал мне половину цены. Черта с два кто-нибудь станет платить сорок фунтов в день халтурщику, который не в состоянии сделать элементарную перепланировку.

Томми начинает быстро-быстро кивать головой:

— Значит, по-твоему, я трепло и обманщик?

Морин трет ковер скипидаром. Вокруг мелких пятен появляются светло-коричневые разводы,

все сливается в единое огромное пятно. На секунду она останавливается.

— Томми… Чарли…

— Не волнуйся, Морин, — говорит Томми, снимая перепачканную рабочую куртку. — У меня полно дел в других местах, там, где меня не будут обзывать и оскорблять.

— Ну да, кто же сомневается. Наш Томми нужен всем, наш пострел везде поспел, — говорит Чарли. — Поэтому к нему, такому деловому, пришли дяди с завода и забрали его новую машинку, его "астру". Ведь это плохой товар, верно, детка? Фальшивый, и дяди предъявили ордер, согласно которому он подлежит уничтожению, верно?

Томми и Чарли сходятся вплотную, готовые в любой момент пустить в ход кулаки. Голос Томми, обычно настолько громкий, что его можно услышать чуть ли не на соседней улице, вдруг становится очень тихим.

— Ну верно, я дал маху. Они отслеживают подделки, всё разнюхивают. Я этого не учел. Со всяким может случиться.

— Со всяким, кто лезет из кожи вон, чтобы пустить пыль в глаза своим "фу-ты ну-ты" соседям, в этой вашей резервации для богатеньких. Ну и какую тачку ты раздобыл теперь? "Аллегро-72"?

Лоррейн, наверное, чуть не умерла от счастья.

Томми выставляет вперед кулак, но, вспомнив, что он уже давно не мальчишка, удерживается от дальнейших действий, и еще он прикидывает, чем это все может обернуться. Ладно, все-таки родной брат. Он поворачивается к Морин и начинает собирать инструменты.

— Я пойду, Морин. Прошу прощения за этот тарарам. Будем считать, что за сегодняшнюю работу вы мне ничего не должны.

— Ну почему же, — говорит Чарли, хватаясь за кошелек и вытаскивая оттуда все до последней банкноты, шестьдесят пять фунтов. — Вот. Твой обычный гонорар плюс надбавка за тестирование перекрытий на предмет наличия древоточца. Тебе всегда приходится так надрываться, а? Держи, заслужил.

Томми вздыхает, машет Морин рукой и выходит за дверь.

— Эта краска не оттирается, — констатирует Морин, яростно орудуя тряпкой. Но пятно лишь еще больше расплывается, делаясь похожим на засохшую грязь.

--

Отметить годовщину Чарли решил в "Лос Караколес", это испанский бар-ресторан неподалеку от

Шефтсбери-авеню. Пойти туда ему присоветовал Майк Сандерленд, он, в отличие от самого Чарли, знаток по этой части. Сказал, что там интимная атмосфера, потрясающе естественная. Чарли и Морин в рестораны захаживали редко, как правило, это бывали рестораны при гостиницах, или "мясные", специализирующиеся на бифштексах, или рестораны с музыкой где-нибудь на отшибе, стилизованные под амбар стараниями владельцев-пивоваров. Вообще-то Чарли терпеть не мог чинных ресторанных ритуалов, а в повадках лощеных вышколенных официантов ему всегда мерещилась скрытая издевка.

Чарли выяснил, что сейчас все буквально помешались на испанской кухне. В ежегодных своих поездках в Аликанте — на время отпуска — они с Морин всегда заказывали только привычные английские блюда. Но в воздухе веет переменами, они никого не обходят стороной.

Ресторан оказывается куда шикарнее, чем ожидал Чарли. Ему сразу делается крайне неуютно в своей допотопной сорочке с галстуком, в трикотажном свитере, в коричневых со "стрелками" фланелевых брючатах от "Маркс энд Спенсер". Он рассчитывал на нечто более скромное, где можно было бы расслабиться. А тут — голый

просторный зал, остальные посетители гораздо моложе их с Морин и одеты гораздо моднее. Прошло несколько минут, прежде чем официант соизволил к ним подойти. Типичный кабальеро из испанских сериалов: черные обтягивающие брюки, красная рубашка, лицо оливкового цвета, волосы черные, гладко зачесанные. Одним словом, жгучий красавец. Он смотрит на них с некоторой растерянностью — будто ему неловко за таких клиентов.

— У нас зарезервирован столик, — поясняет Чарли нарочито громким голосом. — Посмотрите в своих бумажках.

После обеда они с Морин собирались посмотреть "На юге Тихого океана" в ближайшем от ресторана кинотеатре. Когда-то, двадцать два года назад, они впервые, уже в статусе семейной пары, устроили себе долгий праздничный кутеж. И теперь хотели оживить в памяти былое.

Официант поднимает палец, будто предостерегая:

— Общий зал?

— Мы заказывали отдельную кабинку. Бак. Чарлз Уильям Бак.

В ресторане шесть маленьких ниш, вроде беседок. Майк уверял, что в них уютно, как в

гнездышке.

Официант пожимает плечами, наморщив свой гладкий оливковый лоб.

— Одну минутку.

Он уходит, а Морин и Чарлз продолжают нервно топтаться у входа в зал. Они видят, как официант что-то спрашивает у мужчины в темном костюме и тот качает головой. Потом "испанец" и тот, что в костюме, дружно хохочут. Проходит еще несколько минут, "испанец" возвращается и с улыбочкой сообщает:

— Кабинок нет.

Чарли чувствует раздражение, но ему неловко поднимать скандал.

— Послушайте, мы же заранее…

— Ничем не могу помочь.

— Но у нас сегодня годовщина свадьбы.

Официант понимающе кивает, вроде бы уяснив всю ответственность мероприятия. Чарли надеется, что еще не все потеряно.

— В вашем заказе не отмечено, что вы просили столик в "беседке". — Он протягивает Чарли журнал регистрации заказов.

— Но чем же я виноват, что ваши сотру…

Однако этот малый уже его не слушает, решительно устремляясь вперед, бросив на ходу:

— За мной, пожалуйста.

— Не заводись, Чарли, — просит Морин.

Помещение ресторана имеет форму буквы "Г", официант ведет их вдоль компактно расставленных столиков к затесавшемуся среди обычных двухместному столику. Такому узкому, что на него только-только опереться локтями — чуть повольготнее сядешь, будут свисать. Вокруг страшный гомон, все громко переругиваются. До Чарли неожиданно доходит, что за остальными столиками только испанцы, и разговаривают они исключительно на родном языке. Так вот что Майк подразумевал под потрясающей естественностью… Но Чарли весь этот гвалт категорически не нравится.

Он поначалу не решается садиться за этот сомнительный столик, но официант властным жестом показывает на стул, и Чарли сдается. Чарли и Морин сидят друг против друга. Обоим очень неуютно, у обоих такое чувство, будто они попались в ловушку. Заняв столик, они уже не могут встать и уйти. Вручив им по папке с меню, кабальеро убегает.

— Все хорошо, — подбадривает Морин, заметив, что Чарли озирается и нервно поправляет манжеты. — По-моему, здесь очень мило.

— Очень уж у них тут все чинно, — говорит Чарли. — Но Майк уверял, что кухня здесь на высшем уровне, самый модный ресторан.

Морин пытается, почувствовав, что их праздничный ужин явно под угрозой срыва, пытается привнести романтическую нотку… Чуть перегнувшись через стол, она шепчет:

— Поздравляю с годовщиной, Рок.

Чарли старается ответить ей в тон, хотя после стычки с официантом настрой у него отнюдь не романтический:

— Это ты мой рок, мое счастье, моя опора.

Раскрыв меню, он тут же впадает в панику — цены фантастические. Он смотрит на Морин, которая с героической невозмутимостью пытается вникнуть в испанские названия, не продублированные по-английски. Ее губы слегка шевелятся. Трогательное простодушие, с которым Мо старается постичь всю эту тарабарщину, вызывает у Чарли прилив горячей нежности. Он сразу успокаивается. Иногда он сомневается в своих чувствах к жене. Но никогда не сомневается в том, что Морин его любит, хотя за последние двадцать лет она ни разу не назвала его любимым. Женщина создана для любви; она должна любить, а он, мужчина, должен работать, обес-

печивать семью, и все ответственные решения тоже должен принимать он, глава этой семьи. Он не какой-то там слабак, за это она его и любит, за силу, он-то знает.

Несколько секунд он пристально смотрит на Морин, и в голове проносится: "А все-таки я удачно женился". Конечно, среди их друзей еще никто не развелся, люди их поколения и с их воспитанием в принципе не разводятся. Надо философски смотреть на вещи, и на плохое и на хорошее. А хорошего все-таки больше, что ни говори. По крайней мере, Мо никогда не жаловалась. И он был доволен. А сегодня его жена вообще неотразима. Строгое черное платье, золотые серьги, волосы пышно взбиты. Ей сейчас сорок один, а смотрится она куда лучше многих своих ровесниц, удовлетворенно отмечает Чарли. Кожа, сегодня густо припудренная, все еще гладкая и упругая, глаза все еще молодо блестят, она по-прежнему умеет радоваться жизни. Чарли чувствует, что это исключительно женское свойство — приспосабливаться к любым условиям жизни. Мужчины предпочитают отгораживаться от жизненных катаклизмов спасительной стеной, у них нет другого выбора.

Тесный воротник впивается Чарли в шею. Он не

привык носить галстук и замечает, что сидящие за соседними столиками одеты гораздо проще. Гвалт за столиками нарастает. Доносящаяся откуда-то испанская музыка тоже делается все более громкой. Чарли приходится почти кричать, чтобы Мо услышала.

— Ты сегодня просто конфетка, так бы и съел, — говорит Чарли.

— Что-что?

— Ты сегодня как конфетка, так бы и съел.

— Я не слышу тебя, Чарли.

— Ладно, это не важно.

Морин улыбается ему и снова погружается в изучение меню. Чарли, подумав, достает ручку и, написав произнесенную всуе фразу на салфетке, передает ее жене. Прочитав, она снова улыбается и посылает ему воздушный поцелуй, потом опять переводит взгляд на меню. Чарли слегка разочарован. Он рассчитывал на более горячую благодарность за его галантный комплимент.

Возвращается официант, вид у него встревоженный. Будут ли они заказывать аперитив, спрашивает он, но глаза его устремлены на соседние столики.

— У вас есть "Пина колада"?[71] Помните, как в той песне? — Морин улыбается, но довольно мрачно. Чарли вдруг ощущает горечь во рту.

Официант, похоже, несколько отвлекся. Он переспрашивает:

— Пина — что?

— Я точно не знаю, из чего он. Кокосовое молоко…

Она смотрит на мужа.

— Что-то из кокоса, да, Чарли?

Чарли облегченно вздыхает, поскольку гомон за столами слегка утих.

— Морин, у них тут этого нет. Так что напряги воображение. Как насчет "Кампари" с апельсиновым соком? Ты же любишь.

Морин слегка поджимает губы:

— От апельсинового во рту щиплет. У меня ведь язвочки. Лучше "Мидори", он из дыни.

В разговор вмешивается официант, он лучезарно улыбается:

— Да, конечно, мадам. Я думаю… у нас это есть… где-нибудь точно есть. А что для вас, сэр?

— Виски.

— Какой марки, сэр? У нас есть "Гленливет",

---

[71] Примечания: 71

"Пина колада" — коктейль из рома, кокосового молока и ананасового сока.

"Лафроуэйг"...

Чарли выбирает апробированный вариант.

— "Тичерз", — говорит он отрывисто. — С пепси.

— У нас нет этого виски.

Чарли смущается и злится на Морин. Если бы она не попросила "Пина колада", он бы просто сказал "да" в ответ на любое предложение этого парня. А сейчас все эти сорта вылетели у него из головы.

— Какие, вы сказали, у вас марки?

— "Лафроуэйг", "Тленливет", 'Тленморанги"...

— Тленморанги". Это подойдет. И, пожалуйста, двойную порцию.

— С пепси, сэр?

Чарли вспыхивает. Его-то какое дело... С чем хочет, с тем и пьет.

— Да, именно так. С пепси.

Кивнув, официант уматывает. Наконец-то... Чарли чувствует облегчение.

Но тут подает голос Морин:

— Все названия на испанском.

— Это они для полноты впечатления.

— Я не знаю, что тут из чего.

— Давай попробуем рассуждать логически. "Каламарес фритос". Похоже на кальмаров. Видимо,

что-то жареное.

— Жареное? Тогда это не для меня. Слишком много калорий.

— Ты вечно сидишь на какой-нибудь диете. Твоя проблема в том, детка, что ты не можешь принимать себя такой, какая ты есть.

Но в глубине души он доволен, что она упорно борется с жиром, ведь для него старается. Его жена — символ всего, чего он в этой жизни достиг, и чего не достиг — тоже...

— А что такое "албонд... албонд... албондигас"[72]?

— Не знаю. Бери "паэллу"[73]. По крайней мере, эту штуку ты уже пробовала.

— Нет, туда добавляют рис.

— Но ты же любишь китайскую кухню.

— Там рис подают отдельно.

— "Алитас де полло". Полл о — это цыпленок. Значит, цыпленок с чем-то там. Ты же любишь цыплят?

— "Македония"? Это какое-то географическое название?

---

[72] Примечания: 72

"Албондигас" — мясные тефтели с пряностями.

[73] Примечания: 73

"Паэлла" (паэлья) — блюдо из приправленного шафраном риса с добавлением мяса или рыбы

После долгого обсуждения для Морин решено заказать "каламарес", а для Чарли "гаспачо"[74]. Это для разгона. А потом еще для Морин "паэллу", а сам Чарли собрался попробовать "пульпо а-ла гальега". Он понятия не имеет, что это за штука, но легкий авантюризм даже приятен, можно наконец продемонстрировать Морин, что ее муж не такой уж замшелый ретроград, каким его все считают. Официант долго не может понять, что говорит Чарли, и разыгрывает целое представление с пожиманием плечами и закатыванием глаз. В конце концов приходится все указывать в меню, и официант с особой тщательностью выговаривает название каждого блюда, будто хочет подчеркнуть невежество Чарли, не умеющего правильно читать по-испански.

— Вино?

— Я бы выпила "Вино Верде", — говорит Морин.

— У вас есть "Вино Верде"? — спрашивает Чарли.

— Только португальское. Я принесу вам "Вино де ла каса"[75]. Бланко о тинто?

---

[74] Примечания: 74
"Гаспачо" — холодный овощной суп.

[75] Примечания: 75
То есть "домашнего вина".

— Да, его, пожалуйста.

— Простите?

— Принесите нам это… "бланко о тинто".

Официант объясняет, что "бланко" означает белое, "тинто" — красное". "О" между ними — это "или". Лицо Чарли, и так слишком красное из-за тесного воротника, багровеет. Он понимает, что пора действовать решительно, пока ему не притащили какое-то домашнее пойло.

— Ну, хватит. У вас есть карта вин?

Пожав плечами, официант убегает.

— Да пусть несет любое, — говорит Морин.

— Нет-нет, у нас сегодня особый день.

Официант возвращается с картой вин, их там не меньше пятидесяти, и цены умопомрачительные. До сего момента Чарли считал, что испанское вино дешевое. Он растерянно листает каталог.

— Вы можете что-нибудь посоветовать?

Официант опять настороженно посматривает на соседние столики. Не глядя на Чарли, говорит:

— Тут все зависит от вас.

— То есть?

— Все зависит от вашего кошелька.

От такой дерзости Чарли едва не подскаки-

вает.

— Цена значения не имеет. Что у вас тут стоящее?

— А что вы предпочитаете? Сухое… или полусухое? Или терпкое красное с богатым букетом? Та-ак, какие у нас там блюда?

У Чарли лопается терпение.

— Послушайте, принесите нам бутылку приличного красного вина.

— Красное? С каракатицей?

— С какой еще каракатицей?

— "Пульпо а-ла гальега". Каракатица по-галисийски. А к рыбе и морепродуктам подают белое.

Чарли сглатывает слюну, чтобы одолеть охватившее его отвращение.

— Я плачу и имею полное право заказать то, что мне нравится.

— Да-да, разумеется.

Грациозно развернувшись, он уходит в сторону кухни.

— Проклятые даго. Луковые души. Мудаки…

— Ш-ш-ш.

— Прости, лапонька.

Чарли обычно старается не выражаться при Морин, хотя знает, что подобная щепетильность по нынешним временам — старомодное чудаче-

ство. Искореженный потолок и ссора с братом оставили отвратительный осадок. Но Чарли сдерживается. И старается сосредоточиться на приятных вещах, которые ему еще сулит сегодняшний вечер.

Он вспоминает про кино, про "На юге Тихого океана", и сразу в ушах звучит музыка оттуда, сердце сжимается от щемящей тоски. Неужели где-то живут такой жизнью, как на тех дивных островах? Сам Чарли кроме Англии бывал только в Испании. Неужели на земле существуют эти желтые и синие просторы? Эти экзотические женщины, которые не прячут грудей или не прятали. С такими лапоньками забудешь про все неприятности. Возможно, там, на тихоокеанских берегах, действительно можно было когда-то здорово оторваться.

В ожидании заказа Чарли мучительно пытается найти подходящую тему. Им редко приходится попадать в подобную вынужденно интимную обстановку, когда поневоле нужно разговаривать, не важно о чем.

— Ты все еще переживаешь из-за Роберта?

— Он не звонит. Его телефон отключен. Конечно, переживаю, Чарли.

— Не волнуйся, с ним будет полный порядок,

он справится. Он же Бак. Все образуется.

— Он думает, что совсем тебе не нравится.

— Что за чушь! Нравится, не нравится. Он мой сын.

— Я знаю, как ты его любишь, Чарли. Но он такой ранимый. Почему ты не попытаешься?

— Не попытаюсь что? Что, по-твоему, я должен сделать?

— Ну-у… скажем, как-нибудь пригласи его поиграть с вами в карты. Отец и сын решили вместе провести вечер в мужской компании. Было бы очень неплохо.

Но Чарли, словно не слыша ее слов, с горечью говорит:

— Его, видите ли, не устраивает такая работа, а я уже, считай, тогда договорился. По крайней мере был бы верный кусок хлеба.

Чарли до сих пор жгла обида на сына за то, что тот пренебрег его рождественским подарком, льготной профсоюзной карточкой, на подсознательном уровне он даже немного злорадствовал — ничего, пусть теперь покрутится, хлебнет настоящей жизни. В его отношении к сыну явно проскальзывает странная жесткость, хотя Чарли не признается в этом даже самому себе, избегая слишком глубоких погружений в свое "я". Та

же часть его натуры, которую он хорошо знает, желает Роберту только добра.

Наконец появляется официант с бутылкой вина и наливает немного в бокал Чарли — для дегустации. Немного отпив, Чарли нащупал кончиком языка кусок пробки.

— Там крошки от пробки.

— Не может быть. Вам показалось. Попробуйте еще.

Официант произнес это столь непререкаемым тоном, что Чарли больше не решается роптать. Он делает большой глоток. Вино вполне приятное, но Чарли совсем не убежден, что приличное вино должно быть на вкус именно таким. Тем не менее он нехотя кивает. Наполнив оба бокала, официант удаляется. Чарли раздосадован, ему хотелось поставить этого красавчика на место. Он чувствует, что выглядит перед Морин не лучшим образом.

Оба опять проваливаются в вязкое молчание. За двадцать два года супружеской жизни все точки зрения, все пристрастия, все слабые места и опасные темы уже выяснены и разложены по полочкам. Жизнь их давно напоминает плаванье вокруг вдоль и поперек исхоженных скал, вокруг вещей в их старенькой квартире, похожей на

мелкий и совершенно прозрачный прудик. Чарли кажется (хотя он об этом не задумывается), что он слишком уж хорошо знает Морин, так же хорошо, как свой типографский камень в наборном цеху, каждую черточку, каждую зазубринку. Он уверен, что в душе Морин для него нет тайн, он сумеет прочесть в ней все, даже задом наперед, запросто, как зеркально перевернутые буквы на печатной форме. Морин и собранные из металлических строк полосы набора очень похожи: своей плотностью, основательностью, надежностью. И скучностью. Но Чарли с детства внушали, что от жизни глупо ждать веселья или ах какого счастья. Радуйся тому, что имеешь; нужно исхитриться сохранить хотя бы это, защитить то, что тебе дано.

Заметив хлебную крошку в уголке его губ, Морин смахивает ее салфеткой. И в конечном итоге не выдерживает она, она первая нарушает это изматывающее молчание:

— А какой момент в нашей с тобой жизни был для тебя самым-самым счастливым?

Чарли откидывается на спинку стула, застигнутый врасплох.

— Смешной вопрос.

— Разве?

Чарли приказывает себе сосредоточиться, иначе брякнешь что-нибудь не то.

— Даже не знаю, что сказать, Мо. Их было так много.

Он чувствует, что нисколько не слукавил, сказал то, что есть. Он вообще не понимает, что такое счастье, зато хорошо понимает, когда его нету. Печали правят миром, они гораздо могущественней веселья. Однако он знает, что от него ждут точный ответ, и старательно вглядывается в почти стершиеся уже изображения на карте прошлого.

— Погоди, дай подумать. Ну а ты что скажешь? Какой твой самый счастливый?

— Когда родился Роберт.

— Я так и знал.

Нет-нет, он не обивал тогда больничный порог. Узнав, что стал отцом, Чарли отправился прямиком в табачную лавку и купил себе сигару. Сигар он не любил, но все равно купил одну, потому что во всех фильмах осчастливленные мужчины сразу хватались за сигару. От крепкого табака, помнится, его стало мутить.

Страх, вот что он почувствовал в тот день. Он и сам не заметил, как его окрутили. Все из-за того, что Морин залетела. Надо было быть осторожнее.

Получше изучить собственный организм и повадки своего Мистера Стояка. Не он первый попался. Думал, что он умнее всех, все так думают, пока женские лапки намертво в тебя не вцепятся, во всю твою жизнь.

Когда появился Роберт, стало ясно, что теперь они завязли: вдвоем до самого конца, только он и она. Будут тянуть лямку лет тридцать, а то и все сорок. Это очень долгий срок. Это чертовски долгий срок. Но на свете существует много вещей, с которыми приходится мириться. Например, с войной. Ты должен быть еще одним в этой жизни, в этом твое главное предназначение. Жениться на еще одной. Произвести еще одного ребенка или еще нескольких. Делать то, что делали сотни парней до тебя, становиться в общий строй. "Стройсь!" — эхом отозвался в памяти приказ их сержанта, из тех дней, когда Чарли тянул лямку в армии… Чарли улыбнулся. Стройсь. К этой команде, собственно, и сводится вся жизнь…

— Ну что? Все-таки определился? — с настойчивостью спрашивает Морин.

Говоря по правде, был и у него самый-самый счастливый момент, пятнадцать лет назад. Это когда его дорогая жена забрала Роберта и уехала на месяц к родителям, перебравшимся к тому

времени в Австралию. Единственная измена за всю супружескую карьеру, скоротечный роман с секретаршей из отдела комплектации рекламы. Морин даже ничего не заподозрила, а он весь млел и таял, непередаваемое ощущение. Чарли хорошо помнил, как проснулся однажды в ее квартире, снаружи по подоконнику прогуливалась сорока, потом она улетела, а он провожал ее взглядом, пока она не превратилась в маленькую точку. Он помнил запах кофе. И запах ее духов, похожие на аромат земли. Он помнил, как она гладила его лицо, когда ему отдавалась. Он думал о ней постоянно, изо дня в день.

Примерно через полмесяца после возвращения Морин секретарша уволилась, нашла работу где-то за границей, и больше они не виделись. Она стала последней его любовницей, после этого приключения Чарли спал исключительно с законной женой.

— Да, конечно. День, когда ты подарила мне сына.

И снова оба увязают в неловком молчании.

— Что слышно у тебя в типографии? — наконец говорит Морин.

— Они там занимаются всякой чертовней, пидоры проклятые. Всё хотят нас запугать.

Морин вдруг вспоминает, что за все эти годы только раз была у Чарли на работе, но тогда так и не поняла, что он там целыми днями делает. Он попытался ей объяснить, но она сразу запуталась. Не то чтобы это было очень сложно, но ей неохота было забивать себе голову. Естественно, Чарли она об этом не сказала. Она понимала, что далеко не обо всем следует рассказывать, и понимала гораздо лучше, чем ее муж.

— Теперь нашли себе очередное развлечение, новые технологии им подавай. Пытаются их нам навязать. Чтобы у нас было все как в Штатах… Компьютеры. Нажимай себе на клавиши, и текст тут же выводится на страницу. Говорят, от тебя нужно только одно — не перепутать клавиши. А набор? А компоновка отлитых строк? Это же ремесло, очень тонкое ремесло, существующее уже несколько веков. И что теперь? Все давние традиции и секреты мастерства на помойку? Мы не можем допустить, чтобы эти зарвавшиеся бизнесмены все порушили. А политики им потакают. Всем главное побольше урвать. А рабочий человек для них пустое место. Но у них ничего не выйдет, наша позиция твердая.

Он замечает в глазах жены знакомое отсутствующее выражение. Он уже собирался рассказать

ей о разграничении сфер деятельности, существующем на данный момент в их профсоюзе, и о накопившихся разногласиях, но слова застревают у него в горле.

— Мне нужно в комнату для девочек, — говорит Морин, поднимаясь со стула и с трудом протискиваясь между их и соседним столиком. После рождения Роберта бедра ее раздались и с годами все больше раздаются вширь, несмотря на все диеты, несмотря на тренажеры и массажеры, несмотря на пробежки и утренние зарядки. Ее фигура не желает стройнеть, сохраняя характерные очертания немолодой уже дамы, мамаши.

Мамаша. Чарли смотрит ей вслед, невольно сравнивая ее силуэт с точеными фигурками двух идущих впереди двадцатилеток, втиснутыми в черные платья. И ему невольно вспоминается тот день, когда судьба наградила Морин этим титулом — мать. Стоило ли так радоваться этому дню? И чему, собственно, было радоваться, чем гордиться? Тем, что они окончательно влипли?

Морин возвращается. Прошло уже полчаса, а заказ им все не несут. Оба умирают от голода. Чтобы хоть чем-то заполнить это голодное молчание, Чарли решает устроить жене лекцию о положении дел в полиграфической промышленности.

Он все-таки рассказывает ей про строгое разграничение среди отраслевых профсоюзов, про непреодолимые разногласия, про тонкости горячего набора и линотипы. Она все это слышала уже много раз. И усвоила одно: похоже, он в этом своем наборном цеху не напрягается, вернее сказать, не слишком и нечасто. И тем не менее, в отличие от большинства ее знакомых, деньги получает неплохие — триста тридцать фунтов в неделю. Она с раздражением замечает знакомое выражение на его лице: сейчас начнутся жалобы на безнравственных обидчиков и притеснителей. Чарли очень огорчен тем, что "начальнички", так он называет всех, кто сумел пробиться на более высокие, чем он, должности, норовят навязать профсоюзу свои правила игры.

— ...конечно, начальнички всегда давят. Это естественно. Если ты член профсоюза, то знаешь это, как никто другой. Само собой, и среди них попадаются приличные люди. Вот Мармадьюк Хасси, тот настоящий джентльмен. Но некоторые субъекты... особенно из этих, из выскочек... тот же Мердок... так вот, некоторые субъекты считают нас быдлом. Но мы заставим их понять, кто есть кто, это я тебе обещаю.

Морин наконец стряхивает с себя накатившую

скуку, привычно закамуфлированную легкой полуулыбкой.

— Дорогой мой Чарли, технический прогресс все равно не остановишь — невозможно. Раз уж эти компьютеры где-то применяются, рано или поздно они появятся и у вас. Что вы сможете с этим поделать?

Чарли никак не ожидал, что Морин, вечно ему поддакивавшая, способна иметь другое мнение. На его лице отражается легкое изумление.

— Знаешь, детка, это сложно объяснить. Конечно, компьютеры должны появиться и у нас. Но когда? Вот в чем вопрос. Сейчас? На будущий год? Через пятьдесят лет? Кому решать? По-твоему, это должно решать только начальство?

— Начальству нужно налаживать ваши дела, так? Чтобы не прогореть, сохранить бизнес. Если им не удастся справиться с нынешними трудностями, вы же все лишитесь работы. А оставлять все по-прежнему невыгодно с экономической точки зрения.

После этой ее тирады изумление Чарли сменяется раздражением.

— Ты ничего не поняла. Чтобы наладить дела и сохранить бизнес, нужны рабочие, на которых как раз все и держится. Мы, рабочие, и есть этот

самый бизнес. А они только снимают сливки, прибыль, так устроены все начальники. Сидят в своих креслах, греют свои жирные задницы и курят сигары. Что есть то есть. С ними нужно постоянно быть начеку, чтобы не наглели. Им дашь пальчик, а они всю руку готовы откусить.

Вино довольно крепкое, терпкое и насыщенное. Морин не привыкла пить на пустой желудок. Она настроена по-боевому и никак не может остановиться, хотя чувствует, что Чарли это раздражает.

— А что, если в других газетах начнут использовать компьютеры? Тогда они смогут сократить затраты и ускорить технологический процесс. Ну и что тогда будет со всеми вами?

Чарли проглатывает этот выпад. Памятуя о том, что сегодня у них все-таки торжественный день, он решает смягчить ответный удар. Выдавив из себя улыбку, он говорит:

— Знаешь, как бы тебя назвал один малый из нашей газеты, Майк Сандерленд?

Нет, этого Морин не знает.

— Он бы назвал тебя… погоди… Что-то вроде доносчика или гнусного предателя. Вспомнил! Он назвал бы тебя классовым врагом, вот.

— Понятно. Видимо, он так называет всех, кто

говорит ему то, что он предпочел бы не слышать.

Морин все труднее скрывать внезапно накатившую злость. Губы ее кривятся, улыбка исчезает. У Чарли вырывается нетерпеливый вздох. Жену его сегодня что-то занесло. Что она вообще понимает в таких вещах? Он открывает рот, чтобы поставить ее на место, но тут появляется официант.

— Гаспачо.

— Это мне, — говорит Чарли.

Официант ставит суп перед Чарли, а перед Морин — жареных кальмаров. Порции очень маленькие. Чарли пристально смотрит на кабальеро. Что-то в нем — во всей его повадке, в брезгливо поджатых губах — говорит Чарли, что этот тип его ненавидит. Он придирчиво разглядывает свою тарелку с супом.

— Приятного аппетита.

Официант слегка улыбается, Чарли его улыбка кажется двусмысленной. Это настораживает… Он и в лучшие времена не доверял ресторанам. А Томми, он иногда кое-что делает для уэст-эндских ресторанчиков, такого ему порассказал… Грязища. Крысы, черви, тараканы, все эти твари шныряют по дорогим сырам, по икре и прочим деликатесам. Здесь небось не лучше.

Чарли снова уставился на тарелку с супом. Морин уже уплетала своих кальмаров.

— Морин, ну-ка взгляни сюда. Ты видишь?

Чарли показывает на блестящие кружочки оливкового масла, плавающие справа вверху.

— Вкуснотища, — приговаривает Морин, — интересно, они могут дать рецепт?

— Какой еще рецепт? Шмякнут кусочки кальмара в кипящее масло на пять минут, вот тебе и весь рецепт. А кусочков могли бы положить побольше, ты согласна? Нет, ты посмотри на эти мелкие пятнышки. Как ты думаешь, что это?

— Это? Масло, наверное.

— Никакое это не масло.

Воровато оглянувшись, он наклоняется к ней и тихо, чтобы не услышали сидящие рядом испанцы, говорит:

— Он туда плюнул.

Морин хочет улыбнуться, но что-то в голосе Чарли подсказывает ей, что лучше сейчас этого не делать.

— Ты уверен? Что ж, тогда верни им этот суп.

— Но я не могу.

— Это почему же? — После трех бокалов вина Морин непривычно осмелела и готова говорить все, что ей взбредет в голову. И хорошо, что они

заказали еще одну бутылку.

— Если этот тип плюнул в твой суп, пусть принесет другую порцию. Я считаю, он обязан это сделать.

Она кладет в рот последний кусок кальмара и берет с тарелки хлеб.

— Не говори глупостей. Он ведь ни за что не признается.

Возвращается официант со второй бутылкой вина. Ласково на него посмотрев, Морин почти мурлычет:

— Мой муж хотел вам кое-что сказать.

Удивленно вздернув брови, официант поворачивается к Чарли:

— Что-то не так?

Чарли начинает неловко ерзать.

— Нет-нет. Все отлично.

При виде нетронутого супа официант обиженно мрачнеет.

— У вас нет аппетита?

И с этими словами он одним элегантным, почти незаметным рывком откупоривает бутылку. Чарли, сраженный его мрачностью, впихивает в себя ложку супа. Ему и впрямь кажется, что в ложке плавает слюна.

Чарли поднимает голову и замечает, что офи-

циант ухмыляется. А потом замечает и кое-что еще: на заднем плане, за плечом официанта, растянут испанский флаг с огромными яркими буквами: "Viva Las Malvinas". От этой надписи и от ухмылки Чарли буквально заклинивает; теперь он абсолютно уверен, что плавающие в его тарелке пятнышки совсем не масло. Он обличительно тычет пальцем в сторону этого красавчика:

— Ты туда харкнул. Ты испоганил мой суп.

Официант слегка отступает назад:

— Не понял?

— Прочисть уши.

— Вы с ума сошли!

— Это ты сошел с ума, поди полечись. А мы уходим.

Официант равнодушно пожимает плечами:

— Как угодно. Я сейчас принесу счет.

— Счет? Que? Que?[76] Слушай. Ты маячишь тут весь вечер, других англичан здесь не нашлось, вот и решил на нас отыграться. Верно? За то, что наши надрали вам задницы на Фолклендах.

И тут официант действительно плюет, но не в суп, а под ноги Чарли.

— Las Malvinas.

---

[76] Примечания: 76
Что? (фр.)

— Это Фолкленды. Запомнил? Наши Фолклендские острова, черт подери!

Официант отшатывается, вздернув подбородок. Почти все черноволосые головы, все оливковые лица поворачиваются в их сторону.

— Это мы дерем ваши задницы, ваши жирные задницы, миссис Мэгги Тэтчер и мистер Уинстон Черчилль!

— Хей, Педро. А как тебе понравится это? — Он вспоминает словечко, вычитанное утром в газете, и швыряет его, как гранату: — Ату! Ну что, съели? Хей! Ату! Кыш с островов!

Официант демонстративно поворачивается к ним спиной, гадливо передернув плечами.

— Что, не нравится, а? Смотри, Морин, им не нравится!

Теперь к их столику приковано уже всеобщее внимание. Чарли отталкивает стол, и он едет вбок. Торопливо подбегает администратор, Морин, опустив голову, сверлит взглядом свою пустую тарелку. Битва продолжается. Мужчина, сидящий за соседним столиком, плюет Чарли под ноги. Чарли в ответ растопыривает пальцы, изображая "V". Про себя он подсчитывает примерную сумму (даже в такой ситуации природная честность не позволяет ему сжульничать), достает из

кошелька пару банкнот и картинно швыряет их на пол. По щекам Морин катятся слезы. Чарли хватает ее за руку и тащит к выходу.

--

Домой они едут в полном молчании. Их старенький "толедо" застревает в пробке. Чарли, клятвенно обещавший Морин не напиваться, все-таки под хорошим градусом.

Морин опять начинает плакать. Чарли, съехав к обочине, останавливается, пытается ее обнять. Но Морин сбрасывает его руку.

— Я-то считала, что ты не такой, как твой брат, но я ошибалась. Вечно что-то устраиваете. Томми отличился сегодня утром. Теперь ты — сцепился с официантом, хорошо же мы отметили годовщину свадьбы! Ты, когда пьяный, совсем дуреешь. А пьяным ты бываешь слишком часто. Ты и сейчас пьяный. До чего же противно!

Чарли жжет горечь раскаянья.

— Я не такой, как Томми. Но мужчина должен уметь постоять за себя. Если у него есть элементарная гордость.

Морин молча качает головой. Чарли сует руку в карман, хочет что-то достать.

— Прости, детка. Видно, портится характер. Стал все слишком близко принимать к сердцу. Я

и сам знаю, что с выпивкой надо завязывать.

— Это был ужасный день. Ужасный.

Чарли не сразу удается извлечь из кармана то, что он хотел. Это конверт.

Морин совсем не собирается прощать его, что бы ни лежало в конверте. Наверняка сегодня купил что-то на скорую руку, выкроив пять минут от перерыва на ланч.

Однако открытка на роскошной белой бумаге, извлеченная из конверта, не была куплена в магазине. Чарли изготовил ее собственными руками, все рисунки сделал тушью и отпечатал на печатном станке, потом раскрасил их, как это делал со своими моделями. Он корпел над рисунками много дней, девять или десять вариантов пришлось выбросить в корзину. Все сделано очень аккуратно и тщательно, сразу чувствовалась рука мастера.

На открытке изображены сценки из их с Морин жизни. Их первая встреча у автобусной остановки, день свадьбы, день рождения Роберта, любовно выведен каждый штришок, все до мелочей. Он раскрашивал картинки самой тонкой кисточкой, которой красил всегда мелкие детали поездов, потом все покрыл лаком. Он робко протягивает открытку Морин, хотя боится, что она

откажется ее брать.

Но Морин берет ее и начинает рассматривать, сначала ничего не понимая. Но вот она замирает, потом на лице ее отражается изумление. Рисунки выполнены искусно, даже талантливо; и она и сам Чарли получились очень похожими. Морин потихоньку оттаивает, сердце ее наполняется прощением, оно растет и ширится, согревая грудь, таинственным образом проникая в каждую частицу ее тела. Она чувствует, как к ее глазам снова подступают слезы, а потом бросается Чарли на шею.

— Поздравляю тебя, детка, — говорит Чарли, краснея и улыбаясь.

— Поздравляю, Рок.

Мир восстановлен и скреплен объятьями, и Чарли снова трогается в путь. Настроение у них поднялось, но дорога ужасная. До Эрлз-Корт они ползут почти час. Чарли, озираясь, смотрит на плотный поток машин, на тесные ряды зданий, на праздно шатающиеся группки молодежи. У светофора слоняются два юнца с подозрительной ухмылкой, Чарли на всякий случай ставит дверь на запор, мало ли что у них на уме. Раздается вой полицейской сирены. Чарли крепче сжимает рулевое колесо, надеясь, что его никто не остановит

и не станет проверять на алкоголь.

— Проклятый Лондон, — бормочет он. — Едешь по прямой, а получается в пять раз дольше, чем в объезд.

— Твоя правда, — говорит Морин.

— Не езда, а одна маета, — горько усмехается Чарли, — и ведь постоянно одна и та же картина, в любое время суток.

Он вспоминает о Тейдон-Бойс, где теперь блаженствует Томми, в этом их милом местечке улицы широкие, дороги частные, деревьев больше, чем домов, а не наоборот. И еще он вспоминает, как во время каникул жил с родителями в Корнуолле, на какой-то ферме. Там были добродушные полицейские и красные почтовые ящики, там были улыбчивые лавочники, белые, в белых курточках и халатах, торговавшие ветчиной и чеддером.

Когда после кино они наконец добираются до дому, Морин сразу отправляется спать, но Чарли слишком взбудоражен, чтобы уснуть. Он наливает себе почти полстакана виски и разбавляет его кока-колой. Потом усаживается перед телевизором. Там крутят рекламный блок. Некоторые рекламы нравятся Чарли больше, чем передачи. Он попал на самое начало: на экране появляется

клоун в брюках в яркую красную полоску, он разгуливает на ходулях. Чарли и раньше натыкался на эту рекламу, но теперь решил рассмотреть все более внимательно. Ему нравится этот коротенький ролик. Почему-то он вызывает у Чарли странное томление и тоску.

Клоун в торговом центре раздает детям красные надувные шары. На руках у клоуна белые перчатки, на голове — высокая шляпа с красно-белой лентой на тулье; красный того же оттенка, что шары. Камера выхватывает физиономию одного парнишки, совершенно обыкновенного, с растрепанной каштановой гривой, в глазах его — восторг и невинное вожделение. За кадром звучит проникновенная мелодия, звуки пианино отдаются прямо в сердце Чарли.

Получив свой шарик, парнишка бежит к группе нарядных чистеньких детей, уже марширующих на площади посреди торгового центра. На это трогательное представление одобрительно смотрит бородатый дядя полицейский.

Камера следит за тем, как этот белокожий растрепанный мальчик с шаром проходит вдоль уличного базара. Чарли в этот момент снова отпивает виски. А мальчик тоже времени даром не теряет, он надевает ролики и катит по велоси-

педным дорожкам, замечательно пустым. Мост, нависший над мостовой, а под ним едут почти совсем новенькие машины, и никаких пробок.

Чарли не отрывается от экрана, смотрит, как мальчик проезжает мимо кучки детей, примерно того же возраста. Дети все, как один, седлают мопеды последней модели "BMX". К звукам фортепьяно присоединяются струнные, и мелодия словно устремляется ввысь, делаясь все громче и радостней. Мальчик катится мимо лавки, где торгуют жареной рыбой и картошкой. За ним следует кортеж из мотоциклов "BMX", по бульварам и велосипедным дорожкам, а с обеих сторон стоят новенькие коттеджи, стилизованные под старину.

Стена вся в граффити, вернее, это тоже стилизация под настоящее "уличное" творчество. Мальчик приезжает домой, в один из новеньких коттеджей. Чарли закуривает сигарету. Мальчики на мотоциклах притормаживают рядом с домом мальчика на роликах. Чарли так и не понял, что им от парнишки нужно, но это не так уж и важно. Вид у всех вполне мирный, это проявление особого мальчишеского уважения, ни намека на желание затеять драку.

В следующем кадре мальчик сидит в уютной

чистенькой гостиной и что-то пишет на маленькой карточке. На заднем плане парит красный шарик. И вот мальчик с шариком снова на улице, идет по осененным пышными зелеными кронами загородным аллеям. Теперь радостную мелодию фортепьяно и скрипок подхватывает флейта, придав мелодии некую настойчивость, и мальчик пересекает деревенский мостик. И вот запели птицы, и мальчик встречается со своим приятелем, собравшимся, судя по одежде, удить рыбу, а одет он совсем как сорванцы из книг Марка Твена, и, разумеется, на голове у парнишки широкополая рыбацкая шляпа. Впрочем, мальчик с красным шариком тут же отходит от приятеля, чтобы привязать этот самый шарик к ветке дерева, после чего швыряет в зеркальную гладь озера несколько камушков. Когда Чарли смотрел эту рекламу в первый раз, эти кадры окончательно сбили его с толку, он никак не мог сообразить, что же, собственно, рекламируется. До сценки на озере он думал, что весь смысл в мотоциклах.

Между тем на экране уже не озеро, а улыбающаяся физиономия шофера автобуса. Мальчик залезает в автобус, и теперь уже автобус двигается вдоль зеленых аллей; красный шарик тоже

здесь, в кадре, — он за окошком, рвется ввысь, колышется на своей веревочке. Наконец автобус прибывает к месту назначения.

Следующий кусок у Чарли самый любимый и неизменно вызывает у него экстатический восторг. Мальчик с шариком бежит по какой-то лестнице, выше, выше, и вдруг выясняется, что ведет она к стадиону. Он забирается на последнюю ступеньку и… Сердце Чарли замирает от восторга, когда камера показывает то, что видит мальчик: чаша стадиона, полная тысяч, нет, десятков тысяч людей, и у каждого в руке — красный шарик.

А вот и он. Ради него все это и придумали, ради транспаранта, написанного крупными буквами:

"Милтон-Кейнз. Первенство по запуску красных шаров". Очередной крупный план: оказывается, клоун из первых кадров тоже тут. Он, ритмично взмахивая рукой, считает: пять, четыре, три… При слове "ноль" стадион сотрясает громкое "ура", и все отпускают свои воздушные шарики.

Чарли едва не вываливается из кресла, выражение лица у него точно такое же, как у маленьких актеров, задействованных в рекламе. Все небо стало алым из-за взмывших шаров. Задранные вверх детские лица полны восторженного изум-

ления. Добрый бородач полицейский смотрит на детей и улыбается. На детях футболки, на футболках тот же лозунг, а шарики, отпущенные на волю, все летят и летят. Картинка с летящими в небо шариками застывает. Голос за кадром спрашивает: "Вы хотите жить в таком городе, в городе Милтон-Кейнз?"

Чарли едва не плачет. Он видит этот город воочию: там нет пробок на дорогах, там тишь и покой, там старина мирно уживается с современностью, машины с велосипедами, там простор и свежий воздух. А главное, там — свобода. И шарики вольно летят в небеса.

— Проклятый Лондон, — повторяет Чарли, выключая телевизор. Он смотрит, как постепенно меркнет экран, тускнея до черноты.

8

Морин нервно шагает по Бэттерси, прислушиваясь к своему телу, готовому в любой момент заставить ее остановиться или оступиться. На левой ступне, на самой подушечке, недавно вскочило штук семь новых бородавок, они еще не успели затвердеть и очень чувствительные, поэтому походка у нее неуверенная, в каждом

движении — легкий страх, что сейчас ей будет больно.

И все-таки Морин решилась на эту вылазку, несмотря ни на что. Она рассудила, что лучше одеться поскромнее, в джинсы и старенькое пальтишко, чтобы не выглядеть белой вороной. Однако сразу почувствовала, что рядом с прохожими она смотрится как воплощение сытости и благополучия. Теперь понятно, почему Роберт не хотел, чтобы она пришла к нему в гости. Знал, что она будет переживать, и он был прав, она уже вся испереживалась.

Она снова внимательно смотрит на фотографию. Роберт прислал ее недели через три после отъезда. На фото огромный викторианский секционный дом, слегка обветшавший, дверь — голубая. Морин щурится, пытаясь разобрать номер из двух цифр, ей кажется, что одна из цифр — семь.

Она уже час бродит по всему кварталу и уже не надеется найти дом сына. Возможно, дверь перекрасили, возможно, на этой улице вообще нет такого дома, Роберт нарочно обманул ее.

И вдруг случайно набредает на нужное место. Даже не глядя на фото, Морин уверена, что не ошиблась. На двери прикреплены две цифры: 3 и

7, она расположена в шестой секции. Дверь точно такого цвета, как на фотографии. Над дверью, под аркой, гипсовая розетка. Морин останавливается, присматриваясь. Совсем не то, что она представляла, никаких заколоченных окон и изрисованных стен. Просто та часть дома, которую занимал Роберт, была более обветшавшей, чем все остальные. Краска на подоконниках облупилась, в маленьком садике заржавевший миниатюрный водоем, пустой. Но в целом вполне сносно. Немного успокоившись, Морин сворачивает на дорожку, ведущую к двери.

Доносящаяся изнутри музыка смутно ей знакома, хотя она понятия не имеет, что это за вещь. Музыка громкая, монотонная, назойливая. Исполнитель не поет, а кричит, будто кого-то в чем-то обвиняет. Современная музыка слишком агрессивна. Морин ее не понимает.

Подойдя к двери, Морин ищет кнопку звонка или дверной молоток, но их нет. А дверь заперта. Музыка продолжает звучать, теперь даже еще громче. Набрав в грудь побольше воздуха, Морин начинает колотить по двери своим маленьким кулачком, но удары получаются слишком тихими. Никто не отзывается.

Ей приходит в голову постучать в окно, но

прямо под ним — лестница в подвал, спускается футов на пятнадцать, с нее точно не дотянешься. Да еще ступеньки довольно крутые и грязные. Немного подумав.

Морин снимает с правой ноги ботинок и, покрепче его ухватив, начинает каблуком дубасить по двери.

На этот раз ее старания не прошли даром. Звук сильно убавили. Морин слышит чьи-то шаги. Она внутренне приготовилась к встрече с Робертом, к любой реакции на ее появление. Но дверь открывает не Роберт. На пороге стоит Кэрол. Обе женщины молча смотрят друг на друга, не зная, что сказать.

И тут Морин понимает, почему эта музыка показалась ей знакомой. На прошлой неделе Кэрол буквально извела их этой пластинкой. Морин даже пришлось зайти к ней и попросить сделать потише. Кэрол тут же мило извинилась и убавила звук. Вообще-то эта девочка нравится Морин, видимо, поэтому она вдруг обнаружила, что улыбается, и первой нарушила кошмарное молчание.

— Оказывается, вот кто тут у нас, — говорит Морин, не сумев придумать ничего более умного.

— Да, это я тут… — отзывается Кэрол, тоже

вполне по-дурацки.

На ступеньках за спиной Кэрол раздается топот. Подняв глаза, Морин видит Роберта, на нем синяя форма охранника, на правом кармашке эмблема компании "Теско". В левой руке он держит детскую бутылочку. Теперь, когда музыка играет тише, Морин слышит детский плач.

— Черт, — вырывается у Роберта.

Он неловко взмахивает рукой, и молоко из бутылочки начинает капать на голый, ничем не прикрытый пол.

--

Вскоре они все вчетвером сидят на кухне. Очень славная кухонька, думает Морин, просторная и не душная. Она держит в руках чашку со свежезаваренным чаем и сама удивляется вдруг охватившему ее спокойствию. Кэрол, приобняв сына, нежно шепчет:

— Шш, Чарли.

Морин улыбается, обуреваемая вихрем эмоций, совершенно не понимая, что же она все-таки чувствует, злобу или нежность? Но в конце концов нежность перевешивает. Морин протягивает руки к карапузу:

— Можно мне его подержать?

— Да-да, конечно.

Морин берет малыша на руки, господи, сколько раз она уже видела его, сидящего в колясочке, то на лестничной клетке, то в магазине. При ней Кэрол всегда называла его Чаки. И как же она, полная идиотка, не догадалась, в чем дело…

— Мам, через пару минут мне уже бежать на работу.

— Что скажет по этому поводу твой отец, Роберт?

— Мой отец по этому поводу взбесится, вот что. Пожалуйста, ничего ему не говори.

— Думаешь, это так просто? Я вижу Кэрол почти каждый день. И почти каждый день вижу его внука.

Лицо Роберта каменеет, губы упрямо сжимаются. Знакомая гримаса. Точно такая же, как у нее самой в критические моменты, поэтому Морин знает, что спорить бесполезно. Роберт сидит напротив и смотрит на нее почти угрожающе.

— Ничего ему не говори. Кэрол на той неделе переберется сюда, так что никаких проблем не будет.

— Никаких проблем? У него появился внук, и ты считаешь, что это не проблема? Совсем не проблема?

— Мам, ты не понимаешь! Он и так считает, что

я лодырь из лодырей, хуже нет никого. А это будет последней каплей… Я только хочу… я хочу…

— Но так нельзя, Роберт, сам пойми. Как можно скрывать такие вещи от собственного отца?

— Я просто хочу доказать ему, что не такое уж я жалкое ничтожество. Что я могу не только работать вышибалой в этом вонючем "Теско" и жить в норе со своим полугодовалым младенцем. Я хочу добиться чего-нибудь стоящего, мама. Но у меня пока не было времени. Не было времени понять, что стоящее, а что нет. Дай мне немного сориентироваться и встать на ноги. Я хочу, чтобы он обрадовался, что у него есть внук, а не рассвирепел еще сильнее.

— Но что ты все-таки собираешься делать, сынок?

Вся воинственность Роберта вдруг улетучивается.

— Сам не знаю. Работы никакой. Конечно, какая-то всегда есть — разная муть, недостойная человека с моими талантами. Или с отсутствием таковых.

— Ты ведь умный мальчик. Если бы приложил немного больше усилий…

— Если бы то, если бы это, если бы пятое-десятое. А у меня есть то, что есть, приходится

исходить из реальных возможностей.

— Тебе надо больше общаться с отцом. Мы месяцами ничего о тебе не знаем.

Роберт прикусывает губу, так крепко, что она белеет.

— Прекрати, Роб. Ты же сам сказал, что готов к жизненным испытаниям. Если хочешь, чтобы я успокоилась, попробуй наладить с ним контакт.

— Хмм.

— Слушай. А что, если тебе как-нибудь поиграть с ними в карты? Это было бы неплохим началом. Недавно я просила его взять тебя с собой.

— И что он сказал?

— Ничего.

— Отлично.

— Ноя знаю, что он будет рад с тобой повидаться.

— Ас чем я пойду играть, а, мам? У охранников лишней наличности не водится.

Перехватив Чарли левой рукой, правой Морин достает кошелек. Роберт упрямо качает головой:

— Не нужно, мам. Я уж как-нибудь сам.

— Не глупи. Я же не на мотоцикл тебе даю. Я хочу, чтобы ты наладил отношения с отцом. Бери. Можешь проиграть. Проиграй их папе, если, конечно, получится. Сам сделай первый шаг. И

тогда…

Роберт смотрит на нее умоляюще.

— И тогда я сделаю все, что ты попросишь, — тихо говорит Морин.

Кэрол подходит к Роберту и кладет руку ему на плечо, перебирая пальцами нейлоновую бахрому на погончике.

— Возьми деньги, Роб, — просит Кэрол.

Роберт берет у матери три двадцатифунтовые купюры и ласково трется щекой о ее пальцы. Кэрол, перегнувшись через плечо Роберта, щекочет сына, тот заливается смехом.

— Роберт, он очень хороший, миссис Бак.

— Теперь ты можешь звать меня просто Морин.

— Морин. Большинство парней на его месте просто бы отвалили. Я хочу сказать… мы ведь не то чтобы любим друг друга. Вообще-то мы только друзья. И вдруг все-таки… увлеклись. Но это точно сын.

Роберта, он знает. Поэтому мы и назвали его в честь дедушки. Роберт, он молодец. Правда-правда. Он не хочет перед всеми подряд плясать, "да, сэр", "как скажете, сэр". У него будет работа, хорошая работа. Только пока еще он не знает, какая именно.

Морин перекладывает мальчика так, чтобы видеть его круглое, как луна, личико, и начинает тихонько его баюкать.

— Ты мог бы поговорить с дядей Томми. У него много знакомых.

— Да, много, но все не те, какие нужно. Я с ним уже разговаривал.

— А ему ты рассказал про Чаки?

— Нет, конечно. Мы говорили только о делах. Все уговаривал меня поработать на одной стройплощадке. Но меня совсем не тянет валандаться с тяжелыми носилками. Правда, он…

— Он — что?

— Правда, он… у него есть одна неплохая идея. Ничего общего со стройками. И все абсолютно законно. Я мог бы при случае напомнить, поймать его на слове. Запросто. Хорошая зарплата, постоянные прибавки. Все прилично и чинно. Продвижение по службе.

— Звучит как сказка, — говорит Морин.

— То ли еще будет, — лукаво говорит Кэрол.

--

Душный августовский вечер. Дом Томми в Тейдон-Бойс. Томми, Чарли и Майк сидят за столом.

Томми тасует карты. На проигрывателе пластинка "Любителям классики", популярная

классика в исполнении Оркестра Королевской филармонии. Майк Сандерленд приятно взбудоражен нарочитой скромностью обстановки. На столе только пиво и сигареты. Пакетики чипсов с сыром и с луком, хрустящие соленые печенюшки "Твиглетс", серебристые маринованные луковки, нанизанные на коктейльные палочки. Все пепельницы переполнены окурками, а воздух в комнате сизый от дыма. Лоррейн дома нет, — убежала попить в баре винца с подругами.

— Этот твой дружок, он ушлый игрок, да? — спрашивает Томми. Он делит колоду на две части, потом смешивает их, ловко пропуская одну половину карт через другую, "врезкой", так называют этот прием. — Здорово соображает, да?

— Снежок-то? Он, конечно, не новичок, но и не то чтобы ас, — говорит Чарли. — Но удачливый. Ему всегда везет. Не знаю, как ему это удается. Такой везунчик, просто умереть. Он никогда не играет наобум, он носом чует, когда ему пойдет хорошая карта, хватает удачу за хвост. Это какая-то мистика, черная магия.

Томми оборачивается к Майку, любовно сворачивающему самокрутку:

— А ты у нас бывалый картежник, Мик?

— Ну не знаю. Так, иногда играю, что-то вроде

бриджа.

Томми хохочет:

— Да-а, игра просто зашибись! Игра для престарелых дамочек, чтобы скоротать последние денечки.

— Позволю себе не согласиться. Это чисто интеллектуальный поединок.

— Ой-ой-ой, фу-ты ну-ты. "Мод, голубушка, передай мне фужер с шампанским". У вас в газете все такие чистенькие умники, а, Чарли? Господи Иисусе, если бы моя башка торчала настолько выше жопы, я бы даже пукал интеллектуально, выдувал бы задницей дикси[77], не хуже сакса.

Майк, забыв про свою самокрутку, ошеломленно таращит глаза.

— Не обращай внимания, Майк. Томми никогда не обременял свою жизнь хорошими манерами.

— Да, Мики, да, мой мальчик, будь проще. Лично мне плевать, откуда ты взялся, из этого гребаного Кембриджа или из Хуексфорда, главное — деньги на кон. Вот зачем мы тут, милок, собрались. Малость встряхнуться и заодно перераспределить собственность.

Томми швыряет на стол толстую пачку пяти-

---

[77] Примечания: 77

Дикси (полн.: диксиленд) — стиль джаза, возникший в Новом Орлеане в начале XX в.

фунтовых бумажек, перехваченных резинкой.

— Ну, давай выгребай из всех дырок свои гребаные бумажки, покажи нам, сколько у тебя товара.

Майк, кивнув, достает из внутреннего кармана портмоне, вынимает четыре пятидесятифунтовые купюры и кладет их рядом с пятерками Томми.

— Надеюсь, этого достаточно, — с эффектной небрежностью говорит он.

— Да, конечно. — Томми фыркает. — Предостаточно. На это можно купить бутылец "Болли", а то и парочку, или шикарную сигарную зажигалку для старухи "Бугатти".

Раздается звонок в дверь. Томми идет открывать, его хорошо шатает. Майк нервно и жадно затягивается, сразу искурив почти весь свой косячок, и начинает делать новый.

— Как ты, Майк?

— Если честно, Чарли, мне немножко не по себе.

— Не обращай внимания на моего братца. Он больше брешет, чем кусается. Никаких укусов.

Томми, покачиваясь, возвращается, а Майк в сотый раз смотрит на его щеку, где розовеет четкий след от чьих-то зубов, и ему кажется, что

Чарли недооценивает возможности своего брата. Возвращается он с Робертом, нещадно тиская своей ручищей его плечо.

— Вот и он, рыжий засранец, стручок долговязый. Надеюсь, у него с собой кошелек с деньгами, а не мешок медяков. Но пусть знает, что мы не обналичиваем чековые книжки господ безработных.

Томми громко ржет, довольный своей шуткой, и треплет Роберта по щеке. Роберт сдержанно усмехается. Он в костюме, тщательно выбрит, у него короткая аккуратная стрижка, Чарли изумлен. А еще он изумлен тем, какой юный у него вид, какой незащищенный. Чарли вдруг понимает, что не знает, как вести себя с сыном. Захотелось броситься к нему и крепко обнять. Но гордость и правила приличия одерживают верх. Чарли остается сидеть на своем стуле и лишь приветственно вскидывает руку.

— Привет, папа.

— Привет, Роберт.

Далее следует неловкая пауза. Раздается деликатное покашливание Майка.

— Роберт, это Майк Сандерленд. Он помощник редактора. В газете.

Майк поднимается и протягивает руку:

— Очень приятно познакомиться.

За спиной Майка Томми, уперев руки в боки, тут же состроил умильную светскую гримасу, иллюстрирующую эту фразу.

Но Роберт в упор его не видит и с улыбкой пожимает Майку руку:

— Мне тоже.

Он усаживается за стол. И тут же поднимается, чтобы снять пальто, ищет глазами, куда бы его повесить, и, не обнаружив ничего подходящего, вешает его на спинку стула. Снова садится, но на этот раз замечает вешалку в дальнем конце комнаты и снова встает.

— Черт возьми, ты, Зеведей[78], развесь наконец свои весла и сети, — говорит Томми. — Хочешь чего-нибудь выпить, рыжая бестия?

— Я бы выпил пива, дядя Том.

— Майки, а что тебе, мой мальчик? Джин с содой? Детское шампанское? Или взрослое?

— Мне тоже пиво. Спасибо.

Томми топает на кухню.

— Как дела, пап?

Роберт сидит напротив отца, расположившегося в торце стола. Стол овальный, и они

---

[78] Примечания: 78

Зеведей (дар Божий) — галилейский рыбак, отец апостолов Иакова и Иоанна.

оказываются на максимальном отдалении друг от друга..

— Более или менее. Знаешь, Роберт, я… — он смущенно умолкает, — я рад тебя видеть.

— Я тоже, пап.

— Ну и где этот ваш гребаный провокатор и обманщик? — спрашивает Томми, возвращаясь с двумя кружками пива. — Или вы думаете, я для того все затеял, чтобы разводить лалы о том, как кто поживает? Давно пора делом заняться. Ждем еще пять минут, и — поехали, без этого вашего — как его? — Снеговика. Откуда у него такое имечко, а? Просто зашибись!

— Он сейчас придет, — говорит Чарли.

И тут, как по заказу, раздается жужжанье дверного звонка. На этот раз открывать идет Чарли. Это Ллойд, в модном синем плаще, над воротом которого виден воротник рубашки и узел небесно-голубого галстука. Он еле дышит, видимо, бежал бегом.

— Прости, Чарли. Проклятые автобусы.

— Поймал бы такси.

— Такси мне не по карману.

— Входи, Снежок. Давай сюда свой плащ.

Под плащом у Ллойда оказывается удлиненный пиджак с подбитыми плечами, брюки с высоким

поясом и с прорезными карманами. Он выглядит потрясающе, как с картинки журнала.

— Шикарно.

— Ты не поверишь, парень. Этот костюмчик я носил, когда только сюда приехал. Ты только глянь! До сих пор годится, сидит как влитой. Разве я не хорош?

— Хорош-хорош. Просто картинка. Знакомься, Снежочек, мой брат Томми.

Томми, отлавливающий из ведерка лед для своего двойного виски, поднимает голову. И Чарли видит, как его круглая физиономия слегка вытягивается. Ллойд подходит к нему, протягивает руку:

— Рад познакомиться.

Томми молчит и смотрит мимо него. Потом все-таки произносит:

— Нет, не стоит. У меня мокрые руки.

Потом разворачивается и снова уходит на кухню. Ллойд, ничуть не расстроившись, поворачивается к столу:

— Привет, Роберт. Как же ты вырос! В последний раз, когда я тебя видел, ты был еще совсем пацаном. А теперь вы только на него посмотрите! Да-а, ты гораздо симпатичнее своего папаши.

— Спасибо, Ллойд.

— Хочешь выпить, Снежок? — спрашивает Чарли.

— Я-то? Рома с черносмородинным.

— Томми, плесни Снежку рому! — кричит Чарли на кухню.

В ответ никакого отзыва. Чуть погодя появляется Томми с блюдцем орешков и с подсоленными хрустящими "колечками".

— Где ром для Снежка? — спрашивает Чарли.

— А разве ему охота выпить? Я ничего не слышал. — Томми садится за стол, с противоположной стороны от Ллойда. Чарли, вздохнув, идет на кухню и приносит стакан с ромом. В грянувшей вдруг тишине становится слышна еще не кончившаяся пластинка "Любителям классики".

— Это что за муть? — фыркает Роберт.

— Мелодичная музыка. Что, не устраивает? — спрашивает Чарли.

— Мне жаль этого дурака, — говорит Роберт, цитируя коронную фразу какого-то телеведущего.

Роберт подходит к проигрывателю, снимает пластинку и ставит другую, которую прихватил с собой, и прибавляет звук. Вой электрогитар заполняет комнату.

Лавина звуков.

— Господи ты боже мой... Что это? — спраши-

вает Чарли.

— Группа "Не идущие в никуда", — объясняет Роберт, тряся головою в такт.

— Ну и дрянь, — говорит Чарли. — Это что, твой обожаемый панк-рок?

— Мощно, — одобрительно бормочет Майк, — очень мощная энергетика.

— Бездарно до безобразия, — добавляет Чарли.

— А мне нравится, — говорит Томми. — Бодрит, сразу тянет съездить кому-нибудь по морде.

— О, господи, — с тоской произносит Чарли.

— Только не панк-рок. Это "Ой!"[79].

— Ой? — переспрашивает Томми.

— "Ой!" Ну да, типа "уй!" или "хей!", — объясняет Роберт.

Томми блудливо хохочет. Чарли встает и, отодвинув Роберта в сторону, снимает пластинку и ставит Мела Торме[80].

— До сих пор в ушах звенит, — ворчит он.

Томми тасует карты.

---

[79] Примечания: 79

"Ой!" — одно из течений в рок-музыке, попытка вернуть музыку "панков" к "раскрепощенному" состоянию. Этот стиль называют "панк-роком третьей волны", "панк-82", "уличный панк"; первоначально — музыка "детей рабочих", название — от выкриков музыкантами ритмичного "ой!" в начале каждого припева.

[80] Примечания: 80

Мел Торме (1925–1999) — американский певец, мечтал быть джазовым певцом, но популярность завоевал исполнением эстрадных песен

— Хорошее у вас тут местечко, — говорит ему Ллойд.

— Так во что играем? — коротко вопрошает Томми.

— В "сбрось туза"? — предлагает Роберт.

Чарли качает головой:

— Это детская игра, Роберт. У нас тут не рождественская вечеринка.

— "Смотри в оба", — предлагает Ллойд, высасывая что-то застрявшее меж зубов.

— А может, правда, сыграем в "сбрось туза"? — веселится Майк.

— Никаких детских игр, — строго говорит Чарли. — Для разминки предлагаю "понтун".

— А во что вы обычно играете? — спрашивает Майк тоном директора школы, решившего поиграть с шестиклашками.

— "Понтун". "Стад-покер". Иногда в "малый джин".

— Давайте начнем с покера. Пойдем вразнос, до последнего пенни, — говорит Томми, изобразив свой фирменный крокодилий оскал.

Ему хочется почувствовать себя прожигателем жизни, готовым пойти ва-банк, все или ничего. Он играет без оглядки, очень рисково. Чарли более осторожен, распределяет ставки, кладет в

банк мелкие суммы, поэтому никогда много не проигрывает, но почти ничего и не выигрывает.

— Понтун. Поехали, — говорит Чарли.

— Уговорил, — говорит Ллойд, — Для разминки сгодится.

— Минутку, — говорит Роберт.

Он достает кошелек и вытаскивает четыре пятерки. Посредине стола образовалась горка из разноцветных бумажек.

— А "понтун" — это то же самое что "блэк-джек", да? — спрашивает Майк, тоже доставая портмоне. — Значит, "vingt-un"[81].

Чарли замечает, что у него там толстая пачка двадцатифунтовых банкнот. Какого же черта этот папенькин сынок вечно ходит в обносках? И еще Чарли раздражает, как этот пижон произнес "вэнт-ан", с французским прононсом.

— Как ни называй, все едино: "двадцать одно". Объявлять до пятнадцати. Четырнадцатое сгорает. Можешь выкупить банк, иначе тебе ничего не обломится. Выигравший берет все. Минимальная ставка пятьдесят пенсов.

— В принципе ясно, — говорит Майк, забирая одну пятидесятифунтовую бумажку и выклады-

---

[81] Примечания: 81
"Двадцать одно" (фр.).

вая мелочь.

— И учти еще одну вещь, — говорит Чарли.

— Какую? — настораживается Майк.

— Снежок колдун, он использует приемы "вуду".

Ллойд усмехается, обнажив потемневшие от щедро приправленного смородинным соком рома.

— Просто я умею играть, парень. — Ллойд загадочно улыбается.

Роберт закуривает сигару и даже не закашливается. Атмосфера почти благостная, никто еще не рычит и не бесится, все сюрпризы игры еще впереди.

В "двадцать одно" играют почти час. Роберту разок удается сорвать банк, остальным остается только дружески хлопнуть его по плечу. Ллойду и правда чертовски везет, у него в прикупе тридцать фунтов, он действует чаще по наитию, чем по расчету, но умеет использовать любой перевес в свою пользу, он кожей чувствует счастливый шанс, знает, откуда лучше тянуть. Томми действует непредсказуемо и нерасчетливо: когда расклад весьма и весьма посредственный, швыряет большие суммы. Ему нравится сам процесс, ему плевать, что за один круг он может проса-

дить двадцать фунтов. Майк Сандерленд играет будто по учебнику карточной игры: ставит по мелочи, повышая ставки только при очень хорошей карте, полагаясь и на чутье, и на удачу. Вскоре всем становится ясно, что игрок он весьма неплохой. Чарли верен себе: осторожничает, долго обдумывает каждый ход, стараясь все учесть, боится попасть впросак, никаких рискованных комбинаций, только расчет. Ставки делает минимальные, даже когда ему идет хорошая карта. Никогда — больше пяти фунтов, которые, как правило, в конце концов отыгрывает. Довольно часто берет прикуп, но всегда — понемножку.

— Я смотрю, сегодня определенно не твой день, — констатирует он, глядя на отощавшую пачку денег в руках Томми, когда тот выуживает очередную купюру для размена.

— Молчи, зануда, — огрызается Томми, — тошно смотреть, как ты мелочишься. Я по крайней мере получаю удовольствие. В жизни порою приходится идти на риск.

— Это не жизнь, — возражает Чарли, — это всего лишь игра.

— Не вижу особой разницы, — говорит Томми.

— А что, разве не так? — вдруг подает голос Ллойд. Взяв зубочистку, он старательно выковы-

ривает из десны крошку от печенья.

— Что-что? — спрашивает Роберт.

— Ведь так оно и есть, — говорит Ллойд. — Твой папаша даже в карты играет с оглядкой. В этом вся его натура. Минимум риска, только если уж совсем некуда деться.

— Я могу и рискнуть, — говорит Чарли, задетый за живое. — Только, по-моему, это глупо.

— А по-моему, — говорит Ллойд, — ты просто баба.

Томми, упорно не замечавший Ллойда, вдруг снисходит до одобрительного смешка, хоть и довольно сухого.

— Да, сдается мне, что бутылочка у него в магазине маловата, коротковата, — ухмыляется Томми.

— С бутылочкой у меня все в порядке, в самый раз, — огрызается Чарли, искоса глянув на Томми.

Наступает неловкое молчание, Чарли начинает торопливо сдавать карты.

— Чарли сказал мне, что ты никак не можешь найти работу, — говорит Майк.

— Да, — отзывается Роберт, глядя на стопку карт, лежащую перед ним.

Майк сокрушенно качает головой:

— Какой-то кошмар. Я имею в виду нашу безработицу. Это результат целенаправленной политики. Чтобы в конечном итоге урезать людям зарплату. Правительству безработица только на руку. Это ослабляет профсоюзы, дает этим деятелям возможность грабить рабочего человека.

— Это точно, — соглашается Роберт, беря со стола карты.

— Ну и как, есть хоть какие-то перспективы? — сочувственно спрашивает Майк.

— В общем, да, у меня на примете несколько местечек, — говорит Роберт и тут же замечает скептическую мину на лице Чарли. Это приводит его в бешенство. — Кстати, я сейчас хожу на курсы.

— Правда? А по какой специальности? — интересуется Майк.

— Служба безопасности, — небрежно говорит Роберт. — То есть охраны.

— Место знатное, — говорит Томми. — Там тоже дерьма по горло, но все шито-крыто, все, как говорится, свое, родное. У них большое будущее, свои тюрьмы, свои же тюремщики, своя гребаная армия. Работенка стоящая. Можно запросто свернуть кому надо шею, и никаких после проблем. Вот когда я был колом, там ни боже мой, только

попробуй дать в морду какому-нибудь подонку, тут же прибегает хорек из службы социальной защиты и берет тебя на карандаш. Такая вот хреновина.

Чарли качает головой. Морин сказала ему, что Роберт пристроился в "Теско". И это его сын! А мог бы, между прочим, стать классным специалистом.

— Так мы играем или не играем? — спрашивает Томми. — А ну-ка оторвемся на всю катушку! Пора вставить настоящий патрон, чтобы пробрало! Чтобы дым коромыслом, и — до усеру!

На их карточных сборищах Томми чувствует себя американским ковбоем, неотразимым и бесстрашным.

— Пора сыграть в "стад"[82], — говорит Чарли.

— Идет, — говорит Роберт, подсчитывая наличность. Он проиграл шесть с половиной фунтов.

— Значит, "стад", — отрывисто бросает Томми.

Он выпивает очередную банку пива, раскуривает очередную сигару. Майк почти с благоговением смотрит на его красную, чуть облупившуюся физиономию, на исколотые татуировками костяшки, по букве на каждом пальце. Вот она,

---

[82] Примечания: 82
Имеется в виду "стад-покер", одна из разновидностей покера.

истинная мужественность, не подпорченная условностями и воспитанием.

Томми и в покер играет с бесшабашным азартом, но сейчас ему везет чуть больше, чем в "двадцать одно". К тому же он хорошо блефует и так поднимает ставки, что только у Майка хватает смелости с ним тягаться, Майк все отлично просчитывает, поскольку довольно часто играет в покер. Томми выигрывает двадцать фунтов. Майку везет меньше, но тактика его безупречна. Они с Томми выигрывают; Роберт снова в проигрыше, Чарли тоже немного проигрывает после того, как ставит "тройку"[83] против "фул хаус"[84] Майка. Ллойду покер не нравится, и он старается просто пережить его с минимальными ставками. Он немного проигрывает, но у него еще достаточно денег для финального блица, который начинается на исходе второго часа их игры.

— Вот теперь начинается самое оно, — комментирует Томми. — Вот теперь поговорим серьезно.

— Боюсь, я не знаю правил, — говорит Майк.

---

[83] Примечания: 83

Покерная комбинация, в ней задействованы три карты одного достоинства, плюс две случайные карты, которые вообще не учитываются при подсчете. Все комбинации состоят из пяти карт.

[84] Примечания: 84

"Фул хаус" (доел.: полный дом) в покере: три карты одного достоинства плюс две карты другого достоинства

— Все очень-очень просто, даже для такого чайника, как ты, — успокаивает его Томми.

Майк сияет, довольный, — над ним уже по-свойски подшучивают, обзываются, значит, признали своим.

— Каждый кладет в банк некоторое количество денежек, — объясняет Чарли. — Потом нужно только вытащить пару карт и открыть их. Задача состоит в том, чтобы вытащить карту достоинством не меньше, чем самая меньшая, и не больше большей. И сделать соответствующую ставку.

— Предположим, я вытащил пятерку и семерку? — спрашивает Майк.

— Минимальная ставка — один фунт.

— Ну а у меня одна карта выигрышная? Я все равно выкладываю фунт?

— Именно так. И если никакой, тоже. И если две карты одного достоинства — тоже. Так пополняется банк. А максимальная ставка — не больше того, что есть в банке.

— Значит, лучше всего туз и двойка или король и двойка?

— Верно. Но если захочешь забрать банк и если сданная карта совпадет с твоей, ты удваиваешь ставку.

Майк кивает:

— Значит, если у меня король и двойка, а в банке пятьдесят фунтов, и я отбиваюсь под них, то, если выпадет король и двойка, я должен заплатить сотню.

— Бинго, — говорит Ллойд.

— Коммунизм в действии, — комментирует Чарли.

Первые полчаса игра идет вяло. В банке не больше двадцати фунтов, поэтому все попытки отыграться успешны. Но вот Роберту предстоит играть валетом и тройкой, в банке двадцать пять фунтов.

— Давай, Рыжик, — подзадоривает Чарли. — Сможешь наконец купить мне паровой двигатель.

Но ему выпадает валет. Теперь в банке восемьдесят пять. Роберту явно не по себе. Через пять минут Майк сбрасывает короля и двойку. Он мычит и хмыкает, но ему хочется показать себя настоящим мужчиной. Он намерен взять банк. Все разом охают, увидев, что ему выпал король. Майк зажмуривается:

— Ч-ч-ерт побери.

Он рассчитывал обойтись суммой фунтов в пятьдесят, не больше. А теперь ему придется

выложить все сто семьдесят. В банке вдруг набирается двести восемьдесят фунтов. Такого еще ни у кого из них не было.

Общий настрой вдруг резко меняется, никаких шуточек, никаких прибауток, лица каменеют, становятся крайне озабоченными. Для всех, даже для Майка Сандерленда, сумма почти в триста фунтов — солидные деньги. Сумма уменьшается, когда Ллойд отыгрывает пятьдесят, при короле и двойке; Роберт успешно ставит на тридцать с королем и тройкой. Потом Томми получает короля при наличии короля и четверки, поэтому вынужден удвоить заявленные пятьдесят фунтов, он кладет в банк сотню.

У Чарли — туз и двойка. Игра. У сидящего слева Томми король и двойка. Игра. Атмосфера накаляется. Снова подходит очередь Чарли.

— Ходи, Чарли! — говорит Ллойд. — Рискни.

— Он не расколется, — заявляет Роберт без тени сомнения.

Чарли долго изучает карты, как будто они могут открыть ему какую-то тайну. Глянув на Роберта, он понимает, что сын имел в виду не только игру, а что-то еще, гораздо более существенное. Томми многозначительно ухмыляется. Чарли отрешенно изучает стены, прикидывая, какие

карты в колоде могут его подвести. Две двойки ушли. Ллойд отбил туза, вторая у него была дама; ему от этого ни холодно ни жарко, но один потенциальный враг выбыл. Всего три карты могут оказаться для него роковыми. Три из… господи, даже все мозги отшибло, злится на себя Чарли… три из сорока трех… нет, из сорока двух. Три из сорока двух. Отличные шансы. Очень хорошие шансы. Но ему страшно. Если выпадет одна из трех, ему придется выложить шестьсот фунтов. А это почти новый автомобиль. Это двухнедельный отпуск с Морин на Мальте, в приличной гостинице. Морин закатит ему грандиозный скандал. Нет, все-таки боязно.

— Я, пожалуй, не стану рисковать, — говорит Чарли.

Он смотрит на карты Томми. Он знает, что Томми точно рискнет. И что братцу повезет. Чарли снова смотрит на сына, ожидая увидеть на его лице презрение. Но Роберт искренне за него переживает.

— Не надо, пап. Наплюй… — тихо говорит он.

— Давай, Чарли, — подначивает разопревший Томми. — Не прохлопай свой шанс. Жизнь — азартная игра, она состоит из риска.

— Может, ну его? На этом и кончим, разделим

банк и айда по домам, — предлагает Ллойд.

— Да, — говорит Роберт. — Ллойд прав. Хватит уже.

— Заткнись, сосунок! — рычит Томми. — Вперед, Чарли. Отбей этот гребаный банк. Разнеси к чертовой матери. Здесь только три карты, которые могут подпортить тебе праздник. Покажи нам, на что ты способен.

Чарли снова колеблется. Все его нутро протестует против продолжения игры, но три карты… только три карты. Уйти отсюда с тремя сотнями в кармане. Показать Роберту, что отец у него не трус и не размазня. Показать Томми и Снежку, что у него еще есть порох в пороховницах и с бутылкой все в порядке.

— Может быть, я поставлю на пятьдесят, — робко говорит он.

Томми стонет:

— Я собираюсь ставить на все, мой старший брат. Я хочу заполучить весь этот гребаный куш. Меня это заводит, двойной кайф. Я не отступлюсь. Потому что у меня в штанах настоящие яйца, крепкие и волосатые. Не то что у тебя, у пидора.

— Ладно, беру! — вдруг говорит Чарли.

Майк Сандерленд протягивает руку к колоде, чтобы сдать ему карту.

— Нет! — кричит Чарли. — Дайте подумать, еще минутку.

Он останавливается, вцепившись в свою карту. Но думать-то больше не о чем. Шансы просчитаны. И цена выигрыша, и цена проигрыша. Теперь все упирается не в расчеты, а в кураж. Он чувствует на себе взгляд сына, который и хочет, чтобы его отец решился пойти на риск, и боится этого. Больше всего Чарли действует на нервы глумливая ухмылка Томми, вечно обвиняющего его в трусости. Чарли и самому хочется пойти ва-банк. Хочется разнести вдребезги привычные клише своей жизни, надоевшую размеренность, ему осточертело цепляться за работу, все время озираться, то и дело поглядывая в зеркальце заднего обзора. Поезд, который не может сойти с рельсов. Это он.

Все напряженно молчат. Чарли бросает последний взгляд на колоду, как будто надеется увидеть поджидающую там карту. И наконец совсем тихо говорит:

— Ладно. Давай. — В его голосе слышится решимость и обреченность одновременно.

— Ты уверен?

— Давай, говорю.

Майк медленно переворачивает карту. Чарли

сглатывает, но слюны во рту нет, все горло пересохло. На середине стола возвышается целая горка банкнот и мелочи, она занимает почти все пространство овала.

Бубновая восьмерка.

Комнату наполняет чудовищный вопль трех луженых глоток, это реакция на только что пережитое мучительное ожидание.

— Крепкий парень Чарли Бак, — напевно скандирует Ллойд, — хапать денежки мастак.

— Кто рискует, тот пьет шампанское! Только держу пари, что он хлещет виски "Карлинг блэк лейбл", и наверняка неразбавленный!! — верещит Роберт, торжествующе потрясая кулаком.

— У тебя не яйца, а прямо-таки арбузы! — рявкает Томми, хлопая брата по спине.

— Отлично сработано, Чарли, — улыбается Майк, несмотря на проигрыш, весьма довольный происходящим, крепким духом истинно мужских развлечений. — Именно так: не яйца, а настоящие арбузы.

Чарли пребывает в полном ошеломлении, ему стыдно забирать деньги у друзей, у собственного сына, но чувство вины тут же заглушает изумление. Ему не верится, что он все-таки посмел использовать свой шанс, и что этот шанс

все-таки выпал, и что его риск вознагражден. Не только игра, но сама жизнь вдруг видится Чарли в ином свете. Томми был прав все эти годы, он и сейчас прав, он в принципе прав. Его старший брат слишком осторожен. Чарли, все еще в прострации, придвигает деньги к себе. Он ожидает увидеть на лицах своих партнеров плохо скрытое разочарование — ведь это же их деньги, — но замечает только восхищение и даже удовлетворенность. Победителей любят, до него вдруг доходит эта истина. И ему снова хочется стать победителем.

Чарли Бак вдруг почувствовал вкус к победе. Во всем и всегда.

Часть вторая Новый город
9

Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый. Год предсказанного Оруэллом[85] коммунистического кошмара. Чарли читал сокращенный вариант романа в "Ридерз дайджест", тогда Чарли показалось, что Оруэлл сгустил краски. Но пока его предсказания сбываются.

Чарли и Морин — на перекрестке, у 14-й мили шоссе № 1. На смену старенькому "триумфу-толедо" пришел "остин мини-метро", тоже подержанный, но ему только пять лет, а не двадцать. Весь багажник и заднее сиденье забиты сумками и чемоданами. Чарли почти ничего не видит, когда смотрит в зеркало заднего обзора. Поток машин несет их, точно стальные обломки кораблекрушения, к повороту с табличкой "Милтон-Кейнз".

В жизни Чарли было не так уж много знаменательных дней. Первый день в армии, первый день на работе, день свадьбы, переезд на новую муниципальную квартиру после рождения Роберта. Все эти события были настолько зна-

---

[85] Примечания: 85
Имеется в виду роман-антиутопия Джорджа Оруэлла "1984" (1949).

чительны, что истинную их роль в своей жизни он мог оценить только потом, посмотрев назад. Память ведь тоже зеркало заднего обзора.

Разница лишь в том, что отражение в зеркале памяти более полное, его не загораживают сумки и чемоданы.

Но сегодня все иначе, сегодня его сразу наполнило острое ощущение ослепительной новизны, таящейся за каждым пролетом живой изгороди, за каждым кругом дорожной "карусели", засаженным цветами, на каждом отрезке того пути, который вел их к цели. Целью же был дом примерно в двух милях от центра комплекса "Милтон-Кейнз", там совсем неподалеку должна быть скульптурная группа, несколько бетонных коров, знаменитая эмблема городка. Чарли думает о вечном своем страхе перед риском, всю жизнь Томми упрекал его за это, и поделом. Сегодня выбор за тобой, двигай куда хочешь, осваивай пространство во всех трех его измерениях, и это движение манит, обещая благие перемены. Впервые в жизни Чарли перемены кажутся не разрушительными, а животворными.

Эта поездка похожа на сон, совсем как в тот раз, когда они приезжали сюда подыскивать себе дом. Чарли сразу понравилась эта застройка,

коттеджи все новые, но сельские архитектурные традиции бережно сохранены. Поселок сельского типа, да, пожалуй, но тут нет ощущения глуши, пугающей оторванности от мира, как в старых деревнях. При этом машинам на дорогах не тесно, дышать можно полной грудью, не боясь закашляться. Между домами солидное пространство. Полное уединение.

Конечно, тут не такой рай, как показано в рекламном ролике. Чарли и Морин слишком долго уже прожили на свете, чтобы уверовать в существование земного рая, слишком много колец нарастили под корой своего древа жизни, чтобы доверять рекламе. И все же это местечко гораздо больше похоже на рай, чем их квартира в Рэмси-Макдоналд-хаус.

В здешних магазинах товаров все больше, отмечает Чарли, и тебе то, и тебе се, когда они росли, ими не снилось такое изобилие и разнообразие. Отныне они будут жить не в муниципальной квартирке, пусть и выкупленной у государства, хотя своя, конечно, гораздо лучше. Но все равно ты там как в клетке, и вокруг такие же клетки квартир. Хватит, отмучились. Теперь они смогут наслаждаться простором и свежим воздухом, а жить будут в своем доме, как и другие здешние

поселенцы. Те, у кого нашлись средства, смелость и смекалка, чтобы встать — и двинуться вперед. Встань — и иди. К этому его всегда призывал Томми, а он все упирался. Ничего, теперь братец увидит — Чарли еще ого-го! И ведь встал, господи ты боже мой, и не просто пошел, а рванул вперед!

За свою квартиру они с Морин выручили уйму денег. Оказывается, Фулем теперь считается престижным районом. Чего только на свете не бывает... дерьмо обернулось золотом. За свои жалкие "апартаменты" они получили чистыми пятнадцать тысяч фунтов. Чарли тупо смотрел на эти волшебные цифры, выведенные на квитке банковского счета, несколько часов ему потребовалось на то, чтобы к ним привыкнуть. Чарли и представить не мог, что при его хилых возможностях вдруг станет обладателем таких деньжищ. Выводя эти пять цифр ручкой, он очень долго на них смотрел; ему казалось, что, если он разгадает секрет их могущества, его ждут великие свершения.

Собственный дом с тремя спальнями обошелся в сорок одну тысячу фунтов. Солидная сумма — действительно очень солидная. Но вся прелесть в том, что эти деньги тут, с тобой, они растворе-

ны в этой извести, ими пропитаны эти красные пористые кирпичи. Что-то вроде урановой руды, в которой заключена невероятной силы атомная энергия. И эту энергию можно извлечь в любой момент, если понадобится.

После очень долгих раздумий они отказались от обычной выплаты, предпочли страховую ипотеку[86]. У Томми точно такой же полис, он клялся и божился, что это абсолютно надежная штука. Их финансовый консультант (Чарли и Морин даже не снилось, что им когда-нибудь понадобятся подобные услуги!) — очень милый и порядочный человек. Сам пришел в их тесную квартирку, пил с ними чай, съел два диетических печенья, даже смахнул потом крошки со стола и собственноручно выбросил в ведро. Он был совершенно беспристрастен, но все же склонялся к варианту с ипотекой, поскольку налицо прямая выгода: к моменту выплаты стоимости дома они сумеют получить значительную сумму. Лишние деньги, в сущности, из воздуха, приз за то, что они готовы поддержать эту чудесную новую игру.

Тут целая сеть дорог, они обозначены буквами

---

[86] Примечания: 86

Вид ипотеки, обеспечением которой служит полис страхования жизни, заемщик платит проценты, а основная сумма погашается за счет страхового полиса в конце срока договора.

и цифрами. Сначала надо проехать по VII, потом по X-5, затерявшейся где-то между X-4 и X-9. Полно удобных объездов и развязок. Они проезжают мимо мирной пагоды: тут община монахов, буддисты.

— Да, — говорит Чарли, — очень духовное место. Сразу чувствуется.

Вокруг много пространства и небо, ничем не загороженное. Сегодня ветрено. Ни одного прохожего. А ведь это город, но тут он не давит, не лезет в глаза.

Следом за ними должен был ехать Роберт, Томми одолжил им грузовик, с работы, чтобы они могли перевезти свои пожитки, — все, что может еще пригодиться. Они разминулись с сыном на Хэнгер-Лейн, но, надо думать, парень как-нибудь и сам доберется.

Морин все эти новшества воспринимает весьма скептически. Ну а Чарли, разорвавший путы своей неистребимой осторожности, в полной мере оценивший тогда блеск свежей краски на двери выкупленной квартиры, открыл в себе страсть к переменам. Смешно плестись в хвосте, тем более теперь, на гребне восьмидесятых. Возможно, он и отсталая личность, но дураком никогда не был.

У Чарли появилась страшная тайна. В послед-

ние выборы он проголосовал за Маргарет Тэтчер, в благодарность за то, что она задала жару посмевшим поднять хвост аргентиносам. Победы в Фолклендской войне оказалось достаточно, чтобы он возлюбил премьер-министра, зауважал окончательно. И опять же — денег в кошельке прибавилось, когда урезали подоходные налоги, и, если честно, Чарли уже тошнило от этих чокнутых левых. Фута убрали, но Киннок тоже хороший болтун, а что самое неприятное, он валлиец, поганый пустозвон! Нет, лейбористы уже не те, что прежде, и нечего за них больше голосовать. В крайнем случае, решил про себя Чарли, никогда не поздно переметнуться.

О его предательстве не знает ни одна душа. Чарли стал членом огромного тайного сообщества: приверженцев лейбористов, голосующих за тори. Томми, открыто расхваливающий миссис Тэтчер, что-то подозревает, но расколоть старшего брата ему никак не удается.

А вот Морин… Чарли видит, что жена его совершенно не понимает и не принимает новых веяний. Сколько нервов ему пришлось потратить, чтобы ее убедить, она категорически не желала переезжать в этот новый район, в "М.К.". Уперлась, и все тут. Совсем как тогда, в восемьде-

сят первом, все уговаривала Чарли не выкупать их муниципальную квартиру, боялась, что они увязнут в долгах. Но Чарли все-таки ее дожал, после Мо, конечно, была потрясена тем, как быстро они сорвали на ней куш, сразу притихла и начала больше прислушиваться к мнению Чарли. Им тогда удалось удвоить свои сбережения, причем без каких-либо усилий. Деньги свалились буквально с потолка. Такой способ получения денег шел вразрез со всеми правилами и вековыми надежными традициями, но главное — результат. Чарли пообещал ей, что это только начало. "Томми, который сроду никогда особо не перетруждался, купил себе пятую модель "BMW", представляешь?" Вот что он тогда сказал ей. Для собственников настали хорошие времена. И они тоже смогут многое себе позволить, и чем дальше — тем больше.

Он уговаривал, а Морин продолжала артачиться, не нужны ей были необжитые райские кущи. Ей не хотелось уезжать от своих подружек из парикмахерской, ей не хотелось бросать вечерние бухгалтерские курсы. Ей было жаль расставаться с Кэрол и с миссис Джексон. У нее появились свои клиенты, которые платили за ее услуги неплохие деньги. И, в отличие от расхрабрившегося Чарли,

она продолжала испытывать панический страх перед долгами, он преследовал ее постоянно. Нет, она не могла все бросить и уехать.

И еще ей мучительно не хотелось уезжать так далеко от Роберта. Правда, Роберт обещал регулярно их навещать, сразу после того, как пройдет предварительную практику на своей таинственной новой работе. Морин намекнула Чарли, что у Роберта скоро появятся для него хорошие новости. Чарли что-то не верилось. Неужто его сын сделал головокружительную карьеру? Видимо, сменил "Теско" на "Сейнзбериз"[87], шило на мыло, с горечью подумал Чарли.

Он продолжал заманивать жену грядущим благополучием. Она могла бы научиться водить машину, тогда они займут деньжат на второй автомобиль. И ей наверняка понравится в новом торговом центре "М.К.". Там она будет покупать не картошку и хлеб, не мочалки для кухни, а настоящие вещи. Вещи, которые покупают ради удовольствия, а не по необходимости. Чарли напирал на то, что у нее появится не просто прекрасный дом, а дом, полный прекрасных вещей. Он горячо молил, он льстил, он беззастенчиво

---

[87] Примечания: 87

"Сейнзбериз" — название фирменных гастрономов и универсамов одноименной компании

подкупал. Морин хотелось и дальше работать и даже повысить свою квалификацию. Ради бога. Чарли тут же сообщил ей, что прямо на территории городка филиал "Открытого университета"[88], там она сможет изучать все, что ей заблагорассудится. В глубине души он считал, что все это пустая трата времени, женский каприз, ну да пусть. Итак, у нее под боком будут шикарные магазины и замечательный университет, и все на лоне природы, где воздух ничуть не хуже, чем в какой-нибудь деревенской глуши.

В конце концов Морин сдалась. Она тоже успела наслушаться разных историй о своих одноклассницах, одна из них раньше работала в "Теско", а теперь и она, и многие другие одноклассницы живут чуть ли не во дворцах. В роскошных квартирах, цена которых продолжает расти, одни кухонные гарнитуры стоят десять тысяч. А у кого-то там знакомая вышла замуж за водопроводчика, и вроде бы этот водопроводчик уже разъезжает на "мерседесе". Судя по слухам, из этого безумия действительно может получиться что-то стоящее. Чарли прямо-таки крушил ее

---

[88] Примечания: 88

Университет для всех, туда принимают без вступительных экзаменов, форма обучения — заочная, проводятся и практические занятия в районных центрах

осторожность, взламывал, как отмычкой, своей настойчивостью, сам он эту неизбывную осторожность просто выдохнул, до конца, когда ему сперло дыхание от зависти к брату. Зависть. В ней таится сокрушительная энергия; если бы можно было собрать в одну емкость всю зависть, хватило бы на то, чтобы залить светом всю страну. Сейчас в тысячах домов, в сотнях городов творится одно и то же. Новым жителям предлагают деньги за просто так. От тебя требуются только храбрость и сообразительность, чтобы эти деньги не упустить. А дальше — только вперед, остановиться невозможно, иначе благополучие соседей будет постоянно портить тебе нервы.

Они объехали очередную "карусель" развязки, сколько же их тут... Первый поворот, второй, третий направо. Чарли вдруг затормозил и остановил машину. Он что-то рассматривает, но Морин не видно, что именно.

— В чем дело, Чарли?

— Хочу посмотреть на коров.

Он вылезает из машины и останавливается у ограды, глядя на знаменитую скульптуру. Чарли разочарован. Коров всего шесть, они гораздо меньше, чем он себе представлял, и сделаны довольно грубо. Черно-белые фризские, молочная

порода. Три теленка, один из которых широко расставил ножки, как будто ему на спину навалили невидимую ношу. Его бетонная мамаша тупо смотрит на свое измученное чадо. Двое пялятся просто в никуда, двое уткнулись мордами в хилую траву.

— Довольно топорные, правда? — говорит Чарли.

— Не знаю, — равнодушно отзывается Морин.

Они все стоят и смотрят, хотя смотреть там особо не на что, но ведь надо как-то оправдать свою остановку. Им тоскливо, им холодно от резкого ветра. Через пару минут они разворачиваются и бредут назад, к машине. До дома теперь уже совсем недалеко.

Еще одна аллея, еще один круг развязки, поменьше тех, что попадались раньше. Чарли сворачивает вправо, на широкий бульвар, обсаженный тисами. Он разглядывает их почти с благоговением, как будто никогда в жизни не видел тисов.

На улице всего двенадцать коттеджей, промежутки между ними непривычно большие. Домик Морин и Чарли — крайний. Они останавливаются на улице, хотя у дома есть парковка. Но они еще не воспринимают ее как свою и не решаются

на подобную бесцеремонность. Этому дому всего десять лет. Неподалеку, на той же улице, играют дети. У одного парнишки в руках воздушный шарик. Чарли не без досады отмечает, что он синий, а не красный, как в любимом его рекламном ролике. За три дома от их собственного какой-то долговязый мужчина, примерно ровесник Чарли, орудуя мастерком, сооружает альпийскую каменную горку. Когда они проезжали мимо, он поднял голову, но посмотрел на них без всякого интереса.

— Видишь, — говорит Чарли, — какие заядлые здесь садоводы. Представляешь, у нас теперь есть собственный сад. Можем посадить розы.

Оглядевшись еще раз, Морин и Чарли молча вылезают из машины. Они стоят и снова смотрят. Чарли достает из кармана пачку сигарет, закуривает. Затягивается и выпускает дым, стараясь выдохнуть его до конца. Снова затягивается, вдыхая заодно и этот воздух, наполненный чуть доносящимися издалека искусственными фабричными запахами, листвой тысяч деревьев, гнильцой, легким дымком, снова выдыхает. И все эти ароматы смешиваются с осенней сыростью и бронзовой патиной увядания.

Они медленно бредут по новенькой цементной

дорожке к парадной двери, светло-свинцовой, отделанной темными деревянными панелями, лакированными. Когда они приезжали в первый раз, снаружи над ней был фонарь, но его сняли, на каменной стене теперь зияет уродливая дырка.

Они все никак не могут добрести. Им самим непонятно, почему они так медленно тащатся по этому аккуратному садику. Заветная дверь, неодолимо их притягивавшая, вдруг почти утратила силу притяжения, ей никак не удается заманить их внутрь, в их новое жилище, слишком откровенно напоминающее, что здесь им предстоит провести вторую половину своей жизни, здесь ее завершить. Их шаги делаются все более медленными и робкими, будто какая-то часть их натуры отторгает то, что казалось столь желанным… Чарли внезапно чувствует тревогу, сам не зная почему. Разве может этот новенький, ярко освещенный, геометрически четкий мирок таить какие-то подвохи?

Звуки. Знакомые, но одновременно совсем другие — из-за нового антуража. Далекое жужжание газонокосилки. Пение незнакомых птиц, сердитый лай дворняжек. Чуть слышный шум поездов и далеких, поднимающихся все выше самолетов. Современность и старина, город и деревня — все

слилось воедино, как будто бы абсолютно непроизвольно, случайно. Но на самом деле здесь нет почти ничего случайного. Природу приручили и укротили, это хорошо заметно. Поэтому они и выбрали это место. Морин как раз очень понравилась эта упорядоченность, четкость планировки. Во всем. Ей нравятся эти пронумерованные и помеченные буквами ровные прямые дороги, их пустынность. Она чувствует, что здесь могла бы довольно быстро научиться водить машину.

Солнце почти не греет, но светит все еще ярко и почему-то очень резко.

— Ну все, пришли, — говорит Чарли.

— Да. Пришли.

Вот она, входная дверь. Они замечают, что медного почтового ящика тоже нет, его тоже выдрали, как тот фонарь. Оставшаяся на его месте выбоина безобразна. Чарли нащупывает в кармане ключи, которые кажутся очень легкими, практически неощутимыми. Словно им неведомо, насколько они на самом деле важны, насколько весомы. Чарли достает связку и вставляет в прорезь автоматического замка плоский ключик. Замок открывается очень легко. Морин хочет войти внутрь.

— Погоди.

Чарли обхватывает ее за талию и рывком поднимает. У него все еще сильные руки, у Морин захватывает дух.

— Держись, детка. Рок Хадсон с тобой.

Он переносит ее через порог. Морин хохочет. Чарли опасается за свою спину. Как только они оказываются внутри, он резко ее опускает. Морин спотыкается, а он едва не падает, но в последний момент все-таки удерживается на ногах.

Морин осматривается. Тут темнее, чем она ожидала, видимо, солнце уже садится. Окошки маленькие, чтобы лучше сохранялось тепло. Но когда глаза привыкают к мраку, зрачки Морин резко расширяются, смех застревает в горле.

— Господи ты боже мои, — вырывается у Чарли.

Они знали, что в доме нет мебели, но что их ждет такое… Сорваны все выключатели, и ручки на окнах, и дверные ручки. Нет ни одного плинтуса, выдраны электрические розетки. Кое-где дверей нет вообще, и даже дверных косяков. Морин и Чарли в шоке, это же вандализм, жуть…

С того места, где они стоят, видно, что на кухне нет раковины. Через минуту выясняется, что в ванной комнате нет ванны. Полы щербатые — сорвана часть досок.

Прибыв в свой новый мир, супруги Бак столкнулись с проявлением психопатической жадности.

— Хорошо хоть штукатурку не сбили и не выковыряли раствор между кирпичей, — пытается пошутить Чарли, глядя на Морин, но она старательно отводит глаза.

— То есть сволочи, конечно, настоящие суки. Я хотел сказать, господи ты боже мой.

Под окнами он видит обрезанные трубы, батарей, разумеется, нет. Он вымученно смеется и зажигает очередную сигарету, не сразу, так как зажигалка дрожит в его руке. Потом пальцами прочесывает густую шевелюру. Глаза Морин полны отчаяния. Она прижимает языком свежую язвочку на внутренней стороне щеки. Чарли пытается что-то говорить.

— Бывают на свете чудики, да? Но и у них есть свои права. Да, с этим придется повозиться. Ничего, не бери в голову. Если мы…

— Они забрали… — перебивает его Морин совершенно безжизненным голосом, — они срезали телефонную розетку.

Чарли прослеживает направление ее взгляда и видит дыру чуть повыше сорванного карниза.

— Вот психи, — бормочет Чарли.

Морин не может отвести глаз от того места, где

раньше была телефонная розетка. Эта доведенная до абсурда мелочность настолько ее поразила, что она больше не может сдерживаться. Из уголков глаз скатываются две слезинки. Чарли хочет что-то сказать. Потом подходит и обнимает жену за плечи, чтобы она не разревелась. Остановить этот водопад.

— Не расстраивайся, Морин. Честное слово, не стоит. Через неделю все будет в порядке. Я сам этим займусь.

Морин его не слушает. С улицы доносится веселый рев сигнального гудка. Это приехал Роберт. Он входит в парадную дверь, в руке букет из десяти хризантем.

— Это для меня? — дурашливо спрашивает Чарли, все еще пытаясь облегчить кошмарную тяжесть этой минуты.

— Каждому по пять штук, — говорит Роберт. — О, господи, что тут такое стряслось?

--

На то, чтобы вернуть дому нормальный вид и сделать его пригодным для жизни, действительно уходит неделя. Томми, как всегда заваленный работой (по крайней мере, он так говорит), прикатил на несколько дней из Лондона, помочь им. Ухо Томми заклеено розовым лейкопластырем,

его едва не откусил один дюжий ирландец в процессе бурного обсуждения политики в Ольстере, дискуссия происходила в пивной. Сегодня Томми и Чарли все утро усердно трудятся. Морин с сумкой в руках, кивнув им, направляется к двери. Чарли дожевывает булку с ветчиной и помидором. Вокруг его рта несколько крошек. Морин останавливается и машинально их стирает. Сутра пораньше зарядил дождь. На каминной полке красуется огромная открытка с псом Снупи из комиксов Роберта Шульца. На голове у этого непоседы пилотский шлемофон времен Первой мировой войны, он, лихо под-боченясь, опирается на свою будку. Под рисунком надпись: "Летайте выше собственной крыши". А под нею — подписи всех сотрудниц салона-парикмахерской "Чародейка".

Раздается пронзительный звонок, Чарли не может понять откуда. Томми подскакивает к своему ящику с инструментами и достает оттуда плоскую прямоугольную коробочку из пластмассы. Проворно выудив из кармана носовой платок, Томми зажимает нос и болезненным, но очень вежливым голосом, говорит в эту коробочку:

— Алло. "Ремонтная компания "Чигвел дистрикт". Здравствуйте, мистер Дженкинз! Очень

сожалею, что подвел вас, не уложился в срок. Простыл, знаете ли. Разве вам моя секретарша не сказала? Она должна была вам позвонить. Ну-ну, придется мне с Самантой провести серьезную беседу. Это никуда не годится. Да… спасибо, мне уже лучше. Столько заказов, не продохнуть, все кинулись обустраивать свои мансарды. Давайте договоримся на следующий понедельник. Нет. Лучше через пару недель. Да-да. Я знаю, что обещал. Но… боюсь, все ваши деньги ушли на закупку материалов… да. Вот так. Не понимаю, чем заслужил такое отношение, мистер Дженкинз. А вот ругаться вообще ни к чему! Конечно. Обязательно буду. Да. Непременно. Да. Всего хорошего. До свидания.

Томми дает отбой и, обернувшись, видит ошарашенное лицо Чарли.

— Я как-нибудь обойдусь без твоих гребаных проповедей, понятно? У меня есть неоплаченные векселя, а у некоторых лопухов есть деньги, чтобы их оплатить. Как тебе эта штучка?

Сотовые телефоны Чарли видел только в американских сериалах. Он предпочитает не комментировать специфику деловых операций Томми и дорогие электронные игрушки, которые его брат имеет возможность покупать благодаря

своим специфическим качествам. Но Томми, разумеется, не может упустить шанса побахвалиться. Он протягивает телефон Чарли.

— Купи себе такой же. Клевая штучка.

— Вот именно что штучка, забавная игрушка.

— Брось! Про телевидение болтали то же самое. За этими игрушками будущее. Точно тебе говорю, братан. И долгоиграющие пластинки хаяли. Их ты тоже не признавал. И квадрофонические системы для проигрывателя тоже хаяли. Помнишь, как ты плевался и ругался? А потом и сам как миленький купил себе этот свой хренов "Бетамакс", с четырьмя колонками.

— Это совсем другое.

— Да брось, говорю! Сдавайся, сделал я тебя одной левой, как "китаец".

— Ничего, я тебе тоже навешу боковой, сделаю тебе яйца всмятку, с рисом, разумеется.

Томми, довольный победой и тем, что продемонстрировал брату свое финансовое благополучие, прячет "клевую штучку" в ящик с инструментами. Морин, не обращая внимания на их перепалку, идет к двери.

— Я ушла.

Чарли машет ей рукой, останавливая. Сейчас он поквитается с Томми.

— Погоди, детка. У меня для тебя сюрприз.

Чарли лезет в карман, Морин искоса за ним наблюдает. Он достает конвертик и сует его Морин в руку.

— Что там?

— А ты посмотри.

Морин заглядывает внутрь конвертика и видит там пластиковую карточку.

— Прислали сегодня утром. Возьми ее с собой. Может, тебе в магазине что-нибудь приглянется.

— Я никогда не пользовалась карточками.

— Ничего, это же не космический корабль, как-нибудь справишься, — говорит Томми.

— Вместо денег даешь продавцу карту, только и всего. Только не забудь на ней расписаться.

Морин кладет карточку на сервант и вытаскивает шариковую ручку.

— Тут совсем мало места, моя подпись не поместится.

— Еще как поместится, не бойся.

Ручка плохо пишет, и первая буква получается почти незаметной. Томми протягивает ей свою ручку. На этот раз все линии четкие и твердые, и Морин точно уложилась в размеры тоненькой полоски. Она подносит карточку ближе к свету и любуется изящными буковками.

— Ну, братан, теперь держись. — Томми ухмыляется. — Теперь тебе этой карточки не видать как своих ушей. Шикарный способ вымогательства.

— Морин у меня не такая.

— Ладно-ладно. Это все равно что добровольно дать какой-нибудь соплюшке пакетик героина. Ты бы посмотрел на Лоррейн.

— Не стоит, Чарли, — говорит Морин. — Это совсем не обязательно.

— Прекрати, Морин. Надо ее опробовать. Хватит на себе экономить. Купи симпатичное платье или что-нибудь еще, сама на месте разберешься.

— Ну, я не знаю…

— Надеюсь, тебе хватит деньжат, чтобы потом оплатить эту пробу. — Томми тычет брата кулаком в бок.

Морин убирает карточку в сумку и, помахав им рукой, исчезает за дверью.

Томми смотрит, как она направляется к автобусной остановке.

— Ну что? По пинте пивка? — тут же предлагает он. — Чертовски першит в горле.

— Я завязал, — говорит Чарли.

— Ты меня лучше не заводи, — говорит Томми, — Ты же без выпивки никуда, как младенец

без мамкиного молока.

— Мало ли что было. А теперь — все. Понимаешь, я всегда перебираю.

— А если не перебрать, то на хуй вообще пить? Что, Морин заставила? Совсем достала?

— Морин тут ни при чем, я сам решил.

— Думаешь? У баб есть свои методы убеждения.

— Что да то да.

— Как зажмут в тисках твой болт…

— Сучки.

Оба весело гогочут. Чарли не все сказал. Морин выставила ультиматум: она переедет в новый дом, но он прекратит выпивать. Раз она идет на такие жертвы, пусть он тоже хоть чем-то пожертвует. Ультиматум, конечно, драконовский, но в предвкушении новой жизни Чарли готов был пообещать что угодно.

Чарли заметил, что у Томми в последнее время очень веселое настроение. Еще бы ему не веселиться! Они с Лоррейн из Тейдон-Бойс перебрались в Чигвел. В дом с зимним садом и с гаражом на две машины. Вечно он на несколько метров впереди. Лоррейн ждет ребенка. И заявила, что теперь им в старом доме будет тесно.

— Лоррейн совсем меня допекла, — жалуется

Томми, прилаживая к стене второй кусок нежно-желтых виниловых обоев.

— Мне можешь не рассказывать, — отзывается Чарли. Он развешивает полки в нише. Рядом на полу стоят наготове безделушки, всякое керамическое зверье. — Пока не родит, все ей будет не так.

— Убей не пойму, чего ей еще не хватает? — Томми поднимает брови. — Только что выложил десять кусков на новую кухню. С кучей прибамбасов. А теперь получается одна херня, ей, понимаешь ли, нужно было другое. Ковры, всего полгода как купили. Не те. Видите ли, рисунок не гармонирует с новыми шторами. Теперь все ковры вышвырнет на помойку.

— По-моему, дешевле было бы купить другие шторы.

— Ненамного. Шторы у нас не простые, а спецзаказ, рюшечки-складочки.

— Да-а. Красиво.

— И ведь теперь не отцепится, пока не доконает. Фанатичка. Аятолла.

— Гормоны, — уточняет Чарли. — Это все гормоны.

Чарли сам толком не знает, что это такое, но уверен, что все фокусы Морин — из-за гормональ-

ных проблем.

— А с Морин-то что творится?

— Думаю, климакс на подходе, вот и хандрит. Возраст!

— Ну, тут есть и свои плюсы, согласись. Никаких ежемесячных истерик накануне красных дней календаря. И этих гребаных течек тоже больше не будет.

Томми окунает кисть в краску. Стены ровные, штукатурка держится крепко. Он хочет загладить свои грехи. Чарли все никак не забудет той кошмарной истории с потолком. На этот раз Томми работает бесплатно. Чарли вдруг опускает руку с отверткой и смотрит на брата. Странная штука жизнь. Несмотря на то, что они такие разные, несмотря на все подспудные обиды, Томми единственный человек, с которым он может поговорить по душам. Чарли иногда смотрит всякую американскую муру, за компанию с Морин, поразительно, до чего эти американцы откровенны, всё готовы выложить кому угодно. Никаких секретов и тайных мыслей.

— Ей сейчас все видится в черном цвете. Вот какая штука. Не нравится ей наш новенький домик. Ну неохота ей все начинать с нуля. А мне приходится мотаться на поезде в этот дерьмовый

Лондон, в грязь и вонищу. Целый день вкалываю в наборном цеху, но зато потом я возвращаюсь в свой дом, и этим все сказано. Тут деревья, тут покой и простор. А Морин как сядет перед телевизором, как уставится в очередной мыльный сериал… У нее нету…

— Стимула. Чтобы встал утром — и вперед, — перебивает его Томми.

— Точно, Томми. В самое яблочко. На прошлой неделе возвращаюсь, а дома даже пожрать нечего. Пришлось заказывать по телефону пиццу. Говорит, что ей тут нечего делать. Да тут полно дел, только поворачивайся, тут тьма разных возможностей. Хочешь вечерние курсы? Только скажи. Никаких проблем. Тут все можно при желании организовать.

— Понимаешь, Чарли, у нее нет водительских прав. А это как раз ограничивает возможности.

— Я говорил ей, учись. Но она все чего-то боится.

— А как у вас тут с автобусами?

— Нормально, скоро еще пустят.

— А сейчас?

— А сейчас и правда ходят редко.

— Ну а что за соседи?

— А черт их знает… Я никогда никого не вижу.

— Кто-то у вас тут дает уроки вождения.

Чарли хлопает глазами:

— А ты откуда знаешь?

— Я видел машину. Такие бывают в автошколах… с нашлепкой на крыше.

— И где же ты ее высмотрел?

— Совсем неподалеку от вас. Она и сейчас там стоит.

— А ну покажи где.

Они выходят на улицу, и Томми тычет рукой в сторону того дом, где Чарли с Морин видели долговязого типа, сооружавшего в своем садике альпийскую горку. Тот смотрел еще, как они подъезжают. Но никакой машины не видно.

— Она стоит у торца, — поясняет Томми.

Машина действительно припаркована на подъездной аллейке сбоку. Поэтому Чарли ни разу ее не видел. И да, действительно, на крыше нашлепка с надписью "Автошкола Джорниз".

Чарли замечает лицо в окошке. Точно, тот самый. И лицо как тогда — равнодушно-бесстрастное. Лысоватый, бледный, рот маленький, но губы пухлые. Он смотрит на Чарли и Томми как на пустое место. Чарли улыбается и поднимает руку, здороваясь, но у этого деятеля в окне — по-прежнему каменная физиономия. Он спеш-

но опускает штору, как будто они застукали его на чем-то неприличном.

— Я смотрю, они тут затворники, — комментирует Томми.

— Это как раз неплохо, — говорит Чарли. — Поэтому мне тут и нравится, — никто не лезет в твою жизнь. И поэтому тоже.

Немного поразмыслив, Томми и Чарли все-таки направляются по дорожке к парадной двери. Звонка нет, поэтому они колотят по почтовому ящику, ящик дребезжит. Колотят долго, но никакого ответа. Они решают, что все, хватит, но вдруг слышат, как с той стороны обшаривают дверь. Она со скрипом открывается, в щели видны целых две цепочки и за ними — небольшой фрагмент физиономии хозяина. И опять — ни ответа, ни привета.

— И что же? — спрашивает Чарли.

Теперь ему видны глаза, взгляд их весьма настороженный.

Наконец этот тип соизволил заговорить:

— Я ничего не стану покупать.

Говорит тихо, спокойно, выговор — коренного лондонца. Но есть в его речи легкая изнеженность и некая отстраненность.

— А я ничего и не продаю, — говорит Чарли.

— Я не верю в бога, — упорствует голос.

Томми и Чарли сражены наповал столь возвышенным откровением.

— Неужели мы так похожи на этих святош из "Свидетелей Иеговы"?

И на том, и на другом заляпанные краской рабочие куртки. А у Томми в руках чашка с чаем.

— Тогда что вам нужно?

— Нам нужны уроки вождения, — говорит Чарли.

— А-а… — следует недолгая пауза. — Наш офис в торговом центре.

И тут наконец подает голос Томми:

— Это Чарли. Сосед ваш. Он живет через три дома от вас.

— Что-что?

— Я здесь живу, — говорит Чарли, — на этой же улице, совсем недалеко.

Проходит еще несколько секунд. Обе цепочки сняты. Дверь отворяется. Теперь можно разглядеть всю физиономию этого чудака. Он моложе, чем Чарли показалось в первый раз, но одежка у него еще старомоднее, чем у Чарли. Брюки с отстроченными складками, акриловый свитер, под свитером рубашка с распашным воротничком. Высокий и совсем еще не обрюзгший, в отличной

форме, — для своего возраста.

— Я уже видел вас на улице, — говорит он. — Прошу прощения. Просто ко мне несколько раз вламывались.

— Осторожность никогда не повредит, — светски соглашается Томми. — Жулья вокруг полно.

Хозяин дома опять молчит, словно пытается решить какую-то непростую дилемму. И наконец протягивает руку.

— Питер Хорн.

— Чарли Бак. А это мой брат, Томми.

Пожатие его почти неощутимо, эту вялую руку боязно стиснуть, пожать как следует. Когда в нее железной хваткой вцепляется Томми, Хорн даже чуть приседает. Томми любит так проверять новых знакомых "на прочность".

— Хотите чайку?

Они идут следом за Хорном по узкому коридору в гостиную. Планировка точно такая же, как у Морин и Чарли. Порядок в доме идеальный, ни единой брошенной кое-как вещи.

Хорн удаляется на кухню, оттуда доносится шуршание полотенца и постукивание посуды. Чарли и Томми сидят за прямоугольным сосновым столиком, посредине — букет из бумажных цветов. Фактически это единственное украшение.

Вся мебель, все предметы сугубо функциональны. Из-за этого в комнате пустовато, и чувствуется во всем этом легкий налет грусти.

Вся атмосфера комнаты, ее суровая опрятность вызывает желание говорить вполголоса, как будто более громкие звуки могут нарушить этот порядок, взметнуть вверх невидимую пыль. Над сервантом три фото в рамочках — детские лица. Фотографии жены нигде не видно.

На стене висит застекленный шкафчик с четырьмя охотничьими ружьями.

Возвращается Хорн, в правой руке у него две кружки с чаем, в левой тарелка с печеньем. Чарли кивает в сторону шкафчика:

— С вами лучше не связываться, а?

— Это муляжи.

— Я так и понял.

— Но настоящие у меня тоже есть. И лицензии, все как положено. Я член стрелкового клуба. Есть где убить время, и чем.

Чарли и Томми дружно кивают. Хорн вдруг опасливо озирается, будто хочет убедиться, что их никто не подслушивает.

— Хотите взглянуть?

Хорн встает, нащупывая в кармане ключи. Чарли с Томми переглядываются. Потом, как по

команде, поднимаются и устремляются следом за Хорном в глубь дома. Он оглядывается, на ходу посвящая их в правила хранения оружия.

— Хранить их полагается в особом шкафчике. Два замка, обязательно, и чтобы разные ключи. Внутри специальная секция для патронов, тоже запирается, это уже третий ключ. Плюс четыре наружных запора. Видите? Вот тут я их и держу. Моих защитничков!

Он, наклонившись, открывает шкафчик. Лицо у Хорна становится мечтательным, будто он видит что-то сказочное.

— Это замечательный спорт, стрельба. Ничего общего со всяким мордобоем и разбоем. Тишина. Тишина перед тем, как ты выстрелишь, вот что завораживает. Только ты, твое ружье, мишень с разметкой очков, и полное спокойствие и в тебе, и вокруг тебя.

Он вытаскивает один из пистолетов и внимательно его рассматривает.

— А потом: БА-БАХ!

Он хохочет. Чарли замечает в глазах Томми такой азарт, какого не видел у него еще никогда.

— Понимаете, это своего рода медитация. Переход от тишины к грохоту в восемьдесят децибел. От неподвижности к содроганию всего тела при

отдаче от выстрела, а это весьма ощутимая штука, да. От безмятежного спокойствия к разрушению. Целая гамма контрастов.

— А это не опасно? — спрашивает Чарли.

— Не оружие опасно, — говорит Хорн, убирая револьвер в шкаф, — а люди. Вот пистолет "Бернаделли", двадцать второй калибр. Колоссальная убойная сила. А вот "Забала", дробовик. Один из самых моих любимых. Его вообще многие ценят. Не такой уж и страшный, каким кажется, но для психологического давления самое то. "Калашников", калибр семь и шестьдесят две сотых, полуавтомат. Отличная штука. А вот классический пистолет "Беретта", девять миллиметров. Тоже очень неплохое оружие. Не пистолет, а сказка.

— А можно мне…

Томми протягивает руку к футляру с пистолетом, но Хорн спешно его захлопывает.

— Простите. Не имею права. У нас очень строгие правила. Хотите еще печенья?

Томми обиженно кивает. Они возвращаются в гостиную.

— У вас сегодня выходной? — любезно интересуется Чарли, хватая имбирное печенье.

— Нет, вечерняя смена, — говорит Хорн, по-

смотрев на часы.

— Мы вас не задерживаем? — тревожится Чарли.

— У меня есть еще двадцать минут. Как вам тут у нас? Вам и вашей жене? Понемногу обживаетесь?

Они снова усаживаются за стол, и только сейчас Хорн наконец позволяет себе расслабиться. Он широко улыбается, не столько гостеприимно, сколько облегченно. Рад, что сегодняшние визитеры оказались не грабителями.

— Ничего, если я закурю? — спрашивает Чарли.

— Я астматик.

— Понял. Извините. Да, тут очень приятно. Единственное, о чем жалею, что мы не переехали лет на пять раньше.

— Подальше от Дыма[89]?

— Ну да. От Фулемского шоссе.

— Не может быть! И далеко от вас Манстер-роуд?

— Примерно в полумиле.

— Я же там вырос, — говорит Хорн.

— Так, значит, мы с вами братья-беженцы,

---

[89] Примечания: 89
Дым — одно из популярных прозвищ Лондона.

можно сказать, из одного района.

Обоим сразу кажется, что знакомы они давным-давно, хотя Питер Хорн уехал из Фулема тридцать лет назад, в ту пору ему было пятнадцать. Но он до сих пор хорошо помнит все магазины, все переулки и тупички, все местные достопримечательности, упомянутые Чарли. У его отца на рынке в Норт-Энд-роуд был ларек с разными пустячками и украшениями. Хорн припоминает, как он разговаривал с продавцами, на их секретном жаргоне, выговаривая слова задом наперед.

— Он у меня был настоящий кокни, чистой воды, — гордо сообщает Хорн, сам он говорит гладенько, ни малейшего намека на шик и лихость лондонского просторечья.

Они наперебой начинают поносить Лондон и радоваться тому, что уехали. Не город, а сплошное наказание. Слишком большой, слишком грязный, слишком дорогой, слишком много народу… Томми не удается вставить хотя бы словечко.

Питер разведен. Жена ушла от него пять лет назад. Детей не видел с восемьдесят второго года, сейчас живет один. Жена у него в Мелтон-Маубрей. У него есть несколько приятельниц, но ничего серьезного, о чем стоило бы говорить.

— Хочешь завести еще одну? — напрямик спра-

шивает Чарли, окончательно поверивший этому человеку — из-за его произношения, из-за его искреннего радушия — он настойчиво уговаривал их выпить еще чаю.

— Смотря какую, — говорит Хорн с легкой игривостью.

— Нет, я не в этом смысле, — добродушно улыбается Чарли, нисколько не обидевшись. — Я имею в виду свою жену Морин. Ей нужно научиться водить машину.

— Я не даю частных уроков, — говорит Хорн. — Пусть придет в офис, ее запишут.

— Ну а если наличными? Окажи услугу, а? Как сосед соседу… — уговаривает Чарли. — Не думаю, что ваше начальство будет так уж лютовать.

— Оно может.

— Чую, что они у вас там придиры, ни одну блоху не пропустят, — вздыхает Чарли.

— Думаю, они не смогут этих блох найти, — говорит Хорн.

— И почем нынче колеса? — лукаво спрашивает Чарли, совсем, впрочем, не уверенный в том, что его шутку поймут и поддержат.

— Ловцы блох за все оптом сдерут семь. Ну а я даже в розницу согласен по одному за штуку. Как сосед соседу.

Оба хохочут, весьма довольные друг другом.

— Значит, решено. Четыре фунта за урок, — говорит Чарли.

— Продано, — говорит Хорн.

— Скажу Морин, чтобы приготовилась, что ты к нам заглянешь.

--

Морин в торговом центре. Битых полчаса она прождала автобус, если бы не дождь, сразу бы пошла пешком. От них до городского центра всего двадцать минут ходьбы.

Теперь дождь льет снаружи. В Фулеме она бродила бы сейчас среди лавчонок на их рынке в Норт-Энд-роуд, вся скукожившись под дождем и ветром. А здесь тепло и светло. И впервые в жизни в ее сумочке лежит кредитная карточка. Еще бы, конечно, не мешало знать, как ею пользуются…

Люди вокруг перемещаются очень резво. Тут просторно, что и говорить, не то что в фулемской толчее. Тут не нужно пробираться по самой кромке тротуара, потому что всю середину заняли торговцы. И не страшно, что тебя сшибет машина, несущаяся по фулемскому "Бродвею". Но там она то и дело натыкалась на знакомых, кому-то кивала, кому-то улыбалась, с кем-то шутила. Так, между прочим. Однако сейчас Морин чувствует:

ей страшно не хватает того, что кто-то ее замечает, выделяет из толпы. Миссис Пейтел, киоскерша в газетном киоске, всегда ей улыбалась, и они иногда болтали. И конечно же у нее были Мари-Роз и Фрэнк в овощной лавке. И Долли в аптеке. Они перебрасывались парой слов, только и всего, но она знала, как их зовут, а они знали, кто она. И это было важно.

А здесь она никто, безымянная посетительница. В этой сияющей стеклянной конструкции сразу можно увидеть, что где продают. У Морин мелькает мысль, что это слишком назойливо и грубо, но сердце ее не может остаться ко всему этому равнодушным. Возможно, потому, что она всю жизнь слишком мало думала о себе. Все нынешние женские журналы твердят: главное — это ты сама и твои проблемы. Она не привыкла думать о тех вещах, которые там обсуждаются, и не знала половины терминов, но кое-что все же понимала. Примерно как несложные испанские фразы, когда они с Чарли ездили в Аликанте.

Ничего не осталось, мысленно решает Морин. Роберт уехал. Ее дом далеко, в пятидесяти милях отсюда. Она согласилась на переезд ради Чарли. Ее аккуратные гроссбухи тоже теперь не с ней. В

зеркальной витрине "Аптеки Бута"[90] она видит свое отражение. Все морщины, даже едва заметные, стали резче, и вряд ли их теперь удастся убрать.

Она поднимает голову и смотрит на сверкающие магазинные галереи. "Маркс энд Спенсер", "Джон Льюис", "Смит". Отдельные секции для галстуков, для белья, для носков, все для вашего тела. Покупательский спрос теперь донельзя упорядочен, аккуратно разделен на мелкие желания и потребности, и каждой соответствует конкретный товар.

Она покупает продукты в "Уэйтроуз". Некоторых овощей и фруктов она раньше никогда не видела, и ей страшно эти диковины покупать. Киви, "звездочки" карамболы[91], множество оранжевых тыкв и загадочные канареечного цвета шары. Даже латук кажется ей подозрительным. Особенно ее поражают пакетики с тертым сыром. У нее захватывает дух от подобной заботливости.

---

[90] Примечания: 90

Аптеки, в которых помимо лекарств продается косметика и мелкие товары домашнего обихода.

[91] Примечания: 91

Карамбола — тропический фрукт желтого или оранжевого цвета с кисло-сладкой сочной мякотью. На поперечном срезе имеет форму звезды, поэтому часто используется как украшение для десертов.

Она покупает картошку, морковь, горошек, апельсины и яблоки. Подчинившись внезапному порыву, выбирает четыре маракуйи, надеясь, что Чарли рискнет их попробовать. В глубине души она знает, что он не решится. Полмесяца назад она купила вяленые помидоры, а он заявил, что их сушили не на солнце, а в жарочном шкафу, так и не стал есть.

Мясо расфасовано очень хитро, практически невозможно понять, что это за животное; а на Норт-Энд-роуд в мясном болтаются на крюках целые кроличьи тушки — сразу все ясно. Вся эта целлофановополиэтиленовая вселенная приятно расслабляет. Морин покупает лоток со свиными отбивными и лоток с куриными грудками.

Она позволяет себе немного шикануть: бутылочка соуса "Le Piat d'Or", чатни, пара салатиков от миссис Бриджес[92], Чарли они нравятся, всегда необычные.

Все. С продуктами покончено. Морин расплачивается наличными деньгами и присаживается на скамеечку — перевести дух. Осматривается. Магазинов больше нет, вместо них теперь "центры", "супермаркеты". Кругом "центры". Проходя

---

[92] Примечания: 92

Имеется в виду поваренная книга "Кулинарные рецепты миссис Бриджес", выпущенная в 1975 г

как-то мимо музея, она обнаружила, что это тоже теперь "центр", "Центр культурного наследия". Вот такие перемены. А в результате Морин оказалась на окраине собственной жизни.

Она проверяет, сколько у нее осталось денег. Всего несколько фунтов. И кредитная карточка.

Морин вдруг страшно хочется проверить ее в действии. Как раз напротив ее скамейки только что открылся магазин женской одежды, только что открылся. Яркие плакаты заманивают умопомрачительными скидками, Морин решается. Она поднимается, поудобнее перехватывает полиэтиленовые пакеты с продуктами. Теперь они даже немного полегчали.

Как только Морин входит внутрь, продавщица тут же вскакивает со стула и расплывается в улыбке.

— Хотите, я их возьму?

— Простите? — не понимает Морин.

— Вы позволите взять у вас пакеты? Без них вам будет удобнее.

— Да-да, конечно. Спасибо.

Она покорно протягивает продавщице пакеты, та прячет их под прилавок и снова смотрит на Морин, продолжающую стоять на месте, нервно теребящую кошелек. Теперь при ней одна только

дамская сумочка, ремешок которой перекинут через плечо.

— Вам нужно что-нибудь определенное? — спрашивает продавщица.

Ее улыбка сияет добротой. Такое чувство, что ей необыкновенно важно, чтобы Морин купила действительно стоящую вещь. На Норт-Энд-роуд продавцы тебя в упор не видят, даже сдачу дают, будто тебе одолжение.

— В принципе, нет. — Морин тоже ей улыбается.

Чтобы избежать дальнейших выяснений, Морин направляется к ближайшему ряду с платьями. Цены кусачие, но Чарли велел ей не экономить. Она выбирает три платья шестнадцатого размера и заходит в примерочную кабинку.

Там зеркало во всю стену. Раздевшись, Морин видит свое отражение и почти сразу отводит глаза. Ей тошно видеть эту обвисшую, поблекшую кожу, дряблые мускулы. Все пробежки и комплексы упражнений ничего не дали. И жестокие диеты тоже ничего не дали. Сама она не в состоянии увидеть то, что видят другие, то, что ей упорно твердила Мари-Роз: она выглядит очень моложаво и еще очень интересная женщина.

Она быстро надевает первое платье и понима-

ет, что нет, исключено: в нем она выглядит еще толще. Второе сидит гораздо лучше, но цвет… совсем не ее. Морин тянется за третьим и вдруг на полу под скамеечкой замечает еще одно платье. Кто-то случайно уронил.

Она поднимает его. Голубое, как раз ее любимого оттенка, и размер шестнадцатый. Длина — миди, глубокий круглый вырез, чуть расширенные рукава. Она меряет его. Отлично.

Последнее платье из трех, взятых ею, фиолетового цвета, оно длиннее, более строгого, классического фасона, и ткань более плотная, слегка эластичная. Тоже очень даже неплохо. Она держит в одной руке голубое, в другой фиолетовое и никак не может выбрать. Оба дорогие. Она готова внять призыву Чарли не экономить, но всему же есть границы.

Переодеваясь, Морин смотрит на свою сумочку. И думает, как было бы здорово иметь оба платья.

Внезапно до нее доходит, что это вполне осуществимо… да, все очень даже просто. Сохраняя абсолютное хладнокровие (вот это да!), она делает нечто ужасное. Она туго сворачивает голубое платье и прячет его в сумку, потом захлопывает ее, щелкнув замочком. Прихватив левой, свободной, рукой фиолетовое платье, она с наглым

бесстрашием выходит из кабинки. Улыбчивая продавщица все еще улыбается.

— Вам что-нибудь приглянулось?

Морин протягивает ей платье.

— Вот это. Симпатичное. Я его беру.

— Изумительная модель. Очень сексуальная. У вас какое-то событие? — спрашивает она, забирая у Морин платье.

— В общем, да. Мы только что переехали.

— А оно вам не великовато?

Морин молча выслушивает комплимент и идет за продавщицей к кассе, ощущая плечом, как потяжелела сумка. Женщина подносит бирку фиолетового к считывающему устройству, и на маленьком дисплее высвечиваются прозрачные, как привидение, зеленые цифры. Продавщица аккуратно складывает платье и запихивает его в пакет.

— Сорок фунтов.

И тут Морин вспоминает, что кошелек-то у нее в сумке. А голубое платье лежит поверх кошелька. Продавщица выжидающе смотрит на нее.

— Вы принимаете кредитные карточки? — чуть задохнувшись, спрашивает Морин, втайне надеясь, что продавщица скажет "нет".

— Разумеется.

Морин кивает, и тут ею снова овладевает ледяное спокойствие. Сумка глубокая. Сидящая за кассой продавщица, по идее, не должна ничего увидеть.

Морин небрежно открывает замочек, раздвигает створки. Платье там, внутри, молчаливое свидетельство ее падения, того, что она не устояла перед искушением. Сдвинув голубой сверток в сторону, Морин извлекает кошелек. И даже не закрывает сумку, когда продавщица берету нее карточку и вставляет ее в специальный паз на кассовом аппарате. Морин подписывает чек, и ей возвращают карточку. Продавщица не удосужилась сверить ее подпись с подписью на карточке. То есть карточкой мог бы воспользоваться кто угодно. Морин как ни в чем не бывало прячет карточку в кошелек, кладет его в сумку, захлопывает ее и только после этого забирает пакет с фиолетовым платьем. После чего лучезарно улыбается, даже еще более лучезарно, чем сама продавщица.

— Большое спасибо.

— Спасибо за покупку, мадам.

Чтобы достойно завершить свою авантюру, Морин нарочито медленным шагом выходит на улицу. И только свернув за угол, весело хохочет от

радости, такой полной и острой, какой не испытывала еще никогда. Потрясающее ощущение!

--

Когда она возвращается домой, Томми уже нет. Чарли колдует в саду, он у них огромный, не меньше семидесяти пяти футов. Чарли сооружает железную дорогу. За тощими кустами высится один из альпийских пиков. Рядом с кустом роз и рокарием появляются довольно крупные строения станции и блокпосты. Он купил железную дорогу специально для сада. Крупного размера, последняя немецкая модель. Паровозы с настоящими паровыми котлами работают на электричестве, стилизация под американские модели восьмидесятых годов прошлого века. Он только что водрузил миниатюрный дорожный знак "Одна колея" перед не существующим еще фрагментом пути. Машинист Большой Джо. Вдоль будущего полотна протянулась территория фермы, там конюшня, мешки с удобрениями, маслобойка. Есть кузница и фургон для сена. Чарли рад, что теперь может соорудить более основательную железную дорогу; ее обустройство, как всегда, поглощает его целиком, это занятие действует на него умиротворяюще.

Морин видит его опущенную голову и плечи,

а он, слава богу, ее появления не заметил. Она почти вбегает на крыльцо. Над холлом у них есть чердак. Морин пробирается по лестнице на чердак, крепко сжимая в руках сумочку.

На чердаке довольно темно. Морин, опустившись на четвереньки, ползет в дальний угол, туда, где к стропилам прислонен кусок деревянной плиты, под плитой лежит старая полиэтиленовая сумка с надписью "Асда". Этой сумкой прикрыта широкая дыра. Морин отодвигает плиту, вытаскивает из своей сумочки голубое платье, сует его в "Асду" и запихивает в дыру. Потом водворяет плиту на прежнее место. Проделав все это, Морин, пятясь, спускается вниз.

Боже, она же вся перепачкалась! Посмотрев в окошко, она видит, что Чарли идет к дому. Морин в панике мчится в ванную и быстро стаскивает грязную одежду. Спустя несколько секунд шаги Чарли уже на крыльце. Морин совершенно не представляет, как объяснить, почему она голая разгуливает по дому. Ее взгляд случайно падает на пакет с фиолетовым платьем, законно оплаченным посредством кредитной карточки. Пара секунд — и оно уже на ней. Она смотрится в зеркало: очень идет, она безусловно неотразима. Морин приглаживает волосы, страх и волнение

неожиданно сменяются непривычной уверенностью в себе, восхитительным ощущением собственного могущества.

Входит Чарли, увидев ее, останавливается.

— Сегодня показывают "Даллас"?

— Нет. — Морин пытается придумать сносное объяснение. — Это… это для тебя, Рок.

— Для меня? — Чарли в недоумении.

— Ведь это ты купил мне его. — Морин с кокетливой медлительностью перед ним крутится. Он замечает какую-то дразнящую удаль в ее взгляде и боится поверить собственным глазам. — Ну и что скажешь?

— Что скажу? — Чарли прерывисто вздыхает, ничего не понимая. — Скажу, что мне срочно требуется принять холодный душ, детка.

Он обнимает ее за талию. Она крепче прижимает его ладони, которые продолжают тихонько ласкать, поглаживать… Вдруг он видит на своем запястье серое пятно грязи. Эта грязь в соединении с роскошью нового изумительного платья почему-то страшно его возбуждает.

— А что это ты затеяла? — нежно бормочет он.

Морин слегка вздрагивает, но тут же успокаивается, вспомнив, что Чарли ничего не знает о ее выходке. Потом замечает, что Чарли смотрит на

ее испачканные руки.

— Решила наконец разобраться в шкафах.

Чарли, кивнув, начинает целовать ее в шею. Его ладони медленно спускаются к ее бедрам. И тут раздается звонок в дверь.

— Господи ты боже мой! Пусть, плевать! — бормочет Чарли.

Он вдыхает запах ее кожи, запах пота и пыли. Эти запахи все больше распаляют Чарли, но Морин вдруг вырывается. Щеки ее горят, волосы спутаны.

— Нет, погоди. Вдруг это что-нибудь важное…

Пока Чарли приходит в себя, чтобы ответить, Морин убегает. Чарли слышит ее тяжелый топот. Он абсолютно не представляет, кого там принесло, но все равно — черт бы его подрал! Он поправляет брюки и рубашку, приглаживает волосы. Снизу доносится мужской голос. И тут Чарли вспоминает, кто к ним должен был зайти.

Глянув вниз, он видит в дверном проеме Питера Хорна — с бутылкой вина. Морин загораживает ему путь, вид у нее озадаченный. Услышав шаги Чарли, Морин оборачивается, в ее взгляде мольба о помощи. Но Чарли пока не в состоянии ни о чем думать, он еще не оправился от внезапного прилива желания. Наконец он произносит:

— Не бойся, Морин. Это наш сосед.

Питер тычет бутылкой в сторону Чарли.

— Я говорил. Я пытался ей объяснить. Понимаешь, твоя жена решила, что я псих, врываюсь без спроса в чужой дом.

— Ой, ну что вы, — говорит Морин. — Просто я не ожидала…

— Я сам попросил Питера к нам заскочить. Он хочет сделать тебе предложение.

Чарли подмигивает Питеру. Морин смущается, но не отходит.

— Ради бога, Морин, позволь наконец человеку войти.

Морин делает шаг в сторону, и Питер с улыбкой входит, немного ее задев. Он отдает бутылку Чарли и снова поворачивается к Морин:

— Меня зовут Питер Хорн. Живу на этой же улице.

— Это тот человек с мастерком в руках, помнишь?

— А-а… Садовник, — говорит Морин. — Помню-помню. И какое же у вас ко мне предложение?

— Это сюрприз, — поясняет Чарли.

Они проходят в гостиную, Питер и Чарли садятся за стол, а Морин, взяв бутылку, идет на кухню. Глянув в окошко, Питер замечает в саду

железную дорогу.

— Как оригинально.

— Это ты про мои игрушки?

— Какие же это игрушки? Один мой друг делает такие же. По-моему, это настоящее искусство.

Чарли наклоняется к нему ближе. Он удивлен и тронут. Большинство знакомых воспринимают его увлечение как странную прихоть.

— А это что такое?

Питер показывает на локомотивчик, в одиночестве стоящий на каминной полке. Тот самый, подаренный Робертом на Рождество, четыре года назад.

— Это? Так, ничего особенного. — Сердце Чарли сжимается от боли. Где сейчас его сын? Непонятно. — Вообще-то есть такие фанатики, которые ничего вокруг не видят, кроме своих паровозов и вагончиков. Мы их называем "стрелочниками". А для меня это только приятное хобби.

— А не боишься, что все заржавеет, под дождем-то?

— Нет, эти сделаны специально для улицы.

— Здорово. Я смотрю, это страшно интересная штука.

— Мало кто это понимает. Главная прелесть в том, что это твой собственный мир. В нем ты мо-

жешь устроить все так, как считаешь нужным.

— То, чего не можешь позволить себе в реальной жизни, — говорит Питер.

— Вот-вот. Именно так.

Приходит Морин, на подносе откупоренная бутылка, два бокала и кружка с чаем.

— А разве вы с нами не выпьете, миссис Бак? — спрашивает Питер.

— Я-то как раз выпью, — говорит Морин. — А Чарли теперь пьет только сок.

— Это точно, — уныло подтверждает Чарли. — Я теперь балуюсь исключительно чайком.

— Хотите пирога? Сама пекла.

— С громадным удовольствием. Моя бывшая была способна лишь запихать в духовку замороженный полуфабрикат из "Теско".

— Это ее фирменный пирог с джемом. Тесто как пух, — хвастается Чарли.

— Вы в разводе, да? — спрашивает Морин, направляясь на кухню, через пару секунд она появляется с подносом, накрытым салфеткой.

Питер рассказывает про свою бывшую жену и про их троих детей. Морин пьет мелкими глоточками вино, изображая вежливое внимание. Крой лифа подчеркивает округлость ее грудей. Она замечает, что взгляд гостя вот уже второй

раз задерживается на них, на глубоком декольте. Отпив еще немного вина, она отрезает Питеру и Чарли по куску пирога. И снова вдруг осознает, как она сегодня неотразима. И тут же вспоминает об украденном платье, наслаждаясь своей преступной тайной.

— Питер — инструктор по вождению, — сообщает Чарли. — Он готов давать тебе уроки. Частным образом.

— Да, я уже учитель со стажем, — говорит Питер. — Три года преподаю. Начальство меня ценит.

— А кто у тебя был самым бестолковым учеником? — любопытствует Чарли. — Наверняка какая-нибудь дамочка.

— Как ни странно, это был джентльмен.

— Я сразу так и подумала, — смеясь, говорит Морин, допивая бокал.

— Ухитрился сбить женщину с четырехлетним ребенком. Оба насмерть, — задумчиво продолжает Питер.

— Он сейчас в тюрьме? Или его пронесло? — спрашивает Чарли.

Секундное молчание — и Морин снова разбирает смех, к ней присоединяется Питер и, наконец, Чарли. У Морин смех звонкий и мелодичный,

Чарли невольно подхихикивает, смешки Питера немного хриплые и резкие.

— Конечно, кошмарная история, — смущенно бормочет Морин, одолев приступ хохота.

Чарли подбирает крошки пирога, рассыпанные вокруг его тарелки.

— Ну и как ты на это смотришь, а, Морин? — спрашивает Чарли. — Согласна рискнуть?

— А почему бы и нет, — храбро заявляет Морин. — Риск благородное дело. Надо же когда-то начинать.

10

Год спустя. Морин срочно понадобилась ее шкатулка, таковой ей служит тридцатилетней давности жестяная коробочка из-под печенья. На крышке изображены два потешных и уже несколько облезлых скотч-терьера с огромными клетчатыми бантами на шее, таких псов обычно дарят на Валентинов день. Коробочка спрятана под половицей под кроватью, там она соседствует рядом с большим конвертом, полным разномастных купюр. Морин до сих пор не очень доверяет банкам. Сумма набралась значительная, тысяч десять, не меньше.

Жестянка набита всякими пустячками, памятками о самых ярких эпизодах в ее жизни. Чарли знает про эту коробочку, но редко ее видит и, разумеется, никогда не открывает. Морин не позволяет. Это ее личное, одна из немногих ее тайн, закрытых даже от мужа. Она все больше убеждается в том, что обладание тайной придает уверенности в себе, что между тайной и ощущением силы существует незримая связь.

Морин открывает коробочку. Вот несколько любовных писем, от тех, с кем она крутила романы до Чарли. Гарри Смит, толстый увалень, и в каждом слове по грамматической ошибке. Его все звали Ишаком из-за длинноватых ушей. Она только раз позволила ему себя поцеловать. Джек Томас, сын владельца овощной лавки, все время запускал руки куда не следует, красивый и жутко был обаятельный. Сбежал потом с Генриеттой Грин, они поженились.

Несколько чуть выцветших фотографий папы и мамы, они оба уже умерли. Автобусные билеты — память об их с Чарли походах в кинотеатры "Томон" и "Эссолдо", когда он за ней еще только ухаживал. Свидетельство об окончании колледжа, там ее научили печатать на машинке. А совсем недавно к этому диплому прибавился еще

один, выданный "Открытым университетом", в Милтон-Кейнз, слава богу, есть его филиал, теперь Морин профессиональный бухгалтер. Этот диплом оказался очень полезной бумажкой. Она устроилась бухгалтером в "Школу вождения", в ту самую, где работает Питер, на полставки, а еще подрабатывает на недавно открывшейся керамической фабрике, они выпускают забавные фигурки сельских жителей старой Англии. Одна такая лежит здесь же, в коробочке. Во время перерыва на чай Морин любит смотреть, как эти фигурки делают. Лента конвейера безостановочно переправляет заготовки к печи обжига, потом их охлаждают, а после этого ими занимаются художники, расписывают красками и покрывают лаком. Морин выбрала себе крестьянина в старой шляпе, присевшего на скамейку передохнуть и покурить трубочку. Этого старичка Морин просто украла, это оказалось так легко и так приятно…

Морин продолжает рыться в жестянке, докапываться до того, что ей нужно. Она сдвигает вбок свидетельство о браке, свидетельство о рождении Роберта и билеты на фильм "На юге Тихого океана", два были куплены в день их свадьбы, вторые два — в день двадцать второй ее годовщины. Иногда Морин задумывается о том, что будет

с этой коробочкой, когда она умрет, будут ли эти вещицы дороги кому-то, кроме нее, и что еще прибавится к ним в следующие тридцать или примерно тридцать лет, какие свидетельства ее краткого и загадочно-непонятного пребывания на земле…

То, что она ищет, покоится на самом дне. Черно-белая фотография Рока Хадсона с его автографом. Отец Морин, на удивление часто менявший профессии и места службы, одно время работал швейцаром в гостинице "Дорчестер", в которой однажды — очень недолго — жил ее кумир, было это в начале пятидесятых. Когда он подарил Морин свое фото, она едва не хлопнулась в обморок. Это было сродни прикосновению божества. Это его дивная рука вывела все эти линии и крючочки синими чернилами.

Морин не верит тому, что пишут о нем сейчас в газетах. Все эти их "говорят" и "из достоверных источников" не имеют ничего общего с доказательствами. Нормальные мужчины тоже могут подцепить СПИД, такие уж времена. Ей становится грустно: если уж Рок Хадсон не уберегся, значит, никто не застрахован от этого кошмара.

Всякие россказни начались почти сразу после его смерти. Морин из принципа их не читала и

выключала телевизор, как только кто-то начинал говорить гадости про Рока. Он, между прочим, был женат. И дружил с Роналдом Рейганом. Морин видела его в фильме "Макмиллан и жена", в "Династии", она продолжала любить его, даже когда на его лице появились морщины, все равно он был прекрасен. Ей вспомнилось, как он целовал Дорис Дэй, изображая роковую страсть, как он играл в "Гиганте" и как у нее тогда щекотало под ложечкой от любви.

Все эти разговоры насчет того, что он гомосексуалист, — просто идиотизм. Если он этот, как его… "гей", почему об этом раньше никто не обмолвился? Почему столько лет молчали, хотя он был так популярен? А теперь он мертв, теперь все кому не лень выдумывают про него разные пакости. Завистники, извращенцы, мелкие шавки.

Она вглядывается в автограф, пытаясь уловить хоть намек на женственность в этом почерке. Ничего подобного, твердая, крепкая рука, полная силы… мужской силы. Пошли они все к черту! Спрятав фотографию на прежнее место и закрыв коробочку, Морин решает забыть про эти грязные сплетни. Все только о сексе и болтают. Чарли правильно говорит, весь мир помешался на сексе. Секс со всех сторон, по телевизору, в рекламах,

призывающих купить салфетки для лица и мазь от бородавок. Секс настигает тебя врасплох, как осколки бомб ирландских террористов в лондонском Уэст-Энде, как они, он вездсущ. "Вам достаточно? Вас давно? Или не очень?"

Она вдруг забеспокоилась: может быть, им с Питером все же стоит пользоваться презервативом? Годами она обходилась спиралью, но вдруг при ее новой жизни этого недостаточно? В последнее время месячные стали нерегулярными, цикл сбился. Она панически страшится утратить свое женское естество, и Питер просто спас ее, помог понять, что грядущая утрата не лишит ее женственности, напомнил, что не только материнство делает женщину счастливой. А они оба так одиноки.

Как это случилось? Уже во время четвертого их занятия он сжал рукой ее руку, вцепившуюся в рычаг переключения передач, и она не противилась. А после занятия они отправились не на стоянку автошколы, чтобы оставить там машину, а к нему домой. И он молча и, как ей показалось, со страхом сразу повел ее в спальню.

Происходящее казалось совершенно невероятным и невозможным, но только первые несколько минут. А после они уже воспринимали это как

данность: что произошло, то произошло. Питер совсем не был половым гигантом и особым умом тоже не блистал. Но его тяга к ней, его желание были настолько очевидны и искренни, что для Морин они стали живительным эликсиром. Она чувствовала, как Питер заполняет собой каждую клеточку тела, от макушки до кончиков пальцев, изгоняя пустынную сушь, годами ее терзавшую. Здесь, в стенах его холостяцкой спальни, снова ожили, отозвались давно умолкнувшие струны…

Она возвращается на кухню, где на столике лежат наготове несколько гроссбухов.

В доме постоянный хаос из-за бесконечных строительных работ, последние полгода Чарли занят сооружением задней пристройки, над которой корпит один, без помощников. Это раздражает Морин. Сколько бы она ни убиралась, кругом грязь, и опилки, и древесная пыль, она проникает везде. Морин замечает желтоватый налет на кожаном переплете лежащего сверху гроссбуха.

Чтобы соорудить эту пристройку, Чарли истратил последние их сбережения, — кроме сакрального пакета с деньгами, спрятанного под половицей, у них больше нет ни пенни. Все вбухано в дом. Новый кухонный гарнитур с двойной

полировкой. Морин не понимает, зачем все это нужно, зачем какие-то пристройки, если дом и так слишком для них велик, теперь им придется всю жизнь расплачиваться по горящим кредитам. Но Чарли упорно твердит, что он вкладывает деньги, умножает основной капитал. Как это ни парадоксально, стоимость дома действительно выросла вдвое, в сравнении с той суммой, которую они за него выплатили.

Да, на них вдруг мощным потоком хлынуло благосостояние. Едва Чарли купил акции компании "Бритиш телеком", как они тут же втрое подорожали. Фантастика. Но Морин часто вспоминает их скромную муниципальную квартирку, вспоминает Кэрол, и миссис Джексон, и Мари-Роз, делающую ей очередную новую прическу, которую Чарли наверняка не заметит.

Почти все свое свободное время Чарли пропадает в саду, и в дождь, и в солнце, колдует над пристройкой или гоняет свои поезда, постоянно покупает что-то новое, закупая иногда целые деревни со всей инфраструктурой. Неутомимо обустраивает свой искусственный мирок, тогда как их реальная жизнь его практически не интересует, как будто она вообще его не касается. Результаты своих строительных подвигов он

еженедельно фотографирует, а под фотографиями пишет дату и название, для этих фотографий куплен особый альбом. Под первой черным маркером выведено: "Исторический момент! Начало великой стройки!"

Морин берет идеально круглый флоридский апельсин, режет его на четыре дольки, потом высасывает из каждой сок. Она каждый раз удивляется, что во рту ничего не щиплет и не саднит, вот уже несколько месяцев там нет ни одной язвочки. Тюбик с мазью лежит в ванной нераспечатанный. Зубы Морин перетирают сочную мякоть, добираясь постепенно до шкурки, потом она глотает кисловатую кашицу.

На вкус апельсин так себе. Не лучше остальных овощей и фруктов, продающихся в их гипермаркете. Вид у них соблазнительный: все ровненькие, без единого пятнышка, а попробуешь — сплошное разочарование.

Сегодня у нее экзамен по вождению. Это уже третий заход. Но она и в этот раз его завалит, не потому что бестолковая, а нарочно. Продолжение занятий — идеальный повод для их с Питером свиданий. Они уезжают подальше на лоно природы, иногда останавливаются в ухоженном лесочке и на заднем сиденье просторного "фор-

да-фиесты" предаются любви. Питер вцепляется в ее волосы, она вся извивается, стараясь под него подладиться, уловить ритм толчков. Питер хочет, чтобы она ушла от Чарли. А она не знает, как ей быть. Разумеется, теперь разводом никого не удивишь, но для нее клятва, данная у алтаря, все еще что-то значит, она была верна ей долгие годы — пока они не переехали сюда.

Морин смотрит на часики. Скоро на работу. Фабрика "Наша история" освоила новый ассортимент. Помимо крытых соломой крестьянских лачуг они выпускают теперь сборные домики, напоминающие садовые сараи, только без окошек, оборудованные дешевыми неоновыми лампами. Их свет придает игрушечному интерьеру больничный вид. На фабрике человек пятьдесят персонала, формовщики, глазировщики, мастера обжига, художники, упаковщики. Продукция рассчитана на коллекционеров среднего достатка с непритязательным вкусом, гораздо менее качественный вариант популярной "Улочки лилипутов". Дешевые непрочные поделки, снабженные, однако, "индивидуальными" номерами и расписанные от руки кучкой домохозяек, сидящих в конце конвейера и за гроши "дорабатывающих" статуэтки. У них там ломовые

лошадки, деревенские простаки, деревенские же пабы и, само собой, лачужки под соломенной крышей. Размалевывают они их с поразительной скоростью, поскольку оплата сдельная, за каждую фигурку. Торгуют ими в основном через почтовые заказы, 20–30 фунтов за штуку. Как ни странно, статуэтки пользуются спросом, особенно в новых жилых массивах, таких, как их Милтон-Кейнз.

Морин сидит в застекленном закутке в стороне от производственного цеха, она помощник бухгалтера. Сегодня ее целый день клонит в сон, она праздно шатается по цеху, рассматривая бесконечные ряды "исторических персонажей". Начальница ушла на ланч, а все ее задания Морин давно выполнила, все учла, все подсчитала. Время от времени она поглаживает лежащую в кармане фигурку: три улыбающихся малыша резвятся у деревенского пруда. Весьма сомнительное в смысле художественных достоинств творение, но, как всегда, сам процесс кражи доставляет ей странное удовольствие. Морин решила подарить эту веселую троицу Питеру.

Она никак не может уразуметь, зачем Чарли снова торчит в пикете, скорее бы они там все вернулись в типографию. Все-таки ужасно, когда мужчины не работают. Не потому, что они

больше нуждаются в работе или больше ее заслуживают, просто для того же Чарли, вообще для всей мужской породы работа — самое главное, это их "я". Для Морин же работа лишь малая часть жизни, лишь одна из составляющих. Чарли — другое дело. Забери у него его профессию, и что от него останется? Она видит этот его постоянный страх, даже сейчас, страх, что он проиграет жизненную битву, что его выкинут на все растущую свалку человеческих отбросов, которые, собственно, и фигурируют в статистических бюллетенях по безработице.

Морин наблюдает сквозь стеклянную панель за толпой работающих. Это главным образом женщины с плохой кожей, закамуфлированной дешевой косметикой. Такие же женщины, как она сама. Одни ничего не замечают, кроме своих статуэток, низко склонили над ними бледные, в морщинках, лица, но есть и более бойкие, которые мимоходом успевают и посме-Jяться и пошутить. Морин определенно женщины нравятся больше, чем мужчины. Мужчины сами загнали себя в тесные рамки и сами их не выдержали, в конечном итоге эти путы их искорежили. У них и власть, и деньги, но все равно они напоминают унылых призраков. Даже Питер. Но

Морин уверена, что его она еще сумеет оживить. А Чарли уже безнадежен, слишком сильно в него въелась привычная рутина, вытравив то, что составляло личность.

Морин зевает и поглядывает на часы, заодно фиксируя периферическим зрением то, что происходит там, у конвейера. Все же эта ее работа не сравнится с "Чародейкой" Мари-Роз. Там было гораздо веселее. Но все равно лучше уж торчать здесь, чем слоняться целыми днями по дому и слушать, как Чарли непрерывно что-то пилит и приколачивает в этой дурацкой пристройке. Морин поправляет блузку и смотрится в зеркало. И что хорошего Питер находит в ее лице? Однако же он считает ее красавицей.

--

Морин возвращается в три. Питер ждет ее сегодня у себя дома. Она видит его машину на боковой аллее, значит, он уже на месте. В спальне наверняка стоит свежий букет цветов. Вещи в шкафах, раньше кое-как напиханные, теперь разложены ровными стопками. Все ее стараниями. Женское присутствие становится все более ощутимым в этом унылом и слишком рациональном мужском обиталище. Цветы — в вазах И горшках. Новые занавески. Морин просачивается в жизнь Пите-

ра, как вода, как свежая кровь. У нее в комоде есть собственный ящик, там запасное белье и кое-какие вещи.

Она входит, отперев дверь своим ключом. Питер прилег на диван с журналом "Механика для всех". Увидев ее, он не встает, только ласково улыбается.

— Ты сегодня раньше, чем обычно.

— Автобус сразу подошел. — Она лезет в сумочку. — Я купила тебе подарок.

Одной рукой она протягивает ему троицу у пруда, а другой стаскивает пальто.

— Какие они славные, Мо. Огромное тебе спасибо.

Он ставит статуэтку на каминную полку, затем возвращается на диван и снова берет в руки журнал.

— Приготовь нам чаю, хорошо? Пока ты еще не села.

Морин растерянно моргает. Ее язык привычно обследует рот в поисках язвочки, которую можно покусать от досады, но ничего не находит. Просьба Питера для нее удар, она воспринимает ее чуть ли не как пощечину. А он искоса на нее смотрит, с лукавой улыбочкой. Да, первые три месяца все было иначе: к ее приходу у Питера всегда была

припасена бутылка вина и какие-нибудь симпатичные подарочки. Он изо всех сил старался ей угодить, он осыпал ее комплиментами, он тут же кидался ее обнимать, даже не дав войти в комнату. Но чем больше они друг к другу привыкали, тем менее восторженными и пылкими становились его ухаживания. И все-таки Морин не сомневается в его любви. У нее просто в голове не укладывается, что она решилась бы на подобные отношения с кем-то, кто ее даже не любит. Чаю ему… И с какой небрежностью он принял ее подарок. Это тоже ее бесит. Она чувствует, как улыбка его становится умоляющей, просительной. Он жаждет ответной улыбки, но при этом поудобнее располагается на диване. Морин отвечает почти той же фразой, с внезапной твердостью, которой она раньше за собой не замечала:

— Сам приготовь.

— Что?

— Что слышал. Сам приготовь чай. Я тебе что, Мандинго?

— Ну а кем, по-твоему, Мандинго бывает дома?

— Рабом.

Питер опускает журнал, глаза его полны печали.

Вместо того чтобы огрызнуться в ответ, он вска-

кивает и обнимает ее за талию:

— Прости, Морин. И как это я не додумался?

Она немного растерянна. Она и не подозревала, что не в силах устоять перед этой печальной улыбкой и искренним раскаяньем.

Выпив по бокалу вина, охлажденного в морозилке, они играют в шашки. Теперь их общение не ограничивается постелью, хотя чуть опьяневшая и разомлевшая Морин совсем не прочь подняться сейчас в спальню. Она случайно замечает на подоконнике вазу с поникшими цветами.

— Надо бы поменять воду, Пит.

— Вода им уже не поможет.

— Тогда я их выброшу.

Морин подходит к окну, расположенному в нише, берет в руки вазу и невольно смотрит на улицу.

Взгляд ее вдруг упирается в машину Чарли, приткнувшуюся в тупичке. Морин, вся покраснев, как ужаленная отскакивает от окна.

— Чарли вернулся.

Питер смеется:

— У тебя такое лицо, будто ты только что запустила руки в ящик кассы. Не волнуйся. Ты зашла по-соседски попить со мной чаю. Что тут такого?

— Но почему он вернулся? Наверное, что-то

случилось.

— Не выдумывай. Наверное, снова решили побастовать, мало ли причин… Какой-нибудь журналист прихватил у них карандаш или точилку, по рассеянности.

— Но они уже давно бастуют. Сегодня он должен был весь день простоять в пикете. Я лучше пойду.

Питер, ни слова не говоря, подходит к ней сзади и кладет ладони на груди — прямо у окна, смотрите кто хочет.

— Но ведь ты можешь побыть со мной еще пять минут, правда?

Она со злостью скидывает его руки:

— Ты нарочно, да? Будто не знаешь, что всех наших соседей хлебом не корми, только дай посплетничать!

Питер делает шаг назад:

— Ну даже если он узнает? Давно пора. Пора все ему рассказать. Я чувствую какую-то безысходность. Ну что, что он может тебе еще дать? Тебе нужен кто-то, кто будет о тебе заботиться, обращаться с тобой по-человечески. А у него на уме только эти дурацкие паровозики. Паровозики и пристройка к дому… Половину своего свободного времени он проводит на складах

стройматериалов, а оставшуюся корчит из себя Кейси Джонса[93]. Ты сама говоришь, что тебе тошно притворяться, будто у вас все нормально, ты сама говоришь, что тебе противно, когда он к тебе прикасается, ты сама говоришь, что…

Морин, повернувшись к нему спиной, натягивает пальто, а он все тычет и тычет в ее сторону пальцем, обличая.

— Заткнись.

— Что?!

— Заткнись, Пит. Чарли мой муж. У нас с ним сын.

"И внук", — добавляет она про себя.

При мысли о маленьком Чарли сердце ее виновато сжимается. Роберт обещал, что он скоро все расскажет Чарли, теперь уже совсем скоро. Свои курсы он закончил, теперь у мальчика будет приличная работа.

— Невозможно выбросить из жизни двадцать пять лет, как какую-то тряпку.

— Двадцать пять лет, двадцать пять минут, какая разница? Прошлое… оно лишь в твоей голове, в памяти. Было и ушло. Его больше нет. А

---

[93] Примечания: 93

Кейси Джонс (1864–1900) — герой американского песенного фольклора, легендарный машинист железной дороги "Иллинойс сентрал", героически погибший.

есть настоящее, и оно важнее всего. Вот эта самая минута. Когда мы вдвоем, ты и я, вот сейчас, в этой комнате.

— Да, конечно. Но мое настоящее таково: мой муж, мой законный муж, пришел домой, и я должна пойти и узнать, что же случилось.

— Уж ему-то ты приготовишь чаю, — мрачно говорит он.

Морин разворачивается.

— Да, я приготовлю ему чаю. И поставлю рядом тарелку с печеньем.

— Какая добренькая. Бросишь ему кость, как псу, да? Ты обращаешься с ним, как с домашним животным, черт возьми, а не как с мужем. Ты сама во многом виновата.

— До свидания, Питер.

— До свидания. — Он злобно, яростно молчит. — Ты настоящая блядь, вот ты кто.

Она хлопает дверью и какое-то время стоит, пытаясь перевести дух. Пит распахивает дверь и смотрит на Морин широко раскрытыми, полными ужаса и отчаянья глазами.

— Морин, прости. У меня вырвалось. Просто мне стало очень больно. Я ничего такого не имел в виду.

Но Морин решительным шагом удаляется. Пит

бежит следом, хватает ее за рукав.

— Морин, я…

Сикх, живущий в доме напротив, который вкалывает — любимое словечко Чарли — где-то на фабрике в Блетчли, выходит на крыльцо. Он приветственно поднимает руку.

— Ради бога, Пит. Веди себя прилично.

— Прости меня, дурака.

Он, спохватившись, поднимает руку, отвечая на приветствие сикха, Морин тоже весело ему машет. Потом оборачивается к Питу и еле слышно шипит, хотя поблизости нет ни души:

— Я позже тебе позвоню, Пит. А теперь отпусти мой рукав и прекрати устраивать сцены.

Питер не сразу, но подчиняется, отступает, и Морин с пылающим лицом направляется к своему дому номер двенадцать.

Пройдя примерно сто ярдов, она вдруг открывает одну важную вещь. Несмотря на всю свою жуткую злобу на Пита, она вдруг осознает, что ее жизнь здорово смахивает на мыльную оперу, и в глубине души это ей скорее приятно. На нее кричат, ее хватают за руку. Наконец, это слово — блядь. В сущности, если взглянуть на ее жизнь с другого ракурса, в ней можно найти столько свежих красок, просто самой не верится. Эмо-

ций хоть отбавляй. Стоило ей стать посмелее, насколько более ярким и полным стало ее существование. Она украла сердце Питера, она регулярно пополняет свой гардероб дорогими краденными платьями, причем ее не останавливают все эти мощные магазинные подсветки, она приворовывает "историческое прошлое", воплощенное в статуэтках, она крадет само время. А теперь ее ждет какая-то очередная будоражащая драма. Словно яркий невидимый свет сияет в ее голове, пока она шаг за шагом приближается к дому.

Войдя в дверь, она понимает, что действительно произошло что-то серьезное. Чарли сидит за столом. Просто сидит, тупо уставившись в одну точку. Это что-то новенькое. Обычно он, как только входит, сразу хватается за пилу или за молоток или раскрашивает свои допотопные американские поезда. Если Чарли сидит, то либо с газетой, либо смотрит телевизор, или слушает своего Мантовани, включив проигрыватель почти на полную мощность. Но сейчас он просто сидит. В душе Морин уже возникает недоброе предчувствие…

Ведь она заметила и кое-что еще. Перед Чарли стоит стакан с прозрачной жидкостью, стакан

высокий, и в нем наверняка не просто вода — ибо воду Чарли пьет из обычного стакана для сока. А если перед Чарли стакан для виски со льдом, значит, там — спиртное. Теперь она уже не сомневается, что там водка или джин. А ведь он уже два года не брал в рот ни капли. Чарли, все еще не заметивший ее появления, делает огромный — в половину стакана — глоток. Морин пытается подобрать подходящие слова. Она давно не смотрит мыльных опер, они кажутся ей теперь пустыми и никчемными, однако ей сейчас почему-то любопытно, что бы сказала Алексис Кэррингтон из "Династии" или Энджи из "Трущоб". Теперь она уже абсолютно уверена: Чарли догадался об ее шашнях с Питером. И опять-таки сквозь страх пробивается скорее приятное волнение: до чего многогранна теперь ее жизнь, до чего богата событиями! Чарли поднимает голову. Взгляд чуть-чуть затуманенный, но не обличающий. В этом взгляде лишь недоумение и печаль. Он тут же снова опускает глаза.

— Чарли. Что-то не так?

Она хотела сказать совсем не это. И эта неловкая фраза незримо повисает в воздухе. Морин ждет, что сейчас он начнет разносить в клочья всю их совместную жизнь. Может быть, и в самом

деле эти двадцать пять лет ничего не значат, это всего лишь случайный набор прихотливо соединенных эпизодов, слабо мерцающих в темных глубинах памяти?

— Они меня вышвырнули.

— Кто они? О чем ты?

— Они вышвырнули меня, Морин, уволили. Они всех нас вышвырнули на улицу. Почти пять тысяч человек.

Морин чувствует облегчение, но в следующую секунду оно сменяется чувством вины. Подумать только… она радуется, что Чарли всего лишь уволен, что он не догадался об ее романчике.

— Кто тебя уволил? За что? — тупо спрашивает она.

Чарли продолжает смотреть на стол.

— Прав был Майк Сандерленд, тысячу раз прав! Их интересует только нажива. Только это. Больше ничего. Им плевать, что я столько лет на них батрачил. Они всучили мне это письмо. Одну из этих бумажек, черт знает, как они у них называются. Типа уведомления, говорят, что продержат меня еще полгодика, и привет. И ведь даже не по сокращению штатов.

— То есть никакого пособия по сокращению? Но у них вроде был фонд в восемьдесят миллионов?

— Был, да сплыл. Был до того, как мы начали стачку. А теперь ничего не осталось.

— Они просто нагло морочат вам голову. Они всегда врут.

— На, прочти.

Он протягивает ей газетный лист с обведенным ручкой параграфом. Это интервью с одним из не назвавших себя деятелей из их газеты, из "Ньюс Интернэшнл".

"Если эти люди покинут цех, это будет последний их уход. Назад они уже не вернутся. Никогда".

Морин отчаянно пытается найти слова утешения, соизмеримые со значимостью случившегося, но единственное, что она может ему предложить, это традиционный английский эквивалент сердечного объятья:

— О, Чарли. Хочешь чашечку чая?

— Да, да, будь добра. — Он благодарно вздыхает. — С удовольствием выпью.

Этот доведенный до автоматизма привычный ритуал почему-то обоих их успокаивает. Поставив перед ним чашку, Морин слегка гладит мужа по плечу тыльной стороной ладони. Это самое большее, на что она сейчас способна, ее еще жгут слова и прикосновения Питера. И впервые ее

пронзает острая боль от собственного предательства, насквозь…

— И что ты собираешься делать?

Чарли смотрит на нее, его взгляд полон решимости.

— В любом случае не собираюсь садиться на пособие по безработице, это уж будь уверена. И ходить обивать пороги, клянчить "нет ли у вас местечка, сэр?" я тоже не стану. Не дождутся. Я не Роберт. Я не хочу уподобляться своему сыночку.

Чарли яростно мотает головой. Морин старается говорить очень мягко, она боится вызвать вспышку гнева, который уже ничем не уймешь.

— Теперь вроде есть какие-то рабочие клубы.

Чарли переходит почти на крик:

— Можно сколько угодно называть утку сосиской в тесте, но от этого она не перестанет быть уткой. Но учти. Я буду бороться. Мы все будем бороться, драться насмерть.

— Но как им удается без вас выпускать газету?

— А так… Подсуетились сволочи из профсоюза всяких там электриков. Чертовы штрейкбрехеры. Они делают нашу работу. Все он, этот неуч Герберте, дорвался до власти. Этот австралийский висельник решил, что он имеет право творить все, что ему заблагорассудится, но ничего, мы

прочистим ему мозги. Мы камня на камне не оставим в этой его новой типографии. Он еще будет ползать перед нами на коленях. Наш главный в стачечном комитете говорит, что мы сладим с австралийцем за две недели. Это максимум. Мы ткнем ему в морду свои права. Мы имеем право на труд, на то, чтобы делать свою работу, мы будем работать в Уоппинге[94]. Мы поднимемся все, как один, как…

Он отпивает большой глоток водки, его глаза затуманиваются чуть сильнее.

— …как крысы из-под обломков. Вот. Точно! Вылезем, как крысы из-под обломков, Морин.

Морин ласково разжимает его пальцы, забирая стакан с водкой.

— Это вряд ли что изменит, Пит… ой, то есть Чарли.

— Что-что?

Чарли смотрит на нее недоуменно, видимо даже не пытаясь вникнуть в то, что она сказала. Морин охватывает панический страх, но она

---

[94] Примечания: 94

Уоппинг — территориальная единица в районе доков (Ист-Энд). Там расположены крупные полиграфические комбинаты, выпускающие основные государственные газеты. В 80-е годы перевод части производственных цехов с Флит-стрит в Уоппинг и введение целого ряда технологических новшеств обусловили резкий рост безработицы, что, в свою очередь, привело к расколу в профсоюзном движении.

берет себя в руки.

— Я оговорилась, милый. В последнее время я так много времени провожу за рулем, что уже забыла, как ходят пешком. Пит решил дать мне несколько дополнительных уроков, перед очередной сдачей на права.

Чарли вяло ворчит. Он ничего не подозревает, ему просто досадно: приходится тратить деньги на дополнительные занятия, жена оказалась редкой тупицей, никак не может сдать элементарный экзамен по вождению.

— Отдай мне стакан, Морин. Я допью и все, больше не буду. Сегодня очень уж поганый денек.

— Ты не пил с того самого дня, как мы сюда переехали. Может, не стоит начинать все сначала? Пожалуйста, Чарли. Ради меня.

Он смотрит на жену, представив на миг, каково ему будет без нее. Сразу немного отрезвев, кивает.

— Если хочешь, вылей остаток в раковину. Честно говоря, мне теперь даже противно ее пить.

Потянувшись через стол, Морин чмокает Чарли в щеку.

— Вот и хорошо, Рок.

— Это ты мой рок, моя судьба, моя опора. Ни-

чего, как-нибудь выдержим, детка. Вот увидишь. Все вернется на круги своя, Мо.

Он бросает взгляд на пристройку.

— Не представляю, как я теперь закончу эту штуку, без зарплаты.

— Ничего, потихоньку. У меня есть небольшая заначка. Я знаю, что ты вернешься на работу. Обязательно.

— Эта пристройка еще окупит себя, Мо. Вот увидишь.

— Я знаю, Чарли. Я знаю.

И она снова целует его в щеку, улыбаясь при этом решительной и безжалостной улыбкой.

11

Чарли в легком кепи и тоненьком коричневом шарфике сидит на бетонной швартовой тумбе. Сумерки постепенно рассеиваются, подсвеченные вспышками прожекторов "Уоппингской крепости", нового поли-графкомбината. Вокруг страшная толчея. Тысячи людей толпятся перед зданием газеты "Ньюз Интернэшнл". Чарли не ожидал, что эти предатели вызовут такой ажиотаж. Лица вокруг самые разные, как и выражения этих лиц, молодых и уже совсем не молодых.

Непосредственно у ворот позволили выставить только шесть пикетов. Остальные тысяч шесть демонстрантов оттеснены на шоссе. Их удерживает там примерно тысяча полицейских, есть даже конное подразделение. У многих щиты и дубинки; они уже несколько часов проторчали в полицейских автобусах и давно дозрели до хорошей заварушки. Чарли подумал, что надо будет в следующий раз прихватить с собой Томми. Пусть отведет душу, помашет кулаками.

Общее настроение примерно такое же, как в семьдесят девятом, полная иллюзия, что ты на фронте: те же долгие периоды изматывающего нудного затишья, чередующиеся с короткими всплесками возбуждения, ярости, приглушенного страха. Полиция наводит на Чарли ужас. Он собственными глазами видел, как они сбивали с ног женщин и детей. Когда он чуть раньше заскочил в паб промочить горло, они буквально ворвались туда, вытолкали человек тридцать наружу, на ходу их избивая, причем без всякого повода. Здешние громилы совсем не похожи на добродушных копов, которых показывают по телевизору: они издевательски размахивают из автобусных окон конвертами с деньгами, когда бастующие начинают наседать, глумливо хохо-

чут. Чарли и представить себе не мог, что тут соберется столько Томми Баков разом.

Высокая ограда опутана проволокой, утыканной острыми лезвиями, иногда это двойные и тройные проволочные петли. Стальные лезвия сверкают на толстой проволоке, как крылья бабочек. Все бывшие склады в округе давно обжиты, превращены в дорогие квартиры. Поодаль парит над всем этим гудящим, закипающим человечьим морем Тауэрский мост.

Чарли оборачивается и вглядывается в транспаранты и флаги над толпой. В основном это эмблемы профсоюзов, но среди них попадаются и лозунги "Остановить вооружение", "Мы за классовую борьбу", "Спасите китов". Желающие "классово" побороться — в обтягивающих голову трикотажных шапочках, в руках у них черные флаги. Чарли с отвращением замечает, что кто-то из них насадил на острие железяки свиную голову.

Господи, а киты-то тут с какого боку? Чарли плевать хотел на китов, на классовую борьбу, на всяких ищеек, выкуривающих по две пачки дорогих сигарет в день. Ему нужна его работа. Ему нужно его прошлое, причем в целости и сохранности. Ему нужен еженедельный конверт

с живыми, реальными деньгами, которые он может отдать Морин, а она потом может спрятать их под половицей, как белка в дупло.

Ллойд стоит рядом, тихонечко перетаптываясь с ноги на ногу. Мимо медленно проезжает "фольксваген-жук", оклеенный плакатами и листовками, из громкоговорителей, закрепленных на его круглой макушке, несутся какие-то вопли. Воздух пропитан запахом корицы — тут издавна были склады для хранения специй. Чарли замечает несколько десятков знакомых лиц, это те, кто работал в старой типографии на Грейз-Инн-роуд, но незнакомых лиц во много раз больше. Туристы. Набежали сюда и футбольные фанаты, где-то пронюхали. Есть женщины, даже с детьми. Одна шутница демонстративно распахнула перед проходившим мимо Чарли рубашку. На каждом соске по яркой наклейке: "Не покупай "Сан"[95].

Чарли все происходящее кажется диким и смешным. С какой радостью он сел бы сейчас на поезд и укатил в Милтон-Кейнз, но это пикет на сутки, и он приговорен торчать здесь еще пять часов. Он пытается сосредоточиться на книге, которую прихватил, чтобы было не так тоскли-

---

[95] Примечания: 95
"Сан" считается газетой бульварного толка.

во, детектив Кена Фоллета. Хороший детектив, события разворачиваются очень быстро, в конце все сходится, все довольны. Жизнь вошла в нужное русло, справедливость торжествует, зло наказано.

Чарли захотелось есть. Примерно в сотне ярдов от них стоит лавка на колесах, такие грузовики всегда сопровождают пикеты.

— Снежочек, не хочешь перекусить?

— В этой автолавке, что ли?

— Нет, я как раз собирался заглянуть в "Савой". Заказать себе грудку фазана с жареным картофелем.

— Я никогда не ем всю эту уличную гадость. Еда для кошек. Еда для собак. И собаки для еды, собачатина. Гиацинта кое-что мне с собой дала. Но у меня что-то никакого аппетита. Не нравится мне все это.

— Не нравится что?

— Вся эта свистопляска. Очень уж тут противно.

— Вы только на него посмотрите! — усмехается Чарли.

Ллойд тоже усмехается, машинально проводя по своей пышной шевелюре искалеченной рукой. Первое время его увечье вызывало у Чарли брезг-

ливость, Но теперь эта его изуродованная рука воспринималась уже как часть образа Ллойда. Чарли, ей-богу, был бы разочарован, если бы каким-то чудом у Снежка выросли новые пальцы.

— Какая страшная толпа! Сборище уродов. Вы все страшилы. Один я красивый. Самый красивый мужчина в Уоппинге. Потому что я никогда не дерусь. Потому что я берегу свою красоту.

Чарли смотрит на него. Откуда-то взявшийся солнечный луч вдруг освещает Ллойда, и его кожа кажется сейчас золотистой. Чарли вдруг с некоторым ошеломлением понимает, что Снежок действительно красив, по крайней мере очень пригож, привлекательный мужчина средних лет. Высокий, до сих пор мускулистый и подтянутый, с правильным носом, с большими ясными глазами и высокими скулами. Возможно, все эти его байки про любовные интрижки никакая не выдумка, он действительно бывалый сердцеед, неотразимый денди из Ноттинг-Хилла[96]. Но Чарли тут же себя одергивает: чушь это, полный бред. Снежок много чего рассказывал: как он подпаивал когда-то Гиацинту, чтобы ее задобрить, как водил дружбу со всякими "авторитетами" из

[96] Примечания: 96

Ноттинг-Хилл — район бедняков в западной части Лондона, населен в основном иммигрантами.

уиллесденовского клуба "Зеленые домино". Даже его боксерские подвиги не вызывали у Чарли особого доверия, хотя дружок его вполне убедительно подпрыгивал и пританцовывал, когда изображал очередной шикарный хук.

— Я даже тебе нравлюсь, Чарли. Вижу, вижу это по твоим масленым глазам. Но больно ты некрасив, парень. Вот Морин другое дело, я как-нибудь загляну к ней, утешу. Она слишком хороша для такого извращенца, как ты.

Чарли качает головой, прикидывая, сумеет ли протиснуться сквозь огромную толпу к грузовику. Он решается рискнуть.

— Ну что, Снежок? Пойдем перекусим?

Улыбка Ллойда тускнеет и сходит на нет.

— Больно тут сегодня гнусно, Чарли. Я сразу понял это по своей моче, Чарли, дрянь, а не моча.

У Чарли противно сосет от голода под ложечкой.

— Стары мы уже для подобных игр, Снежуля. Майк Сандерленд, тот, конечно, может торчать в пикетах, зеленый еще.

— Может, но не станет, — с горечью говорит Ллойд.

— Это почему же?

— Знаешь, что он мне сказал, Чарли?

— А ты что, встречался с ним?

— Ну да, случайно на него наткнулся. На улице. Хотел пройти мимо, но он вцепился мне в рукав.

— И ты разговаривал с ним? С этим отщепенцем? Он же всех нас предал! Клюнул на подачки, увеличили мальчику зарплату, повысили в должности, сунули в зубы полную медстраховку. И теперь он уже совсем в заднице у Мердока, так глубоко забрался, что скоро вылезет через горло и сможет почистить ему зубы. Социалист проклятый!

— Я все-таки поговорил с ним. Он ведь тоже все это осуждал, сам знаешь. Но этот его психоаналитик помог ему справиться с идиотскими заблуждениями. А заблуждения у него были из-за постоянного комплекса вины, вот такая херня.

— А теперь, значит, он у нас здоровенький, аналитик его вылечил.

— Точно. Он так мне и заявил. Теперь, говорит, ему не стыдно брать деньги. Потому что, если не возьмет он, они достанутся каким-нибудь расистам или фашистам. Уж лучше им остаться в сфере труда, внутри системы обеспечения рабочих, он так и сказал: внутри системы, и еще добавил, что он завязал со всякими забастовками и протестами. Что может принести гораздо боль-

ше пользы на другом фронте борьбы.

— И ты позволил ему угостить тебя чашечкой кофе, так?

— Нет, Чарли. Я бы не взял из его рук даже стакана воды, если бы даже умирал от голода.

— Или от жажды?

— Даже если от жажды, да.

— Кстати, о жратве, я правда сейчас умру, Снежок…

Он решительно разворачивается:

— Я быстренько.

Он проталкивается сквозь толпу к автофургону с чаем и едой, на борту надпись "Коста-дель-Уоппинг", да-а, почти Коста-дель-Соль. Помимо обычного придорожного ассортимента здесь еще имеются фирменные блюда: "чили-кон-Уоппинг" и "мясо в горшочке по-уоппингски".

— Хочешь кофейку, приятель? — спрашивает продавец, бледный коротышка с редкими, но довольно длинными волосами, кончики черных кудрей, усыпанных перхотью, загибаются возле воротника и торчат вверх.

— Кофе у меня с собой.

Чарли, подняв руку, показывает ему термос с кофе, приготовленным Морин. От этого движения мускулы на животе напрягаются и давят

на мочевой пузырь, Чарли чувствует позыв, но пока еще слабый. Туалеты поставили примерно в сотне ярдов отсюда, рядом с ними самое большое скопище. Чарли решает подождать, пока толпа немного рассосется.

— Тогда что тебе?

— Давайте мясо с картошкой, в горшочке.

Жуя на ходу кусок мяса, выуженный из бумажного контейнера, Чарли бредет обратно к тому месту, где оставил Снежка. Мясо вполне сносное.

Полицейские все в одинаковых робах на молнии, на которых никаких пометок, ни номеров, ни знаков отличия. Они нервно шныряют среди толпы, то там, то здесь. Чарли вспоминает слова Ллойда и мысленно с ним соглашается: атмосфера тут сегодня очень напряженная. В воздухе веет грозой. Он проталкивается сквозь толщу людей, машинально читая лозунги. "Мердок, ты худшая из новостей". "Ист-Энд поимел Флит-стрит". На местных жителей демонстранты смотрят как на врагов, к ним цепляются, им хамят, их с подозрением оглядывают, только за то, что они здесь живут. В толпе бродят всякие экстремисты, торгующие значками, флажками и бляхами с "левыми" лозунгами. Откуда-то издалека доносится марш в исполнении духовых, музыканты с медными

трубами и валторнами проходят по шоссе.

Давка усиливается, ажиотаж нарастает. Пробираясь к Ллойду, Чарли слышит, что парни в шапках и с черными флагами что-то скандируют, но что — не разобрать. К воротам медленно подкатывает автобус. Чарли видит, как шоссе перегораживает цепь полицейских. За ними — конная полиция, у седел болтаются дубинки. Странно видеть их здесь, всех Этих стражей порядка, их сотни, ведь не происходит ничего криминального, всего лишь забастовка.

Позади обширного пространства, заполненного полицейскими, громоздятся скамейки, одна за другой, где расположились газетчики и телевизионщики, сколько их… сбежались сюда, как в цирк. Чарли охватывает ненависть к этим шакалам, но внутренний голос говорит ему, что их присутствие дает хоть какую-то гарантию мирного исхода, хотя копы иногда вырывают у них аппараты и блокноты.

Теперь Чарли может разобрать слова, которые распевно скандируют приверженцы классовой борьбы. Или это троцкисты? Они дразнят полицейских:

Кто сегодня самый умный?

Самый умный наш сержант.

Физиономии у полицейских напряженные и злые. Ни с того ни с сего толпа начинает выплескиваться за невидимый барьер — край шоссе. Полицейские перегруппировываются, смыкают шеренгу. Их главный достает мегафон. И тут Чарли чувствует резкий напор толпы, оттесненной автобусом: это к сомкнутым воротам подвозят тех, кто не поддержал стачку. Раздаются крики "тады" и "шкуры". Чарли засовывает детектив в карман куртки — ясно, что теперь не почитаешь. Вопли и крики становятся все громче. Ллойд наклоняется к Чарли.

— Кто в автобусе-то?

— Не вижу. Шестерки. Небось наши писаки.

— Мудаки писучие…

— А ведь кто-то из них отказался сюда ехать.

— Ну да, вроде их целая дюжина набралась.

— А эти-то, эти. Думают, что мы тут прохлаждаемся.

— Это мы прохлаждаемся? Мы? Можно подумать, за их счет. А они, бедняжки, надрываются, целый день отсиживают задницы.

Слышится звон разбитой бутылки, снова скандируют какие-то стишки, на сей раз достается Маргарет Тэтчер. Чарли кожей чувствует, что полиция мало-помалу готовится к боевым дей-

ствиям.

— А при чем тут Мэгги? — недоумевает Чарли.

— А киты? При чем тут киты? — говорит в ответ Ллойд.

— Ну, киты как раз из нашего лагеря. Тоже вымирают, как печатники.

Толпа прижимает Чарли и Ллойда все ближе к оцеплению. Главный начинает что-то вякать, прижав к губам мегафон. Слышно очень плохо. Чарли напрягает слух.

Если… не покинут… десять минут… будем вынуждены..

Малый с антифашистской бляхой резко протискивается мимо Чарли и задевает термос — термос летит на землю. Малый весь какой-то замусоленный, с сальными волосами. Он злобно поворачивается к Чарли:

— Не зевай, дядя.

Чарли недоуменно на него смотрит, потом наклоняется за термосом. Крепко его обхватив, он вдруг ощущает прилив дикой злобы.

— Кто ты такой, чтобы меня…

Но когда Чарли выпрямляется, засаленного малого уже и след простыл, он растворился в роящейся впереди толпе.

Еще какой-то тип с мегафоном, залезший на

перевернутый ящик, призывает к спокойствию. Чарли узнает функционера из профсоюза смежников. Фи-зиономия у него растерянная, он здорово нервничает. Чарли не может понять, чего он, собственно, хочет.

Щелкают вспышки. Здесь полно репортеров из других газет, вспыхивают софиты для телекамер.

Толпа превращается в единый организм. Огромный верзила с маленькой бритой башкой — Чарли узнает одного печатника из типографии на Баувери-стрит — настырно рвется вперед. Он задевает правое плечо Ллойда. Среди гула и отдельных выкриков Чарли улавливает часть сказанной сквозь зубы фразы:

— …мся и без черножопых.

Он смотрит на верзилу, который буквально вминается в правый бок Ллойда. Чарли хочется как следует отчитать этого хама, но ему страшно — этот тип на полторы головы выше его. К Чарли обращается мужчина с "ежиком":

— Устроили тут цирк, сволочи. Со свиньями. — Он оглядывается и смотрит на Ллойда. — Со свиньями и мартышками.

Чарли кивает, бормоча "да-да", машинально отвечая "ежику" вежливой улыбкой. Ему все сильнее распирает мочевой пузырь. "Ежик" тоже

протискивается вперед.

Кто-то наступает Чарли на ногу и дышит ему прямо в лицо чесноком.

Опять бьет по барабанным перепонкам мегафон полицейского, на этот раз каждое слово звучит очень отчетливо. В голосе, даже искаженном усилителями, различима жесткая угроза. Теперь Чарли не приходится напрягать слух.

— Все, кто останется на этом участке после того, как я досчитаю до десяти, подлежат аресту.

Чарли и рад бы остановиться, но толпа несет его дальше. Справа от него начинается какая-то драка. Он пытается разглядеть поверх голов, что там такое, но видит только беспорядочную суету, примерно в тридцати футах от них с Ллойдом. Раздаются яростные вопли и приглушенные ругательства. Драка прекращается так же внезапно, как началась.

Сзади скандируют спортивные лозунги — это фанаты футбольного клуба "Вест Хэм". Возбуждение нарастает. Автобус с окнами, затянутыми металлической сеткой, продвигается чуть ближе к воротам, клин из толпы демонстрантов врезается в толпу полицейских. Там, у ворот, полиция стоит намертво, тем не менее Чарли этот рывок толпы заставляет сжаться от страха, он чувствует,

что развязка близка, все очень, очень опасно.

Над головой его пролетает бутылка и падает в переднюю шеренгу полицейских, разбиваясь вдребезги о щит. Раздается призыв:

— Полезли через стену! Копы — ублюдки! Ату их!

Толпа взрывается троекратным:

— Свиньи! Свиньи! Свиньи!

Автобус продвигается еще на пару дюймов. Демонстранты плюются, колотят по его железным бокам. До Чарли вдруг доходит, что полицейские угрожающе стучат дубинками о щиты. Он замечает видеокамеру, плывущую над бушующей толпой. Полицейский вышибает ее из руки невидимого владельца. Телевизионные софиты высвечивают бок автобуса. Искоса глянув на освещенные окна, Чарли видит нервозные лица. И среди них вроде бы мелькает одно бородатое, над чуть примятым высоким воротом свитера.

Чарли присматривается, чтобы убедиться. Майк Сандерленд сидит бледный, отвернувшись. Его повысили в должности, теперь он старший помощник редактора, сенсация местного масштаба. Чарли видит, как он оборачивается к остальным журналистам. А потом делает нечто такое, что поражает Чарли в самое сердце. Он

хохочет. Откидывает назад голову и — хохочет.

— У вое осталось пять секунд на исполнение приказа.

Чарли ощущает, как здорово он продрог. А у этих в автобусе теплынь. На Чарли вдруг накатывает дикая, безудержная, невероятная злоба. На запястье Майка серебристо поблескивает знакомый "Ролекс". Чарли вспоминает про термос с кофе, и прежде чем успевает что-то осмыслить, рука его делает замах и... термос летит в автобус. Но бросок получился слабый и неточный, термос сносит влево, он ударяет в плечо полицейского. Крышка была слабо завинчена, она отлетает на землю, и на мундир стража порядка льется горячая коричневая жидкость. Полицейский вздрагивает и разевает рот, собираясь заорать. Чарли все это хорошо видно, он шокирован, ему неловко, а потом делается просто страшно... когда полицейский тычет указательным пальцем явно в его сторону. Второй полицейский направляется туда, куда нацелен указующий перст.

Находящиеся поблизости десять конников тоже начинают рыскать в том же квадрате, искать виновника порчи мундира. Мгновенное промедление, словно все чего-то ждут, и автобус тут же немного наддает, он уже почти у ворот, гостепри-

имно распахнутых за кордоном полицейских.

Вдруг первая шеренга полицейских, сгруппировавшись, переходит в наступление, лошадей пускают рысью. Первые ряды пикетчиков безобразно расползаются, зияют брешами. Чарли не сразу понимает, что буквально в двадцати футах от него уже пущены в ход резиновые дубинки и что раздающиеся крики — это крики боли. Конники устремляются к нему, Чарли каменеет от ужаса.

И опять профсоюзный деятель что-то орет в мегафон, упорно, но на него никто не обращает внимания. Во всадников со всех сторон летят подручные снаряды — камни, кирпичи, жестянки. Чарли затравленно озирается. Прямо за ним — толпа, зажатая между двумя рядами полицейских спецназовцев, выставивших щиты, сомкнутые в единую стенку. Он никогда еще не видел этих громил из подразделения защиты общественного порядка при полной экипировке. Вид у них кошмарный, ничего человеческого… зверье. Они напирают на толпу, выдавливая ее, как грязь, наружу, вспять от ворот. Чарли еще раз посмотрел в ту сторону. Автобус уже почти въехал в ворота, и вслед ему летит кирпич.

— Шкуры! Шкуры! Шкуры!

Ллойд оборачивается к Чарли. Его лицо, обычно приятного шоколадного цвета, посерело.

— Уходим! Мотаем отсюда! — кричит ему Чарли.

Но они не могут даже пошевельнуться. Толпа сжимается все сильнее, они барахтаются в этом потоке злобы, жажды мести, унижения, тупой животной ярости. Чарли кажется, что все это происходит не с ним, он ощущает, как все его нутро противится этому безумию.

Ллойд пытается что-то ему сказать, но в этот момент сверху доносится звук мотора, и Чарли видит, что над ними кружит полицейский вертолет, все ниже и ниже, его рев перекрывает голос Ллойда. Луч прожектора — мертвенно-бледный, потусторонний — пляшет по толпе, то и дело почти задевая Чарли. С обоих флангов напирает полиция, конники и пехота, при дубинках и щитах. Сквозь дьявольский вой вертолета пробиваются вопли ярости и боли. Конные полицейские осыпают головы градом ударов. Чарли видит, как мужчина с "ежиком" падает на землю, сбитый дубинкой всадника.

Сердце Чарли тяжко колотится, ему кажется, что оно сейчас выскочит наружу, прорвав тонкую оболочку грудной клетки. Он не знает, куда

бежать. В этот момент что-то обрушивается ему на голову: оказывается, в полицейских швырнули банкой с пивом, но угодили в него. Теплая струйка покатилась по лицу, Чарли уверен, что это кровь, он кричит и зажимает рукой рану. Он смотрит на жидкость, но она не красная, она желтая и прозрачная. Он нюхает мокрые пальцы, и его едва не выворачивает наизнанку. Банка доверху наполнена мочой.

Чей-то острый локоть резко ударяет Чарли в ребро. Он едва не падает в обморок от боли. Шум стоит чудовищный. Автобус скрывается за воротами. Толпа сразу немного успокаивается, напор ослабевает; Чарли тоже немного успокаивается, ему уже не так страшно. Он снова озирается.

И, похолодев от ужаса, замечает, что несколько всадников продолжают пробиваться к ним с Ллойдом. Он видит лица полицейских, лица роботов, а не людей, железные лица, полные железной решимости. Лошади огромные, из их ноздрей вырываются клубы пара. Чарли хочет отойти в другую сторону, но спецназовцы со своими щитами и дубинками все еще тут. Очередной "бунтовщик" падает под копыта лошадей. На миг вверх взмывает плакат с надписью "Ист-Энд поимел Флит-стрит".

Чарли нестерпимо хочется писать. Он опять отчаянно озирается, пытаясь найти лазейку, потом, страдальчески морщась, перестает сдерживаться. Теплое влажное пятно проступает на брюках между ног, вытягиваясь и расплываясь. А через секунду внезапно следует очередной рывок оттиснутой толпы, и лошадиные копыта уже совсем близко. Чарли пытается отскочить в сторону; он слышит голоса, доносящиеся сверху. Жертва его термоса впереди всех, он кричит:

— Это где-то здесь… Он точно должен быть здесь… смотрите внимательней. Сюда! Этот…

И Чарли вдруг осознает, что полицейский показывает на Ллойда. С почти невероятной быстротой первый всадник приближается. Острый локоть снова наносит удар — под ложечку, от боли Чарли сгибается пополам, а когда боль немного отступает и он выпрямляется, Ллойда рядом уже нет. Но он почти сразу находит его глазами. Ему хорошо все видно, и то, что он видит, бьет его еще больнее острого локтя, жжет глаза. Ллойд стоит в боксерской позиции, как тогда в пабе, когда они собирались на то побоище в "Астории". Ноги чуть расставлены, кулаки загораживают лицо, подбородок вскинут. В этот момент он похож на статую, на фигуру с живописного

полотна, освещенный голубыми всполохами прожектора, отчего тень его множится и длинными полосами ложится на тех, кто находится сзади. А он стоит в классической стойке, небрежно-изящный, на лице — гордое презрение.

Чарли вспомнилась старая, времен королевы Виктории, фотография из энциклопедии: боксер, приготовившийся к схватке с не менее учтивым и элегантным противником. Перед Ллойдом трое полицейских, уже замахнувшихся своими гнусными дубинками. Чарли словно наяву ощущает удары, три удара, нацеленные Ллойду прямо в лицо…

Он хочет броситься к ним, объяснить, что это он, Чарли Бак, а не Ллойд бросил термос, что удар предназначался Майку Сандерленду, а не полицейскому, но вместо этого он лишь негромко кричит:

— Не трогайте его! — И этот слабый крик немедленно заглушается шумом толпы.

Тем не менее полицейский оборачивается в сторону Чарли, как будто все-таки его услышал, и начинает пробираться в его сторону. Чарли в панике от-Юрачивается, теперь он уже не видит, но чувствует каждым нервом, как Ллойд падает, получив три, и еще один "для гарантии", удара

по голове. Чарли снова весь сжимается от страха и ничего не может с собой поделать. Вдруг в толпе образуется брешь, это похоже на вздох облегчения огромного существа, Чарли, пользуясь моментом, проскальзывает в эту брешь.

Он снова оборачивается и видит, что Ллойд лежит, обхватив руками голову, а самого Чарли уже относит прочь, все дальше и дальше, словно он попал в утробу огромного испуганного чудовища, многоголовой гидры. С той стороны, куда движется Чарли, постепенно надвигается шеренга спецназовцев. Чарли видит, что в двадцати ярдах от него, слева, цепочка кончается. Чарли устремляется туда, надеясь пробиться через эту лазейку на Уоппинг-Лейн, туда, где толпа распадается на отдельные группы, которые уже вне поля зрения полиции.

Он отчаянно всех расталкивает и отпихивает. В толпе попадаются и женщины. Одна тащит на спине ребенка. Чарли поражен. И мать, и ее чадо в голос рыдают. Он останавливается и, напрягая связки, спрашивает, чем ей помочь. Слезы катятся по ее щекам. Все, что ему удается от нее услышать, это яростное: "Фашисты!"

Какого черта она вообще сюда притащилась, да еще с ребенком?! Чарли хочет ей помочь, хочет

вернуться к Ллойду, который тоже нуждается в помощи, но он видит конец цепочки спецназовцев, он может сбежать из этой чудовищной мясорубки на волю!

Ему вдруг удается пробиться сквозь строй. Еще тридцать ярдов — и он будет на свободе. Последний полицейский из заграждения движется навстречу толпе, а значит — прочь от него. Увидев очередную брешь в людском море, Чарли делает рывок, пользуясь кусочком свободного пространства. Краем глаза он замечает в отдалении полицейского, отколовшегося от своих, этот тип устремляется следом за Чарли. Чарли ускоряет шаг, полицейский делает то же самое. И что-то кричит ему вслед.

Чарли снова чувствует животный страх, уже почти непереносимый, настолько, что у него перехватывает дыхание, однако он все же пытается бежать, но спотыкается о край тротуара и падает в тот момент, когда Уоппинг-Лейн и свобода теперь уже совсем близко. Чарли пытается подняться, но, даже не посмотрев вверх, знает, что полицейский рядом, навис над ним… Он слышит его дыхание, чувствует на себе тень, упавшую от рослой фигуры.

Чарли загораживает руками голову, пригото-

вившись к ударам, он весь сгорбился, на всякий случай загородив коленями пах. Он весь дрожит, уткнувшись лицом в колени, чувствуя резкий запах собственной мочи, пропитавшей брюки.

Но никаких ударов не следует. Чарли чувствует на своем плече его ладонь. Вертолет улетает, рев мотора постепенно слабеет. Проходит несколько минут. Чарли все еще не верится, что он вырвался из толпы. Рука на плече слегка его тормошит, призывая подняться.

Он слегка выпрямляется, уверенный, что теперь-то наверняка грянет расправа. С опаской смотрит вверх, собрав остатки смелости. Лица полицейского не видно за щитком шлема, Чарли замечает, как тот медленным неуверенным движением поднимает щиток. И пока длится это движение, комок страха в животе Чарли тает, но другое, куда более мучительное чувство наполняет все его существо. Мучительное чувство узнавания, ясности, изумления, смешанного с ужасом.

— Роберт?

Чарли трогает свою макушку, потом опускает руку и видит, что пальцы его испачканы вязкой темной жидкостью, до него доходит, что это, вероятно, кровь. На лице Роберта проступает

страх. Сзади него какие-то полицейские колотят дубинками по щитам.

— Пап, я… У нас есть пункт первой помощи…

— Убирайся.

— Я хотел тебе рассказать. Но я ждал, пока… Я думал…

Он хватает Чарли за руку, но Чарли, с округлившимися от ярости и гнева глазами, отталкивает сына:

— Это Томми тебя надоумил! Кто же еще! Это он тебя во все это втравил!

Чарли непроизвольно отшатывается, Роберт становится чуть меньше и словно весь сжимается. Он застыл на месте, страшась подойти.

— Дядя Томми… да, это была его идея… но я не просто… я два года занимался на курсах… чтобы стать профессионалом…

— И сколько же тебе платят? Сколько в среднем набегает? Кстати, какие теперь расценки за проломленную голову?

— Ничего. Ничего, пап. Я не такой, как дядя Томми, я только стараюсь…

— Ты только такой же, как он! Точно такой же! Абсолютно!

Чарли чувствует, что пространство сзади него расчистилось, видит, как Роберт делает шаг ему

навстречу и протягивает руку. В ответ на этот жест Чарли отскакивает прочь и бежит, бежит, не останавливаясь, пока не начинает печь огнем легкие, пока к горлу не подступает едкая горечь.

12

Это был единственный шанс попасть на приличную работу.

Чарли лежит на кровати рядом с Морин. Морин только что все ему рассказала — о том, что Роберта натаскивали эти два года в спецподразделении и он никому не говорил, какие это "курсы", скрывал. О том, что у них, оказывается, растет внук, о том, как Роберту приходится теперь надрываться, чтобы содержать семью. Чарли никак не может переварить столько сюрпризов сразу, он чувствует себя разбитым и опустошенным. Его бесит двуличность Морин, но в то же время он понимает, что материнская любовь — Страшная сила, тут уже не до честности.

Пижама его вся перекрутилась, плечо съехало и давит, штанины задрались, но Чарли даже не приходит в голову их поправить. Он занят сейчас другим: яростно скребет ногтями свой зад. Из-за бесконечных стрессов на ягодицах появилась

гнусная сыпь, и теперь они дико чешутся. Морин старательно делает вид, что не замечает его постыдного занятия. Они лежат в одной постели, но между ними — полоса в шесть дюймов. Свежие наволочки, только что смененные Морин, слегка пахнут цветочным ароматизатором. Чарли очень нравится этот запах, гораздо больше, чем запах живых цветов.

— А раньше-то он где подхалтуривал? До этой своей приличной конторы?

— Мак-гнусь. Так он называет свои прежние работы. Мак-гнусь, — грустно усмехается Морин.

— Что это значит?

— То и значит, что он мог рассчитывать только на гнусь, на самую низкую должность в какой-нибудь забегаловке, вроде "Макдоналдса". Да и там разве что раздавать эти паршивые гамбургеры и вытирать столы. А у менеджеров — дипломы из Кембриджа, представляешь? Я же говорю, никаких шансов.

— Теперь понятно, почему он не хотел с нами видеться.

— Он не хотел видеться с тобой, Чарли. Боялся, что тебе будет за него стыдно. И как-то узнал об этом наборе в полицию — от Томми, ну да, от Томми. Вооб-ще-то он далек от таких вещей, сам

знаешь, но все-та-ки пошел на собеседование. И они согласились его принять. Ты можешь себе представить, что он почувствовал? Ведь его даже в "Макдоналдс" брали только на самую черную работу. А полиции он понадобился. Он был задействован и во время стачки шахтеров[97]. Говорит, заработал кучу денег. Говорит, ему нравится эта работа. Нравится быть полицейским.

— И что ему больше всего по вкусу в этой работе? Избивать людей дубинками?

— Ну зачем ему кого-то избивать, Чарли? Роберт никогда не был драчуном, он добрый мальчик. Ему нравится форма. Она придает ему уверенности, в ней он чувствует себя человеком, которого уважают. А о каком уважении может идти речь, если на тебе канареечный комбинезон или фартук?

— Мне до сих пор не верится, что он готов был избить дубинкой… собственного отца.

Морин вглядывается в его лицо, — может, он слегка кривит душой, может, даже получает некоторое удовольствие от эффектного драматизма ситуации, — как и она сама в последнее время.

---

[97] Примечания: 97

Имеется в виду затяжная забастовка профсоюза горняков (1984–1985 гг.), выступавшего против решения Маргарет Тэтчер закрыть убыточные шахты.

Морин пытается представить, что же происходило в Уоппинге, но ей не удается. Пока поток демонстрантов нес Чарли в сторону Уоппинг-Лейн, Морин наслаждалась волшебными ощущениями в постели Питон ласкал ее языком — том.

— И как же ему теперь быть, Чарли?

— Мм?

— Ты позволишь ему прийти?

Чарли смотрит на жену, и даже какое-то время прямо ей в глаза. Они уже долгие годы при разговоре предпочитают смотреть в сторону, боясь прочесть во взгляде что-то не то, оба, и он, и она. В данную ми-нуту Чарли видит в глазах жены боль, от которой все тело мучительно сжалось.

— Я не знаю… не знаю, смогу ли его простить.

— Простить — за что? За то, что мальчик старался найти хорошую работу? У него не было выбора.

— Извини, но выбор у него был. Он мог стать печатником. Работать рядом со своим отцом.

— Не думаю, что это принесло бы ему какую-то пользу, в смысле перспектив.

— Еще бы! Зачем ему вкалывать в горячем цеху, куда проще было побежать к Томми. Он его сын, Томми Бак номер два, продолжение следует,

вернее, уже последовало. И почему мое предложение не принесло бы ему пользы? Я не совсем понимаю, о чем ты.

— Ты не победишь, Чарли. Вы, печатники, ничего не добьетесь своими забастовками. После того, что произошло, он не пустит вас назад.

— Ну, это мы еще посмотрим… Мы продолжим борьбу за наши…

— Чарли! Имей смелость взглянуть правде в глаза.

— Ты не понимаешь, Морин. Профсоюз надавит на Мердока. Мы ему не какие-то там австралийские уголовники. Мы не из его гнилой породы. Я добьюсь своего. И все наладится. Все будет по-прежнему.

— По-прежнему уже ничего не будет, — говорит Морин, поворачиваясь к нему спиной и закрывая глаза.

Чарли еще целый час не может заснуть, глядя в темноту. Между ним и его женой по-прежнему полоса в шесть дюймов.

--

— Простите…

— Одну минутку подождите.

Чарли смущенно топчется в больничном коридоре. В шести футах от него стоит каталка

с женщиной. Чарли смотрит на женщину как завороженный. То, что происходит вокруг, уже ее не интересует, поток обычной жизни катится мимо нее — все эти белые халаты, шприцы в руках сестер, пакеты с гостинцами, стопки белья. Раздается детский плач, потом успокаивающий материнский лепет. И посреди всей этой больничной суматохи — она, женщина на каталке.

Чарли не пытается поймать ее взгляд или заговорить, он разглядывает ее тайком, без ее ведома. Собственно, рассматривать почти нечего. Тело, угадывающееся под застиранными больничными простынями, совсем маленькое, как у ребенка. Лицо, вот что Притягивает взгляд Чарли. Очень старое лицо.

Рот женщины слегка приоткрыт, он превратился в безгубую щель, а ведь он когда-то дарил поцелуи, хвастался или жаловался на служебные неурядицы, обсуждал маленькие трагедии дальних родственников. А теперь почти исчезнувшие губы дрожат, а из уголка Стекает тонкая струя слюны, похожая на паутинку. Лицо — в глубоких бороздках, похожих на трещины в Пересохшем русле реки. Вся кожа будто бы присборена — словно женщину держали целую неделю в ванной и кожа будто бы растянулась и стала велика. Чарли

сам не понимает, почему он глазеет и глазеет… Видимо, из-за контраста, решает он, контраста между этим почти бесформенным холмиком под белыми Простынями и бурным потоком жизни вокруг, жизни, которой нет никакого дела до уходящих. Да, страшно видеть, как они не замечают друг друга, живые и уходящие. Им вдруг овладевает отчаянное желание избежать такого мучительно долгого ухода.

— Забери меня сразу, Господи, когда придет мой последний час, — бормочет Чарли.

Он решается еще раз посмотреть на старуху. И почти с ужасом замечает, что она смотрит ему прямо в глаза. Смотрит маленькими черными глазками, похожими на маслины, в них тускло отражаются длинные Неоновые лампы на потолке. Ее глаза пугают Чарли. В них нет равнодушия обреченности, как ожидал Чарли, в них нет печали, или безумия, или сонной одури от лекарств. Они полны ужаса. В них отражается огромная вселенная, состоящая из страха. Это взгляд человека в ясном сознании, все-все понимающего.

Прежде чем Чарли успевает отвести глаза, лицо чуть-чуть изменяется. Чарли не понимает, каким становится его выражение и может ли оно вообще иметь какое-то выражение. Но потом раз-

личает улыбку, едва-едва заметную, тем не менее Чарли точно знает, что улыбка эта предназначена ему. Чарли вздрагивает. Он смутно чувствует, что этой женщине известно что-то ужасное — о нем, о Чарли.

— Так что вам нужно?

— Мне?

— Да, вам. Что вы хотите?

— Ах да. Мне нужен Ллойд Джордж.

Медсестра, тучная, черная, не уступающая габаритами огромной морской корове, даже не поднимает головы. Сухим тоном она говорит:

— У нас тут каждая минута на вес золота. И мы не держим ни Ллойда Джорджа, ни Джима Каллагена, ни лорда Китченера[98]. Будьте любезны, назовите четко имя и фамилию, и я вам все скажу.

— Но его действительно так зовут. Ллойд Джордж. Только он не министр, он цветной. Его привезли к вам пару дней назад.

Медсестра смотрит на него скептически:

— Он черный, да?

— Ну да, цветной.

— Черный. Карибский африканец.

---

[98] Примечания: 98

Китченер Горацио Герберт (1850–1916) — английский фельдмаршал, министр обороны (1912–1914 гг.).

— Можно так сказать, можно эдак. Почему теперь всех все раздражает, а? Что ни скажешь, все невпопад.

— Просто среди нас есть и нормальные люди, не только эти, которые понаехали сюда со своими барабанами.

— Что вы такое говорите? Разве я хоть словом… Послушайте, милая, скажите, где он, пожалуйста, буду вам крайне обязан.

— Никакая я вам не милая.

— Ох, господи ты боже мой! Вы можете мне просто сказать, где он?

Она молчит, потом с недовольным видом начинает медленно листать регистрационный журнал, лежащий перед ней на столе.

— Палата Флоренс Найтингейл[99], вторая налево.

Чарли направляется в указанную сторону и с облегчением отмечает, что каталки с женщиной уже нет. Он идет по длинному коридору, стены которого увешаны детскими рисунками. Войдя в палату, он сразу находит глазами Ллойда. На его лицо страшно смотреть. Нос сломан, скула рассечена, левый глаз заплыл. Грудь туго забинтована,

---

[99] Примечания: 99

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — прославленная английская медсестра.

а к руке подсоединена капельница. Увидев Чарли, он даже не улыбнулся, просто удивленно вскинул брови и как-то странно кивнул, словно в ответ на свои собственные мысли. Потом что-то пробормотал себе под нос.

Чарли подходит к стоящему рядом с кроватью стулу:

— Как самочувствие?

Ллойд не отвечает.

— Боли здорово мучают?

Ллойд продолжает молчать, и это ужасно… У самого Чарли болят ноги от усталости.

— Ты не возражаешь, если я сяду?

Ллойд как-то неопределенно поводит головой, непонятно, что он имеет в виду, "да" или "нет".

Чарли усаживается, складывает на коленях руки, потом их опускает.

— Я смотрю, ты неплохо устроился.

Ллойд морщится. Когда он наконец начинает говорить, голос у него хриплый и сухой, загнанный вглубь, как у чревовещателя:

— Чего тебе нужно, Чарли?

Входит сестра, улыбнувшись, поправляет пузырек и переходники на капельнице.

— Как сегодня наши дела, мистер Джордж?

— Дела как сажа бела.

— Ну, это вы совершенно напрасно, — говорит она заученно-бодрым тоном. — Еще день-другой, и вы встанете на ноги.

Сделав это обнадеживающее заявление, она удаляется.

— Я смотрю, сестрички у вас очень даже ничего, — говорит Чарли, натужно изображая веселость. — Милашки.

И снова Ллойд молчит, не желая ему подыгрывать. Чарли шумно вздыхает:

— Ну что ты, в самом деле? Ты же закаленный парень, сколько всего на своем горбу вынес — и никогда не падал духом.

— У меня нет горба. Зато все остальное мне обеспечили. Перелом ребра, разбитая челюсть, проломленный нос, покореженная физиономия, два сломанных пальца, таким образом, на данный момент у меня в общей сложности целых всего шесть. А вот горб как-то упустили из виду.

— Но при чем тут я, Снежок? Почему ты со мной так разговариваешь? Так уж легли…

— Так уж легли карты, детка. — Ллойд на удивление точно воспроизводит интонацию Чарли, зло и хлестко, как это делали когда-то в школе.

— А ко мне-то какие претензии?

— Только одна: меня отдубасили вместо тебя.

— Да, но… Я не хотел… Все из-за него, из-за Майка Сандерленда. Я услышал, как он нахально смеется, ну и… Вот так все и получилось, Снежок.

Ллойд снова кивает, опять в ответ на свои мысли. Потом начинает говорить странно отсутствующим голосом, словно вокруг не больничные стены, словно он забыл про свои синяки и раны.

— Понимаешь, я тут много чего передумал, прокрутил в голове. Такая встряска способствует, если ты понял, о чем я толкую. Прочищает мозги в твоей старой черепушке.

Чарли, приободренный тем, что тон Снежка стал менее враждебным, улыбается.

— Это как с телевизором. Вдаришь по нему разок, и он снова работает.

— Ну, если ты считаешь, что с моей головой нужно обращаться, как с телевизором…

— Да я так, к слову…

— Я понял, в чем дело. Они подошли ко мне, потому что я черный.

— Тебе показалось…

Ллойд чуть приподнимается на подушке и, повернувшись к Чарли, смотрит на него. В первый раз за весь разговор.

— Перестань, Чарли. Именно потому, что я

черный. Слышал бы ты, что они мне говорили. Ниггер такой, ниггер сякой. В общем, дорвались, наконец отвели душу. Лупили и приговаривали: "Ну что, небось не нравится, черная шкура?" Я все пытался им втолковать, что я ничего не швырял в полисмена. И знаешь, что они мне ответили?

— Что?

— Они ответили: "Знаем, что не швырял". И давай гоготать.

— Это черт знает что такое, Снежок, это…

— А тот лысый, с маленькой головой, который шел рядом с тобой. Незадолго до всей этой заварухи. Я слышал, что он тебе сказал.

— Не понимаю, о чем ты…

— Он назвал меня черножопым. Долбаным черножопым. А потом кое-что сказал тебе. Что я мартышка. А ты только улыбался в ответ.

У Чарли начинает кружиться голова, к горлу подкатывает комок, он и не представлял себе, что от стыда может так сводить живот.

— А что я, по-твоему, должен был делать? Я улыбался совсем не потому, что был с ним согласен, просто…

— Я не знаю, что ты должен был делать, Чарли. Я только говорю, как все было.

— Я хотел его отбрить, думаешь, нет? Но я…

Морщась от боли, Ллойд старается сесть. Чарли инстинктивно наклоняется и пытается ему помочь, но Ллойд с неожиданной силой отбрасывает его руку. Он немного разворачивается, чтобы видеть лицо Чарли.

— И ведь это было далеко не в первый раз. "Трижды ты отречешься от меня"[100]. Как сказал Иисус. А кто это был, Чарли?

— При чем тут Иисус? О чем ты?

— Павел, да? Или Марк[101]. В любом случае это был белый… беленький гад и скотина. Трижды отречешься, да. А что сделал я? Я подставил другую щеку[102]. Гиацинта моя, она сказала, что я должен подставить другую щеку, потому что она верит во все эти Христовы глупости, в Голгофу и в ангелов. Вот такой интересный бокс. Она сказала мне: "Подставь другую щеку, Ллойд. Ведь Чарли твой друг". Тот несчастный, тот несчастный горемыка в звериной шкуре, как вы его все травили, Чарли. Ты даже вскочил с ногами на стул. Я видел

---

[100] Примечания: 100

См. Библию, Евангелие от Иоанна, гл. XIII, ст.37, 38.

[101] Примечания: 101

На самом деле в Библии говорится, что Иисуса предал апостол Петр.

[102] Примечания: 102

Имеются в виду слова Иисуса Христа: "Ударившему тебя по щеке подставь и другую…" (Евангелие от Луки, 6;29.)

твое лицо, и ты тоже хотел, чтобы он умер. Ты готов был собственными руками его прикончить и выбросить с ринга. Я не мог больше там оставаться, Чарли, потому что если бы я остался, то уже не сумел бы внушить себе, что ты не такой, как все они, что ты другой.

Чарли вдруг слышит слабое "бип-бип" — это работает монитор, установленный рядом с кроватью Ллойда. Его ритмичное попискиванье действует успокаивающе, Чарли старается сосредоточиться на этом звуке.

— А после ты пригласил меня к своему брату поиграть в карты. Томми, твой сын, Майк Сандерленд, ну и мы с тобой. Братец твой даже не захотел пожать мне руку и приготовить для меня выпивку — тоже. Я был для него как пустое место — плюнуть и растереть. И что ты, по-твоему, должен был делать, а, Чарли? А я все слушал, все ждал, что мой старый друг Чарли поставит своего братца на место. Но тебя интересовали только твои карты. Только игра. Только как бы тебе выиграть, чтобы показать, какой ты герой, покрасоваться перед сыном и перед братом… особенно перед братом.

— Но я же ничего такого не сделал, Снежок…

— Ты ничего такого не сделал. И ничего не

должен был делать. И в Уоппинге ты тоже ничего не сделал. Вы тут все одной породы, вы никогда ничего не делаете, вы всегда ни при чем.

Ллойд закашлялся. Так громко и так надсадно, что Чарли хотел позвать сестру, но приступ кашля постепенно утих. И тогда грянула тишина. Чарли лихорадочно пытался придумать хоть какие-то слова, чтобы заполнить страшную брешь пустоты и отчужденности, но она все росла и росла.

— Ты не совсем справед…

— Я знаю, что ты думаешь про Майка Сандерленда. Он действительно мешок с дерьмом. Весь в дерьме, до самых своих продажных белесых гляделок, которыми этот левак постоянно зыркал в правую сторону. Закружилась у мальчика головка, не думал я, что он клюнет на эти сучьи радости, а он клюнул. Черт с ним. Я был уверен, что у нас с тобой все честь по чести, что мы оба чтим правила маркиза Куинзбери, но и тут я ошибся.

Чарли снова умирает со стыда, но на этот раз к стыду примешивается легкое раздражение и протест. К чему вся эта истерика? Ллойд многое передергивает.

— Не горячись, Снежок. Ты слегка сгущаешь

краски. Цветные люди…

— И какого же я цвета, Чарли? У каждого из нас есть свой цвет.

Чарли окончательно растерялся. Ллойд никогда с ним раньше так не разговаривал.

— Хорошо, черные люди. Карибские африканцы.

Ллойд уже остыл и заговорил прежним отстраненным тоном, как в самом начале.

— Посмотри на меня, Чарли. Я был красивым парнем, который мог стать великим боксером. Но не стал, не захотел портить свою пригожую рожицу. Правда, забавно получилось, Чарли? Особенно с рожицей… Подумаешь, проблема, правда? Рожица стала рожей. Теперь я такой же урод, как все вы. Такой же безобразный, как ты.

Чарли так и не придумал, что ему отвечать. Теперь Ллойд говорит почти шепотом. Веки его опускаются, будто его одолевает сон, и он уже почти не может ему противиться.

— Нет. Ты все-таки безобразнее, Чарли.

Чарли хочет поймать в холодном океане своей души слова, но их нет, эти серебряные рыбы ускользнули от него, уплыли прочь из его сетей.

— Снежок, мы почти пятнадцать лет знаем друг друга. Как можно ставить на них крест…

— И еще одна вещь, Чарли.

— Какая? Что еще? — спрашивает Чарли онемевшими губами, наклоняясь ближе, чтобы разобрать шелестящий шепот.

— Не называй меня Снежком.

— Я…

— У меня есть имя. Я Ллойд.

— Ллойд…

Он поднимает свою искалеченную руку и делает слабый взмах.

— Ты иди. Устал. Устал я.

— Ты что?

— Устал.

Откуда ни возьмись, появляется медсестра.

— Полагаю, мистеру Джорджу пора отдохнуть. Полагаю, вам лучше уйти.

Ллойд поворачивается и кладет голову на подушку, его глаза закрываются. Чарли поправляет ему одеяло и смотрит на сестру, потом трет переносицу, снова пытаясь придумать правильные и точные слова, но они опять не находятся и, вероятно, уже никогда не найдутся. Чарли встает со стула:

— Ладно, я пошел. Как-нибудь еще забегу, Сне… Ллойд.

Чарли поражается самому себе: голос у него по-

чти нормальный, разве что чуть громче и бодрее, чем обычно.

Ллойд ни словом, ни жестом не отзывается на эту фразу. Чарли опять смотрит на сестру, та холодно улыбается и решительным кивком показывает на дверь. Чарли на пороге задерживается. Он поднимает вверх руку, как бы прощаясь, потом рука его бессильно падает, и Чарли медленно уходит.

13

Тысяча девятьсот восемьдесят седьмой. Январь. Морин, оседлав чресла Питера, ритмично и плавно раскачивается. Она изумленно прислушивается к себе, к этим волнам, нагоняющим одна другую, проникающим все глубже и одновременно рвущимся наружу, пронизывая почти нестерпимым сладостным жаром весь низ ее живота... Морин всегда считала, что подобные ощущения доступны лишь сексбомбам из порнушек и эротических романов, серия "Черные кружева". Ну и, само собой, героиням мыльных опер, без которых она просто не могла жить, а теперь почти их не включает.

Питер коротко постанывает чуть сиплым, сры-

вающимся на фальцет голосом, это означает, что он на подходе. Крепко обхватив бедра Морин, он все крепче прижимает ее к себе. Лицо Питера еще сильнее ее возбуждает: яркие от прилива крови губы, пылающие щеки, дикие обезумевшие глаза. И вот он — все, конец; она чувствует острую, ни с чем не сравнимую радость, но продолжает следить за каждым его жестом, за каждой гримасой.

Его мышцы уже расслабились, однако Морин ждет, когда окончательно успокоится и то, что в ней. И лишь убедившись, что уже действительно полный спад, она слезает с Питера. А он смотрит на нее потрясенным взглядом, полным обожания, похоже, он просто не может смотреть на нее иначе. Чарли никогда на нее так не смотрел, ни разу. Морин, обессиленная, падает на подушку, потом нюхает букет, стоящий возле кровати. Тонкий солнечный луч прорывается в комнату. Морин, почти не веря самой себе, фиксирует: она счастлива, да, она действительно счастлива. Как давно она не испытывала этого ощущения!

Несколько минут они молчат, отдавая дань уважения пережитому только что. Болтать сразу после такого — кощунство. Держась за руки, оба долго разглядывают потолок.

— Как же я люблю твое тело! — говорит Питер.

Ее уже не смущает то, что этот мужчина обожает ее обвисшую вянущую плоть. Он принимает ее такой, какая она есть, безоговорочно. Поэтому Морин прекратила все свои спортивные подвиги — никаких пробежек, никаких скакалок, никаких растяжек, никакой интенсивной ходьбы и аэробики. Это было как чудесное избавление. И даровал ей это чудо он, Питер. Она и за это его любит. А чем еще он выгодно отличается от многих? Пожалуй, своими ранами и ранимостью. Он тонко чувствует, он сразу замечает, чуть что не так. А Чарли всегда был слепцом, почти всегда.

— Почему ты не уходишь от него, Морин?

Морин все труднее и труднее считать свой обычный ответ искренним. Откровенно говоря, брак с Чарли уже не кажется ей неодолимой преградой, все чаще она находит оправдание разводу, выбирая те доводы и факты, которые ей удобны. Сейчас очень многие разводятся, твердит она себе. Это стало почти нормой, хотя об этом не принято говорить. Глупо думать, что два человека в состоянии прожить вместе всю жизнь, если учесть, что продолжительность жизни значительно возросла. Это устаревшие нормы. Люди меняются. Она тоже раньше считала, что семья — это нечто святое и неприкосновенное, а сейчас

ее одолевают сомнения. Питер прав: раз ты изменяешь мужу, чего же тут святого? На это трудно что-то возразить. И тем не менее она произносит все те же две фразы, сотни раз повторенные:

— Ты знаешь почему. Я дала обещание.

Сказав это, она вдруг понимает настоящую причину своей нерешительности. Она чувствует, что ей жаль Чарли; у нее не хватит сил так жестоко с ним обойтись. Если бы он дал хоть какой-то повод, уж тогда бы она высказалась, но у Чарли спокойный нрав, и он честный человек, вот в чем загвоздка. За всю их жизнь — почти ни одного ругательства, ни разу на нее не крикнул. В последнее время она начала специально его провоцировать, но никакого толку, он верен себе.

А еще ей страшно. Их с Питером история такая зыбкая и хрупкая, сзади — ничего, только слабая тень, больше воображения, чем реальности. Впереди… Абсолютная неопределенность будущего без Чарли заставляет ее сердце испуганно биться. Но она старается проделать в этой трясине неопределенности хоть какое-то русло, чтобы можно было плыть дальше.

— Не знаю, долго ли я еще смогу вот так, — говорит Питер.

— Почему ты не уходишь со своей работы? —

спрашивает Морин.

Она и сама не знает, почему так спросила, откуда вообще выплыл этот вопрос, из каких глубин ее мозга. Раньше она не замечала за собой такой решительности. Питер не меньше, чем она, удивлен самой постановкой вопроса.

— Что?

— Ты постоянно жалуешься, что у них там никаких перспектив. Что они не могут наладить нормальную рекламу, что половина машин постоянно в ремонте, что инструкторы иногда даже не являются к клиентам.

— Они хотели взять меня в долю, сделать равноправным партнером.

— Они уже несколько лет кормят тебя одними обещаниями. Этого никогда не произойдет, Питер.

— Но я не думаю, что…

— Этого никогда не будет, Питер. — Морин замечает стальные нотки в своем голосе. Она решительно себя не узнает, обнаруживая в себе совершенно неожиданные свойства, которые изумляют ее, как всякий раз изумляют весенние крокусы, вдруг проклюнувшиеся из мертвенно-голой земли. — Да, этого никогда не будет. И почему ты думаешь, что они действительно тебе

что-то предложат? Они уже хорошо поняли, что ты готов довольствоваться вторыми ролями. Ты уже раза три грозился уйти, а сам не уходишь. Они смеются за твоей спиной, они уверены, что никуда ты от них не денешься. Так зачем им брать тебя в долю?

Питер распластался на простынях, растекся, как чернильное пятно, его член сморщился, совсем малыш. Разнеженное лицо вдруг твердеет от изумления:

— Что ты там такое говоришь?

— Я сама не знаю, что я говорю.

Но на самом деле у Морин уже родилась одна мысль, грандиозная. Ей ужасно хочется с ним поделиться, но ее идея слишком уж смелая, можно сказать, революционная. И все-таки она не вытерпела — пугающие, обжигающие горло слова пробиваются наружу:

— Начни свое собственное дело.

— Прекрати, Морин. А где я возьму для этого деньги? Ссуду на дом надо выплачивать, и немалую. И на мне еще алименты на троих детей. Одному мне не потянуть.

— А если не одному?

Глаза Морин сияют, горят от собственной храбрости. Она вспоминает Мари-Роз и ее салон, о том,

как интересно было выстраивать на странице эти колонки из цифр, заключать их энергию в черные крючочки и овалы. Она вспоминает сериал "Даллас", эту легенду о коммерческом Граале. Нефтяные скважины. Роскошные спортивные машины. Парк из шести авто "форд-фиеста". "М. и П. Автошкола". Это название возникло сразу и страшно ей понравилось.

При последних ее словах он рывком сел, дряблые мышцы на животе перетекли в складки и обвисли. И у самой Морин весь ее жирок расплющился и расползся вширь. Хороша парочка, один другого стоит…

— Что ты такое говоришь?

— Я могла бы взять на себя все расчеты. Конъюнктура, рынок, административно-хозяйственные проблемы. С этим я бы справилась. Чарли всегда говорит, что я гениальный организатор.

В глазах Пита вспыхивает бешеная радость, но через миг он снова откидывается на подушку:

— Да-а, но деньги… где их взять? Несбыточная мечта, Морин, коварная, как шотландский туман.

— Да брось ты! Наш с Чарли дом сейчас стоит не меньше восьмидесяти тысяч, с пристройкой, с этим зимним садом, с которым он возится уже

пол года, точно не меньше восьмидесяти. А проценты мы платим с тридцати. У меня припрятана кое-какая наличность. Если добавить эти деньги, на подъемные хватит. То есть если, конечно, мы с Чарли, конечно… если мы с ним…

В их разговорах она еще ни разу не произносила этого слова, оно и сейчас не желало произноситься, намертво прилипнув к кончику языка. Какое же оно тяжелое… невероятным усилием воли Морин вытолкнула его наружу:

— Если мы разведемся, мне полагается половина всей стоимости имущества, так?

— Если ты разведешься?

— Я не говорю, что я разведусь. Я пока просто мечтаю. Но моя идея насчет школы не так уж и безумна, верно?

— Не знаю, не знаю.

— Сколько стоит машина?

— Хватит, Морин. Угомонись.

— Что?

— Еще не факт, что из меня получится бизнесмен.

Морин вдруг испытывает странное возбуждение, от которого ее обдает жаром, все нутро.

— А из меня получится.

— То есть?

— Я смогла бы. Я хорошо считаю. У меня даже есть теперь диплом бухгалтера. Я хорошо разбираюсь в денежных делах. Я могла бы взять на себя финансы.

— Ты? Ноты же… ты все-таки…

— Говори, не стесняйся… Я все-таки только женщина, да?

— Ну почему… Дело не в этом, то есть не совсем в этом…

— Именно в этом. Послушай, Пит. Я не собираюсь всю жизнь, ту, что мне еще осталась, заваривать чаёк и точить лясы с кумушками в супермаркете. Хватит, накушалась уже. Если у нее получилось, значит, и у меня получится. Она, между прочим, была обыкновенной домохозяйкой.

— Кто?

— Она. Миссис Тэтчер.

— А она-то тут при чем?

— При всем. А может, и ни при чем. Я просто так говорю. Как они все к ней кидаются, ловят каждое ее слово, стоит ей только появиться! Все эти лощеные джентльмены. А когда я вхожу, у меня спрашивают, не прихватила ли я печенье-ассорти.

Питер выглядит смущенным:

— Правда?

— Ты уйдешь со своей работы?

— Но это слишком рискованно.

— Так уйдешь?

— Честное слово, Морин. Если бы я это сделал…

— Что тогда?

— Если бы я это сделал… Это было бы черт знает что такое.

— Ой, было бы… — мурлычет Морин, покусывая его ухо и зарываясь пальцами в седую поросль на его груди.

--

Чарли немного пятится, устанавливает выдержку и наводит фокус, потом делает снимок. В его альбоме уже девяносто шесть цветных фотографий, на которых отображены все этапы строительства, от ямы, вырытой под фундамент, до нынешнего дня, можно сказать, крещения. Знаменательная дата. Его зимний сад готов.

Доски для обшивки Чарли выбрал американские, очень прочные, из джорджианского дуба. Французские застекленные двери, стандартные, с тройным испанским замком. Древесина обработана специальным составом, под красное дерево. И разумеется, двойные рамы. Скатная крыша,

покрытая алюминиевой эмульсией, отделанная по краю резными украшениями. Шестисотмиллиметровые брусья под полом. Каждую деталь он долго обследует, удовлетворенно вспоминая все произведенные действия. Кирпич пристройки практически неотличим от кирпича, из которого сложен сам дом. Солнечный свет струится сквозь шесть оконных рам. Хотя пристройка сборная, типовой фабричный набор, требовалось немалое мастерство и терпение, чтобы все сошлось, ничего не перекосилось. Рядом с пристройкой миниатюрные железнодорожные пути. Теперь вся картина его мира завершена.

Чарли жаждет отметить событие. Стачка в Уоппинге с грехом пополам продолжается. Чарли чувствует, что за последний год эта пристройка — единственная стоящая вещь, которую он сделал. Он рукавом трет пятна, оставленные его пальцами на стекле двери. Без пятен его сооружение выглядит абсолютно таким же, как в каталоге фирмы "Лондонские традиционные и современные зимние сады". Нет, все-таки в этом есть что-то волшебное, как самые обычные безжизненные материалы преображаются в руках человека; как в конце концов и штукатурка, и цемент, и дерево подчиняются твоей воле, обретая форму,

обещанную чудесной картинкой в каталоге.

— Морин!

Морин в доме, все зубрит "Правила дорожного движения", готовится к очередной пересдаче. Иногда Чарли кажется, что она никогда не сможет получить права, но он восхищен ее упорством. Ни за что не хочет бросать занятия. Питер Хорн даже сделал им скидку на двадцать процентов, Чарли был тронут добротой соседа и поистине нечеловеческим терпением.

— Морин!

Морин входит из двери холла, ведущей в пристройку, и через пару шагов попадает в квадрат солнечного света. На ней широкие брюки и белая блузка. Чарли смотрит на нее широко раскрытыми от изумления глазами. Боже, настоящая красавица, очень хороша… его сердце сжимается от нежности. В этом городке она просто расцвела, с гордостью отмечает Чарли, а ведь как артачилась. Много воздуха, удобный, дающий простор для творчества дом — это все-таки великая штука. "Встань — и иди". Стоящий оказался девиз. Ходьба по нехоженым тропам пошла ей на пользу. Нажав на одну из ручек "под бронзу", Морин толкает стеклянную дверь и выходит на прохладный воздух. В левой руке — книжечка с

"Правилами". Чарли подходит и целует Морин, обнимает за талию.

— А у меня для тебя сюрприз, детка. Угадай какой.

— Какой?

— Я закончил, Морин. Правда закончил.

Морин улыбается. Чарли уже в который раз замечает, что в последнее время даже ее улыбка стала другой. Улыбается Мо гораздо реже, но сама улыбка стала намного счастливее. В ней больше жизнелюбия и щедрости.

— Поздравляю, Чарли.

— Несмотря на все мои теперешние проблемы, я чувствую… чертовски рад.

Она, улыбнувшись, чмокает его в щеку, после чего, сложив руки на груди, начинает изучать творение своего мужа. И то, что она видит, действительно чудесно. Она чувствует искреннюю гордость. Чарли, довольный, кивает головой. Морин давно не видела его таким счастливым.

— Теперь наш дом будет стоить на десять, а то и на все пятнадцать тысяч дороже.

— Думаю, ты прав.

— Ты никогда не догадаешься, за сколько продали тот дом, сразу за перекрестком.

— Это какой же?

— Кажется, у него номер семь. Домик так себе. Окна одинарные. Нет навеса для машины. Наверняка на одну спальню меньше, чем у нас. Отдельной кухни нет. Там пакистанцы жили.

— Они не пакистанцы, Чарли. Они сикхи.

— Одним словом, индийцы. Какая разница. Угадай, сколько они получили?

— Не знаю.

— А ты подумай.

— Понятия не имею.

Чарли вдруг чувствует досаду, Морин своим упрямством портит ему настроение.

— А ты все-таки подумай. Назови цифру наугад, самую дикую.

— Тысяч восемьдесят?

Чарли разочарованно поджимает губы:

— Точно.

Наступает пауза, и все-таки радость обладания новой собственностью затмевает досаду Чарли, не ожидавшего от Морин столь точного попадания.

— А что имеем мы, Морин? У нас на одну спальню больше. А теперь еще и чудесный зимний сад. Теперь наш домик потянет тыщ на сто. Нет, ты только вдумайся! Изначальная цена была тридцать тысяч. Сейчас стоимость дома уже не

меньше семидесяти. А цены на недвижимость растут как на дрожжах. Каждую неделю. Каждый день!

Морин улыбается. Она тоже успела произвести кое-какие расчеты, но она не просто складывала, она еще и делила пополам.

— И кто бы мог подумать?

— Кто бы вообще стал об этом думать?

— Я полагаю, это событие надо отметить, правда? Бокалом шипучки.

— Кока-колой или "Тайзером"?[103] — кротко спрашивает Чарли.

Морин все еще не подпускает его к выпивке. В разговорах с Томми Чарли обычно называет приказ Морин "фетва"[104].

— Думаю, сегодня мы можем позволить себе напиток более благородный. Я выскочу в магазин, что-нибудь куплю.

— Серьезно?

— Но ты ведь заслужил.

— Тебе не нужно никуда идти.

— Это почему же?

---

[103] Примечания: 103

"Тайзер" — фирменное название фруктового газированного напитка.

[104] Примечания: 104

"Фетва" — у мусульман так называется официальное предписание муфтия.

— Когда мы сюда приехали, у меня было несколько бутылок. Я их спрятал, от греха подальше.

— Ну, иди доставай, сэр архитектор.

— Оно мигом охладится.

Чарли следом за Морин направляется в дом. Наконец-то он чувствует себя человеком. Нормальным мужчиной.

— Ну и где же ты их припрятал, трусишка, хитрый бельчонок? — говорит Морин с капризной гримаской, которую обычно приберегает для Питера.

Чарли, широко улыбнувшись, выходит из гостиной.

— На чердаке.

Чарли не видит, как побледнело вдруг лицо Морин. Она бросается за ним вслед.

— Чарли…

Но он уже поднимается наверх. А через несколько секунд слышно, как он направляется к чердачной лестнице, закрепленной на стене. Он снимает со стальных крючков петли. Морин уже здесь, за его спиной, она скороговоркой выпаливает:

— Я думала, мы выпьем что-нибудь особенное. Может быть, настоящее "Моэ".

— А у меня настоящий "Маккой". Отличной

выдержки. Это мне Томми подарил. Давно уже. Шикарное шампанское.

Морин лихорадочно обдумывает, что еще предпринять, как спастись от опасности. Она даже готова изобразить обморок, но тут же понимает, что это смешно. А Чарли уже открыл чердачный люк, и через пару секунд он уже там, на чердаке. Морин пытается взять себя в руки. Вовсе не факт, что он наткнется на то, из-за чего она так паникует… Ее язык старается по старой привычке нащупать язвочку, но их нет, ни одной. Язвочки во рту исчезли, как и бородавки, она избавилась и от той, и от другой напасти благодаря своей новой жизни.

— Надо же, эти жлобы, прежние хозяева, и здесь выкрутили лампочку. Темнотища, как в преисподней. Господи ты боже мой.

Глаза Чарли постепенно привыкают к мраку, света, проникающего через люк, достаточно, чтобы ползти вперед. Он уже не помнит, где спрятал бутылки, помнит только, что где-то в дальнем конце. Он чиркает спичкой, и чердачная утроба наполняется мерцающим желтоватым светом. В дальнем конце, у наклонного подстропильного бруса он видит полиэтиленовую сумку с надписью "Асда", бутылки должны быть там.

Наклонный потолок очень низок. Чарли делает маленькие шаги, балансируя на потолочных балках, не хватало только пробить штукатурку в холле… От внезапно потянувшего сквозняка спичка гаснет. Он лезет в карман за коробком, спотыкается и — падает.

— Дьявольщина!

Не вставая, он нащупывает в кармане коробок. Снова зажигает спичку, решив, что дальше лучше передвигаться на всех четырех, вернее, на трех. Рядом с полиэтиленовой сумкой он замечает в том же углу кусок доски, прислоненной к ребрам мелких балок. Он подползает как можно ближе, потом, вытянув руку, как следует прихватывает его пальцами и опрокидывает. Спичка снова гаснет. Он снова нашаривает коробок, но нечаянно его роняет. Чарли чувствует сухость во рту. Ему вдруг отчаянно хочется выпить, он ощущает, как сильно истосковался по чуть обжигающему язык напитку, по нежащему теплу, разливающемуся по жилам.

— Господи ты боже мой.

Теперь ему приходится шарить вокруг, он пытается ощупью отыскать коробок. Кусок доски прикрывал дыру в стене, Чарли опасается, что коробок упал именно в нее. Он протягивает

руку к дыре, его ладонь, словно юркий зверек, проскальзывает внутрь. Но вместо засохшей грязи, шершавых стружек и опилок он ощущает что-то шелковистое. И мало того, до его ноздрей доносится слабый запах духов. Он подцепляет краешек этой субстанции и разминает его между большим и указательным пальцами, какая-то одежда, догадывается он. Он засовывает руку глубже и обнаруживает, что вещей в этой норе очень много. Секунд через тридцать он все-таки находит коробок. Чиркает спичкой.

В тусклом желтом свете он не сразу может разобрать, что же спрятано в этой норе. Какие-то полиэтиленовые пакеты, туго набитые тканями. Присмотревшись, он различает на краях кусков материи ярлыки фирменных магазинов: "Некст", "Принсиплз", "Маркс энд Спенсер". Эти квадраты с названиями напоминают обломки кораблей на поверхности моря из разноцветных матерчатых волн. Тканей очень много, десятки кусков. А потом даже при этом слабом неровном свете ему удается рассмотреть, что это не просто ткани, это готовые вещи, причем модные и совершенно новые. Спичка догорает, обжигая пальцы. Чарли вытаскивает очередную, чиркает. Теперь рука его слегка дрожит. Цвета тусклые и блеклые,

трудно понять, какие они на самом деле, но, распотрошив аккуратные кипы, он хорошо видит, что это за вещи. Здесь и платья, и брюки, и пиджаки, нижнее белье, колготки, юбки, блузки. Три пары кожаных перчаток, две пары высоких, до колена, сапожек. Шарфики, свитера, кардиганы. Целая коллекция. Рот Чарли непроизвольно приоткрывается, и туда тут же набивается пыль. Он сглатывает, ощущая в горле липкий комок. Жажда усиливается, становится нестерпимой. Он пытается понять, что означает эта находка. Но не может найти никакого объяснения. Он закрывает рот, стиснув губы, потом снова открывает, чтобы крикнуть, и погромче. Но крик получается сиплым и глухим:

— Морин!

Никакого ответа.

— Морин! Что это там за чертовщина…

Чарли, пятясь, слезает с лестницы, весь перепачканный в пыли, с перекошенным лицом, крепко сжимая в левой руке пакет со злополучным шампанским… Обернувшись, он обнаруживает, что Морин ушла.

--

Чарли сидит на диване и тупо смотрит в окно. Морин не появляется уже пять часов. Солнечный

свет уже тускнеет, отливает бронзой. Чарли ерзает, чувствуя под собой что-то жесткое. Молоток, догадывается он, молоток, которым он сегодня доводил пристройку до идеальной кондиции. Он вытаскивает его из-под подушечки, кладет рядом на пол, снова усаживается. Из второй бутылки он бухает в бокал остаток шампанского и раскуривает сигарету, десятую за час. Перед ним стоит пепельница, полная окурков. Гостиная вся сизая от едкого дыма.

На столике перед Чарли расстелена газета, на ней расставлены баночки с краской. Нетвердой рукой он наносит последние мазки на корпус модели американского локомотива "Могол 2-6-0 Тендер", паровой двигатель, главнейшее достижение века, да, переворот в технике.

Из-за выпитого шампанского все перед глазами Чарли слегка расплывается, он пытается сосредоточиться. Но красная краска стекает каплями, наползая на черный цвет через ровненькую ограничительную линию. Вид у паровоза кошмарный. Однако Чарли продолжает красить, все чаще попадая кисточкой не туда. Красные капли попали даже на серебристый металл колеса, однако Чарли не удосужился их стереть.

Услышав, что подъехала машина, он лишь

поднимает голову, чтобы посмотреть. Видит знакомый инструкторский "форд-фиеста" с нашлепкой "Джор-низ", замечает, что Морин сама ведет машину, но Питера рядом нет, однако эта поразительная деталь не задевает его сознания.

Услышав скрежет ключа в замочной скважине, он продолжает раскрашивать модель. Боковым зрением он видит, как Морин входит, как медленно обводит взглядом пол, на котором разложены вещи, и стулья, на которых они развешаны. Теперь хорошо видны и расцветки. Цвета насыщенные, бескомпромиссно яркие. Интенсивные желтые и голубые, карамельно-розовые, ослепительно-зеленые, как молодая листва. Гостиная похожа на замершую картинку в калейдоскопе. Морин шагает, переступая через вещи, к стулу напротив Чарли. Она неспешно, с комфортом усаживается и смотрит Чарли прямо в лицо. Он не ожидал, думал, что она не посмеет, отведет глаза.

— Ты не хочешь снять пальто?

Вот единственная фраза, которая приходит Чарли в голову.

— Это ни к чему.

Чарли с понимающим видом кивает, хотя на самом деле ему совершенно неясно, что она име-

ет в виду. Он приготовился к покаянию, к тому, что она захочет облегчить душу.

Хмель уже немного выветрился, ему отчаянно хочется добавить еще, но нечего, и еще ему отчаянно хочется разрядить атмосферу, не важно как.

— Ты все их украла, да?

— Да.

Морин с готовностью кивает. Ни краски стыда, ни попыток оправдания. Чарли вдруг ощущает, что сейчас ему предстоит не нападать, а защищаться, и не понимает, откуда взялось это предчувствие.

— Тут же их сотни!

— Да, наверное.

— Я ни разу их на тебе не видел. Ни одной.

— Да.

Господи, сплошные тайны… Чарли хватает стакан — и лишний раз убеждается, что он совершенно пуст. Он ждет объяснений, даже проклятий, но она молчит и молчит, и это выводит Чарли из равновесия. Будь что будет, он все равно должен разобраться, пробиться сквозь эту давящую завесу.

— Почему? Почему ты это делала?

— Не знаю.

— Что значит "не знаю"?

Лицо у Морин напряженное и замкнутое. Чарли с растерянностью отмечает, что на нем ни намека на раскаяние, только жесткая решимость.

— То и значит, что не знаю.

Чарли стряхивает пепел в переполненную хрустальную пепельницу. Морин встает, берет пепельницу, собираясь отнести ее к помойному ведру. Чарли хватает ее за руку:

— Господи ты боже мой, Морин. Оставь ее в покое.

Морин покорно ставит пепельницу назад и снова усаживается. Чарли видит, что лоб ее сильно наморщен, будто она обдумывает что-то тяжелое и мучительное…

— Твоя беда в том, Морин…

— А твоя беда в том, Чарли… — вдруг резко перебивает она, таким тоном она никогда еще с ним не разговаривала. А следующая ее фраза будто ударяется в невидимую стену и отскакивает, как мячик. — Знаешь, в чем твоя беда, Чарли?

Морин ищет нужные слова, которые она так долго держала взаперти, что даже забыла о том, что они существуют. И она вытаскивает их на божий свет, который уже наполнился холодной синевой.

— В том, что ты все всегда про себя знаешь. Что тебе нужно работать в своей типографии. Что тебе нужно достраивать дом. Что ты можешь сооружать свой особый мир, свои железные дороги и станции. Ты, в сущности, порядочный правильный человек. А я нет. Я гораздо хуже тебя. И в моей жизни есть много вещей, о которых… ты даже не догадываешься.

Чарли лишь покорно кивает, надеясь, что в конечном итоге сумеет разгадать все эти шарады.

— Лучше бы ты ничего не трогал, Чарли. И все шло бы как шло. Перемены — это всегда риск. Тебе самому было бы лучше.

Чарли делает вид, что не слышал последней фразы.

— При чем тут я? Сейчас речь не обо мне. Зачем ты воровала все эти вещи?

Морин отвечает с ходу, без малейшей заминки:

— Это приятно.

— Разве? А что именно?

— Много чего.

— Но все-таки?

Боже, какая мука… Ему хочется схватить Морин за плечи и вытрясти из нее правду, но он ни разу даже пальцем ее не тронул, ни разу за все

эти годы.

— Мне трудно объяснить. Приятно брать вещи в руки. Выносить их. Их же специально развешивают перед тобой, чтобы разбудить в тебе желание ими обладать. Владельцы магазинов включают это в стоимость.

— Что включают?

— Издержки на возможные кражи. Они сами это разрешают, — как бы. Поэтому все не так уж страшно, можешь за них не переживать. Но мне нравилось не столько брать эти вещи, не столько сам процесс кражи. Это заставляло, конечно, поволноваться. Но меня толкало на это совсем другое.

Наступает пауза. Разговор их развивается по принципу русской рулетки — револьвере огромным барабаном, в котором тысяча пустых гнезд, но есть несколько с настоящими смертоносными патронами. Каждый фрагмент диалога — как поворот барабана и щелчок курка. Чарли все больше втягивается в опасную игру:

— И что же?

(Щелчок.)

— То, что ничего потом не происходило.

— В каком смысле?

— Я делала гадость. И ничего потом не проис-

ходило. Я снова делала гадость. И опять ничего. Я снова совершаю кражу, вторую, третью… десятую. И ничего не происходит, Чарли. Не было… никаких последствий. Понимаешь? Мне все сходило с рук.

Чарли смотрит на нее, его смятение растет.

— Господи, что ты такое несешь? — растерянно бормочет он.

(Щелчок.)

— Оказывается, можно делать гадости, Чарли. Можно запросто их делать, и ничего не изменится, и все твердит тебе: ничего с тобой не случится. И в конце концов сама начинаешь это понимать… Что да, можно делать все что угодно.

(Щелчок.)

— Все что угодно?

(Щелчок.)

— Да. Но это еще не все… эти кражи давали мне еще кое-что.

— Так-так, я слушаю.

Он пытается говорить суровым тоном, чтобы сохранить преимущество обвинителя, перед которым держат ответ, но на самом деле он чувствует себя как первоклассник в кабинете директора, знающий, что порки не миновать, что розги уже приготовлены.

— Когда мы только сюда переехали, Чарли, я была страшно одинока. У меня не было ничего. У меня забрали все. Все, что было моей жизнью.

— Но это было начало новой жизни. Нашей с тобой новой…

— Это походило… мне казалось, что я очутилась в пустоте, где нет ничего, совсем ничего — для меня. Все те, кого я знала, все то, что было мне хорошо знакомо, — все-все осталось в прошлом. Но я согласилась на это ради тебя. Итак, у меня ничего не было. А у тебя была твоя работа, твои поезда, твой новый дом, которым ты хотел похвастаться перед Томми. Твои карты, эта твоя проклятая пристройка. У тебя была я. Я пожертвовала даже своей работой. Знаю, знаю, ты считал, что это каприз, захотелось дуре иметь деньги на булавки. Что это вообще не в счет. Но это была моя работа. Так вот, мне необходимо было ощутить себя кем-то еще, что-то иметь за душой.

(Щелчок.)

— Тебе необходимо было ощутить себя воришкой? Стать такой же, как наш жуликоватый Томми?

— Иметь тайну. Свои секреты. Это было самым восхитительным… Каждый раз я ощущала, что у меня появилось что-то мое, личное. Что-то, что

не имеет отношения к тебе. У меня становилось все больше секретов, это было страшно приятно, и ничего со мной не случалось, никто ни о чем не догадывался.

— Ясно.

— А потом… потом мне захотелось других тайн, не только этих. Нет, не совсем так. Я не то чтобы их хотела… я просто перестала их бояться, теперь мне не страшно было их заводить.

— Ясно.

И вдруг в памяти Чарли всплыл еще один, совсем свежий факт, цепкий, как заноза.

(Щелчок и… "бах!".)

— Когда ты сейчас подъехала…

— Да.

Морин знает, что приближается самое главное. И она рада этому.

— Ты ведь была одна?

— Да. Одна.

— Но тебе нельзя ездить одной. У тебя нет прав.

Наступает долгое молчание, во время которого Морин в полной мере осознает, что вся ее замужняя жизнь вот-вот сорвется в бездну, разлетится на мелкие кусочки. У нее еще есть возможность сделать шаг назад. Самая последняя. Морин снова

набирает в легкие побольше воздуха… все… она окончательно поняла, что больше не в состоянии находиться между молотом и наковальней.

— Я их получила, Чарли. Год назад.

— Неправда. Нету тебя никаких прав.

Но, выпалив это, Чарли кивает. С таким видом, будто он хорошо ее понимает и рад за нее.

— Тогда… почему же ты мне ничего не сказала?

— Так уж вышло.

— Я спросил, почему?

И тут правда налетает на него, как порыв жестокого ветра, но он только отворачивается и весь сжимается.

— Потому что…

— Потому что тебе хотелось иметь еще один секрет, да? Скрыть от меня, что ты умеешь водить машину.

— Нет, не это, секрет был, но другой, Чарли.

На этот раз выпущенный снаряд попадает Чарли в висок, неотвратимо продвигаясь вглубь. Невидимые капли крови смешиваются с красной краской, с запекшимися неровными комочками на боках паровозика.

— Другой?

— Да. Я это скрывала, чтобы был повод.

— Повод для чего? — спрашивает Чарли, хотя уже знает для чего.

— Питер. Я и Питер… Питер и я… мы…

Чарли кивает. И в этот момент пуля проникает в мозг и разрывается с ослепительной вспышкой, пробив голову Чарли сокрушительной мощью только что узнанного.

Чарли встает, очень спокойно, будто услышал что-то вполне обыденное, рывком поднимает Морин на ноги и чувствует, как его рука со сжатым кулаком делает замах. В этот момент Чарли видит себя как бы со стороны, видит, как его кулак с силой вжимается в печальное помертвевшее лицо жены. Она падает на пол. Без единого звука. Чарли хочется, чтобы она кричала, молила о пощаде, чтобы она признала свою вину, чтобы выложила все как на духу, но она не издала ни звука. Он снова наносит удар, Морин всхлипывает. Ее грудная клетка гораздо тверже, чем он ожидал. Она лежит среди ненадеванных нарядов, они темнеют на глазах, делаясь похожими на древние пергаментные свитки, но это только кажется, просто уже стемнело.

Чарли вдруг прекращает ее истязать, так же неожиданно, как и начал, и через миг по щекам его катятся слезы. Он никогда при ней не плакал,

он вообще никогда не плакал, только в детстве. Он падает на колени. Морин хочет улыбнуться, но при первом же движении губ чувствует во рту солоноватый вкус крови. Она тянется к Чарли и гладит его руку, хотя чувствует, что сейчас потеряет сознание. Она успевает увидеть крошки в углу его губ и уже как бы отстра-ненно фиксирует, как рука ее вяло поднимается, чтобы смахнуть эти крошки… Снаружи, в пристройке, поскрипывают подсыхающие доски. По новенькой крыше ползет улитка, оставляя за собой влажную серебристую полоску.

Чарли сжимает руку Морин и чувствует, как ее ладонь выскальзывает из его пальцев. Он отшатывается. Его взгляд натыкается на молоток, лежащий рядом со стулом. Медленно, словно во сне, он поднимает его. Молоток изящный, кажется невесомым, но он вполне солидный, да. Чарли поудобнее его перехватывает, ощутив твердую гладкость деревянной ручки своими вдруг разом одряхлевшими пальцами. Он смотрит вниз на лежащую на полу жену, видит, как она слабо взмахивает рукой. Время замирает.

Через несколько секунд Чарли разворачивается и выскакивает из двери на улицу, молоток все еще у него в руке. Он бежит, бежит и бежит,

как слепой, не очень понимая, куда его несет, но ни на миг не останавливаясь. Холодный ветер хлещет ему в лицо. Он пробегает мимо малого круга дорожной "развязки", потом мимо второго, точно такого же. Мимо проходит мужчина в куртке, не поднимая головы в низко надвинутом капюшоне.

Через две минуты Чарли оказывается там, где он и хотел оказаться, но только сейчас это осознал. Он перелезает через ограду, окружающую загон. Сначала он подходит к самому маленькому созданию, к теленку, такому же черно-белому, как и все стадо, Чарли наносит крученый удар по его глупой и пустой башке, прямо по усталой равнодушной мордочке. Трех ударов оказывается достаточно. Коровы оказываются гораздо более хрупкими, чем выглядят, каркас из довольно тонкой проволоки и застывший напыленный бетон, вся их впечатляющая мощь и прочность — только видимость. Телячья голова падает в траву.

Чарли атакует остальных, всех пятерых, и только после этого ощущает, насколько он вымотан. Еле дыша, он падает на траву среди обезглавленных коров, щеки его мокры от слез. Шесть бетонных голов лежат вокруг, словно головы жертвенных животных. То, что осталось от

небольшого стада — шеи, туловища и ноги, — пребывает в прежнем виде, эти недобитые калеки уже несокрушимы и абсолютно равнодушны.

14

Адвокат, специализирующийся на разводах — у него грязные зализанные волосы, красная толстая физиономия и вечно мокрые губы, — старается смотреть на Чарли с предельной невозмутимостью. Но Чарли замечает проскальзывающую на лице законника жалость, и это пугает его. Он весь сжимается под броней своего "официального" костюма: ненавистная серая добротная гнусь, галстук, рубашка, которая ему великовата, начищенные ботинки. Чарли побаивается юристов, больно уж сообразительные, мигом все просекают, хотя весь мир сошел с рельсов, а в головах — хаос, ни черта не поймешь. Решившись наконец заговорить, Чарли едва узнает собственный голос. Тихий и чуть надтреснутый, как тогда у Морин…

— И что теперь будет?

— Полагаю, она приложит заявление о вашем неблагоразумном поведении.

— Неблагоразумном? А какое у нее самой

поведение? Она, оказывается, давным-давно развлекается с нашим соседом. Вот уже… вот уже черт знает сколько времени…

— В сущности, суду не столь уж важны причины неблагоразумного поведения. Его не интересует, почему и за что.

— Но она изменяла мне… все это время.

— Мистер Бак, вы нанесли своей супруге серьезные телесные повреждения.

При этих словах Чарли еще больше съеживается, по-черепашьи втягивая шею в неплотно прилегающий воротник. Он стискивает руками голову.

— И что же, она все заберет, хотя все, что мы имеем, стоило мне кровавого пота. Все заберет? А я, выходит, ни гроша не заслужил. Нет, у меня в голове не укладывается, что…

Адвокат перебивает его. Он уже не раз и не два выслушивал подобные заявления. Он давно понял, что человек — существо почти всегда предсказуемое, по крайней мере в подобных обстоятельствах.

— Не стоит раньше времени расстраиваться. Будущее — категория протяженная. Ваша супруга будет настаивать на предъявлении обвинения?

— Это вряд ли.

— Уже кое-что. Правда, на судебном разбирательстве вы будете выглядеть не очень хорошо. Но будем уповать на Господа, может быть, к тому времени ссадины и синяки у нее на лице заживут. Должен сказать, разногласия супругов редко обретают столь острые формы. Далее. Никаких проблем с опекунством, поскольку у вас нет детей на иждивении. В вашем случае речь идет лишь о финансовом обеспечении.

— А с этим что? Что тут в конечном итоге получится?

— Тут есть два важных момента. Имеющийся капитал и доходы. Давайте сначала разберемся с доходами. Как у вас дела с трудовой занятостью? Вы, как я понимаю…

Он быстро зашуршал листочками в лежащей перед ним папке и состроил разочарованную гримасу.

— Вы работаете в полиграфической отрасли. И в настоящее время являетесь участником производственного спора. Каков ваш официальный статус в смысле занятости?

— Что вы имеете в виду?

— Вы состоите в штате?

— Думаю, вряд ли. Честно говоря, они нас всех выставили. Так что ничего хорошего.

— А как насчет пособия на основании сокращения штатов?

— Трудно сказать. Хотят выделить на это какие-то деньги. Но, как я слышал, совсем гроши.

— Ясно, тем не менее, если вы их все-таки получите, вы будете обязаны предоставить содержание вашей жене или, если угодно, вашей бывшей жене. Имейте это в виду. Когда трудовой конфликт будет утрясен. Разумеется, если вам ничего не выплатят, алименты вам платить не придется. Но если вы встанете на ноги и начнете получать какие-то деньги, она в любой момент может подать на вас в суд.

— Это что же получается? Она бросила меня ради своего любовника, который готов ее содержать, она будет теперь целыми днями бить баклуши, а я еще должен ей за все это платить?

— Боюсь, что именно так и получается. Обычно алименты составляют от двадцати до тридцати процентов доходов мужа.

Чарли обреченно кивает. Жесткий воротник противно царапает шею. Чарли не привык ходить в костюме и галстуке, он чувствует себя в них очень неуверенно, каждое слово дается ему с трудом, он все время боится сморозить какую-нибудь глупость.

— А как насчет… кхм… капитала? — спрашивает Чарли, деликатно покашливая.

— Каким вы на данный момент располагаете имуществом?

— Я? Имуществом?

— Давайте начнем с дома. Какова его стоимость?

Он немного взбадривается, даже испытывает легкую гордость, довольный тем, что наконец-то сможет разговаривать с адвокатом более или менее на равных, — хоть тот и корчит из себя неподкупного и справедливого законника, Чарли в каждом его слове ощущает презрительное снисхождение.

— Ну… сотня с лишним. Тысяч сто двадцать. Записан на меня, разумеется.

— Боюсь, — печально произносит адвокат, — в данной ситуации это не суть важно.

— Это почему же? — обижается Чарли. — Я вкалывал как проклятый, чтобы добыть деньги, вложить их в этот дом.

— И тем не менее. Суд будет рассматривать его как совместную собственность. Какова сумма ипотечного залога?

— Тридцать тысяч. Около того.

— А что кроме дома?

— Ничего существенного. Кое-какие акции и облигации. Но это так, мелочи.

Однако галстук уже не так сильно давит на шею Чарли, и костюм меньше действует на нервы. Он, Чарли, солидный человек, он держатель акций, владелец ценных бумаг, кто бы мог подумать, что он достигнет подобных финансовых высот!

— Часть прибыли, полученной от ваших вложений, по закону причитается вашей жене.

Вот когда его настигает прозрение, только сейчас он начинает ощущать всю тяжесть преследовавших его в последние месяцы бед. Что делать, некоторые вещи сразу понять невозможно, они проясняются постепенно, то одно, то другое, сплошные сюрпризы. Чарли смотрит в окно: на дереве сидят рядком какие-то три птицы, что за дерево, он тоже не знает. Птицы вертятся в разные стороны, и перескакивают одна за другую, и открывают клювы, что выглядит нелепо, поскольку их пенья не слышно. Внимание Чарли приковано к птицам, а голос адвоката звучит будто где-то в отдалении:

— А у вашей жены имеются какие-нибудь личные средства?

— У Морин? А что вы имеете в виду под личными средствами?

— Деньги или вещи, которые она может считать принадлежащими только ей.

— Нет, нет, — Чарли решительно мотает головой, — только то, что принадлежит нам обоим.

Адвокат изумленно поднимает брови:

— Боюсь, я не совсем хорошо вас понял.

— Морин никогда не доверяла банкам. Обычно я отдавал ей свою еженедельную зарплату. Часть она тратила, а часть складывала в шкатулку. По идее, там должна была скопиться кругленькая сумма.

— А поточнее?

— Точную цифру назвать не берусь. Но когда в последний раз зашел разговор, Морин сказала, что там двадцать пять тысяч. Это сбережения за всю нашу жизнь. Так сказать, на черный день, прибавка к пенсии.

— А как хранятся эти деньги?

— Как? Морин прячет их под половицей. Да-да. В шкатулке.

— Если я вас правильно понял, речь идет о денежных купюрах. У вас есть какое-нибудь доказательства того, что эти деньги существуют?

Теперь уже Чарли изумленно поднимает брови:

— Доказательства? А зачем мне нужно что-то

доказывать?

Адвокат открывает объемистую папку из желтой кожи, изымает оттуда кипу бумаг и начинает их пролистывать.

— Полагаю, вам известно, что я получил от миссис Бак справки относительно всех имеющихся у нее средств, но в них названная вами сумма не фигурирует.

Чарли снова смотрит на дерево. Птицы улетели, все три. Он видит, как от ветки что-то отрывается и, проделав несколько "штопоров" и кувырков, на плавном вираже летит вниз. Двукрылый "самолетик" от платана, теперь он вспомнил, какое это дерево… Ум Чарли отчаянно анализирует полученную информацию о Морин, пытаясь найти объяснение.

— Наверное, она испугалась, что эту сумму включат в налоговую декларацию и заставят платить с нее налоги.

— Но, насколько я понял, вас насильственно отстранили от работы, однако формально вы еще в штате, стало быть, все налоги за вас уплачены.

— Я иногда делал кое-что на стороне, в другой типографии, не на Г'рейз-Инн. Ну и великая конспи-раторша Морин тоже изредка подрабатывает, на карманные расходы. Она никуда эти

свои мелкие заработки не вписывает. Наверное, поэтому не указала и деньги в шкатулке. Скорее всего, именно так.

— Иными словами, относительно раздела наличных денег вы с женой договоритесь сами?

— Да, безусловно.

— Понятно.

Наступает неловкая пауза. Адвокат берет карандаш и начинает что-то подсчитывать в лежащем перед ним блокнотике. Секунд через тридцать он говорит:

— Ну что ж, мистер Бак. Я позволил себе подвести кое-какие итоги. Если мы с вами будем исходить из того, что вы верно определили стоимость дома, плюс добавим сюда остальные доходы, учтем конъюнктуру рынка недвижимости на сегодняшний день, присовокупим сюда расходы на судебные издержки и, разумеется, сумму моего гонорара…

Итак, с учетом того, что вам полагается сорок процентов от стоимости вашего дома…

— Как это сорок процентов? Почему?

— Видите ли… поскольку вы не в состоянии выплачивать вашей жене достаточное содержание, в качестве компенсации она получит большую долю совместно нажитого капитала. Бо-

юсь, нормы нашего судопроизводства несколько устарели, но такова реальность. Представители закона исходят из того, что у женщины меньше возможностей заработать себе на жизнь, чем у ее бывшего супруга.

— Но у меня как раз безвыходная ситуация! Печатники больше никому не нужны! Везде вводят новые компьютерные технологии. Мне пятьдесят шесть лет. Меня уже никто не возьмет к себе на работу.

— Тем не менее судья непременно оценит ваше положение как более выгодное в сравнении с положением вашей супруги, и, соответственно, он обязан позаботиться о том, чтобы она получила иные средства к существованию, коль скоро вы не можете выплачивать ей алименты.

Чарли неловко ерзает на стуле. Будущее, и без того чрезвычайно зыбкое, тает прямо на глазах.

— Ну и с чем же я все-таки останусь?

— Хотите подвести окончательный итог? Думаю, вы можете рассчитывать примерно на сорок тысяч фунтов. Если, конечно, миссис Бак будет вести честную игру.

Чарли повторяет сумму, сохраняя при этом полное спокойствие. Покрутив эту цифру в уме, он с изумлением обнаруживает, что она, в сущ-

ности, не такая уж и маленькая. Он представляет ее в виде стопки однофунтовых бумажек, стопка получается огромная.

— И разумеется, еще плюс половина того, что Морин припрятала.

Адвокат улыбается. Неожиданно искренней, неформальной улыбкой, в первый раз за всю их беседу.

— Разумеется.

--

Чарли сидит в гостиной у Томми, в его чингфордском доме. Он только что приехал. Он печально озирается. Холл выкрашен желтой эмульсионкой. Обои в гостиной белые, с частыми синими полосками, тонкими, как паутинка. Пока Чарли шел к стулу, каблуки его громко цокали о голый пол.

— Когда вы наконец постелете ковры?

— Ковров у нас нынче не полагается.

— Брось трепаться…

— У нас теперь в почете голые доски. Так сказать, последний писк моды. Спроси у Лолли. Она скупает все журналы по этой части.

Он кивает на матово-черную полку для журналов. И теперь Чарли понимает, почему пухлые пальцы Томми все в порезах: у журнальной ме-

лованной бумаги острые края. На полке высокая стопка журналов "В мире интерьеров".

В глубине дома раздается детский плач.

— Лоррейн! Успокой ребенка!

— Сам успокой!

Голос ее доносится сверху, из спальни. Там она в данный момент окунает губку в краску, цвет которой обозначен на банке как "Осенняя вербена", потом на секунду прижимает губку к стене, тут же убеждаясь, что достичь нужного эффекта не так-то просто. Что-то беззвучно шепча, она сдвигает в сторону всякий мусор, загораживающий разложенный на полу образец — картинку в журнале "Красота вашего дома". С оконного карниза свисают каскады персикового тюля, аккуратно обернутые прозрачной полиэтиленовой пленкой, чтобы на них случайно не попала краска.

— Чаю хочешь? — спрашивает Томми, направляясь в кухню, которая является частью гостиной, — Чарли так и не понял, зачем это нужно соединять. Даже чайник у них особый: матовый черный, а не хромированный, как у всех.

— Мы только что соорудили одну штуку, для гидромассажа. Хочешь взглянуть?

— Не все сразу, Томми.

— Пойдем. Посмотришь. Это обошлось мне…

— У меня правда нет настроения.

Томми, разочарованный, несет Чарли обещанный чай. Тот усаживается за столик у окна. Томми ставит на стол бутылку "Скотча" и стаканы. Чарли наливает свой почти до краев и отхлебывает огромный глоток. Окна перехвачены свинцовыми, под "старину", переплетами крест-накрест. Томми купил их на фабрике, что гораздо дешевле. Такие крестовины теперь у них на всех окнах. Над рамами — балки, как бы деревянные, чтобы стилизация под загородный дом была более убедительной. Ребенок надрывается все громче. Томми передергивает плечами и тоже наливает себе виски. Ему больно видеть брата в таком состоянии, хоть он всегда считал его лопухом и упрямым занудой. А сегодня он впервые увидел, как старший брат плачет! Такое случалось только в раннем детстве. Чарли пытался доходчиво объяснить, насколько ужасна его ситуация, но это обернулось лишь крепкими ругательствами и, разумеется, обвинениями в адрес коварного женского племени, которые Томми горячо поддержал. Выговорившись, Чарли впадает в угрюмое молчание. Серое небо за окном тяжело навалилось на одинаковые красные дома, будто пропитанная эфиром повязка на лицо стражду-

щего калеки.

— Я всегда чуял, что он не наш человек, просек это с первого раза, — сказал Томми.

— Это ты о ком? — бормочет Чарли.

— О Питере Хорне, о ком же еще. У него такой был взгляд…

— Какой?

— Хитренький, вот какой. Глазками то туда, то сюда…

— Я не помню.

— Послушай, Чарли, — Томми наклоняется ближе и полушепотом говорит: — Я знаю одних деятелей…

— Деятелей? Каких?

— Ну, есть одни, крутые ребята… Сделай заказ, и они с ним разберутся, поучат его приличным манерам. Не бойся, меру они знают. Никакого криминала. Прочистят этому живчику мозги, и все дела. Чтобы не думал, что ему все позволено.

Чарли поднимает голову и выдавливает из себя улыбку:

— А с двоими они могут разобраться? Но платить буду как за одного, устроишь?

— Ну, брат… Я попробую. Может, за баб они поменьше берут. Но чтобы обработать двоих, а получить за одного… Не уверен.

— Томми, неужели ты думаешь, я серьезно?

— Томми! Ты успокоишь наконец Кайли?! — пронзительным голосом вопит сверху Лоррейн.

Томми даже не пошелохнулся, только наморщил лоб:

— А разве не серьезно?

— Конечно нет.

— Ну-у, ты даешь… Она же обчистила тебя до нитки. Сам я не знаю, что бы сделал, если бы меня так ободрали.

— В конце концов, она моя жена.

— Была, Чарли. Была, да сплыла. — Он кивком указывает на принесенный Чарли коричневый конверт, где лежит листок с постановлением суда. Все разрешилось очень быстро, Чарли не успел даже ничего толком осмыслить. Поразительно, итогом всей их жизни — больше двадцати пяти лет вместе! — стал этот жалкий тоненький конверт.

В дверях появляется Лоррейн. Волосы плотно стянуты шарфом, все лицо в мелких брызгах краски. На лодыжке эффектно поблескивает тонкая золотая цепочка, двадцать четыре карата. Ноги свежевыбритые и слегка пупырчатые, как кожа ощипанной индюшки.

— Ты, паразит, жиртрест проклятый! Тебе лень

даже пальцем пошевелить!

— Ля-ля-ля. Гав-гав-гав. — Томми демонстративно зевает и одновременно похлопывает стиснутыми четырьмя пальцами о подушечку большого, изображая лающую собаку. — Это мне лень пошевелить пальцем? Ты слышал, Чарли? А весь этот дом, машина, все эти игрушки, кроватка, коляска, это все, значит, свалилось с неба, из огромной такой дыры, из дырищи.

— Может, хватит лодырничать, а?!

— Может, мне дадут спокойно поговорить со старшим братом, а? У него серьезные проблемы.

Кайли вдруг прекращает верещать. Лоррейн вслушивается, и лицо ее немного смягчается. Она все еще стоит в дверях, готовая сорваться при первом крике. Но чадо молчит. Она подходит к столику.

— Это не самый лучший помощник, мм? — Лоррейн кивает на бутылку с виски и пододвигает себе стул.

— Твоя правда, — соглашается Чарли, отхлебывая порядочный глоток.

— Ну и вид у тебя… как у мертвеца. Как у пьяного мертвеца.

— А у меня сегодня праздник! — парирует Чарли.

— Я правильно поняла, что Морин прикарманила ваши общие денежки, которые вы копили всю жизнь?

Лоррейн обнимает деверя за плечи и чувствует, что от него слегка несет потом, и, похоже, он пару дней не брился.

— Двадцать пять тысяч. Или около того. Все забрала. Вместе со шкатулкой.

— Никогда не поверю, что Морин сделала это ни с того ни с сего. Должна быть причина. А что она сказала?

— Она сказала, что я не могу ни на что претендовать после того, как… как я…

Чарли умолкает.

— После того, как ты что? — спрашивает Лоррейн.

— По-моему, Кайли опять бузит, — спешно вмешивается Томми.

— Так что ты? — не отстает Лоррейн.

Чарли барабанит пальцами по столу, под ногтями у него черные полоски. Без Морин он заметно опустился.

— Чарли слегка ей наподдал, — объясняет Томми.

Лоррейн убирает руку с плеч Чарли.

— Слегка — это как?

— Нет, не очень слегка, — с несчастным видом признается Чарли. Он смотрит Лоррейн в глаза, но почти сразу отводит их. — Избил я ее.

— Избил как?

Голос у Лоррейн, ледяной и колючий, впивается как осколок стекла.

— В каком смысле?

— В смысле — что конкретно ты с ней сделал?

— Ушибы на лице. Растяжение запястья.

— Это все?

— Нет. Еще… еще перелом ребра.

— И это у вас называется слегка, — холодно подытоживает Лоррейн.

— Он ничего не хотел ей ломать, — заступается за брата Томми. — Да ты пойми: человек дошел до ручки. Боже милостивый! Двуличная тварь! И нашим, и вашим! Два года наставляла мужу рога с этим хитрожопым соседом, с этим долбоебом Питером — как его? — Хорном? Точнее сказать, Хером. Тут всякий нормальный мужик забудет о приличиях.

— Прекрати его выгораживать. Если бы я делала с тобой все, что хочу, от тебя бы одни клочья остались.

Томми фыркает и отхлебывает виски.

— Она не собирается подавать на тебя в суд? —

спрашивает Лоррейн.

— Нет, — говорит Чарли, не поднимая глаз.

— Ну и дура.

— Ты слишком ко мне сурова, Лол.

Теперь Кайли действительно решила поорать. Лоррейн страдальчески закатывает глаза, потом бросает на Томми свирепый взгляд и подбегает к двери. Чарли какое-то время сидят молча. Наконец он поднимает глаза, они опять полны слез.

— Томми, что же мне теперь, а?

Чарли поводит плечами, изображая целеустремленного героя, готового к новым стартам.

— Оставь этот цирк, Чарли. И ныть тоже не надо, ах, что мне делать, ах, как мне быть, сэр… Ничего, прорвемся. Все образуется. Как говорится, все лады, все без балды. Посмотрим, какие у нас "про" и "контра". Хватит рыдать над пролитым молоком. Прошлого не вернешь. Какие выводы? Первое: тебе надо подумать о жилье. Сколько ты получишь на руки после продажи дома?

— Примерно пятьдесят штук. Юристы говорят сорок, но я рассчитываю на пятьдесят.

— Останешься там, в "Эм-Ка"?

— Еще не думал. Наверное, придется. Назад в Лондон мне хода уже нет. Там цены на жилье запредельные.

— Так-так, раз ты там остаешься, сможешь внести задаток на небольшую квартиру и еще много останется.

— А остальное чем платить? Ссуду мне никто не даст, я ведь безработный, Томми.

— Да никто тебя не станет спрашивать. Кстати, ты получишь выходное пособие по сокращению?

— Да что они там дадут… Тыщонок десять, не больше.

— То есть в общем получается шестьдесят. Купи себе другой дом, сколько сумеешь — займешь. Цены на недвижимость растут, не успеешь оглянуться, как все окупится.

— Цены не будут расти до бесконечности, Томми.

— Но пока они не собираются падать, Чарли. Спрос увеличивается. Денег у всех тьма. Я в этом котле варюсь, парень, и знаю, что там и как. Тут верняк, никакого риска.

При этих словах лицо Чарли немного светлеет.

— Может, ты и прав.

— Смотри сам. Внесешь двадцать тысяч. Они с ходу дадут тебе в пять раз больше заявленного дохода, еще можешь прибавить, скажем, отпускные или еще что-нибудь. Для такого дела можешь

наплести что угодно. Что-нибудь убедительное. Знаешь, есть такое понятие: сокрушительный довод?

— Да какой уж там сокрушительный. У меня нет сейчас реальных доходов.

Томми потер нос.

— Я тебе толкую не про реальные, а про те, которые ты напишешь в декларации, усек? В декла-ра-ции. Никто не просит тебя писать правду. У них есть такие формы ипотечных закладных. Просто под честное слово. "Нон-статус" это называется, когда не проверяют твоих возможностей, твоего финансового статуса. Я скажу им, что ты работаешь у меня на фирме. Консультантом или еще кем-нибудь, придумаем, не переживай. Скажешь им, что у тебя железно есть двадцать тысяч. Они тебе оформят сто тысяч ссуду. Они и так могут оформить, без предварительных вкладов. Я знаю одного ушлого малого, одно слово — еврей, он тебя проинструктирует. Будет тебе и домик что надо, и выплаты по минимуму, и еще куча денег останется, чтобы жить да радоваться. С какой-нибудь славной киской. И чтобы погорячее.

— С какой еще киской?

— Брось скулить и придуриваться, Чарли. Взгляни на все с другой стороны, не изображай из

себя старую манду. Ты только представь, парень: ты отныне вольный орел.

Томми слегка понижает голос:

— Тебе, можно сказать, крупно повезло. Никто больше не будет целый день жужжать над ухом.

Теперь можешь вздохнуть свободно. Ты у нас еще ого-го, для своего-то возраста. Учти: мужчины с капиталом всегда нарасхват, найдешь себе какую-нибудь свеженькую глупышку, мало ли их.

Чарли снова немного мрачнеет:

— Безработный с капиталом, расхватали не берут.

— Да кто ж в наше время работает на государство? Все на себя. За собственниками будущее страны. И тебе устроим все в лучшем виде. Никаких закладных, никаких проверок доходов. У тебя останется тысяч сорок, а то и все пятьдесят, — вот и забацай какой-нибудь бизнес. Сейчас у многих туго с деньжатами. Но люди выкручиваются как могут. Все блефуют, Чарли, думаешь, ты один такой? Но это твой шанс, Чарли, великий шанс! Лет через пять твоя Морин будет рвать на себе волосы, что дала отставку такому парню. А ты будешь разъезжать по городу в шикарном "мерсе", и рядом будет сидеть аппетитная куколка, крепко ухватившись за твой рычаг зажигания, понимай

как знаешь, брат. А твоя бывшая будет трястись на заднем сиденье тесного "мини-метро", когда этот шарлатан соизволит отвезти ее в гребаный паршивый магазинчик, где можно по дешевке затовариться перемороженной индюшатиной. Ты можешь открыть свое собственное дело, Чарли. Еще не вечер! Все только начинается!

— Кайли написала мне прямо на руку, — объявляет появившаяся на пороге Лоррейн и, картинно выставив вперед правую руку, подходит к раковине. Младенческий крик сотрясает воздух. Томми и Чарли молча ждут. Вымыв руки, Лоррейн смотрит на Томми испепеляющим взглядом и гордо удаляется.

Томми снова понижает голос:

— Ты понял, о чем я? От баб сплошная головная боль. Иногда мне тоже охота наподдать Лол, как ты своей Морин.

Чарли смотрит на круглое красное лицо:

— Так почему же ты этого не делаешь?

— Почему?

— Да, почему?

— Ну-у…

Томми морщится, пытаясь найти подходящее объяснение:

— Думаю, это был бы уже перебор.

Чарли кивает. Сосущая тяжесть под ложечкой, чуть было отпустившая, снова накатывает, это ощущение преследует его после отъезда Морин — с первой же минуты.

— Не бери в голову, Чарли. Мало ли что я. Ты — совсем другое дело. Ты будешь иметь все, что захочешь. Ты теперь свободен. От этого и будем плясать.

В самой глубине потухших глаз Чарли вспыхивает еле заметная искра. Слабый импульс надежды начинает биться в окаменевшем сердце.

— Подумай о будущем, Чарли. Что Бог ни делает, то к лучшему, как говорится.

— Но чем я могу заняться? Каким бизнесом?

— Да чем захочешь! Сейчас уйма возможностей, только не зевай. Кому-то деньги чересчур оттягивают карманы. И это очень кстати тем, кто сумеет правильно сориентироваться, сумеет вычислить этих толстосумов и добраться до этих самых кармашков. Главное — придумать что-то такое, что будет тебе в удовольствие и при этом окажется неплохой жилой, важно найти свою нишу на рынке. Таковы основные правила. Начала начал типа "сися-пися-заебися".

— На том, что мне нравится, бизнеса не по-

строишь. Разве что открыть школу карточных шулеров или винный погребок.

— Или табачный ларек, — добавляет Томми, увидев, как Чарли тянется за очередной сигаретой.

— Ну да, табачный ларек на своем вокзальчике, — хохочет Чарли, впервые за весь этот долгий день.

Где-то наверху, собравшись с силами, снова надрывается Кайли. На улице громко лает собака.

— На своем вокзальчике, — задумчиво повторяет Томми. — А это идея.

Чарли перестает смеяться. Искра в его глазах вспыхивает ярче.

— Я имею в виду вокзал для моих поездов, — уточняет Чарли с легким изумлением в голосе. — Для моделей.

— Игры и увлечения… Это будь здоров какой рынок. У народа появилось больше денег на всякие придури. Миллионы всяких ублюдков будут с удовольствием изводить их на твои игрушки.

— Это модели, а не игрушки.

— Ты можешь открыть свой магазин, арендуешь помещение, деньги на закупку товара у тебя будут. При таком раскладе они, не пикнув, оформят тебе даже более крупные кредиты. Это

отличный ход, Чарли. Я думаю, это может сработать.

— Страшновато. Я никогда в жизни не занимался бизнесом.

— Тоже мне проблема! У тебя никогда в жизни не было и своего дома, помнишь, как ты упирался и весь трясся, не хотел покупать его. А посмотри, что получилось? Прожил пять лет в своем собственном доме, и после всех этих разъездов у тебя на руках еще останется пятьдесят, а может, и все шестьдесят тыщ. А если бы ты не переехал? Если бы вы разбежались там, в вашей прежней муниципальной квартирке, а? Морин дали бы сносное жилье, в этих городских администрациях одни лесбиянки, ей бы они не стали гадить. А что бы получил ты? Тебя запихали бы в жалкую однокомнатную конуру в Эрлз-Корт[105]. Торчал бы там среди разных желторожих китаез. Чарли, возьми себя в руки — и вперед. Это шанс, и будь здоров какой.

Чарли кивает, удивленный тем, как, в сущности, просто добиться успеха.

— Может, ты и прав, — признает он.

— Я тысячу раз прав, — говорит Томми.

---

[105] Примечания: 105

Эрлз-Корт — район в западной части Лондона.

— Томми! Оторвешь ты наконец от стула свою жирную задницу?! — кричит Лоррейн.

Томми слегка пошевельнулся, но лишь для того, чтобы плеснуть в стакан Чарли очередную порцию виски. И подбадривающе ему подмигнуть.

Чарли нужно в уборную; когда он выходит, заходит встревоженная Лоррейн, нервно покусывая губу:

— Что ты ему тут наплел?

— Посоветовал организовать свое дело.

— Что? Этот… неудачник?

— Быть неудачником еще не самое страшное в жизни.

— Но достаточно страшное. По крайней мере в наши дни. Когда на дворе восемьдесят седьмой год.

— С чего ты взяла, что мой брат неудачник? У него все еще будет отлично. Погоди, сама убедишься.

Лоррейн театрально зевает и, покачав головой, отправляется на кухню. Возвращается Чарли, на лице его слабая улыбка.

— А-а, наш дорогой мистер Отличник, — фыркнув, говорит Лоррейн.

— Это я-то? — недоуменно спрашивает Чарли.

15

Пятнадцатое октября 1987 года. Летом Маргарет Тэтчер победила на выборах в третий раз. С триумфом, блистательная и неуязвимая. Она снова и снова сокращает налоги. Нефтяные деньги текут в ее сундуки из холодных пустынных вод Северного моря. Проценты ссуд беспрецедентно низки. Финансовые страницы в газетах распаляют сильнее, чем фотографии красоток, вовсю идет распродажа государственной собственности, этого британского фамильного серебра, сундуки государства уже наполнены с верхом. Так не может долго продолжаться, но… продолжается. Значит, все-таки может! Оказывается, возможно все! Даже самые тупые, ничем не примечательные середнячки разгуливают в фирменных вещах, свидетельствующих об их гениальной предприимчивости и преуспеянии.

Что творится… Фирменные ярлыки уже на каждом, ярлыки, которыми удивляли публику лишь сливки общества, тонюсенькая его прослойка. Бутики везде. В Милтон-Кейнз "самый-самый" — это "Мал-берри", в Лутоне это магазин "Лакост", а в Чингфор-де это "Шанель". Даже Чарли удалось

примкнуть к кругу избранных, он очень горд своей новой рубашкой с нашивкой "Поло" от Ралфа Лорена[106]. Этой зимой он обычно носит ее с супермодным соломенно-желтым свитером — шедевр компании "Прингл".

События развиваются именно так, как предсказывал Томми. За дом Чарли удалось выручить даже больше, чем он рассчитывал, а вкупе с жалкой компенсацией, на которую раскошелилась газета "Ньюс интер-нейшнл", сумма получилась внушительная, Чарли пережил поистине сладостный момент, когда на его счету оказалось шестьдесят восемь тысяч! И это при том, что Морин законники действительно повелели отдать шестьдесят процентов — от всех его средств. Чарли купил новый дом, покомпактней старого, но симпатичный, застройки пятилетней давности, в трех милях от прежнего жилища. На условиях стопроцентной выплаты, но цена на дом росла так стремительно, что этот долг столь же стремительно размывался под напором далеких могущественных стихий рынка. И Чарли, подобно многим счастливчикам, с удовольствием качался на волнах сине-зеленого моря банкнот.

---

[106] Примечания: 106

Ралф Лорен (р. 1939) — американский модельер; с 1968 г. выпускает мужскую одежду под маркой "Поло".

И вот он настал, день открытия городского центра "Мир железных дорог" (владелец — Ч.Бак). За аренду Чарли уплатил десять тысяч, еще десять ушло на оборудование магазина. Двадцать пять тысяч на закупку товара, двадцать пять он взял в виде кредита в банке. Томми сказал ему, что нужен фирменный логотип, и Чарли выложил еще одну тысячу на дизайнера — тот изобразил мчащийся паровоз, из трубы которого вместо дыма вырывается название центра, стелется над его стальной округлой крышей. Еще предстояло выплачивать еженедельную ренту в сто фунтов, плюс проценты по кредитам, плюс одному богу известно, что еще. Несколько тысяч он угрохал на рекламу в местной газете, еще несколько тысяч — на радиорекламу. Он нанял бухгалтера, делопроизводителей и юрконсультанта. Он обзавелся серебристо-серым, всего двух лет от роду, "мерседесом", это Томми устроил ему по своим каналам, по сходной цене. Чарли вполне бы устроила какая-нибудь японская компактная машинка, но Томми объяснил ему, что "надо держать фасон". Хрен кто будет принимать тебя всерьез, если ты сам не будешь принимать себя всерьез, вот что твердил ему Томми. Поэтому Чарли покорно купил "мерс", и действительно, сидя за его рулем,

чувствовал себя солидным человеком, эта машина позволяла ощутить себя важной птицей, о чем он никогда не мог и помыслить.

Иногда ему вспоминается их с Морин квартирка в Фулеме, и каким он был тогда. Неужели тот, прежний Чарли и теперешний господин — один и тот же человек? Неужели это он, Чарли, владелец собственного магазина, и симпатичного новенького домика, и немецкой супермашины? И неужели он теперь холостяк, готовый отозваться на всяческие романтические предложения? Впрочем, пока еще ни одного не поступило.

Стоя за дверями из зеркального стекла, приготовившись впервые распахнуть их перед посетителями, Чарли вдруг остро осознает две вещи. Первое: он понятия не имеет, что он будет делать со всем этим дальше. Ни малейшего… черт его побери… понятия. Однако — господи ты боже мой! — это его не пугает, а, наоборот, даже возвышает в собственных глазах. Гигант переборол страх, рискнул ввязаться в незнакомую игру. Второе прямо следует из первого умозаключения: сегодня — один из самых волнующих и приятных дней в его жизни. Он поворачивает в замке ключ. И сразу же по ушам бьет резкий звонок: сработала сигнализация. Чарли подбегает к панели

и набирает код. Наступившая тишина кажется благословением. Чарли усаживается за прилавок и обозревает свои владения. В передней части магазина гигантская железная дорога, идущая вдоль искусственных полей, огибающая одинокую, в четыре фута высотой, гору, увенчанную снежной вершиной. Здесь есть низенькие здания станций, точно воспроизведенные семафоры, шлагбаумы, перед которыми застыли модели машин, ожидающих, когда проедут поезда.

Комплект укрупненного масштаба, для сада, шестьдесят футов рельсов представляют собой вытянутый овал, гигантской змеей обвивший выставленные на обозрение товары. Локомотивы "А-Линтон" и "Барнстейбл" стоят на миниатюрном вокзале с не существующим в реальности названием "Челфам". Стены его сделаны под "камень", крыша крыта черепицей, из-под которой виднеются края досок. Модульный ажурный пешеходный мост, перекинутый с одной платформы на другую. Одетое по эдвардианской моде семейство ожидает поезда, миниатюрный, но искусно сделанный и раскрашенный машинист ждет, когда загрузят уголь. Оборудовано несколько блокпостов, вокзальные часы показывают реальное, вполне точное время: 10.03. Одинокая

женщина, абсолютно из другой эпохи, примерно из годов сороковых или пятидесятых, стоит неподалеку от "эдвардианцев". Чарли знает, что это не совсем корректное соединение, однако предпочитает смотреть на смоделированный им мир более широко, не зацикливаясь на мелочах. Уж ему-то известно, что невсамделишным миркам совсем необязательно повторять все, что творится в мирах настоящих.

Он подходит к пусковому пульту и поворачивает рычажок, срабатывает один из блокпостов. Раздается тихий тоненький свисток, и поезд трогается, движется в сторону горы. Его маршрут строго выверен, абсолютно предсказуем, и это доставляет Чарли огромное удовольствие. Этот сотни раз пройденный круг. Его не особо волнует, насколько выгодной окажется его новая деятельность. Главное, он теперь будет заниматься самым любимым делом, которое иногда кажется ему высоким призванием.

Примерно с полчаса Чарли наводит окончательный лоск на всю экспозицию: начищает до блеска действующие модели паровозов и модели, стоящие на полках, вытирает пыль, прибирает песок и камушки, случайно оставшиеся на полу после ремонта помещения, в котором раньше

был скобяной склад. На полочке позади его стола стоит одинокая модель, паровозик "Лик энд Мэнсфилд", только корпус, без двигателя. Тот самый, рождественский подарок Роберта. Чарли берет его и старательно стирает пыль. "Однажды..." — думает Чарли, но что именно произойдет однажды, как-то не додумывается. Он бережно ставит паровозик на место.

Посетителей нет, но ровно в десять тридцать пять в двери быстро вбегает мужчина средних лет с портфелем, вид у него слегка раздосадованный.

— Приветствую вас, — говорит Чарли. — Вы мой первый покупатель. Добро пожаловать в городской центр "Мир железных дорог"...

— А где тут почта?

— Простите?

— Где тут у вас почта?

— Почта в торговом центре.

— А где это?

Чарли вяло машет рукой в сторону огромного крытого комплекса. Ни слова не говоря, мужчина убегает. Чарли смотрит на поезд, собирающийся совершить свой сто какой-то подъем на полистироловую гору. Поезду трудно, он слегка замедляет скорость и немного пробуксовывает. Но он наверняка возьмет высоту. Чарли в этом

не сомневается.

--

Морин готова уже накричать на Питера. Когда же наконец он вникнет в то, что она пытается ему объяснить?

— Мы должны реально оценивать свои возможности, Питер. Нашим клиентам плевать на эти твои модные штучки, им главное — научиться водить! Нечего выбрасывать деньги на ветер. Мечты мечтами, но главное — суть. Наше дело — предоставить людям то, что им требуется, по предельно низким ценам. А твои кожаные кресла и электрические подсветки пока подождут, и всякие коврики тоже, мы не можем взвинчивать из-за них цену. Начинать надо с малого и набирать обороты аккуратно. Сначала о нашем существовании должны узнать, мало-помалу, слухами земля полнится.

— Но необходимо позаботиться о рекламе…

— Ну конечно, конечно. В этом я с тобой совершенно согласна. Но надо точно знать, каков наш контингент. Кто обычно ходит на курсы вождения? Молодежь от шестнадцати до двадцати с небольшим. Ты хочешь поместить рекламу в местной газетке, но молодые ее не покупают, ее читают только старые грымзы, вроде нас с тобой.

Надо действовать с толком.

Раздавать рекламные листовки или просто раскладывать их — но там, где имеет смысл: на дискотеках, в колледжах. У нас есть огромный университетский кампус. Нажимать на то, что для студентов особые скидки. Я имею дело с реальными цифрами, я, не ты, Питер. Я знаю, что мы можем себе позволить и как лучше действовать.

Питер лишь глубоко вздыхает. Морин все чаще его удивляет, все чаще он отмечает, как она разительно не похожа на ту женщину, в чей дом он когда-то пытался проникнуть с бутылкой вина наперевес. Тогда она выглядела как типичная домохозяйка, вроде его бывшей благоверной, туповатая, добродушная, хлопотливая квочка. А сейчас… Неужели это она деловито листает увесистую папку, что-то черкая на полях с сосредоточенным, почти свирепым видом? Он не устает изумляться, чувствуя, что очарован еще сильнее, ему нравится эта Морин, эта женщина, такая непредсказуемая и многогранная, готовая… да-да… в любой момент "встать — и идти". Она изменила всю его жизнь. Как же он ее любит!..

— Как у нас дела с пультом, починили?

— Думаю, да.

— Думаешь или знаешь?

— Я проверю.

Морин и Питер сидят в сборном типовом строении, примостившемся у большой парковочной площадки, это и есть их поле деятельности. Питер снял куртку, на нем лиловые подтяжки, которые носят обитатели Сити, но и без подтяжек брюки из магазина "Некст" сидят нормально. В комнатке стоит стол и два серых стула, а в совсем уж крохотной приемной — небольшая скамейка. У них есть три подержанные машины "форд-эскорт", купленные на деньги, полученные Морин при разделе имущества. Машины эти дорого содержать, и клиентам они не нравятся. Морин решила, что этой осенью нужно непременно купить несколько новых. Питер сразу загорелся, размечтался о всяких усовершенствованиях и приличном офисе. Но Морин все его замечательные идеи тут же остужает холодным душем присущей ей практичности. Что ж, думает Морин, они хорошо друг друга уравновешивают, как раз то, что нужно для успеха. Питер ушел-таки с работы, чтобы дать Морин шанс проявить себя. Такую отвагу, такое доказательство преданности она никогда не забудет, никогда…

— Пришел клиент, которому назначено на десять?

— Да, он ждет в приемной.

— А где же Кэти?

Кэти, их новенькая (всего у них пять сотрудников), ей тридцать три, и Питер поглядывает на нее с некоторым интересом, чего Морин никак от него не ожидала. Заметив расположение Питера, Кэти несколько расслабилась, поубавила рвения и даже позволяет себе опаздывать.

— Не знаю.

— Это уже третье опоздание за две недели. Если она через пять минут не явится, может вообще больше не спешить, — выпаливает Морин непререкаемым тоном.

На лице Питера проступает легкое смущение:

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказала.

— Предлагаешь ее уволить?

— Не предлагаю. Настаиваю.

— Но мне никогда не приходилось… Я даже не представляю, как…

Он неловко ерзает на стуле, поглядывая в маленькое окошко за спиной Морин.

— Не волнуйся. Я сама с ней разберусь.

— А если она пожалуется в профсоюз?

Морин едва сдерживает смех:

— Прекрати, Питер. Нашел чем меня пугать.

Питер растерянно хлопает глазами:

— Ты что же… действительно это сделаешь?

— С огромным удовольствием. Смотри, пять минут прошло. Ступай лучше займись клиентом. Извинись. Предложи скидку.

— Я уверен, что Кэти приедет с минуты на минуту.

— Это работа, Питер, а не светская вечеринка.

Морин встает, подходит к двери и распахивает ее, предварительно изобразив лучезарную улыбку, такую же, как у телевизионной инструкторши по аэробике:

— Мистер Конноли?

В кабинет входит юнец с едва пробивающимися усиками, на нем адидасовские кроссовки, футболка фирмы "Найк" и тренировочные брюки-дутыши.

— Ну да, я!

— Ради бога, извините нас. Кэти Эдуарде, видимо, задерживается. Вы не возражаете, если сегодня с вами позанимается старший инструктор? Питер Хорн? Он намного опытнее. А поскольку вам пришлось ждать, сегодняшний урок будет стоить вам на двадцать процентов дешевле.

— Я что, мне без разницы, — юнец пожимает плечами.

Взяв со стула куртку, Питер целует Морин в щеку:

— Ты с ней полегче. С Кэти.

— Иди-иди. Тебе пора на урок.

Морин смотрит, как один из стареньких "фордов" выкатывается с площадки — за рулем сидит ученик.

И буквально через несколько секунд после того, как машина скрывается из вида, Морин замечает подержанный красный "мини-метро" Кэти Эдуарде, она подъезжает именно туда, откуда только что выехал "форд". Раздается скрип тормозов, но Кэти не спешит выходить. Она тщательно поправляет прическу, смотрясь в зеркало заднего обзора. Еще минута уходит на легкий макияж. Именно эта минута заставляет Морин принять окончательное решение.

Когда Кэти входит в кабинет, Морин даже не поднимает голову.

— Здравствуйте, миссис Бак. Простите, что немного опоздала. Но я смотрю, клиент все равно еще не подошел. Так что ничего страшного, да?

— Одну минуточку, Кэтрин.

Морин помечает в своем распорядке на сегодня: позвонить в рекламный отдел местной газеты, пусть дадут объявление, что их школе требуется

инструктор по вождению. И только после этого поднимает голову. Улыбка на лице Кэти Эдуарде мгновенно исчезает.

--

К концу дня Чарли насчитал трех посетителей. Первым был подросток, он купил только пузырек синей краски за два двадцать пять. Вторым явился один чудак лет шестидесяти пяти, с бородкой, как у амишей[107]. Он с воинственным прямо-таки дружелюбием минут тридцать до мельчайших деталей обсуждал с Чарли "эпохальные" немецкие, а затем и все остальные европейские локомотивы, затем отбыл, так ничего и не купив. Последней зашла модно одетая молодая женщина, видимо, работница какой-то фабрики, ей нужно было купить подарок для мужа. На клочке бумаги было записано, что именно требуется: модель водонапорной башни "YJ-628" из стекловолокна, с мелкими деталями из меди. Все это упаковано в симпатичную металлическую сеточку. На всю покупку у женщины уходит три минуты, на остальные товары она

[107] Примечания: 107

Амиши — американское ответвление секты меннонитов, строят свою жизнь в соответствии с буквальным истолкованием Библии. Живут в сельских общинах, не пользуясь электричеством и техникой, носят старомодную одежду и длинную бороду без усов.

едва взглянула.

Доход от сегодняшней торговли не слишком велик, констатирует Чарли. И тут же успокаивает себя тем, что ему нужно еще утвердиться, встать на ноги. Успех не приходит сразу. Про его магазин люди постепенно узнают, первые покупатели расскажут друзьям, те — своим. Чарли уверен, что народ к нему пойдет.

Незадолго до половины шестого, когда Чарли решил закрываться, на улице начинает моросить дождь. Еще и дождь… Настроение у него слегка омрачается. Под прилавком стоит плоская карманная фляжка с бренди, к которой Чарли весь день регулярно прикладывался. Отсутствие Морин отзывается в нем постоянной болью, и физической тоже: в животе что-то давит и жжет, и мучает легкая тошнота. На улице, в серой клочковатой сырости вдруг возникает полицейская машина, затемненные стекла плотно закрыты. Из машины вылезает полицейский и направляется к магазину. Почему-то снова несколько раз срабатывает сигнализация. Кто-то уже сообщил в полицию? Чарли быстро зашвыривает фляжку с бренди в ящик; может, ему тоже "не положено", хотя он и владелец магазина? Может, к ним поступил сигнал? Он тут же отбрасывает эту

идиотскую мысль и готов уже храбро водрузить фляжку на прежнее место.

Полицейский подходит ближе, и Чарли видит его лицо. Полицейский снимает фуражку, под которой оказываются довольно жидкие рыжие волосы. Чарли наконец понимает, что это его собственный сын.

Первое желание Чарли — скорее спрятаться, убежать в подсобку, притвориться, что его нет. Гнев, горечь попранного отцовского достоинства комком стоят в горле, этот комок невозможно проглотить. Но Чарли понимает, что Роберт уже увидел его. Значит, бежать поздно. Роберт входит в стеклянные двери. Чарли не видел сына всего два года, но как же он изменился… даже постарел. Волосы, прижатые фуражкой, едва прикрывают намечающиеся залысины.

— Привет, пап.

Роберт, сложив руки, осматривает магазин беглым равнодушным взглядом. За этот взгляд Чарли готов вышвырнуть Роберта вон, но так тоскливо оставаться в одиночестве в этот торжественный день. И вдруг Чарли ловит себя на том, что на самом деле рад видеть сына.

— Я смотрю, у тебя даже сигнализация есть?

— Откуда ты узнал, что я здесь?

Роберт удивленно поднимает брови:

— Мама сказала.

Сам Чарли часто вспоминает о Морин, но ему как-то не приходило в голову, что ей тоже интересна его жизнь, робкая радость наполняет Чарли: кто-то все же оценил его усилия. Он смотрит на Роберта и вспоминает тот вечер в Уоппинге. Мальчик весь как-то отяжелел, в нем почти не осталось ничего юношеского. Господи… Чарли внезапно осознает, что сын его уже совсем взрослый мужчина, которому уже не так далеко до тридцати.

Чарли нехотя, но все же выходит из-за прилавка:

— Рад тебя видеть, сынок.

Роберт кивает:

— Я тоже страшно рад, папа.

Расстояние между отцом и сыном то чуть сокращается, то чуть увеличивается, но ни один не в силах переступить невидимую черту, за которой можно обнять друг друга. Чарли трогает рукой серебряные цифры на плече сына — его личный полицейский номер:

— Какие красивые, а как блестят…

— Смотри, что я тебе еще покажу.

Роберт снимает куртку. Под ней Чарли видит

на погоне зигзаг из трех дротиков.

— Что это?

— Это означает, что я сержант, папа. Меня повысили в звании. Я у них на хорошем счету.

Чарли отчаянно борется с собой, и все-таки ему удается выдавить:

— Ну что ж… ты молодец, Роберт. Я всегда…

— Ты всегда — что?

Чарли улавливает нотку раздражения в голосе сына и чувствует разъедающую все нутро горечь печали.

— Прости меня, Роб. Я ведь никогда особо в тебя… не верил.

Роберт лишь кивает — ни единого намека на то, что он понял, как трудно далось отцу это признание.

— У меня сегодня выходной. Дай, думаю, зайду посмотрю, что там мой папа затеял.

— А-а.

— Ну и как идут дела?

— Пока не очень. Ведь я только открылся. Сегодня — первый день.

— Я знаю. Я тут кое-что тебе принес.

Он протянул Чарли небольшую коробку. Чарли сразу вспыхивает от удовольствия. Он знает, что это за подарок, и кидает взгляд на одиноко

стоящий на полке корпус локомотива "Лик энд Мэнсфилд". Наконец-то… Сейчас он получит двигатель, обещанный Робертом много лет назад. Молодец сын, сдержал слово.

Чарли нетерпеливо вскрывает коробку, внутри — полиэтиленовый пакет. Он вытаскивает то, что в нем лежит. Прозрачное пресс-папье с вделанной внутрь моделью отеля "Майами" и какая-то одежда в целлофановой упаковке. Чарли вскрывает упаковку, это футболка. Многословная надпись на груди: "Мой сынок привез мне из Флориды только эту паршивую футболку". Чарли вежливо улыбается.

— Остроумно.

— Смешно, правда? — спрашивает Роберт, беря в руки миниатюрный огнетушитель, потом от нечего делать его рассматривает. — Надеюсь, у тебя все наладится.

— Ну да, нужно, чтобы прошло какое-то время. Как ты, Роберт? Как живешь?

— Нормально.

Роберт поднимает голову и видит на полке, позади отца, свой подарок, который тот поместил отдельно от всего, на почетное место. Чарли видит, как взгляд Роберта теплеет, наконец-то сын смело смотрит ему в лицо, не отводя глаз.

— Знаешь, мне очень жаль, что между нами все так… повернулось, папа.

— Может, теперь все повернется иначе?

— Ты думаешь?

— Надеюсь.

— А знаешь, у меня для тебя еще один сюрприз.

Он поворачивается к наглухо закрытой машине и машет рукой. Дверь тут же распахивается, и оттуда вылезает женщина. В первый момент Чарли даже не понял, кто это. Ничего похожего на панковский "ирокез" и одежда другая, совсем не та, про которую он обычно говорил Морин "это нечто". Она одета модно и красиво, у нее красивая аккуратная стрижка; отглаженные джинсы, длинная синяя шерстяная кофта. Женщина поманила кого-то из распахнутой двери, и оттуда выскочил парнишка лет пяти и побежал за ней следом. Только в этот момент Чарли наконец осенило…

— Кэрол хорошая мать, — говорит Роберт.

— Ты и она… вы…

— Мы просто хорошие друзья. Я часто навещаю Чака. Он классный мальчишка.

Чак — довольно коренастый крепыш с густыми черными волосами. Он вприпрыжку несется

к магазину, Кэрол идет следом. Не дожидаясь матери, он распахивает дверь и направляется прямо к Чарли.

— Ты, что ли, мой дед?

Чарли смотрит на малыша и видит, что в глазах у него васильковая синь. Густые черные волосы, точно такие же, как у самого Чарли, чудесным образом передавшиеся через поколение, не сыну, а внуку. Чарли протягивает руку, мальчик протягивает свою и позволяет Чарли ее пожать и один разок встряхнуть, но потом отбирает.

— В общем, да, — говорит Чарли.

Мальчик уже на него не смотрит, он внимательно разглядывает железную дорогу.

— Ты хотел бы стать машинистом? — спрашивает Чарли.

— Не-а, — бормочет Чаки, не глядя на деда. — Я хочу быть полицейским.

— Хорошее дело, — говорит Чарли. — Как раз то, что нужно.

— Быть машинистом неинтересно.

— Здравствуйте, мистер Бак, — говорит Кэрол.

— Ну зачем так, теперь можешь звать меня просто Чарли.

Решительно преодолев три разделяющие их шага, он крепко обнимает Кэрол, спрашивая себя,

почему он не обнял точно так же сына? Кэрол, немного выждав, деликатно отстраняется. Чак жмет на всякие рычажки и кнопки на выставленных моделях.

— Он похож на вас, — улыбается Кэрол. — Правда, Роберт?

— Не повезло бедняге, — добродушно ухмыляется Роберт.

— Но дед-то старый, — говорит Чак.

— Действительно старый, — говорит Чарли, скорее самому себе, изумленный тем, как больно ему осознавать этот непреложный факт. Он оборачивается к Кэрол: — Ты все еще слушаешь эту кошмарную музыку?

— Да, — говорит Кэрол.

— Хочешь, одолжу тебе Мантовани? — шутливо предлагает Чарли.

— А это кто? — чуть нараспев спрашивает Чак. Его выговор слегка напоминает материнский, — та же северная тягучесть.

— Никто, — говорит Чарли. — Один дядя, который был когда-то очень важным, почти как король.

Наступает долгое молчание. Слишком давит на всех груз прошлого. Слишком свежи раны. Роберт смотрит на часы:

— Нам, пожалуй, пора.

— Как? Уже? Вы побыли у меня всего пять минут.

— Честно говоря, мы приглашены к маме. Она готовит обед, ну и вообще, хлопочет. Я просто хотел посмотреть, как ты тут.

— Ты бабушкин муж, да? — спрашивает Чак.

— Теперь уже нет, — говорит Чарли. — Мы с ней разженились.

— А почему? — спрашивает Чак.

— В жизни всякое случается, — отвечает Чарли.

— Правда, пап, — говорит Роберт, смущенно переминаясь с ноги на ногу, — мы уже опаздываем.

— Ну, раз опаздываете… Ладно. Передавайте Морин привет, наилучшие мои пожелания, договорились?

— Да, конечно, папа. А магазин у тебя классный, здорово смотрится.

— Спасибо.

Роберт хочет еще что-то сказать, но вместо этого отворачивается.

— Мне… мне очень жалко, что так все вышло… В смысле… у вас с мамой.

— Что поделаешь, так уж…

— … легли карты, — подхватывает Роберт.

Чарли улыбается:

— Я как заезженная пластинка, старый зануда.

— Да нет, что ты. Ведь и у тебя когда-то все было нормально. Жизнь сложная штука. Всякий может ошибаться.

— Мудрая мысль, сынок.

Он протягивает Роберту руку, и тот крепко ее жмет. У Роба железная хватка, а ладонь намного больше отцовской. Взгляды их снова встречаются, но лишь на пару секунд.

— Как-нибудь еще увидимся, пап.

— Обязательно. Смотри береги себя, ладно?

— Это ты себя береги.

— Я горжусь тобой, Роб.

— Я знаю. Знаю, что гордишься. — Он улыбается. — Чак, не хочешь поцеловать своего дедушку?

— Не-а, — говорит Чак. — Я же не гей.

Все трое взрослых начинают хохотать, искренне, от души, окончательно преодолев неловкость. Чак тут же заливается слезами.

— Что такое, Чаки? — спрашивает Кэрол.

— Вы все надо мной смеетесь.

Кэрол берет Чака на руки, и он потихоньку успокаивается.

— Скажи дедушке "до свидания".

— Пока, дед. — Чак прижался лицом к материнскому плечу, поэтому голосок у него приглушенный.

— Пока, Чак. Заходи как-нибудь проведать своего старого деда. Будем с тобой играть в паровозики.

Чак, подняв голову и оборачиваясь к Чарли, кивает.

— До свиданья, Кэрол. До свиданья, Роб.

Чарли смотрит, как они забираются в машину, слышит, как рычит мотор, и вот они уже трогаются, развернувшись в сторону севера, в сторону дома Мо и Питера. Чарли пытается представить, что у них там сегодня на обед. Самого его дома ждет жаркое из свинины, одна порция, упаковка из универсама "Маркс энд Спенсер".

--

Вечером Чарли откупоривает две бутылки красного вина, надо ведь отметить день открытия своего центра. Надо полагать, вино приличное, одна бутылка стоит три девяносто девять, считай, четыре фунта. Он жадно глотает разжеванный кусок, свинина попалась вкусная. Но вообще-то еда для Чарли теперь, после развода, скорее мучение, а не радость. Удивительное дело, ведь они с Морин почти не разговаривали за обедом, но

когда рядом кто-то сидит, все совсем иначе, это уже не вульгарное утоление голода, не просто удовлетворение сугубо животной потребности. Когда подходит очередь пудинга, шоколадной пористой массы, доведенной до нужной кондиции в микроволновке, уже почти опустошена вторая бутылка. Поддевая ложечкой похожий на губку землистого цвета пудинг, Чарли думает о Роберте, о Морин с Питером, о том, что его от них отделяет три мили. На экране телевизора что-то громко орут, примитивные драмы и бесконечные сюжетные повторы в сериале "Жители Ист-Энда" действуют на Чарли умиротворяюще, ему приятно видеть знакомый лондонский уголок, к которому он до сих пор привязан. Теперь уже его самого не оттащишь от всех этих мыльных опер, теперь ему необходимо чем-то заменить отсутствие реальной жизни, это для него — как витамины Морин, которые она принимала для укрепления костей и для упругости кожи.

Жуя жаркое, Чарли поглядывает то на площадь Альберта (где в данный момент выясняют отношения персонажи сериала), то в местную газетку, полную фотографий несимпатичных детей, скачущих на батутах в форме уродливых замков, марафонцев-инвалидов, для которых устраивают

спецсоревнования. А статьи и заметки посвящены главным образом преступлениям. Грабежам и разбоям, похитителям часов "Ролекс" и мелким мошенникам. От Блетчли до Лутона вся страна наводнена гражданами, жаждущими прикарманить законное имущество более удачливых соотечественников. Теперь понятно, почему у Роберта такой измотанный вид, думает Чарли, пытаясь как-то переварить этот повсеместный крах всего и вся, нащупать какие-то обломки былой устойчивой общественной жизни и соединить их в своем сознании, хотя общества как такового больше нет. Чарли совершенно согласен с определением миссис Тэтчер. Общества нет. Есть одни личности[108], сидящие в одиночестве по своим домам, вроде него, пытающиеся ужиться с собственным "я". Кому-то это удается лучше, а кому-то...

Чарли листает страницы. Приятное волнение, вызванное знаменательным событием, окончательно исчезло. И разом навалились все проблемы: куча долгов — как теперь все это возвращать, где брать деньги на еженедельную

---

[108] Примечания: 108

Чарли несколько смещает акценты. На самом деле один из афоризмов Тэтчер звучал так: "Люди забыли, что общество состоит из личностей".

аренду, да еще такие расходы на закупку товара. Чарли смотрит на стены гостиной, представляет, как выглядят невидимые под штукатуркой кирпичи, прослоенные раствором, и это немного его успокаивает. Он просто смотрит, а стоимость стен между тем растет, и, соответственно, его благосостояние — прямо из ничего. Вот она, его палочка-выручалочка, его спасение, если что… Томми знал, что говорил, цены на недвижимость растут и растут. Прямо-таки с неодолимой силой.

Отогнав посредством этой отрадной мысли свои финансовые тревоги, Чарли острее начинает ощущать пульсирующую внутри боль. Он вдруг осознает, что она не оставляет его с того проклятого дня, когда Морин сама прикатила на машине, а он еще тогда удивился, как же она решилась, без прав-то? Да, с того памятного дня, когда он набросился на свою жену с кулаками, с того дня, когда она в последний раз заботливо смахнула крошки с его рта. Именно после нежного прикосновения ее пальцев разлился в груди этот невероятный холод, а сердечную мышцу свело так, что Чарли больше уже не мог дышать полной грудью, спазм не проходил. В лондонские его годы, а это почти вся жизнь, тоже хватало огорчений, и на работе, и в семье, но они впи-

сывались в понятие "житейские". Нет, никогда раньше он не испытывал этого дикого ощущения: сердце вот-вот разорвется от невыносимого бремени. Теперь он знал причину, знал имя этой напасти, этого проклятья двадцатого века, знал, отчего по его жилам разливается холод, знал страшную цену подобного жизненного виража. Оно, словно паразит, пожирает живые существа изнутри. Одиночество.

Чарли никак не мог придумать, что ему с самим собой делать. Боль подкатывала, будто тошнота, но ее невозможно было исторгнуть. Нет, это не просто пустота. Это удушливое, давящее ощущение, неодолимая физическая потребность общения, уже все равно с кем и как, лишь бы хоть кто-то был рядом. Его немой страшный вопль неслышно катится вдоль новых улиц, делаясь все надрывнее у каждого парадного, слабо освещенного ночным фонарем. Невыносимо, невыносимо, невыноси-и-имо.

Он сидит за столом, не двигаясь, почти не вникая в то, что творится на экране, как и в смысл написанного в газете, забыв про недоеденный пудинг. Голова его кружится от одиночества; такое уже бывало. Он яростно допивает остаток вина, но знает, что это не поможет, что совсем

отключиться ему не удастся.

Он снова смотрит на газетную страницу, на глаза попадается рубрика с примечательным названием: "От сердца к сердцу: тем, кто ищет и кого ищут". Чарли выборочно, наугад, читает напечатанные в колонке объявления. Искателей гораздо больше, чем искательниц, неизмеримо больше. Женщины в основном обожают долгие загородные прогулки, винные бары и кинотеатры, и еще любят танцевать сальсу[109]. Многие из них аппетитны и привлекательны или склонны к полноте. Основные требования к искомым объектам таковы: хороший рост и ХЧЮ, хм... ха че ю, что бы это могло означать? Многие заверяют, что в целом они счастливы и довольны своей жизнью. Чарли понимает этот тайный код. И с уважением относится к этой тонкой тактичной лжи.

Внизу страницы напечатан типовой бланк для объявления. "А почему бы нет? — мелькает в голове у Чарли. — Что в этом зазорного? В наше время это в порядке вещей". Может, для кого-то он, можно сказать, подарок судьбы. Не такой уж и старый, свой бизнес, собственный дом, глян-

---

[109] Примечания: 109

Сальса — латиноамериканская танцевальная музыка, популярная в 70-80-е годы.

цевый серебристый "мерс". Точно. Он вполне конкурентоспособный кавалер.

Вооружившись листком бумаги и шариковой ручкой, он пытается сосредоточиться. Первый вариант получился совсем топорным. "Бизнесмен и владелец "мерседеса" очень зрелого возраста хочет познакомиться с милой леди, готовой разделить с ним взлеты и падения в этой жизни". Вообще-то "в этой жизни" звучит как-то двусмысленно, но это Чарли не смущает, редактор подправит. Ему не нравится другое, что объявление какое-то… никакое. Ничего, что хоть немного раскрыло бы его личность. Слишком общо, слишком пусто, слишком грубо. Но разве можно в нескольких словах передать аромат живой жизни?

Он принимается за второй вариант. "Джентльмен зрелого возраста, удачливый, проживающий в уютном доме, недавно разведенный, мечтает познакомиться с женщиной своих лет или немного моложе для проведения досуга и совместного…". Совместного… Совместного — чего? Ей-богу, никчемное словечко. Чарли доволен, что сообразил ликвидировать слово "очень", просто "зрелого возраста". Благопристойная сдержанность, смягчающая остроту правды, позволяет

раскинуть сети пошире. И более обтекаемая формулировка его делового статуса — тоже удача. Звучит уже не так вульгарно, а если он назовет себя бизнесменом, могут подумать, что и поиск спутницы для него чисто деловое предприятие. А Чарли знает, что женщинам подавай романтику, а не деловитость. И хорошо, что он добавил про развод. Мужчине зрелого (и тем более очень зрелого) возраста неприлично быть закоренелым холостяком, любая сразу решит, что с ним что-то не так. "Мерседес" тоже вылетел. Опять-таки слишком назойливо, по-деловому. Написать, что у него нормальное ХЧЮ? Нет, рискованно, черт его знает, что это за хрень. А вот про высокий рост, это можно, хотя на самом деле росту него скорее средний: пять футов и десять дюймов. Для совместного… Совместного — чего? Нет, неприкаянное какое-то слово.

Десять минут уходит на очередные три черновика, и наконец чистовой вариант готов. "Высокий джентльмен зрелого возраста, удачливый, проживающий в уютном доме, платежеспособный, недавно разведенный. Рад будет познакомиться с дамой своего возраста или чуть моложе для проведения досуга, прогулок, а возможно, для чего-то большего?" Неплохо,

этот вопрос дает простор воображению и некие перспективы. Чутье говорит Чарли, что на такой призыв отзовутся. Он вырезает бланк, заполняет его и запихивает в конверт. Надо сразу же пойти и отправить, вовсе не факт, что у него хватит смелости сделать это завтра.

Почтовый ящик в ста ярдах от дома. Чарли натыкается на соседа и приветствует его улыбкой, несколько смущенной, будто тот может догадаться, что лежит у него в конверте, как будто постыдная тайна просвечивает сквозь плотную бумагу. Ибо, как только его обступает промозглый ночной холод, он чувствует всю унизительность этой авантюры, по сути дела, это все тот же отчаянный вопль. Знакомьтесь. Перед вами уже не мистер Чарлз Уильям Бак, муж Морин Бак, отец Роберта Бака. Перед вами Бизнесмен Зрелого Возраста. Очень зрелого. Недавно разведенный. Зрелый мужчина, но молодой холостяк. Чуть помедлив, он все-таки бросает в прорезь письмо и слышит, как оно со слабым шелестом падает на дно ящика. Чарли почти бегом устремляется к дому, а дождь все льет и льет.

И в лицо Чарли — ветер, вдруг такой сильный и резкий, что на эти хлещущие потоки ветра и дождя, наверное, можно даже опереться, как на

стену. Правда, сегодня вечером по телевизору Майкл Фиш заверял, что синоптики поторопились со своим штормовым предупреждением, со своим "Возможен ураган!" — урагана не будет. Но все равно ветер разыгрался не на шутку…

--

Спустя три часа Чарли внезапно просыпается на середине сна. Ему снилась Маргарет Тэтчер, уменьшившаяся до кукольных размеров. Как она ведет его миниатюрный поезд по рельсам, проложенным в пустыне. Лицо у нее убитое и растерянное, она ищет своего сына. Марка[110]. А он, Чарли, помогает ей, тоже старательно озирается по сторонам. Просыпается он в тот момент, когда она жмет на сигнал, но раздается не гудок, а мерные удары Биг-Бена. Чарли слышит, как громко дребезжат стекла, будто снаружи по оконным рамам колотит какой-то силач. В ушах оглушительно гулкий звон. Такое чувство, что на улице все ходит ходуном, что там все рушится, превращаясь в руины. Чарли замирает от ужаса, первое, что приходит в голову — атомная бомба. Кошмарные страхи пятидесятых и шестидесятых

---

[110] Примечания: 110

Сюжет сна навеян реальной драмой: сын Маргарет Тэтчер пропал во время ралли в Сахаре. Был найден специально организованной поисковой группой.

никогда его не оставляли, хотя русские и прекратили играть в эти игры, когда их обскакал Ронни Рейган. Чарли Рейган нравится, умеет вести себя прилично, и улыбка у него обаятельная, располагающая, как у простого свойского парня.

Через пару секунд Чарли успокаивается, сообразив, что это не бомба, а ветер. Это он со свистом проносится между красными домами городка с ужасающей, с дикой скоростью. Там, снаружи, вроде бы трещат сломанные ветки и звенят разбитые стекла.

Чарли встает и пробирается сквозь темень к окну, стекла которого уже не просто дрожат, а сотрясаются. Отодвинув шторы, Чарли смотрит на улицу, где довольно светло и вполне можно разглядеть то, что там творится. Сады завалены сухими сучьями и ветками, обломками стволов, месивом из обрывков, клочков и обломков. Несколько больших деревьев на той стороне улицы рухнули прямо на дома. Телеграфный столб вырвало из гнезда, и провода провисли почти до самой земли. Во всех домах горит свет, хотя сейчас два часа ночи. Некоторые, вроде него самого, смотрят в окна.

В спальне заметно похолодало, пижама совсем не греет. Чарли обхватил себя руками. Он собрал-

ся снова лечь, но потом решил, что подобные катаклизмы — слишком большая редкость, надо бы понаблюдать за стихией. Ему всегда нравились ураганы, еще в детстве, главным образом из-за чувства защищенности, которое испытываешь, сидя в уютном тепле и вслушиваясь в грохот и вой за окнами.

Чарли рассматривает более близкое к нему пространство, что там и как. Деревья так раскачиваются, что стволы и ветки неестественно выгибаются. На глазах у Чарли от кроны одного из них оторвался огромный сук и, пролетев по воздуху, приземлился всего в пятистах футах от его дома. В доме наискосок тоже вспыхнул свет. Чарли увидел прижатые к оконному стеклу детские рожицы.

Чарли вспомнил про бутылку виски. Плеснув немного в стакан, он залпом его осушает, потом, сжимая в руке пустой стакан, снова подходит к окну. Пора ему наконец взглянуть на свой собственный сад. Шум за окном нарастает, Ветер, того и гляди, выдавит окна, втолкнет их внутрь комнаты. Ощущение защищенности сменяется смутным предчувствием чего-то непоправимого. Чарли вглядывается в темноту, и тут внезапно вспыхивает лампа сигнализации в соседском

доме: это ошалевшая от страха кошка пронеслась слишком близко от инфракрасных датчиков.

Чарли тут же швыряет стакан и бежит, бежит по ступенькам вниз, не замечая, что из прорези полосатых пижамных брюк вывалился наружу его печально поникший член. Чарли, судорожно хватая ртом воздух, почти задохнувшись, подбегает к задней двери, долго пытается вставить ключ в скважину. Роняет его, ищет, находит, снова нащупывает отверстие скважины, наконец-то попадает в нее ключом. Ему страшно выходить навстречу этому лютующему ветру. Но придется — надо… Оставив ключ в замке, он нажимает на ручку.

Однако ветер с такой силой давит снаружи на дверь, что она не поддается. Наконец Чарли ухитряется ее приоткрыть и выскользнуть на улицу. Дети в доме наискосок все еще стоят у окна, и теперь их взгляды устремлены на Чарли. Они почему-то начинают смеяться, и Чарли машинально думает: интересно, что их так развеселило? Но вскоре до него доходит, что это они над ним смеются. Он тут же представляет, как выглядит со стороны. Отвратительное зрелище. Густые черные крашеные волосы стоят дыбом, физиономия красная, испуганная, опухшая.

Из-за паники, из-за страшного смятения, из-за дружно на него накинувшихся ветра и дождя он совершенно забыл про свой торчащий из прорези в штанах срам. Его босым ногам сыро и холодно, он пробирается, опасливо ступая, по грязному газону, беззащитный зверек, легкая добыча для хищника. Ветер так и хлещет в лицо.

То, что он увидел из окна, ему не померещилось. Его садовая железная дорога, его утешение и гордость, все станции, все сигнальные вышки, все блокпосты, машинки, огнетушители, сам поезд и железнодорожное полотно — все-все перевернуто, искорежено, разбито на куски. Часть фрагментов разметало по соседним садам, кое-какие детали разбросаны по газону. Чарли удается схватить священника девятнадцатого века, но он тут же его роняет, фигурка заваливается в середину обглоданного ураганом куста. А локомотив… локомотив раздавлен, как гусеница, упавшим деревцем.

Чарли ползает на коленях по грязи, пытаясь собрать осколки своего искореженного мирка, но стихия обошлась с ними слишком жестоко и слишком далеко раскидала. Все эти драгоценные вещицы, которые он так старательно, так усердно собирал долгие годы, оказались в буквальном

смысле выброшенными на ветер.

Чарли с безумным упорством пытается собрать воедино то, что осталось. Струи дождя хлещут его все сильнее. Чарли, запрокинув голову, смотрит на небо, и из нутра его исторгается вопль, звериный вой, крик бессловесной твари. Дети, наблюдающие за ним, уже задыхаются от хохота, схватившись за животы. Родители тоже им подхихикивают и, тихонько чертыхаясь, задергивают занавески. Забавно, конечно, но какого черта этот старый кретин выставил напоказ свой хрен? Какая гадость... Надо бы пожаловаться на него в полицию. Но потом они решают, что их чокнутый сосед вполне безобиден, черт с ним.

16

После урагана Чарли все чаще кажется, что близится конец, из вечера в вечер его мучает предчувствие краха: мир рушится и летит в пропасть. И вообще, совсем скоро семена, посеянные в глухом мраке прошлого, дадут чудовищные плоды. Сплошные предзнаменования, и они множатся и множатся. Рухнула Фондовая биржа; скромные вложения Чарли в "британскую газовую корпорацию" ухнули в никуда. Взрыв

бомбы в североирландском Эннискиллене[111], чудовищный пожар на вокзале Кингс-Кросс.

Но центр тяжести еще не дрогнул, он пока остается на прежнем месте. Хотя 1987 год оставляет за собой пышный шлейф катастроф (это и кошмарное количество трупов у Хангерфордского моста, и утопленники в Зебрюгге[112], и чахнущие от отравленного химикатами воздуха дети Кливленда), 1988-й делает финансовый серфинг еще более увлекательным: волны из купюр все круче, все опаснее, все щедрее. Вся атмосфера пропитана бесшабашностью близящейся к завершению вечеринки, все знают, что финал близок, но продолжают неистово веселиться. У всех — у каждого! — появляются деньги. Разумеется, за исключением всяких маргинальных личностей, приворовывающих в магазинах и разбивающих свои палатки поблизости от торговых автоматов. Проходя мимо этих бедолаг, число которых постоянно растет, Чарли все чаще лезет за ме-

---

[111] Примечания: 111

Имеется в виду трагедия во время парада в честь дня поминовения воинов, погибших в Первую и Вторую мировые войны. От взрыва бомбы, брошенной членами Ирландской армии освобождения, в Эннискиллене погибло 11 и было ранено 60 человек.

[112] Примечания: 112

В этом небольшом бельгийском порту в марте 1987 г. из-за халатности экипажа затонул паром, погибло 180 пассажиров

лочью в карман. И больше не обзывает их про себя попрошайками и нахлебниками. Чарли уже на собственной шкуре испытал, что такое невезение и к каким роковым последствиям может привести неверно сделанный выбор, понял, что обстоятельства могут сломать кого угодно.

Скромная доля денежного пирога более или менее регулярно перепадает и Чарли: пока что предсказания Томми продолжают сбываться и затраты на магазинчик постепенно окупаются. Однако нещадно растет арендная плата, не по дням, а по часам. Но как бы то ни было, досуг и, как говорится, сопутствующие товары — выгодная ниша. Досуг — штука перспективная. Прибыли пока не очень, но дело это надежное.

Главное — собственность! Ее наступление теперь ничем не остановишь! Правда, выступая с весенним отчетом по бюджету, Найджел Лоусон[113] объявил, что льготы на процентные выплаты по ипотечному кредиту на недвижимость будут значительно сокращены, но не сразу, он милостиво предоставил гражданам четыре месяца отсрочки. После этого сообщения все бросились скупать все подряд, закрутились-за-

[113] Примечания: 113

Найджел Лоусон (р. 1932) — консерватор, министр финансов с 1983 г. Ушел в отставку в 1989 г.

вертелись мощные денежные потоки, каскады, водопады денег, реки денег от доходов и расходов, сливаясь воедино, образовывали бурные океаны кредитов и долгов. Чарли был спокоен, поскольку стоимость его дома возросла в прошлом году на тридцать процентов, его дом — это надежная защита, бронежилет из кирпичей и известки. Поразительно, конечно, такие деньги за обычный маленький домик в обычном маленьком городишке. Когда закончится этот сумасшедший рост цен? Или скоро они все рухнут? Томми божится, что пока не о чем волноваться, пока все, что он говорил, сбывалось, поэтому Чарли с легким сердцем последовал очередному его совету и взял ссуду в банке на обновление ассортимента и на компьютер для бухгалтерии. (Без компьютеров теперь никуда, — заверил его Томми, — в них наше долбаное будущее.)

Все могло сложиться хуже, гораздо хуже, уговаривает себя Чарли, закрывая магазин. Сегодняшняя среда, обычный будний день, принесла ему тысячу фунтов. Вроде бы грех жаловаться, но это такая малость, если вспомнить про все его долги… Ладно, помаленьку он с ними расквитается. Бизнес у него надежный, паниковать не стоит.

Чарли действительно пришли отклики на

его послание в рубрику "От сердца к сердцу". В первую неделю он получил только пять ответов. Но потом, войдя во вкус, решил воспользоваться предложенной газетой скидкой: "шесть публикаций по цене четырех". Спустя полтора месяца в его ящике оказалось уже почти пятьдесят писем. Каждое он изучил внимательнейшим образом и на все ответил, даже на те, которые отбраковал. Почти половина его корреспонденток писали от безысходности, от жестокого одиночества, но, хотя он и сам изо дня в день испытывал те же самые муки, это отталкивало. Отталкивало, что они уже даже не пытаются скрывать своего отчаянья. Ни намека на кокетство, на извечную игру, лишь мольба о спасении. Это легко читалось между выспренних, неестественных слов ("Ты мужчина моей мечты, я сразу поняла это по твоим словам, я ждала тебя много-много лет!"). Или, еще чаще, в тоскливых лицах на фотографиях с чуть потрепанными краями, в этих глазах с красными точками вместо зрачков, как будто дьявол уже пометил их для себя.

Письма попадались самые разные. Некоторые крайне вежливые и светские, словно ответ на деловое предложение, которое даже не особо их заинтересовало. "Уважаемый сэр! Я прочла

ваше объявление, оно показалось мне довольно любопытным. И хотя у меня уже есть несколько вариантов..." Часть дам ограничивалась одной-двумя фразами, иногда пугающими, и адресом. Только шесть писем показались Чарли более или менее нормальными, в них хоть что-то соответствовало представлениям самого Чарли о жизни.

С тремя из шести он даже готов был встретиться. Первая, судя по письму, была очень даже подходящей кандидатурой. Тоже переехала из Лондона, примерно из того же района (впрочем, ее улица уже в Хаммерсмите, а не в Фулеме), примерно того же возраста (пятьдесят два). Письмо было приятно написано, без грамматических ошибок, без выкрутасов, женщина просто и понятно рассказала о себе. О том, как она одинока, муж умер, а найти новых знакомых, друзей практически невозможно. Но она не унывает. У нее много разных увлечений, и она все еще "молода душой".

Сама интонация письма была очень располагающей, и, промучившись несколько вечеров от робости, Чарли все-таки набрал ее номер, вписанный в узкий прямоугольник, оттиснутый наверху листка. Голос, ответивший ему, был приветливым и мягким, они проболтали минут

тридцать и договорились встретиться в мясном ресторанчике.

Чарли, войдя в вестибюль, сразу ее увидел и весь похолодел… Кожа да кости, в чем только душа держится, и волос на голове почти нет, он тут же заподозрил, что у нее рак. Он даже не стал подходить, тут же развернулся и с позором бежал. А придя домой, продиктовал ее автоответчику идиотское послание: к нему, дескать, вдруг неожиданно вернулась жена. Он и сам понимал, что это полная чушь, но решил, что она будет рада хоть какому-то объяснению, даже столь откровенному вранью.

Вторая женщина оказалась значительно моложе его, лет сорока шести, и была на удивление хороша собой. Чарли сразу понял, что это глухой вариант. Сама ее манера разговаривать, то, как она поглядывала на его слегка отвисшее брюшко, это недоумение во взгляде, пока он долго листал меню, не зная, что заказать в том модном ресторане, куда она сама его и затащила, все буквально вопило: этот орешек тебе не по зубам. Все то — очень недолгое — время, что они сидели за столом, она равнодушно его изучала и была демонстративно вежлива. Но тем не менее успела покритиковать за то, что он слишком много

пьет, и это было истинной правдой, даже по нынешним меркам Чарли, привыкшего выпивать по три бутылки вина в день. Кончилось тем, что сразу же после основного блюда спутница его торопливо удалилась, не пожелав даже заказать пудинг. Чарли был оскорблен до глубины души, но тут же решил, что это, говоря высоким стилем, справедливое возмездие за то, как он поступил с первой дамой.

После этих двух историй на Чарли накатила такая лютая тоска по Морин, что едва не бросился ей звонить, умолять, чтобы она вернулась. Боже, как ему недоставало их монотонной, налаженной, нудной совместной жизни! Перспектива создать новую семью — в его-то возрасте! — казалась ему все более безнадежной, Чарли совсем пал духом. Он хотел выбросить остальные четыре письма в ведро, но потом все-таки позвонил "номеру третьему".

И, надо сказать, очередное свидание весьма его взбодрило. Эта женщина, согласившаяся выпить с ним кофе (для ужина, по ее мнению, они были недостаточно знакомы) в кафе при торговом центре, была очень доброжелательна и заботлива, и, насколько он мог судить, их интерес друг к другу был обоюдным, поле для предстоящей игры

было на вид довольно ровным, без колдобин. Миниатюрная, хорошо сохранившаяся для своего возраста — женщина сказала, что ей пятьдесят один. Она обладала редким умением разговорить собеседника, причем ее "а почему", "а когда" совсем не казались бестактными и назойливыми. Чарли сам не заметил, как начал пересказывать всю свою полную катаклизмов жизнь, и ее тяжкий груз давил все меньше, размягчаясь и выходя, как пар, вместе со словами и фразами.

У Рут есть дочь Кэсси, двадцати одного года, обожаемая дочь, это было ясно с первых слов. Дочь работает медсестрой в лутонской стоматологической клинике. Рут даже принесла с собой три ее фото. Чарли показали цветущую девушку, всю в веснушках, галактики веснушек поверх молочной белизны и яркого румянца. Мать и дочка виделись каждую неделю и были закадычными подругами. Посмотрев на фотографии, Чарли стал рассказывать про Роберта. Рут слушала молча, но с искренним вниманием, и пошло-поехало… он рассказал ей про разрыв с Ллойдом, про измену Морин, про свою тусклую, вялую жизнь, превратившуюся в бессмысленное существование. Когда он рассказывал про унижение, пережитое на бракоразводном процессе, Рут в безотчетном

порыве накрыла его руку своей ладонью. Чарли с изумлением почувствовал, что его тело отозвалось на эту ласку, электрический импульс был совсем слабым, но он так давно не испытывал подобных ощущений, что еле сдержал слезы. Слава богу, справился, а то выглядел бы абсолютным идиотом… Договорились встретиться снова, но после она позвонила и сказала, что у нее возникли серьезные семейные проблемы, она перезвонит позже, как только что-то там решится.

Чарли был почти уверен, что она дала ему отставку, но она снова позвонила и снова принялась извиняться. У ее дочери нелады со здоровьем, но она обещает, что при первой же возможности с ним встретится.

Чарли ждал некоторое время, но потом надумал попытать судьбу еще раз, в конце концов, с Рут его связывает пока лишь дружба, и вовсе не обязательно, что она перерастет в нечто большее. Короче, он взял и позвонил "номеру четвертому" из своей отобранной шестерки. Четвертую женщину звали Сьюзан Галлоуэй, она говорила с легким шотландским акцентом, словно бы нежно рычала, так казалось из-за твердого "р". Они мгновенно нашли общий язык, буквально через десять минут Чарли хохотал до слез над

довольно-таки смелой ее шуточкой.

Выяснилось, что они почти соседи, она живет в соседнем микрорайоне, она знает его магазин, она, кажется, видела его пару раз в большом супермаркете, который расположен примерно посередине между обеими их застройками. Она регулярно покупает там всякие замороженные ужины, тоже рассчитанные на одну порцию. Решили там же, в супермаркете, и встретиться, в кафе на втором этаже. Сьюзан смотрелась великолепно, темные с легкой проседью волосы красиво подстрижены, улыбка ее была лукавой, а смех чуть дразнящим, и к тому же ей было всего сорок пять лет. Чарли был очарован. Потрясающая женщина!

А как изящно она держит в руке кекс, как легко и мило откусывает от него мелкие кусочки… ее элегантные манеры окончательно добили Чарли, явившегося на свидание в домашних джинсах и во флоридской футболке, подаренной Робертом. Увидев надпись, Сьюзан так и покатилась со смеху. В кафе они пробыли примерно час, и, выходя оттуда, Чарли уже знал, что Сьюзи именно такая женщина, которая ему нужна. Привлекательная, с хорошим, даже очень, чувством юмора (вот оно, то загадочное ХЧЮ!). К себе относится с легкой

иронией и, главное, всерьез воспринимает его. Для нее (как и для Рут) он не просто стареющий чудаковатый бирюк, чью физиономию он каждое утро видит в своем зеркале, а нормальный мужчина. Они условились на неделе вместе пообедать в более торжественной обстановке, ну а сегодня вечером можно позволить себе легкий ужин. Запирая стеклянные двери своего магазина, Чарли чувствует внутри легкую дрожь нетерпения и почти бегом несется к многоэтажному гаражу, в котором держал свой "мерседес". Он волнуется, но настроен оптимистически.

Быстренько доехав до дому, он сразу лезет под душ, а после вытащил из комода и шкафа свежее белье и одежду. Вещи почти новые, почти ненадеванные, почти что самые модные, главным образом из "Маркс энд Спенсер", когда-то он считал этот магазин слишком шикарным, когда-то его вполне устраивал ширпотреб на распродажах в универмагах "Бритиш Хоум Сторз" или из "Си энд Эй", но теперь он такое не носит, его смущает не столько сама дешевая одежда, сколько ее предательские ярлыки.

Коричневые широкие брюки с заглаженной "фабричной" складкой, свободная рубашка с воротничком на пуговках, голубая, того оттенка,

который Чарли всегда был к лицу. Туго завязанный галстук с абстрактным рисунком, цвета яркие, натуральные. Отличный галстук, даже экстравагантный, ни одна не устоит. Трусы он выбрал из чистого хлопка, в виде шортов, вообще-то Чарли предпочитает другой фасон, чтобы облегали, как плавки, но мало ли… Вдруг вечер будет иметь романтическое продолжение, хотя странный женский кодекс чести запрещает "терять голову" при первой же встрече. Чарли нужен платок, но он не может вспомнить, куда именно он запихал плоскую коробочку с белыми хлопковыми квадратиками, он раскрывает все ящики подряд, выкидывая оттуда фотоальбомы, старые журналы, книги… наконец коробочка найдена, но убирать то, что раскидано на полу, некогда, плевать.

Самому-то ему уже ясно, что он ее хочет, но вот хочет ли его она? С женщинами такие вещи лучше не обсуждать. Они никогда не скажут прямо, что им на самом деле нужно. Правда, он недавно читал (то ли в "Сан", то ли в "Дейли мейл", теперь он обычно их покупает), что женщины помоложе более честны и смелы в отношении секса и в этом смысле не идут ни в какое сравнение с его ровесницами. Возможно, судьба сегодня

расщедрится и сразу направит события в нужное русло? На всякий случай он заскочил в аптеку и купил упаковку с тремя презервативами, потом спрятал ее в нагрудный карман синей шерстяной — пятьдесят процентов кашемира — куртки. Конечно, искушать судьбу всегда опасно, но лучше перестраховаться, чем потом себя проклинать.

По мере приближения заветного часа Чарли нервничает все сильнее и, чтобы немного расслабиться, наливает себе третий стакан джина с тоником. Выпив, идет в ванную комнату и машинально берет с полки флакон "Хаи Карате", которому уже не меньше десяти лет. Чуть помешкав, он выбрасывает его в ведро. У него еще есть "Саваж", туалетная вода, купленная Морин. Он все не открывал ее, хотел сначала добить "Хаи Карате". Но так можно вообще не успеть открыть... Он отвинчивает крышку и выливает немного жидкости на ладонь — запах свежий, слегка отдает лимоном. Он энергично растирает подбородок и шею. Великолепно.

Чарли критически изучает свое отражение в зеркале. Ну вот. Сделал с собой все, что мог. И ей-богу, после пары коктейлей в слабо освещенном ресторанчике "Итальянский ужин" он будет смотреться не так уж плохо. Там полумрак, от-

дельные кабинки, он специально выбрал именно этот ресторан для начала штурма.

Чарли заказал по телефону мини-такси. Едва он вешает трубку, раздается звонок. Сердце Чарли бешено колотится. А вдруг Сьюзан решила отменить встречу? Он машинально берет в руки карандаш, так как привык все записывать в лежащий у телефона отрывной блокнот. Мелькает мысль, что это звонят из таксопарка, хотят предупредить, что шофер приедет чуть позже. В ответ на его "алло" в трубке раздается женский голос, но это не Сьюзан. Чарли напрягает память. Это Рут.

Он чувствует страшное смущение, как будто его уличили в измене. Голос у Рут отрешенный, она говорит словно бы через силу. Чарли машинально пишет на блокноте ее имя. Грифель у карандаша притупился, буквы получаются жирные и какие-то траурные. Рут.

— Привет, Чарли.

— Привет, Рут. Как у тебя дела?

— Если честно, не очень. Но я уже немного пришла в себя. А как ты, Чарли? Как дела у тебя?

— У меня? Да кручусь понемногу. То одно, то другое.

— Это хорошо. Знаешь, я тут подумала…

Чарли не хочет, чтобы она назначила ему сви-

дание, но как ей помешать? Чтобы выиграть время, он спрашивает:

— А что такое у тебя стряслось, Рут?

— Лучше не Спрашивай.

— Ах, Рут, перестань. Говори, не стесняйся. Я думал, мы с тобой друзья, что у нас нет тайн друг от друга.

— Понимаешь, это нетелефонный разговор…

Чарли никак не может найти подходящий предлог для расставания, чтобы не обидеть Рут. Он продолжает этот нелепый фарс, лишь бы что-то сказать:

— Что-то серьезное? Так что случилось?

Свободной рукой Чарли нашаривает пачку сигарет, роняет ее и успевает поднять, прежде чем снова раздается голос Рут:

— Моя Кэсси. Ей пришлось сделать кое-какие анализы.

— Анализы? А что с ней?

И снова в трубке долгое, очень долгое молчание.

— ВИЧ.

— ВИЧ? А что это такое? — простодушно спрашивает Чарли.

Что такое СПИД, он знал. Но об инкубационном периоде и разных стадиях представление имел

весьма смутное.

— Понимаешь, пришел положительный результат. На ВИЧ.

— О-о.

— Конечно, совсем не обязательно, что это разовьется… дойдет до окончательной стадии.

— Гм, до окончательной стадии… Что ты имеешь в виду?

Он силится понять, в чем дело, и одновременно, прижимая к уху трубку, пытается нащупать в кармане ключи. На улице слышен мотор подъезжающего такси. Загадочное слово "вич" вдруг соединяется в его мозгу со строчками из старых газет и с парой фраз, которые он иногда вскользь слышал в теленовостях. Он перестает искать ключи.

— ВИЧ? Это случайно не то… то есть… гм… это не то, что бывает перед СПИДом?

— СПИД, он не у всех потом бывает, Чарли. Некоторые не заболевают вообще.

Раздается звонок в дверь. Это таксист.

— Рут, мне нужно срочно уходить. Я… Мне очень жаль Кэсси. Надеюсь, она не очень подавлена.

— Наверное, это из-за ее работы, зубные врачи больше рискуют, чем остальные, гораздо больше.

Она хорошая девочка. Она совсем не такая.

— Ты это о чем?

— Чарли, можно, я потом еще позвоню?

— Рут, я…я действительно должен бежать.

— Ты мне позвонишь, Чарли? Я была бы страшно рада.

— Конечно, позвоню. А сейчас я… Тут такси…

Он замолкает.

— Ну ладно, Чарли. Береги себя.

— До свиданья, Рут. Ты тоже себя береги. И, гм… Кэсси пусть тоже.

Он вешает трубку. В ушах все еще звучит трель дверного звонка, хотя таксист отпустил кнопку. Чарли довольно скоро удается отогнать прочь мысли о Рут и Кэсси. И галактики из девичьих веснушек меркнут, их заволакивают стремительно сгущающиеся облака настоящего.

В ресторан Чарли приезжает на пять минут раньше и обнаруживает, что Сьюзан уже ждет его, она расположилась в дальнем углу полупустого ресторана, за столиком на двоих. На ней роскошное длинное красное платье, очень эффектное. Бедра чуть шире, чем Чарли показалось в первый раз, но это ничего не меняет. Короткие волосы идеально уложены. Глаза и губы ярко накрашены.

— Дамам вообще-то полагается опаздывать… — первой заговаривает Сьюзан.

— Идиотизм, правда?

— Жуткий.

— Ты такая хорошенькая.

— Ты тоже. То есть…

Она заливается смехом:

— Нет, ты совсем не хорошенький.

— Да уж надеюсь.

Чарли снова нервничает и чувствует, как рубашка его слегка влажнеет от пота. Между ним и Сьюзи расстояние фута в два, и Чарли пока страшится его преодолеть, хотя знает, что сделать это совершенно необходимо. Он никогда не был мастером флирта, даже в молодости. Он предпочитает сразу приступать к главному, но давно уяснил, что женщин спешка отталкивает, они воспринимают это как свидетельство грубости и неумелости. Уже сейчас, хотя их вечер еще толком не начался, он думает о том, как лучше его завершить. Попытаться ее поцеловать? Или даже отвезти к себе?

К ним направляется официант.

— Сьюзан, хочешь выпить аперитив?

— С удовольствием.

— Как насчет коктейля? Я слышал, у них тут

отличный мартини.

За последние десять лет Чарли сделался знатоком напитков. Он знал теперь толк в настоящих ячменных виски, и в мартини с водкой, и что граппа — это виноградная водка, и что бывают еще всякие настойки и наливки, и что существует невероятное количество вкусов, сортов, марок, смесей, и так далее, и тому подобное. Томми сказал, что хороший биснесмен обязан разбираться в выпивке, и довольно скоро это стало получаться само собой.

Официант подходит.

— Вот и отлично, — подхватывает Сьюзан.

— С водкой тебя устроит?

— Грандиозно.

Чарли поворачивается к официанту, чувствуя, как к нему постепенно возвращается самообладание. Подтянув манжеты, он уверенным, слегка небрежным тоном говорит:

— Коктейль из водки и мартини. Мартини очень сухой, хорошо охладите, льда не нужно. Водку русскую. Никаких уоррингтонских поделок. А мне виски с лимонным соком и немного сахара туда. И еще принесите нам меню и карту вин.

— Сию секунду, сэр, — официант кивает.

После расставания с Морин Чарли регулярно устраивал себе вечерние домашние курсы дегустации, и теперь ему не терпится продемонстрировать свои познания. Принесенная официантом винная карта больше его не пугает. Теперь он с такими документами на "ты".

Hors-d'oeuvre[114] ни он, ни она заказывать не стали, Сьюзан выбрала жареных перепелок, сам Чарли — зажаренного на рашпере цыпленка с розмарином.

— Какое ты любишь вино?

— В винах я не очень-то разбираюсь, Чарли. Думаю, раз ты заказал себе цыпленка, нужно взять бутылку белого. Ну что, ты за белое?

— Думаю, твой выбор не совсем оправдан. С домашней птицей пьют красное, и уж тем более с дикой, с дичью.

— По-твоему, я дикая? Тогда попробуй приручить.

Она не смеется… чуть опустив ресницы, она смотрит на него совершенно серьезно. Чарли слегка краснеет и снова утыкается в перечень вин и напитков. Он не очень уверен, что перепелок можно считать дичью, их ведь теперь разводят,

---

[114] Примечания: 114
Закуска (фр.).

но все равно чувствует себя победителем.

— Подойдет хорошо охлажденное "Божоле"... или "Кот-дю-рон". Или красное бургундское.

— Я полагаюсь на тебя, Чарли. Я вижу, ты прекрасно знаешь, что надо делать.

"Еще бы мне не знать", — горделиво думает Чарли, уже почти не сомневаясь в собственной неотразимости. Тогда попробуй меня приручить. Он допивает виски. Приятное тепло разливается по жилам, как всегда после трех-четырех глотков. Он закуривает и удобно откидывается на спинку стула, держа сигарету двумя пальцами, верх элегантности... Чарли страшно доволен собой. Роковой мужчина, настоящий Рок Хадсон. А ведь на самом деле развод оказался для него благом. Теперь он успешный бизнесмен, солидный мужчина зрелого возраста, ну да, очень зрелого, ну и что? Хорошее вино с годами делается только лучше. Остановились на "Кот-дю-рон". Когда официант его принес, Чарли понюхал пробку, потом покрутил темно-красную жидкость в бокале, посмотрев на свет, резко потянул носом, чтобы почувствовать аромат. Букет, похоже, был так себе, но Чарли кивнул и отпил огромный глоток. На вкус вино оказалось резковатым, и градусов почти не чувствовалось, тем не менее Чарли

милостиво улыбнулся. Черт с ним, с вином, у него на сегодня есть дела и поважнее.

— Пойдет.

Кивнув в ответ, официант разлил вино по бокалам. Еда тоже оказалась так себе, но Чарли некогда было высказывать свое недовольство, отвлекаться на всякую ерунду. Он чувствовал, как колени Сьюзан прикасаются к его коленям, и, к великому своему удивлению, обнаружил, что член его робко начинает твердеть. После отъезда Морин — впервые по собственной инициативе. Чарли вдруг слышит свой громкий смех и видит, как вспыхивает Сьюзан. Она прелесть. Алое платье, розовые щеки, темные волосы с серебристыми прядками. Лиф платья упруго круглится на аппетитных грудях. Заиграла музыка, Чарли с радостью узнает знакомые каскады струнных: "Кармен" Мантовани. Это знак судьбы, теперь Чарли не сомневается, что все будет хорошо. Небеса к нему сегодня благоволят. Оба завершают ужин огромным пудингом "дзабальоне"[115]. Когда Чарли приносят огромный счет, он демонстративно протягивает официанту золотую карточку "Американ Экспресс". А после Сьюзан

---

[115] Примечания: 115

"Дзабальоне" — десерт из взбитых яиц с сахаром и вина "Марсала".

резко наклоняется над столом, ее лицо всего в нескольких дюймах от лица Чарли. Он чувствует запах духов, восхитительно плотский, земной; если бы запахи имели цвет, этот был бы коричневым, как глина, с примесью кроваво-красного. Чарли выпил примерно восемь бокалов вина, и теперь ему все было нипочем, сегодня он стреляет только в десятку. Как только они вышли из ресторана, Чарли обнял Сьюзан за талию, и она сделала то же самое, вполне непринужденно, ну, почти непринужденно и спокойно. Они направились к стоянке такси. Чувствуя, как она к нему прижимается, ощущая на своей щеке ее дыхание, Чарли не верил собственному счастью, потом радость сменилась гордостью, потом философским "а что тут такого особенного?".

— Я отвезу тебя домой? — полуспрашивая-полуутверждая, говорит Чарли, когда они подошли к стоянке и к ним направился толстяк в шоферской куртке, с волосами, забранными в хвост.

— Домой — это куда? — решается уточнить Сьюзан, и Чарли уже не удивляется ее словам.

— Ко мне, — тут же выпаливает он, как нечто само собой разумеющееся.

Машина резко трогается, как раз в тот момент, когда Чарли прильнул к губам Сьюзан. Он уже

забыл эти ощущения, он почти тридцать лет целовался только с Морин, а после вообще ни с кем. Он забыл, что сердце может так трепетать от сладкой истомы.

Теперь, когда лицо Сьюзи было совсем рядом, он видит, что она не так уж моложава, что в глазах ее затаилось слишком хорошо знакомое ему отчаянье. Ну и пусть, пусть… Чарли весь растворился в этой ласке, которая согревает и нежит, как солнце… когда из английской зимы вдруг попадаешь в жаркую страну, всего на несколько дней отпуска.

Расплатившись с таксистом, он долго не может попасть ключом в прорезь замка. Через пару минут они, не сказав друг другу ни слова, поднимаются в спальню. Чарли тут же побежал в ванну, почистил зубы и, аккуратно сложив рубашку и брюки, переоделся в пижаму. Когда он вернулся, Сьюзан уже лежала, укрывшись одеялом. Чарли заметил, что плечи у нее голые. Она что-то рассматривает. Чарли узнал фотоальбом, который он швырнул на пол, когда искал платки.

— Прости, что я без спросу.

Чарли уверен, что там семейные фотографии, жена, он чувствует себя крайне неловко. Но, заглянув через плечо Сьюзан, не видит ни од-

ного знакомого лица, только десятки снимков пристройки, на разных стадиях строительства, с разных ракурсов, они распиханы в строго хронологическом порядке, начиная с "закладки первого кирпича". "Исторический момент! Начало великой стройки!"

Чарли густо краснеет:

— Прости. Я, наверное, жуткий зануда.

— Глупости, ничего подобного.

Совсем ошалев от восторга, он замечает, что она абсолютно голая. И вдруг понимает, что и ему пижама совершенно ни к чему. Под пристальным взглядом Сьюзи он раздевается, чувствуя, что скоро дойдет до кондиции. Она с улыбкой откидывает край одеяла. И Чарли кажется, что он в жизни не видел ничего прекраснее ее тела. Хотя кожа ее кое-где растянулась и обмякла, хотя живот слегка отвис, хотя груди у нее гораздо меньше, чем ему казалось. Видимо, они были искусно приподняты удачно скроенным бюстгальтером.

Обняв друг друга, они целуются. К мятному холодку от его пасты примешивается характерный вкус аниса, освежитель рта, догадывается Чарли, чувствуя, как его член твердеет еще сильнее. Он проводит пальцем между ее ног. Как там все потрясающе влажно, все набухло, все в ожидании…

Морин никогда не баловала его такими сочными щедрыми дарами. Даже клитор находится сразу, тут же набухает и наливается жаром под его пальцем.

Чарли жаждет ею овладеть, немедленно. Он ложится на нее и собирается начать, но в этот момент она вдруг шепчет:

— У тебя есть?

— Есть что?

— Защитные средства.

— От чего?

Сьюзан хихикает и нежно кусает его в шею.

— Резинки у тебя есть? Презервативы?

— Да-да, конечно. Не волнуйся. — Чарли облегченно улыбается.

Он вспоминает, что презервативы — в одном из карманов куртки, а куртка висит в холле на вешалке, выскользнув из-под одеяла, Чарли нагишом бежит вниз.

В холле довольно холодно, центральное отопление отключено уже несколько часов, Чарли слегка замерз, пока шарил по карманам. Ага, вот они, в пакетике три штуки, наверное, хватит, думает Чарли и тут же усмехается. Гигант нашелся. Конечно, хватит. Два вообще не пригодятся.

Серебристый, из фольги, пакетик выскаль-

зывает из озябших пальцев Чарли и падает на телефонный столик, поставленный впритык к вешалке. Чарли наклоняется над столиком и краем глаза видит запись на блокнотном листке: Рут.

Он почти машинально берет со стола пакетик. Рут. Резинки. Рут. Кэсси.

У Кэсси положительный результат. У цветущей веснушчатой Кэсси — ВИЧ. Она сказала, что это из-за работы, у зубных врачей риск больше, чем у других. Любая ссадинка, и… Но мало ли что она сказала? Не хотела еще больше огорчать мать. Придумать можно все что угодно, любое невинное оправдание.

Страх перед СПИДом зловеще опускается над холодным холлом, как стрелка барометра, предвещающая бурю. Этот барометр в виде испанской гитары красуется на стене коридорчика, — одна из немногих реликвий, сохраненных Чарли на память об эпохе семейной жизни. Ретро-артефакт. Сьюзан Галлоуэй. А кто она, собственно, такая? Со сколькими она уже успела переспать? А как вообще заражаются СПИДом? Чарли делается не по себе. Он вовсе не уверен, что его нельзя подцепить во время поцелуя или когда пьешь из одного стакана… Он весь сжимается от страха и отвращения. И снова долго смотрит на блокнот.

Потом поднимает голову и находит взглядом спальню, где его ждет Сьюзан, и промежность ее полна влаги, но эта манящая влага заражена смертоносными бациллами. Коварное ущелье, полное ядовитых вод.

— Чарли! Ну куда ты пропал? Иди же ко мне, любовь моя!

Он чувствует, что ноги его наливаются свинцовой тяжестью и, ни словом не отозвавшись, медленно подходит к лестнице, по пути выбросив пакет с презервативами в плетеную корзинку, стоящую у столика. Он возвращается в спальню.

— Представляешь, не нашел. Ни одного.

— Ай-ай-ай!

— Я был уверен, что еще есть. Прости.

— Не расстраивайся. Мы что-нибудь придумаем, верно? Найдем, чем друг друга порадовать. Ты согласен, мой дорогой?

Она снова откидывает одеяло, открыв все свое вяловатое тело, безжалостно освещенное слишком назойливым светом типового светильника. Она простирает к Чарли руки. Ее губы как кровавая рана. Чарли чувствует, как к горлу подкатывает тошнота.

— Мне что-то нехорошо.

— Но чем я могу…

— Ничего не нужно. Я думаю, достаточно просто… немного поспать.

Чарли ложится, положив голову ей на плечо и закрывает глаза. Он чувствует, как мягкое плечо твердеет под тяжестью его головы, а через пару минут еле слышное дыхание прерывается судорожными вздохами. Пытается сдержать слезы, догадывается Чарли. Ему хочется ее утешить, успокоить, но как? Так ничего и не придумав, он позволяет себе расслабиться и погрузиться, как в наркоз, в сон, впрочем, омраченный сожалением.

--

— Это дурацкая затея, Питер, — говорит Морин, отрезая себе большой кусок морковного пирога. Диеты давным-давно заброшены, она ест все, что захочется, но часто ловит себя на том, что ей почти ничего особо не хочется. С тех пор как она прекратила ограничивать себя в еде, что было для нее незыблемым правилом жизни, лишние килограммы стали таять. Поразительно, как только она выпустила организм из-под контроля, он стал контролировать себя сам.

— Не понимаю, что в ней дурацкого. И не понимаю, почему ты так со мной разговариваешь. Я, между прочим, твой партнер, и не только по

бизнесу.

— Сейчас не время обновлять парк машин. У нас нет пока возможностей.

— Но процентные ставки по займам просто смешные, как раз сейчас можно купить машины очень выгодно. Через полгода сами будем жалеть, если не решимся. Морин, ты посмотри, какой подъем, бизнес процветает. Все богатеют прямо на глазах. А чем мы хуже? Ты представляешь, чего мы можем добиться через пять лет, если будем действовать смелее? Вилла в Испании. Дом с бассейном. Да мало ли что еще…

Морин нетерпеливо барабанит пальцами по тяжелым гроссбухам, лежащим перед нею на столе. Стол стоит в маленьком кабинетике, это их офис. "М. и П. Автошкола".

— Ничто не стоит на месте, Питер. Сегодня капиталы дорожают, но вполне вероятно, что они начнут дешеветь, хотя об этом и стараются не говорить.

— Послушай, Морин…

Морин уже догадывается, что сейчас Питер разразится пафосной речью, его горячность очень трогательна, но иногда ее раздражает. Хватит, больше она не станет молча все это выслушивать.

— ...ты живешь в прошлом. Но все теперь по-другому. Эта чехарда с резкими скачками цен, со взлетами и падениями, позади. Мы выбрались из пропасти. Профсоюзам намяли бока, поставили их на место. Мы, слава богу, избавились наконец от этих динозавров. Британия снова стала великой державой, Морин! Мы с тобой живем в великой стране! В огромной, до самых до небес. Здесь каждому даны колоссальные возможности, требуется только немного смекалки и здорового авантюризма.

Морин вздыхает:

— Прекрати, Питер. Я не собираюсь обсуждать с тобой "эту страну". Это беспредметный разговор. Ты вообще слишком доверяешь тому, что пишут в газетах. А я говорю о реальном положении вещей. Сегодня так, завтра иначе. Сегодня куча возможностей, а завтра, глядишь, ни одной. Да, иногда стоит кидаться в открывшуюся дверь, но иногда лучше и притормозить. Иногда лучше держаться подальше от стада баранов, которые несутся, не глядя под ноги, не замечая ни ям, ни круч. Обстоятельства меняются каждую минуту, но людям всегда хочется верить, что никаких неприятных перемен не происходит. Чтобы добиться успеха в бизнесе, надо уметь правильно

оценивать происходящее в целом. Не зацикливаться только вот на этом…

Она тычет пальцем в стопку черных увесистых папок.

— В более широком смысле бизнес состоит не только из планов и цифр, из вложений, капиталов и наличности, от ее, как говорят финансисты, движения. В бизнесе главное — уловить реальные тенденции. Тут надо иметь чутье, постоянно держать нос по ветру. И чутье подсказывает мне, что в нашей экономике слишком все… горячо. Слишком… как бы это сказать… лихорадочно… ликование на грани истерики. Это настораживает, ненадежно все это. Мне сложно привести конкретный пример, но я точно знаю одно. Сейчас не время брать кредит в пятьдесят тысяч.

— Знаешь, я думаю, ты не права.

— Мало ли что ты думаешь…

— Я собираюсь заказать машины.

— А я собираюсь не подписывать чеки.

— Тебе совсем необязательно их подписывать.

— Было необязательно. До сегодняшнего утра. Я сказала в банке, чтобы отныне все денежные выдачи они оформляли только при двух подписях, твоей и моей.

Питер медленно опускается на серый стул:

— Ты мне не веришь.

Морин садится рядом и кладет ему на плечо руку:

— Я верю тебе, Питер. На сто процентов. Я люблю тебя. Но это и мой бизнес. И я хочу, чтобы все было честно, по правилам. Мы не будем делать никаких капиталовложений без моего согласия. И распоряжения. А я своего распоряжения нам не даю.

Питер несколько секунд сидит молча, чувствуя на плече тяжесть ее руки. Тяжесть и тепло, которое пробивается даже сквозь костюмную ткань.

— Договорились, Питер?

— Договорились, Морин. Вам виднее, шеф.

Он явно подтрунивает над ней, но Морин даже не пытается достойно ответить. Ее мысли сосредоточены на более важном деле. Безотлагательном. Надо спешить, пока не иссякли животворные волны, пока не настала пустынная засуха.

— Есть еще одна причина, из-за которой мне не хочется лишний раз рисковать.

— Ну, давай выкладывай.

Морин молчит. Она и сама не очень понимает, почему ей взбрело именно сейчас объявить о своем решении. Видимо, потому, что Питер начинает понимать одну вещь, которую сама она

знает давно. Что в конце концов все будет так, как хочет она.

— Я хочу забеременеть.

— Забеременеть?!

— Да, милый мой повторюшка. Забеременеть.

Питер в изнеможении откидывается на спинку стула:

— Но тебе сорок семь лет!

— Теперь изобрели всякие лекарства. Возраст больше не помеха.

— Я не знаю, Морин. У меня уже есть трое.

— Ну появится еще парочка, это уже не принципиально.

— Парочка?

— Это из-за лекарств. У тех, кто их принимает, часто рождаются двойни. Я узнавала.

Глаза Питера делаются круглыми:

— Узнавала вообще или конкретно?

— Конкретно. Я пошла к врачу. Он отослал меня к специалистам. Я пошла. Те сказали, у меня неплохие шансы. Теперь нужно расслабиться и получить удовольствие.

Она лукаво улыбается. Питер хочет возразить, но он уже знает по собственному опыту: теперешней Морин — сильной, уверенной в себе — сопротивляться бесполезно. Он покорно кива-

ет, озорно улыбаясь в ответ.

17

Весна 1990 года. На пороге очередное десятилетие, но крепок еще дух былого — азарт игры и легких выигрышей еще не выдохся. Чарли внимательно разглядывает два лежащих перед ним на столике письма. Томми сидит напротив, на нем рубашка от "Габиччи" и фирменные джинсы. Братья молчат уже несколько минут. Томми понимает, что крыть ему нечем, в голову не приходит никаких более или менее сносных аргументов.

— Этого не может быть. Чего-то они там напутали, — наконец бормочет он, хватая одно из писем.

Эти две фразы он повторяет как заведенный, раз в пятый. И сидящий напротив Чарли раз в пятый отвечает все той же репликой:

— Я вызывал четырех оценщиков. Все они называют примерно одну и ту же сумму.

— Но твой дом не может столько стоить, это же гроши. Чтобы цена упала со ста двадцати кусков до семидесяти? Всего за два года? Бред! Твои оценщики явно что-то подтасовали. Им за

это дают премию.

— Это независимые эксперты.

— Где ты нашел независимых? Они же все повязаны. У них одна забота — как облапошить честного трудового человека.

— Ну что ж, у них это неплохо получается.

— Нам необходимо сосредоточиться и посмотреть, что там у тебя с магазином. Ведь этот… какой-то там Баттерхрен…

— Баттерфилд.

— Этот Баттерхрен сейчас припрется сюда и будет мотать душу…

Чарли вздыхает:

— Кредиторы крепко меня прижали. Я не платил им всем уже больше трех месяцев. Такие стали драть проценты, не продохнешь. А торговля в последнее время совсем не идет. Я тут все подсчитал. Сейчас сам посмотришь, — говорит он, сунув руку в ящик стола, где лежит картонная плоская коробка с разноцветным яблоком на крышке[116] — из-под бумаги.

Коробка плотно набита листками формата А-4, исписанными каракулями, такое впечатление,

---

[116] Примечания: 116

Разноцветное яблоко — фирменный знак корпорации "Эппл компьютер", выпускающей компьютерное оборудование, программы и канцтовары.

что писал дефективный ребенок. Цифры расползались по белому бумажному пространству, как микробы под микроскопом, они вырывались за поля, они теснились, они забирались друг другу на голову, они собирались в многозначные числа, а числа — в многоярусные кривые столбики, когда их складывали, делили или умножали. Чарли и сам не мог толком ничего понять, вглядываясь в свою писанину, поворачивая листки то так, то эдак.

Томми морщится:

— Твой бухгалтер видел все это?

— Нет, я ему не звонил, разговорчики по телефону — роскошь, которая больше мне не по карману. Ничего, справился и сам. Нормально. Я и сам могу все подсчитать. Только не пойму, куда задевался листок с цифрами за последний месяц… Господи ты боже мой!

Он с досадой роется в бумагах, на столе растет горка из листков, наконец совершенно случайно вытягивает три листка с загнутыми краями, испещренные иероглифами, вписанными явно впопыхах. Чарли очень внимательно на них смотрит, будто скрытый в них обесцененный металл может под его взглядом превратиться в золото, надо только хорошенько сосредоточить-

ся, достичь предельной концентрации сознания, как это делали алхимики.

— Посмотри. Судя по всем этим цифрам, я мог бы выкрутиться. Можно капитализировать аренду. Я могу вернуть поставщикам часть товара, попробую добиться уменьшения процентных ставок. Все упирается в приток наличности. Которой, по сути говоря, нет. Вот что меня убивает. Мне бы продержаться до Рождества. Накануне Рождества у меня самая торговля. Да, проскочить бы Рождество, и тогда все может еще наладиться. Можно продать "мерс" и купить что-нибудь более скромное.

— Гораздо более.

— Ну да, да. Гораздо более.

— Ну и сколько тебе нужно, чтобы выкрутиться?

— Сорок.

— Сорок фунтов? Сорок шиллингов? Или сорок гребаных пятифунтовок? Сколько, Чарли?

— Сорок штук: Если я сумею наскрести сорок тысяч, после Рождества оклемаюсь, увидишь. Смогу спасти и магазин, и дом, все. Тяжело будет, конечно. Но у меня все получится, я уверен, что получится.

— А если взять еще один заемчик?

— Никто со мной не станет даже разговаривать, Томми. Про мои кредиты известно всей Англии и всей.

Америке до берегов Суони[117]. Все теперь занесено в компьютеры, до последнего пенни. Они будут от меня шарахаться, как от прокаженного.

Чарли поднимает глаза на своего младшего брата. Унизительные слова, которые сейчас придется произнести, жгут ему горло. Он сглатывает. Томми на него не смотрит, будто знает, что сейчас прозвучит.

— Томми, ты бы не мог…

Тут раздается звонок в дверь. Сквозь оконное стекло видна темная фигура. Но ни тот, ни другой не трогаются с места. В дверь снова звонят.

— Лучше поскорее с этим разделаться, — тихо говорит Томми.

Чарли смиренно встает и направляется к двери.

Господин, стоящий снаружи, выглядит отнюдь не так, как полагается выглядеть материализовавшемуся духу возмездия, вестнику судьбы. Он улыбчив и весел, у него русые волосы и густые темно-русые усы, а в руках — синий кейс с золо-

[117] Примечания: 117

Суони — река, протекающая по территории штата Джорджия и Флориды, впадает в Мексиканский залив.

тым кодовым замочком. Господин одаряет Чарли сердечной улыбкой и протягивает ему пухлую лапищу. Совершенно очевидно, что он счастлив его видеть.

— Мистер Бак!

— Да.

— Здравствуйте! Я Лесли Баттерфилд, сотрудник "Северного национального банка". Полагаю, вас известили о моем визите.

Чарли мрачно кивает, и Баттерфилд тут же устремляется к развалившемуся в кресле Томми, который встречает его сумрачным взглядом. Визитер и ему протягивает руку, Томми приходится ее пожать.

— Здорово! Я…

— Знаю, знаю.

Томми не называет своего имени, лишь глубже вдвигается в кресло.

— Вы позволите мне присесть?

Не дожидаясь ответа, Баттерфилд усаживается за столик и кладет кейс на полированную столешницу. Потом начинает колдовать над своим секретным замочком. Набрав код, мистер Баттерфилд оборачивается к Чарли:

— Полагаю, нам с вами пора обсудить кое-какие проблемы?

Он раскрывает кейс. Внутри все разложено с чрезвычайной педантичностью. Скоросшиватели с разноцветными цифрами и буквами в одной стопке, листки с текстом, кое-где закрашенным маркерами, — в другой; а сверху прозрачные папки с острыми, как нож, краями. Они снабжены наклейками, тоже очень аккуратными. Кейс у этого вестника судьбы поистине модель идеального миропорядка.

— Да, наверное, — обреченно говорит Чарли, усаживаясь в кресло, стоящее напротив.

— А не выпить ли мне стакан воды, как вы считаете, мм? — говорит Баттерфилд, доставая пачку документов из помеченной буковками папки, размер типовой, А-4.

Чарли встает и направляется в кухню.

— Надеюсь, обойдемся без ядовитого зелья? Заранее благодарю.

Он улыбается Томми, тот прикусывает губу.

— Особенности моей профессии далеко не всегда позволяют мне рассчитывать на любовь соотечественников, — доверительным тоном говорит Баттерфилд, и улыбка его делается еще более сердечной.

Чарли возвращается с полным стаканом и ставит его перед посетителем. Тот смотрит на

стакан, на Чарли, затем на Томми.

— А не положить ли нам в этот стакан кусочек льда, мм?

— Льда нет, — говорит Чарли.

— О-о!

При этом известии физиономия посетителя мгновенно мрачнеет. Он философски кивает, как будто вдруг понял нечто такое, что до сего момента было выше его разумения. Потом лицо его немного проясняется.

— Это, разумеется, пустяки!

Сказав это, он вынимает из кармашка очки и водружает их на кончик носа. Очки слегка его преображают, придают значительность. И тут Чарли в первый раз ощущает легкий укол страха. Баттерфилд смотрит поверх очков на Томми.

— Простите. Так вы у нас…

— Я брат жертвы.

— Брат жертвы. — Баттерфилд чуть сдвигает брови. — Я не совсем хорошо вас понял.

— Я брат Чарли.

— А-а, теперь ясно. — Он отпивает глоток. — Очень теплая. Вы действительно уверены, что у вас нет ни кусочка льда?

— Боюсь, что именно так.

— Это пустяки. — Он снова смотрит поверх

очков на Томми. — Так вы думаете, что ваш брат — жертва?

— Да-а, — говорит Томми, глядя на Чарли.

— И чья же он жертва? "Северного национального банка"?

Голос его звучит чуть более резко, чем раньше. Томми совсем не ожидал подобной реакции.

— Это всего лишь шутка, честное слово.

— Уверяю вас, мистер Бак, что нам сейчас не до шуток.

Баттерфилд делает выразительную паузу, потом снова с улыбкой смотрит на Чарли.

— Ну что же, Чарли. Вы не возражаете, если я буду называть вас по имени?

— Не возражаю.

— Так вот, Чарли, похоже, вы попали в серьезный переплет.

— Да, похоже.

Следует очередная выразительная пауза.

— Мы не получили выплаты за этот дом за последние…

Он смотрит в листочек, на котором убористо что-то напечатано, причем цифр там больше, чем текста.

— …шесть месяцев. Мои коллеги из отдела, ведающего "малым бизнесом", сообщили, что

примерно так же у вас обстоят дела с выплатой аренды и займов, выданных на закупку товара.

— Да, конечно, но ведь кое-что я все-таки выплатил. Я уже объяснил это вашему сотруднику… мистеру… не могу вспомнить его фамилию. У него седоватая бородка и…

Баттерфилд прерывает его взмахом руки:

— Это не так уж важно.

— То есть?

Лицо Чарли делается испуганным.

— Важно совсем другое. Мы не можем больше смотреть сквозь пальцы на сложившуюся ситуацию, пора что-то предпринимать.

Чарли кивает. Томми тычет пальцем в сторону Баттерфилда и тоже вступает в разговор:

— Вся штука в том…

Баттерфилд нажимает на колпачок своей ручки. Раздавшийся щелчок звучит неожиданно громко, как звук выстрела.

— Мистер Бак, вы позволите… Вы мистер Бак-младший, насколько я понимаю?

— Да, я его младший брат.

— Вы позволите — исключительно для пользы дела — вести переговоры непосредственно с Чарли?

— Простите?

— Непосредственно с Чарли. Могу я поговорить — совсем недолго — исключительно с Чарли?

— Я только хотел сказать…

— Так вы не против?

Последняя фраза была на удивление короткой и нетерпеливой. Ошеломленный Томми захлопывает рот и начинает неловко ерзать. Он не привык к таким конфликтным ситуациям, которые нельзя уладить простой дракой.

— Вот и хорошо. — Баттерфилд удовлетворенно кивает. — Отлично.

— Вы хотите, чтобы я ушел? — бормочет Томми.

— Нет, что вы! Полагаю, это совсем необязательно.

Он медленно поворачивается к Чарли:

— Когда мы договаривались о встрече, мистер Чарли, вы сказали, что постараетесь найти решение наших проблем. Вам это удалось?

— Если бы я мог продержаться до Рождества, — с отчаяньем говорит Чарли.

— До Рождества? — озадаченно переспрашивает Баттерфилд.

— Да. Понимаете, перед Рождеством продажа идет очень хорошо.

— Но Рождество у нас в декабре. Или его уже

успели перенести, и никто не удосужился поставить меня в известность? Ну и дела!

Баттерфилд широко улыбается, довольный своей шуткой. Он еле сдерживает смех.

— Я все продумал и все просчитал, мистер Баттерфилд.

Чарли достает из стола свою убогую картонку с исчерканными листочками и поднимает ее перед собой, как талисман.

— Я знаю, если бы я нашел… Я все просчитал. Много раз. Никакого прожектерства. Все вполне реально. Несмотря на крайне сложную ситуацию, я бы мог со всем справиться. Все, что мне требуется, — еще один заем. Самый последний.

Он замолкает, онемев от собственной наглости. Лишь смущенно покашливает.

Баттерфилд тоже молчит — от изумления.

— Заем? — наконец переспрашивает он. — Еще один? И сколько же?

— Сорок штук. То есть, я хотел сказать, тысяч… Это не так уж много. И тогда я смогу справиться, решить все проблемы.

Над домом низко пролетает самолет, из-за рева двигателей несколько секунд невозможно говорить. Когда шум стихает, Баттерфилд с ледяным спокойствием продолжает:

— Вы хотите сорок тысяч? Чтобы выбраться из ямы?

Сняв очки, он тщательно их протирает и расплывается в широкой улыбке.

— Вы хотите, чтобы "Северный национальный банк" одолжил вам еще сорок тысяч?

— Именно так, — с готовностью подтверждает Чарли.

— В придачу к тем ста тысячам, которые мы предоставили вам на покупку дома? И к тем пятидесяти тысячам, что были выданы вам коммерческим отделением на ваш магазин?

— Да, — с некоторым вызовом говорит Чарли.

— Несмотря на то, что в соответствии с последними расценками стоимость вашей собственности составляет… одну минутку…

Из наружного карманчика, имеющегося на кейсе, он извлекает три безупречно аккуратных фирменных квитка. Изучив каждый, он снова прячет их на место.

— …несмотря на то, что по самым оптимистичным… Я подчеркиваю, самым оптимистичным прогнозам, Чарли, стоимость вашего дома составляет шестьдесят восемь тысяч.

— Да, но это абсолютная нелепость. Временный спад. Я знаю, что дом у самой дороги, и сад при

нем намного меньше моего…

— По самым оптимистичным, Чарли. Менее оптимистичные оценки таковы: шестьдесят тысяч, ну, чуть-чуть больше.

— Я-то тут при чем! — вдруг свирепеет Чарли. — Когда вы оформляли мне кредит, вы сами были уверены, что цены на недвижимость будут расти и дальше. Мы все были в этом уверены. Ваш банк даже нанял несколько оценщиков этой самой недвижимости, ведь так?

— Консультантов, — поправляет Баттерфилд.

— Если называть утку сосиской в тесте, от этого она не перестанет быть уткой. Называйте их как угодно, но, получается, от них никакого толку, одни убытки. А расплачиваться за все это должен я, а вы, вместо того, чтобы помочь человеку, поддержать его…

Баттерфилд почти его не слушает и поднимает руку, останавливая.

— Боюсь, обсуждать, что справедливо, а что нет, занятие довольно бессмысленное. Приходится принимать мир таким, каков он есть, а не таким, каким он должен быть. Справедливость вещь довольно абстрактная.

Чарли молчит, ему нечего на это ответить.

— А на сегодняшний день перспективы, как я

понимаю, таковы, — продолжает Баттерфилд, — "Северный национальный банк" будет нести и уже несет убытки по вполне конкретной причине. Из-за просроченных ссуд. Так что мы все в яме, не только вы. Вы согласны со мной?

— Да, конечно, но…

— А знаете, что я думаю по поводу ям?

Баттерфилд с энтузиазмом смотрит на Чарли, будто не сомневается в его прозорливости.

— Нет, — мрачно бормочет Чарли, — даже не представляю.

— Я думаю, раз уж мы угодили в одну яму, не стоить делать ее еще глубже, отложим лопаты в сторону.

— Ну… — неопределенно бормочет Чарли, не понимая, к чему тот клонит.

— Я думаю, — продолжает Баттерфилд, — обстоятельства таковы, что необходимо прийти к какому-то итогу.

— К какому итогу?

Баттерфилд кладет на стол ладонь, слышится глухое "бух".

— Мы вынуждены конфисковать у вас дом и магазин. В течение тридцати дней.

Чарли растерянно моргает, второй раз, третий… Ему нечем дышать. Сегодня он сумел продер-

жаться без спиртного, но сейчас ему жизненно необходимо ощутить в горле обжигающую влагу, глоток виски.

— Так вы говорите, что больше не дадите мне денег?

— Именно это я и говорю. При нынешнем состоянии ваших дел это было бы крайне опрометчиво. Все это весьма прискорбно, и для вас, и для нас. В особенности для нас. Вы только человек. Вы частное лицо, Чарли. А мы — государственное учреждение, причем очень солидное. Только благодаря подобным учреждениям наша страна стала такой, какой вы теперь ее видите.

Чарли кивает, надеясь, что, поддержав это пафосное заявление, выторгует себе немного милосердия.

— Вы не одиноки, пусть вас хоть это утешит. Я каждый день сталкиваюсь с ситуациями гораздо более критическими. А ведь у людей на руках семья, дети… Уверяю вас, им очень, очень нелегко.

Баттерфилд начинает складывать в кейс свои листочки. Чарли простирает к нему руку, героически стараясь сдержать дрожь в пальцах.

— А что, если половину суммы я постараюсь раздобыть сам? Капитал доверия. И тем самым докажу вам, что я все еще платеже… платежеспо-

собен. Это вас устроит?

Баттерфилд молчит, держа руку на створках еще не захлопнутого кейса.

— У вас есть реальные возможности? Вы сумеете найти двадцать тысяч долларов, не пользуясь кредитом?

— Я попробую, — говорит Чарли.

— Гмммм.

Баттерфилд снова распахивает кейс и лезет в плоский, совсем незаметный широкий карман. "Сколько же их там у него, — изумляется Чарли, — сотни, тысячи?" Похоже, этот кейс волшебный: он вмещает гораздо больше документов, чем позволяют его скромные размеры. И снова Баттерфилд двумя пальцами бережно и одновременно элегантно изымает пять или шесть глянцевитых опрятных страничек, убористо запечатанных. Из другого кармашка он достает калькулятор и тычет несколько раз в плоские кнопки. В комнате повисает удушающая, выматывающая тишина. Наконец Баттерфилд изрекает приговор:

— Если вы в течение тридцати дней предъявите нам сумму в размере двадцати тысяч фунтов, я думаю, мы найдем возможность продлить вам кредит и предоставить равную сумму до окончания текущего года. До окончания рождественских

каникул. Да, мы готовы продлить вам сроки выплат и по вашей недвижимости, и прочим капиталам. При двух безоговорочных условиях…

Баттерфилд смотрит на Чарли леденящим взглядом, способным заморозить насмерть.

— Если вы принесете только девятнадцать тысяч девятьсот девяносто девять фунтов и девяносто девять пенсов, либо принесете требуемые деньги через тридцать дней и пятьдесят девять секунд, наше соглашение будет считаться недействительным.

И вот он уже снова весело улыбается, уверенный, что все разрешилось, к обоюдному удовольствию.

— Если же вы принесете двадцать тысяч до того, как истекут тридцать дней, я уверен, что мы и дальше будем с вами сотрудничать, как делали это раньше. Я знаю, что вам будет нелегко. Я знаю, что сейчас вообще трудные времена. Вы едва ли мне поверите, но мы всегда искренне болеем за интересы клиентов. И я абсолютно уверен, что если будут соблюдены оговоренные сроки и суммы, все недоразумения будут разрешены.

Захлопнув кейс, он встает и поправляет чуть примявшийся костюм. Мрачного взгляда и суровости как не бывало. Глубоко вздохнув, он

усмехается:

— Огромное спасибо, что не дали умереть от жажды.

Повернувшись к Томми, протягивает ему руку:

— Мистер Бак-младший. Спасибо за участие. Я уверен, что ваш брат чрезвычайно признателен вам за поддержку.

Он вдруг по-приятельски хлопает Чарли по спине:

— "Свистать всех на бак"[118], верно, Бак? Я слышал, на море еще и не такие штормы бывают. Впрочем, у меня морская болезнь, и я ничего не могу утверждать, поскольку предпочитаю сушу.

Отрывисто хохотнув, он разворачивается в сторону двери:

— Выход отыщу сам, не беспокойтесь.

Он исчезает, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Томми и Чарли ждут, когда раздастся шум мотора и когда машина отъедет, и только после этого решаются начать разговор.

— Все не так уж и плохо, — говорит Томми.

— Ты считаешь?

— По крайней мере есть шанс.

---

[118] Примечания: 118

Бак — носовая часть верхней палубы на кораблях.

Чарли с надеждой смотрит на брата:

— Ведь правда, Томми? Я знаю, ты не позволишь мне пойти ко дну. Ты не мог бы выручить меня? Всего на несколько месяцев?

Томми молчит. Ему, похоже, и в голову не пришло, что Чарли будет просить денег именно у него.

— Что?

— Двадцать штук, Томми. Ты ведь смог бы добыть для меня двадцать штук. В смысле, занять? У тебя ведь нет долгов по кредитам?

— Ты хочешь, чтобы я прикрыл тебя? Взял бы для тебя двадцать тысяч? Ловко.

— Мы же братья, Томми. У меня больше нет Морин. Я совсем не уверен, что когда-нибудь увижу Роберта, да и что с него возьмешь. Потеряв работу, я растерял практически всех своих друзей. Кроме тебя, мне просить не у кого. Через несколько месяцев я верну тебе эти деньги.

— Понимаю.

— Так что скажешь, Томми? Иначе я пропаду. Рухну в пропасть, вернее, в канаву, полную дерьма… и поминай как звали. Мне уже не на что рассчитывать. Возраст. И очень зрелый возраст. Да и силы у меня уже не те, Томми, совсем не те. Ты должен мне помочь.

Томми не знает, что отвечать. Лоррейн ждет второго ребенка. Хочет, когда подрастут, запихнуть обоих в частную школу. Хочет опять сменить кухонную мебель. Всю плешь ему проела. Хочет из "трех звездочек" перескочить в пятизвездный люкс. А дела у него идут хреново, ни одного заказа в этом месяце. Не до жиру, приходится вкалывать на стройплощадках, укладывать кирпичики, разгонять швы. И еще подрабатывать ночами, он пристроился вахтером. Пять раз в неделю.

— Я не могу, Чарли.

— Что?

— Я не могу. Или ты предлагаешь мне продать дом?

— Но я думал… если бы ты взял ссуду… Мне-то никто не даст, сам понимаешь.

Томми качает головой. Глаза Чарли наполняются слезами:

— Томми, ты же сам меня во все это втравил. Сказал, что мне нужно купить дом. Сказал, что мне нужно открыть свой магазин. Сказал, что цены на недвижимость будут расти и расти. Ты заставил меня пойти… ва-банк.

Томми тяжко вздыхает, отчего его необъятная грудь делается еще более необъятной. Он не смотрит на брата, старательно изучая свои жирные,

как сардельки, пальцы.

— Брось, Чарли. Хватит все валить на меня. Просто все… так повернулось… сам видишь. Такие теперь времена… ссученные времена… чтоб их… Вдруг свалились прям с неба всякие… возможности, хочешь — суетись, хочешь — сиди тихо. Двадцать лет назад все было совсем иначе. Небось и Мо не смылась бы от тебя, даже если бы ты ей врезал. Сидели бы в своем Фулеме и радовались тому, что есть. Никакой мороки. Ни магазина, ни просроченных долгов. Но жизнь не стоит на месте. Все стало другим, парень. Мы живем совсем в другом мире, Чарли. Ты не можешь ни в чем меня упрекнуть. Это как в картах. Как в "стад-покере". Или пасуешь, или делаешь ход. Идешь, как ты сказал, ва-банк. Раньше мы все играли в безобидные игры, вроде "сбрось туза". Там что проиграл, что выиграл — все едино. Ставили-то по шесть пенсов, по шиллингу, примерно так. А теперь все стали ушлыми картежниками. Теперь играют только в покер. Или в джин. Высокие ставки. Все или ничего. Или все — или ты горишь синим пламенем.

У Чарли дрожат руки. Он отправляется на кухню за виски, а вернувшись, наливает себе полный стакан.

— Значит, я… горю.

Томми разводит руками:

— Неожиданный удар с левой, "китаец". Так уж легли кар…

— Ладно, Томми. Ты прав. Я слишком смело блефовал. Но я еще могу отыграться. И взять банк. Послушай, сколько бы ты мог мне одолжить? Двадцать — это, конечно, серьезная сумма. А десять? Десять для тебя вообще ерунда. Еще я могу не продлевать страхование жизни, они мне тоже, по идее, должны выплатить солидную сумму. Ну как, выручишь меня, Томми?

Томми неловко ерзает в кресле:

— Дело даже не в количестве денег…

— А в чем же?

— Понимаешь, строительные дела тоже сейчас совсем заглохли, никаких заказов.

— Но ты мог бы взять еще один кредит на дом, добавку.

— Лоррейн упрется. Она мечтает отправить детей в частную школу, чтобы они выросли такими же пизданутыми, как она сама. Она хочет новую машину. И вообще, ее не устраивает наш стиль жизни, во как. Сам знаешь, бабам вечно неймется. Если бы я мог… Но я и сам еле тащу этот воз, старичок.

— И это все, что ты можешь мне сказать? Что ты ничего… совсем ничего…

Томми пожимает плечами и трет костяшками пальцев лоб. Даже лоб у него жирный, мелькает в голове у Чарли.

— Нет, погоди. Думаю, я смог бы наскрести ты-щонку. Втихаря от Лоррейн, ничего ей не докладывая.

Чарли горестно кивает, осознав всю безысходность своего положения:

— Тыщонку.

— Ну, может быть, еще двести фунтов. Тысячу двести, не больше.

— Понимаю.

Чарли прячет лицо в ладонях. Сквозь сцепленные пальцы доносятся приглушенные слова:

— Это Лолли, да?

— Знаешь, ее тоже можно понять…

— Она всегда меня не любила.

— Брось, это ты зря.

— Блядь.

— Ты полегче, Чарли… Она моя…

— Сейчас я тебе кое-что расскажу.

— Говорю же тебе, успокойся, не заводись.

— Дешевка она. Обыкновенная блядь.

— Как ты смеешь? Думай, что несешь…

— Тогда в восьмидесятом, на Рождество. Я застукал их в его спальне. Они были вместе.

Томми таращит глаза, нервно меняет позу, складки жира мелко подрагивают.

— Смеешься, что ли? Кто вместе-то? Ты вообще о чем?

— О том самом. Лоррейн твоя вдруг решила почистить зубки, правда, весьма оригинальным способом.

— Что? Ты хочешь сказать…

— Я хочу сказать, что индюшку она тогда есть не стала, но нашла другую, более аппетитную птичку. Птенчика. "Под небом Мексики порхаю, сгораю от любви". На пару с Робертом. Думаешь, я вру? Томми… я сам все видел. И что они, по-твоему, делали? Жгли в рождественском очаге целебные травы? Вместе с поленом?

Лицо Томми постепенно наливается кровью. Сейчас он думает только об одном: братец сумел нащупать самое слабое его место и точно нанести удар.

Потом он понимает, что Чарли говорит правду, не просто понимает, но осознает. Томми хорошо изучил своего брата, тот сроду бы не додумался до такой пакости. Его охватывает ненависть, нет, не к Лоррейн — это чувство придет, но придет

позже. Его пронизывает ненависть к Чарли, смертельная ненависть, сокрушающая последние остатки жалости и сочувствия, все же слегка царапавших душу.

— Да пошел ты на хрен, Чарли! Не дам я тебе никаких денег. Ни единого пенни. Лолли была права. И Рыжик. И Морин. Все были правы. Только сам ты все хорохорился, дряхлая ты манда, ни на что уже не годная. Ты — в проигрыше.

Томми разворачивается, чтобы уйти. Вообще-то он хотел вмазать Чарли по морде, но в последний момент сдержался, увидев, как задрожало лицо брата. Слишком жалкое зрелище.

— Прости. Я не хотел тебя обижать — само вырвалось. Давай больше не будем ссориться, а? Ты должен мне помочь, Томми. Я еще не тону. Я не хочу тонуть.

Но Томми уходит, уходит навсегда в мертвенное безмолвие сумерек нового города.

18

Проходит три недели. Остается последняя, до того, как мир, построенный Чарли Баком, навсегда исчезнет, разбившись на мелкие кусочки. Добыть ему удалось восемь тысяч семьсот шесть-

десят три фунта. Вместо оговоренных двадцати. Он не стал продлевать полис страхования жизни, но получил по нему жалкую сумму, хотя оформил его десять лет назад. Он продал все свои акции, и "газовые", и "водные", и "электрические". Роберт оформил ради него кредит на три тысячи, чем немало удивил. Чарли продал все мало-мальски ценное, и теперь жил как рак-отшельник, без телевизора, без видика, даже без плиты и холодильника. В последнюю очередь он расстался с коллекцией пластинок Мантовани, буквально оторвал от сердца. Один поклонник купил все оптом. Он, Чарли, собирал их всю жизнь, и вот — всего пятьдесят фунтов. Примерно по пятьдесят пенсов за штуку. Мантовани больше никому не нужен. Вкусы меняются, это уже вчерашний день.

В данный момент Чарли сидит на полу, методично опустошая свой бар, единственный предмет роскоши, с которым он не смог расстаться. Он влил в себя почти пинту виски с содовой. Чарли чувствует, как от него несет, это тошнотворный запах краха.

Докатился... клянчил деньги у собственного сына, это было самым ужасным.

Оставался самый последний шанс достать

нужную сумму, но это уже полная дичь, это уже за гранью… Чарли снова и снова прокручивает в голове этот план, мысли его путаются, фразы, которые он бормочет себе под нос, делаются все более обрывочными, обвинения переплетаются с оправданиями.

Я никогда не лазил в эту шкатулку… Но деньги-то мои… В конце концов, она мне больше никто… Но где она их держит, а?.. А если сигнализация?.. Морин никогда не доверяла всем этим сигнализациям… Стерва… как она могла так поступить?.. Нет, нет, она не стерва… моя жена, моя Мо. Детка моя. Прости, детка. Мне очень нужны деньги, позарез. Пойми… я не хотел этого делать… прости меня… А Питер, он… Питер, этот мудак… Я не могу на это пойти. Но я должен. Должен переступить… Иногда человеку приходится переступать грань… Есть победители, и есть проигравшие. На мотоцикл, парень. Садись на мотоцикл — и вперед, на дело. На мотоцикл — и вперед, на поиски клада. Я знаю, где ты. Я знаю, где ты живешь… Я-знаю-где-ты-живешь.

Он с трудом поднимается с пола и вспоминает, что знает весьма приблизительно, никогда не бывал в новом доме своей бывшей жены, в смысле, внутри дома. Да, Питер продал свой дом,

и они переехали в самый престижный район, туда, где сохранились настоящие старые дома, с тех времен, когда деревушку еще не превратили в "город мечты". Чарли пришлось однажды завозить какие-то бумажки, связанные с процедурой развода, он смутно помнил стоящие на приличном расстоянии друг от друга дома, ухоженные живые изгороди, и старинная пивная неподалеку от дороги, которой уже два века, не меньше. На их доме скромная лакированная дощечка, а на ней — золотые буковки с наклоном, стало быть, курсив: "МОИПИТ. Чарли кажется, что это милях в трех от его дома.

Он срывает с вешалки плащ, хватает замшевые перчатки и, сам не зная зачем, запихивает в карман два полиэтиленовых пакета с логотипом "Сейнзбериз", в этом универсаме он любит покупать себе на завтрак копченую лососину. Чарли не очень твердо стоит на ногах. Алкоголь затуманил ему мозги, но зато добавил оптимизма и храбрости.

Только-только начало вечереть. Чарли уверен, что Пит и Морин еще на работе. Они много работают. Им приходится много работать. Роберт сказал, что дела у них идут хорошо, несмотря на теперешний спад. Понятно, всем нужно уметь во-

дить машину. Роберт сказал, что они вкалывают как проклятые. В доме сейчас никого. Он точно это знает. Он чувствует, что сегодня ему повезет.

На улице Чарли довольно скоро понимает, что оделся слишком легко, но холода почти не ощущает. Он идет по пустым велосипедным дорожкам, мимо мостов, мимо дорожных развязок— "каруселей", по которым постоянно снуют машины. Прохожих совсем не видно. Как ему это нравилось, когда он только приехал в Милтон-Кейнз, какое восхитительное ощущение свободы он тогда испытывал: ни суетливой толпы, ни шума, ни чада, ни гари. А сейчас эта пустота давит, кажется зловещей. Чарли вдруг мучительно захотелось попасть сейчас в шумную лондонскую сутолоку.

Он дважды забредает не туда, но примерно через час все-таки выходит к пивной. Он хорошо тогда ее запомнил по черепичной крыше и маленьким низким окошкам. А теперь вспомнил и название. "Скирда". Коттедж Питера и Морин где-то сзади, в нескольких сотнях ярдов от парковочной площадки.

Легкий дождик и холодный ветер заставили Чарли немного протрезветь, и когда он подходит к дому, то ловит себя на том, что резко замедлил

шаг. Он начинает осознавать всю абсурдность своей затеи. Если они заявят о краже, в первую очередь подумают на него. А уж когда сунутся в его финансовые дела, мигом сообразят, откуда у него вдруг взялись такие деньжищи. Он хочет уже повернуть назад, но останавливается.

Минуточку… Если они заявят о пропаже, эта сумма наверняка привлечет внимание налоговой инспекции. Чарли не сомневается, что в кубышке Морин денег стало гораздо больше. Уже после развода. Возможно, эти деньги — часть каких-то утаенных от чиновников доходов. В любом случае он сможет потом позвонить Морин и объяснить, что к чему, пообещать, что все вернет — при первой же возможности. Она разозлится, это понятно, но он как-никак отец ее сына — не станет же она сдавать его полиции.

При теперешнем его безысходном отчаянии эти доводы кажутся вполне убедительными. Он поднимает воротник пальто. Мимо по тротуару проезжает парень на мотоцикле. Чарли испуганно отворачивается, но парень даже его не замечает.

"Моипит" — пятый дом справа. Света в окнах нет, хотя уже темнеет, и машины рядом с домом тоже нет. Чарли окончательно успокаивается.

Перед фасадом стоят шесть цветочных горшков, их вид вызывает и душе Чарли смутное волнение. В Фулеме Морин всегда прятала под одним из горшков запасной ключ.

Чарли торопливо и с опаской приподнимает все шесть. Но ключа нет.

Он морщит лоб от жгучей досады. Потом начинает шарить рукой по дверному косяку, заглядывает под урну, ощупывает почтовый ящик, не привязан ли ключ к нему на шнурке. Он все больше опасается, что его засекут. Жильцы в доме напротив, например, там в окнах горит свет.

"Еще чуть-чуть поищу, и — отбой", — думает Чарли. Вся эта затея кажется ему все более идиотской, и он уже совсем продрог в своем легком плащике. Что, если сейчас заявятся Морин и Питер? Нет, в тюрьму попасть и то лучше. Этого унижения он не переживет.

Собравшись уходить, Чарли бросает прощальный взгляд на дом. Он с горечью смотрит на табличку. "Моипит". Чарли мысленно произносит другое, более подходящее название: "Мандаеб". Присмотревшись, он замечает, что табличка прикреплена к кирпичной стене только одним болтом наверху, а нижний край висит свободно. Словно по наитию он слегка приподнимает край

таблички. На дорожку падает ключ, звякнув о бетонную плиту. Воровато оглянувшись, Чарли поднимает его и сжимает в кулаке.

Но Чарли все-таки еще морально не готов. Надо исключить все случайности: он жмет на кнопку звонка и спешно отбегает, чтобы спрятаться за соседским кустом бирючины. Некоторое время он выжидает, глядя в просвет между листьями. Проходит тридцать секунд, минута. Ничего не происходит.

Он нащупывает в кармане пакеты. Один для денег, решает он, другой для маскировки, если застукают. Полиэтилен слегка растягивается под его пальцами. Чарли выходит из-за укрытия и снова подходит к двери. Вставляет ключ в прорезь замка и поворачивает. Замок тут же открывается.

Он старается не шуметь, хотя и знает, что в доме никого нет. Подошвы ботинок гулко стучат о половицы, поэтому Чарли разувается и остается в одних носках. Он чувствует, что лучше все-таки вести себя по тише, хотя он тут совсем один. Он вытаскивает один из пакетов, протыкает пальцами три отверстия: для глаз и для рта, но пока эту "маскировку" не надевает.

Ему хочется сначала осмотреть дом, это силь-

ней его. Наверх он поднимется чуть позже, потому что деньги наверняка в спальне, под какой-нибудь половицей. Морин — человек традиций, привычек своих не меняет.

Чарли несколько ошеломлен роскошью интерьера: толстые ковры, в ванной — ручки и крючочки сверкают латунным золотом. Шкафчик надракови ной в идеальном порядке, не то что в прежнем их с Морин доме. Дорогие кремы, лосьоны для рук, дорогие духи и туалетная вода. И ни одного тюбика с мазью от бородавок, которые обычно вываливались наружу, стоило приоткрыть створку шкафа. Большая упаковка презервативов.

Из ванной Чарли, осторожно ступая, проходит в гостиную. Над имитацией камина висит портрет Морин, написанный маслом, там она лет на десять моложе, ну просто героиня любовного романа. На камин ной полке расставлены забавные керамические фигурки, персонажи сельской старины: коттеджи, ломовые лошадки, деревенские чудаки на лавочке, жующие соломинку. Везде пахнет хорошим лаком и освежителем воздуха. Очень уютно, но что-то сильно тревожит Чарли, не дает ему покоя, он никак не может понять — что.

Однако очень скоро понимает. Это счастливый дом, он полон доброты и свежести, ничем не омраченных надежд и искренней радости. Здесь живет любовь. Это открытие, этот финальный безмолвный укор нестерпим, это доканывает Чарли, продолжать эту экскурсию слишком больно. Но Чарли продолжает. У него уже нет выбора.

В туалете Чарли замечает английский флаг в рамочке и сразу догадывается, что это единственная лепта, внесенная Питером в обустройство декора. На одной из стен он видит рамочки с фотографиями Роберта и Чарли-младшего. Все, что относилось к прежней жизни Морин, похоже, сознательно изничтожено. Ни единой полочки, ни единой картинки, ни единой безделушки из прошлого, ничего. Будто такой персоны, как Чарли, вообще не существовало в природе. Его стерли, и очень аккуратно, не осталось ни единого штришка.

По застланной плотным ковром лестнице он поднимается на второй этаж. Там он обнаруживает три двери, все закрытые. Он не знает, за которой из них основная спальня, но даже не сомневается, что деньги наверняка в одной из этих комнат.

Внезапно в тишину вторгается шум. Тихий

ритмичный скрип, где-то в отдалении. Чарли не может понять, откуда исходит этот звук. Что-то скрипит в самом доме или снаружи? Чарли застывает на месте и прислушивается. Больше ничего не слышно. Он лезет в карман за пакетом, рассудив, что лучше все-та-ки замаскироваться. Пакет попахивает рыбой, но Чарли, преодолев отвращение, все же натягивает его на голову, потом прилаживает так, чтобы дырки оказались на уровне глаз. Потом снова прислушивается. Тишина.

Он решается продолжать разведку, подумав, что это шумели батареи или какой-нибудь механический агрегат. Он открывает первую дверь. Судя по всему, это кабинет. Книжный шкаф. Письменный стол и стул перед ним, на столе компьютер, причем включенный. Это Чарли слегка тревожит, и картинка на дисплее тоже совсем ему не нравится: по экрану летают тостеры с крылышками, домашняя техника, приравненная к небесной благодати. Нет, тут того, что он ищет, наверняка нет. Чарли выходит и толкает дверь соседней комнаты.

В ней вообще что-то непонятное. Чарли с изумлением обнаруживает, что попал в детскую. Детская кроватка, над нею — легкие забавные

фигурки на тоненьких веревочках, картинки с плюшевыми мишками, пестрые тряпичные куклы, лошадка-качалка, стены и занавески в бледно-розовых и в бледно-голубых тонах. Что за чертовня? Видимо, у Питера есть совсем маленькая племяшка или племянник, просто он никогда об этом не говорил. Никаких иных объяснений Чарли найти не может.

Наконец открыта третья дверь. Чуть скосив глаза, Чарли видит сквозь дырки стоящую посередине огромную, дворцовых размеров кровать. Проходит еще мгновение, прежде чем его мозг исхитрился воспринять то, что открылось глазам.

Это она, Морин, лежит там на спине, совершенно раздетая, и лицо ее повернуто к Чарли, а глаза закрыты. С того места, где он стоит, хорошо виден живот, еще небольшой, но по его форме уже все можно понять. Он видит взгромоздившегося на нее Питера и по-кроличьи быстрые движения его задницы. Он отчетливо слышит, как при каждом внедрении Питера раздается влажное чмоканье, примерно такой же звук получается, когда быстро стягиваешь мокрые плавки.

Из горла Морин вырываются прерывистые стоны, голос звучит все выше, потом замирает, когда ей не хватает воздуха, потом снова слышна

эта упоительная песнь, а Питер трудится со все большим усердием. Чарли видит его пылающее лицо и этот оскал, выдающий, как тяжело ему сдерживаться и какое это сладкое страдание.

Чарли нечаянно запинается о край ковра — последнее зернышко, оставшееся от его мира, превращается в прах. Уловив легкий шорох, Морин открывает глаза, которые тут же делаются огромными и круглыми. Она тихонько вскрикивает, когда по зрачкам ее ударяет свет, и жуткое видение — призрак, замерший в дверном-проеме. Питер в первый момент удовлетворенно улыбается, потом понимает, что что-то не так, что тихий вскрик не был вскриком блаженства, и оборачивается. И видит в дверях какого-то типа без ботинок, в серых махровых носках и с белым полиэтиленовым пакетом на голове.

Все трое замерли, остолбенев. Время будто остановилось. И в этот секундный промежуток Чарли успевает подумать о множестве вещей: о том, как он мальчишкой гонял по пустому пляжу, о том, как он до сих пор любит Морин, и о том, как нелепо выглядят его ноги без ботинок, и о маленьком Роберте, как он топтался у него на коленях. Чарли видит на стене дробовик в застекленном шкафчике, и вдруг его опаляет сладкая, волшебная

надежда: сейчас Питер снесет ему голову, одним выстрелом. Но Питер даже не пошевелился.

Чарли чувствует, как его правая рука сама собой поднимается к плечу, потом к макушке. И наконец его пальцы с методичной медлительностью механического робота стискивают пакет и стаскивают его с головы.

Увидев его лицо, Морин мгновенно все понимает и чувствует только одно — безграничную печаль. Питер пытается вскочить с кровати, но Морин крепко держит его за руки, не пускает.

Проходит еще один долгий-долгий момент, прежде чем Чарли без единого слова разворачивается, и выходит, и медленными шагами спускается по укутанным толстым ковром ступенькам. За спиной его по-прежнему глухая тишина, так он и добредает до двери. Чарли видит свои ботинки, но не останавливается, идет дальше. На улице сильный дождь, махровые носки тут же намокают, впитывают воду, как губка.

Он бредет, как сомнамбула, по улице и почти не слышит голос Морин, зовущий сзади:

— Чарли! Вернись…

Но Чарли не может вернуться, — по той причине, что его больше здесь нет. От стыда и шока непрочная материя его жизни, вернее, того, что

от нее осталось, треснула, и в зияющую щель хлынула черная энергия. Он погиб окончательно, он не знает, как быть дальше и зачем быть. Слепящая боль пронзает голову, он трет кулаком висок.

Четыре часа Чарли бродит по темнеющим улицам, он не в состоянии ни о чем думать, он не хочет ни о чем думать. Плоская бутылка с виски в кармане уже пуста. Он нащупывает кошелек. Там деньги. Их хватит. Да, хватит.

Он потерянно озирается, вокруг глухой мрак. Вспоминает, что совсем неподалеку железнодорожная станция, это хорошо… Он направляется к вокзалу, а там заплетающимся языком все-таки ухитряется попросить билет до Юстона[119], в один конец. Поезд стоит у платформы. Чарли входит и плюхается рядом с дамой, читающей "Дейли телеграф". Когда поезд трогается, она, оторвавшись от газеты, бросает взгляд на своего попутчика и мигом вскакивает, бежит искать другое место. Чарли кажется, что он уже попал в некое отгороженное незримой стеной пространство, где нет ни Мантовани, ни штормового рева надвигающейся бури. Поезд плавно катит по

---

[119] Примечания: 119
Юстон — крупный лондонский вокзал и станция метро.

рельсам, по единственно возможному для него маршруту. Чарли начинает казаться, что он сидит в своем игрушечном крохотном вагончике. Что он всего лишь безделушка, созданная чьими-то руками, безжизненная кукла. Чарли засыпает, а очнется он уже в другом месте, непонятно где и непонятно кем.

Да, Чарли больше сюда не вернется, потому что того человека, который мог бы вернуться, больше не существует, его выбросили из колоды, его искорежили и в конце концов разъяли на составные части. Так обошлась с ним жизнь, когда он уже миновал большую часть пути и потому уже не мог с нею сражаться.

Эпилог

Тысяча девятьсот девяносто первый год. Крематорий. На церемонию прощания приехало всего несколько человек. Морин сидит на первой скамье, в дорогом черном платье. На руках у нее двое малышей, которые время от времени кряхтят и похныкивают. Несмотря на скорбный день, она украдкой им улыбается, одними глазами. Ничто не может потревожить ее глубоко спрятанное счастье. Рядом с ней сидит Питер Хорн, а с другой стороны Роберт. Теперь он полицейский детектив, процветающий и солидный, уважаемый человек. Он заметно прибавил в весе, и в глазах его уже нет подростковой угрюмости, теперь они спокойно поблескивают.

Он смотрит и смотрит на гроб отца, словно силится что-то понять. Служба в полиции приучила его к твердости и суровости, но сейчас он чувствует странный комок в горле. Перед ним, в дешевеньком сосновом гробу, лежит его отец и ждет, когда священник пробормочет свои молитвы, а после закрутятся катки под лентой транспортера, и то, что было когда-то Чарли, погрузится в пламя, — четкая, отлаженная про-

цедура. В гроб Роберт положил модель паровою двигателя вместе с локомотивом "Лик энд Мэги филд", подаренным когда-то отцу, двигатель он всю вил внутрь. Роберт потрясен тем, что с ним сейчас творится, — будто что-то разжалось. По щекам его катятся слезы. Сидящий рядом Чарли-младший кладет ладошку ему на руку, словно хочет утешить.

Сзади, через семь скамеек от первой, сидит Томми со своей женой Лоррейн. Он не собирается даже подходить к Морин, он не сомневается, что это она довела его брата до могилы. К Роберту он тоже подходить не собирается, поскольку точно знает, что рассказанная Чарли рождественская история про Лоррейн и этого поганца — сущая правда. Отдав покойному дань уважения, они с Лолли незаметно уйдут. Чарли, конечно, был удивительным олухом, но это его брат, родная кровь. Он тоже чувствует, как сердце его раскрылось, и понимает, что вместе с Чарли теряет частицу самого себя. И сейчас уже совершенно не важно, кто кого любил или недолюбливал.

Лоррейн, фыркнув, зыркает по сторонам. Она почти не скрывает своей скуки, и ее откровенное хамство бесит Томми. Сегодня ей еще нужно идти в парикмахерскую, и она вдруг замечает, что

думает только о том, как бы не опоздать.

Еще дальше можно разглядеть два мужских лица, черное и белое. Майк Сандерленд. Старший менеджер издательского концерна "Таймс". Никакой бороды. Он гладко выбрит, на нем дорогой костюм и туфли ручной работы. В полумраке мягко поблескивает серебряный "Ролекс". Смерть Чарли мало его трогает — это человек из другой эпохи, из другого поколения. Но судьба его представляет бесспорный интерес. Майк собирается заказать очерк одному из своих репортеров. Жизнь страны на примере жизни одного человека, угодившего в мясорубку восьмидесятых, взлеты и падения, и так далее, и тому подобное. Сейчас, наверное, пока нельзя, надо соблюсти приличия. А все-таки жаль старину Чарли. Бедняга, никогда не умел приспосабливаться, вписываться в обстоятельства.

Ллойд Джордж, бывший когда-то Снежком, работает теперь ночным сторожем, его иногда нанимает одна частная фирма, охранники, попал он туда по протекции Роберта. О похоронах он узнал от Майка, который время от времени с ним общается. Видимо, его все еще мучает "комплекс вины". Выходит, недолечил парня его психоаналитик. Ллойд Джордж и сам не знает, зачем

он сюда притащился. Здесь ему больше нечего делать. Лучше бы он вообще не приходил, ладно, зато посмотрел на Майка, все ж таки интересно. Похоже, этот малый неплохо устроился. Белые умеют хорошо устраиваться. Всегда умели.

Все, кроме Чарли, конечно.

Викарий нудит что-то заезженное про возвращение под Отчий кров, про снопы пшеницы[120], про зеленые благословенные земли, очень далекие[121]. Он ничего не знает о покойном, ни о нем самом, ни о его жизни. Никто не знал ничего о Чарли и о его жизни, а меньше всего — сам Чарли. Отдельные фрагменты, вспыхивавшие иногда на долю секунды, — вот и все, что было.

Звучит органная музыка, запись, и сосновый гроб начинает свое медленное путешествие навстречу пламени. И спустя всего несколько секунд за гробом, таким вдруг жалким и маленьким, сдвигаются красные шторки. Слышатся приглушенные рыдания — это плачут Морин и Роберт. Но потом оба берут себя в руки. И насту-

---

[120] Примечания: 120

Имеются в виду слова из Книги Иова (Ветхий Завет): "Войдешь в гроб в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в свое время" (гл. 5, ст. 26).

[121] Примечания: 121

Имеется в виду библейская Обетованная Земля (Палестина)

пает тишина.

Но вдруг колонки, установленные в углу часовни, снова оживают, это Морин попросила — заранее. Звучат дивные, медленно нарастающие звуки, каскады струнных. "Кармен" в аранжировке Мантовани. И под этот аккомпанемент немногочисленные провожающие начинают по одному выходить через открытую дверь. Они идут в мир, где их ждет свой собственный выбор, свои несчастья и непредвиденные обстоятельства, которые когда-нибудь тоже вытолкнут каждого из жизни, они идут в мир, где надежды и стремления неодолимо влекут их в смутное, почти недоступное осознанию грядущее.